

Фиона Макинтош

Предательство

Троица – 1

ПРОЛОГ

Тепло, безоблачно и тихо. Лучшего дня для казни не придумаешь.

Саллементро обвел собирающуюся толпу искушенным взглядом. Удивительно, с чего они все как в воду опущены. Время к полудню. Скоро выведут заключенного — как сообщил, не обращаясь ни к кому конкретно, ближайший зевака. Его соседи кивнули. Люди вполголоса переговаривались и переминались с ноги на ногу. Похоже, никто не обращал внимания на глупые выходки шута, который куражился перед ними — его наняли развлекать зрителей, чтобы они не разбежались раньше, чем свершится правосудие. Правда, если он чего-то и добился, то лишь возможности полюбоваться их ушами и затылками. Стараясь отгородиться от назойливого шума, люди погружались в собственные мысли.

«Все это очень любопытно», — подумал Саллементро.

Он прибыл в Тал только этим утром. Еще один странствующий менестрель, который надеется пленить своим талантом какого-нибудь благородного господина, столь же именитого, сколь и состоятельного. Благородному господину, конечно, требуются услуги трубадура, чтобы очаровать свою даму или произвести впечатление на друзей. А может быть, мечтательно размышлял Саллементро, его даже пригласят выступить при дворе. Вот было бы здорово.

Он заставил себя вернуться к реальности. На каждом постоялом дворе, у каждого лотка на городских рынках только и говорили, что о предстоящей казни, однако выяснить хоть что-то об осужденном трубадуру пока что не удалось. Ясно было только одно: этот юноша — не простая птица. А как еще объяснить, что Его величество король Лорис, по слухам, лично вынес преступнику смертный приговор, да еще и назначил для него такую казнь?

Распятие на кресте и побивание камнями. Саллементро содрогнулся. Какое варварство... Но про это можно сочинить отличную балладу. Первые фразы уже звучали в голове, и трубадур начал пробираться сквозь толпу.

Уроженец плодородных земель, расположенных далеко на юге, Саллементро выбрал свою судьбу вопреки воле отца. Из поколения в поколение его предки возделывали тучные поля вокруг Арандона, что принесло им богатство и славу, вызывающие всеобщую зависть. Предполагалось, что Саллементро станет помощником своих старших братьев — это означало объединение владений семьи. Саллементро возражал. Он — третий сын, а на третьих сыновей особых надежд не возлагают... Однако докричаться до разгневанных родителей было невозможно. Стоило только попытаться привести какие-нибудь доводы, как мать поднимала визг. Кем угодно, хоть монахом — только не бродячим песенником! Все, что угодно, только не это! Высокомерные, упрямые, они даже представить не могли, какое бедствие причинит больший урон доброму имени семьи. Но Саллементро хотел быть только трубадуром, и больше никем.

А еще он видел странные сны. В этих снах ему являлась некая таинственная дама. Она требовала, чтобы Саллементро был верен избранному пути. И убеждала отправиться в дальнейшее путешествие, в котором он будет оттачивать свое мастерство. Дама говорила о девушке, которой нужна его помощь — не только поддержка, но и защита...

Забавно. Он певец и сочинитель баллад, а не воин. Кого он сможет защитить? Достаточно гневного окрика матушки, чтобы у него внутри все сжалось. Он не герой.

Однако женщина была неумолима. Десять лет она занимала его сны, пока он жил дома. И еще десять, на протяжении которых Саллементро странствует по всему Королевству. Так что, можно сказать, они двадцать лет как знакомы. Всю жизнь... Но на самом деле он знал

только ее голос и ее желания. И имя... Лисс. Неужели ее и в самом деле так зовут? Глупо, но ему никогда не удавалось вспомнить.

Саллементро никому про нее не рассказывал. Однако нельзя было отрицать: таинственная женщина неким странным образом оказывает ему поддержку. Без ее ночного шепота — достало бы ему смелости противостоять родителям? Хватило бы сил покинуть их, странствовать, совершенствовать свое искусство? Так кто же она такая?

Размышления снова пришлось прервать, когда что-то пухлое толкнуло его в плечо: задумавшись, юноша не заметил, как наступил на ногу некой полной даме. Саллементро рассыпался в извинениях. Он как раз бормотал очередное соболезнование, когда головы всех людей, как по команде, повернулись в одну сторону. Дама, которой Саллементро наступил на ногу, потеряла к нему интерес. Верхний и самый твердый из ее желеобразных подбородков указывал в сторону северной башни, туда же были устремлены взгляды зевак. Кто-то тыкал пальцем и кричал:

— Вон она! Вот она!

Менестрель почувствовал, что не может дышать. На балкон вышла молодая женщина, двое дюжих стражников держали ее. Она повела плечами, сбрасывая их руки, и с вызовом вздернула подбородок. И тут же у нее на лбу вспыхнула овальная капля полуденного солнца. В толпе пробежал шепоток.

Саллементро не сводил с нее глаз. Сердце в груди замерло, в голове звучала песня, которую он когда-то сочинил. Да, это она. Та, о ком ему твердят уже двадцатое лето. Женщина из снов говорила правду. Миг — и Саллементро ощутил болезненную связь между собой и этой красавицей с печальным лицом, которая строго и торжественно смотрела со своего балкона. Наконец он нашел ее. И должен ее защищать.

Напряжение, которое росло все утро, внезапно разрядилось. Люди выкрикивали слова одобрения, кто-то качал головой, кто-то заплакал.

— Кто это? — прошептал Саллементро.

— Его любовница — ответил его сосед, коренастый пожилой господин. — Думаю, за такую и умереть не жалко. Сударь, умоляю вас, скажите: как ее зовут?

— Да на здоровье. Элиссандра Квин.

Следующая фраза потонула в реве фанфар, которые возвестили о прибытии короля.

Никто из прежних властителей Таллинора не мог похвастаться столь славным правлением, как король Лорис и королева Найрия, а об их крепком и счастливом союзе в соседних королевствах ходили легенды. Однако сейчас, как отметил Саллементро, венценосных супругов трудно было назвать счастливыми. Они держались скованно, взгляды растерянно блуждали. Король и королева словно не замечали приветствий своих подданных, — которые, впрочем, особого пыла не проявляли, — а на Элиссандру Квин даже не взглянули. И хорошо, что не взглянули, подумал Саллементро. Видели бы они, с какой неприкрытой ненавистью эта девушка смотрит на короля.

— Если бы взглядом можно было убить, Лорис уже бился бы в предсмертных корчах, — пробормотал мужчина, стоявший перед Саллементро.

— Она может убивать взглядом, болван, — бросил другой. — Она же из Неприкосновенных, забыл? Для нее это как чихнуть. Видишь камушек у нее на лбу?

Саллементро слышал про Неприкосновенных. И узнал овальный архалит — знак принадлежности к ордену женщин, наделенных способностями творить волшебство, которые живут в монастыре на севере королевства. Они защищены от преследований, но Инквизиция не дает им пользоваться своей силой, принуждая носить волшебный камень. Когда женщина заявляет о желании стать Неприкосновенной, ей ко лбу прижимают овальный архалит. Если у нее действительно есть дар, камень прилипает к ее плоти... и остается там навсегда. Она больше никогда не сможет творить волшебство, но и для чужих чар становится неуязвимой.

— И что это за камень? — спросил Саллементро у ближайшего соседа, который выглядел весьма осведомленным. — Что он означает?

— Ты, наверное, южанин, менестрель, раз не знаешь про архалит! — воскликнул

горожанин.

— Просвети меня, — отозвался Саллементро. — И я сочиню об этом песню.

Он уже понял, что ему попался весьма словоохотливый собеседник.

— Архалит носят те, кто находится под защитой короля. Ни один человек и пальцем ее не тронет. Никогда. И к этим свиньям из Инквизиции это тоже относится.

Саллементро кивнул и снова стал разглядывать молодую женщину на балконе. Мерцающий камень словно притягивал его взгляд, а в голове сами собой складывались первые строфы новой баллады. Это будет его лучшая песня... или, по крайней мере, одна из лучших.

— Трепещите! — зычно прокричал глашатай. — Узрите осужденного!

Несколько девушек в толпе зарыдали. Саллементро был поражен. Люди еще не успели увидеть этого человека, а уже приветствуют его! Он снова посмотрел на балкон. Смертоносный взгляд Элиссандры Квин больше не был устремлен на короля. Теперь она следила, как ведут ее любовника.

Одна из рыдающих девушек не выдержала и упала в обморок; Саллементро помог ее друзьям поднять юную даму на ноги. По мере приближения осужденного толпа все больше волновалась. Наверно, это человек особенный, решил Саллементро, если люди, не скрывая своих чувств, оплакивают его участь.

И он был прав.

Осужденный Торкин Гинт прищурился, глядя на полуденное солнце. После семи дней, проведенных в темной башне, солнечный свет резал глаза. Звон в ушах заглушал почти все звуки, которые раздавались во дворе замка. Справа и слева ровным строем шли воины; он был знаком с каждым из них и знал, с каким нежеланием они ведут его на казнь. Его — Тора, любимого сына Таллинора. А эти люди — воины отряда «Щита», лучшего в Королевстве... Они учили его, помогая достичь мастерства во всем — от питья эля до владения клинком. Но никто из них не знал, что ему не нужно никакое оружие, сделанное руками человека, подумал Тор. Боги наделили его великим даром. Этого было бы достаточно, но Тор дал клятву, что сегодня не воспользуется этой силой. Ради безопасности Элиссы Квин. Он примет смерть — достойно. Он встретит свою судьбу лицом к лицу.

Он шел мимо женщин, в чьих рыданиях он слышал отголосок своего страха. Женщины не скрывали слез. Лица мужчин ничего не выражали, но Тор знал: эти люди благодарят богов, что не оказались на его месте.

Сердце Тора билось так сильно, что он почти не сомневался: оно разорвется прежде, чем в него попадет первый камень. Король, которого он так любил, выбрал для него самую ужасную казнь, какую только можно было придумать. Да, ему страшно. Удивительно, что он способен не только держаться на ногах, но и идти.

«Держись, мой мальчик, и покажи им, какой ты храбрый. И не позволяй этому вонючему ищейке Готу получать удовольствие, наблюдая за твоими страданиями».

Он снова и снова заставлял голос Меркуда звучать у себя в голове. Но сказать легче, чем сделать. Кстати, когда его наставнику позволили в последний раз его навестить, старик вел себя странно.

Меркуд схватил Тора за руку.

— Ты мне веришь?

— Я всегда вам верил, — соврал Тор. Он слишком много знал о прошлом Меркуда и не сомневался, что ни одного слова старик не произнесет просто так, без оглядки на свою тайную цель.

— Ну, тогда поверь мне снова.

Голос Меркуда, обычно певучий, стал хриплым и низким от боли. Этот парнишка был ему как сын, и старик едва сдерживался, чтобы ничем не выдать страха и беспокойства при мысли о его участи. Впрочем, не только его.

Но что выйдет из этой безумной затеи? Можно ли по-настоящему совладать с подобной силой?

Это последний раз, когда он может обнять этого славного юношу. Юношу, которого он сознательно предал.

Старик быстро и крепко поцеловал Тора в висок, потом встал и постучал своей тросточкой в тяжелую деревянную дверь камеры. Почти тут же она распахнулась, но прежде, чем тюремщик зашел внутрь, Тор заметил слезы в глазах учителя. В этот миг Меркуд повернулся. Казалось, он постарел лет на сто. Теперь он заговорил так тихо, что лишь Тор с его превосходным слухом мог разобрать слова. Впрочем, никто другой все равно бы ничего не понял: это был особый, тайный язык.

— Что бы сегодня ни случилось, доверься мне и слушай только меня. Не шум, не собственные страхи — только меня.

Я приду.

Тор мрачно кивнул. Еще бы поменьше тумана... Ладно, уточнять уже некогда. Тем более что из этой затеи все равно ничего не выйдет.

— Обещай, что будешь сильным — ради нее и ради меня.

И постарайся простить короля. Он сам не ведает, что творит.

С тем Меркуд и ушел.

Внезапно Тор почувствовал себя очень одиноким. Достучаться до Элиссы, обращаясь к ней мысленно, не получалось. Конечно, она опять носит архалит. Они думают, что архалит навсегда стал ее частью. Они не знают о силе, которой обладает он, Тор — силе странного волшебства, для которого нет имени, но которое позволяет снять камень одним прикосновением. Теперь Элиссе придется носить камень до конца жизни. Они заставят ее. Уже этого достаточно, чтобы их ненавидеть.

Однако Элисса избежит зверской расправы, которая ожидает его самого. Хоть чего-то удалось добиться... Тор убедил короля простить ее: по его словам, им самим двигала не любовь, а похоть. Он отметил, как легко уступил Его величество Лорис. И понял, почему — как и королева Найрия. Ведь все так ясно... Очарование... желание... похоть...

Да, Тор понимал. Элисса невысказанно красива; если красота спасет ее от смерти, то почему бы и нет?

У двери камеры деликатно кашлянул тюремщик. Так бывает: надо что-то делать, и сделать ничего невозможно. Тор ему нравится. Всегда нравился. Он всем нравится, верно? Тюремщик собрался было закрыть дверь — так тихо, как только возможно, в надежде хоть немного поддержать пленника:

— Теперь уже недолго осталось, парень. Может, час или два.

Эти слова не принесли облегчения. Тор сломался. Он заплакал.

Он плакал от жалости к самому себе. Его смерть будет ужасна. Он оплакивал собственную глупость, которая привела его к этому. Он плакал из-за Элиссы, которая никогда не просила от него ничего, кроме его любви. А он предавал ее. Он предавал ее дважды. Он плакал о своих родителях. Приедут ли они в Тал, чтобы стать свидетелями безвременной гибели своего прославленного сына? Но сильнее всего отчаяние охватывало Тора при мысли о двух малышах, новорожденных, которых он никогда не знал. Даже их мать, его возлюбленная Элисса, не может сказать, живы они или нет. Это его третье предательство. Теперь он умрет, и она никогда не узнает правду.

— Тор...

Кто-то тихо позвал его по имени. Херек. «Тор, тебе помочь?»

Что-то не так? Резкий солнечный свет, крики толпы, стук собственного сердца. Это слишком. Теперь ему предлагают сесть на стул. Это Стул Проклятого — так бы сразу и сказали. Теперь ему предстоит сидеть и слушать, почему его должны закидать камнями. Чистой воды формальность: всем и каждому известно, за что Торкина Гинта должны казнить. Но Стул Проклятого — это ледящее кровь напоминание о неизбежности смерти...

последнее напоминание. Неприятная процедура, которая еще немного оттягивает наступление неизбежного. Осужденному дается несколько минут, чтобы покаяться в грехах, попросить прощения, воззвать к милосердию — что угодно. Зрители, как обычно, жаждут крови, но надо дать им возможность понаблюдать за страданиями и ужасом жертвы, которые наполняют последние минуты человека перед казнью.

Тор сел. Внезапно он почувствовал какую-то странную оглушенность и уставился на пыль под ногами. Он не мог ни на кого смотреть. Один из самых именитых вельмож, который председательствовал на суде в Тронном Зале, развернул пергамент и зачитал список обвинений. Скоро огласят и приговор, но сначала должен выйти палач.

Слушать это снова было невыносимо. И Тор просто ушел в себя. Окружающие исчезли; не видя и не слыша никого вокруг, он позволил мыслям устремиться в прошлое. В те дни, когда все это началось. Тот чудный день в местечке под названием Твиффордская Переправа, семь лет назад...

Глава 1

Клеймение у Твиффордской Переправы

Торкин Гинт был юн, любил приключения, а потому изнывал от скуки. Быть учеником писаря! Он ненавидел это занятие, но ожидали, что он станет славным продолжателем славного дела Джиона Гинта. Тор не раз замечал, как отец щурится, глядя на письмо, которое писал под диктовку Вдовы Элай. Глаза у отца слабеют, и не за горами день, когда сыну придется занять его место.

День обещал быть теплым, солнечным. И этот день им с отцом придется провести за работой в Твиффордской Переправе. Трудно себе представить более тихую, сонную деревушку. Тору хотелось орать от злости, когда вдова Элай в очередной раз завела свою песню про боли в бедре. От мрачных размышлений его отвлек Бодж, старый пес мельника. Подковыляв к ореховому дереву, в тени которого стояла конторка, Бодж ткнулся носом в руку Тора. Дни, когда он был прекрасным мышеловом, давно миновали, но старого разбойника по-прежнему любили все.

Глядя, как отец пытается разобрать каракули вдовы, Тор почувствовал себя неловко и поспешил предложить помощь. Да, скучнее жизнь быть просто не может, со вздохом подумал он, макая перо в чернила.

Уныло выводя строчки, Тор думал о вещах несколько более привлекательных, чем больное бедро старой карги.

Например, о двух восхитительных холмиках под рубашкой у Элисы Квин. Должно быть, его выдавала мечтательная улыбка, потому что возмущенное «кхе-кхе!!!» вернуло его к унылой реальности. Отец тоже внес свою лепту в это возвращение, наградив Тора тычком под ребра: он-то знал, что его сын — мечтатель, каких поискать.

Потирая бок, Тор бросил на отца гневный взгляд... и вдруг застыл. Зловещий звук, коснувшись ушей, заставил его насторожиться. Слух у юноши был невероятно чутким: мать всегда говорила, что Тор способен слышать дыхание птиц среди ветвей. «Дар небес» — так она это называла. В конце концов, Тор понял, что она имела в виду, не называя вещи своими именами. У него есть особые способности, не свойственные большинству людей. В нынешние времена такие способности могут очень серьезно осложнить жизнь. Если ты Чувствующий, ты проклят. Вот почему мама говорила об этом так. Вот уже пятнадцать лет.

Вдова Элай продолжала бубнить, словно не замечая, что длинные ноги юного писца уже не торчат из-под конторки. Еще через миг Тор встал. Единственным, кто обратил на это внимание, был Бодж — его разбудили. Все еще сонный, пес с недовольным видом потрусил прочь.

Тор прислушался. Всадники! Много всадников, скачут быстро. Юноше не нужно было видеть их, чтобы понять: пришла беда. Ошарашенный, Джион Гинт видел, как чернила, пергамент и перья летят на землю, потом понял, что его сын кричит.

Слишком поздно. Еще миг — и всадники галопом влетели на деревенскую площадь. Их было двенадцать. Один из скакунов затоптал Боджа, который перебежал улицу.

Их предводителя Тор узнал сразу, хотя никогда прежде не видел. Ибо этого человека трудно было с кем-либо спутать — те, кому доводилось с ним столкнуться, не жалели красок, описывая Инквизитора Гота.

Лицо Инквизитора напоминало искореженную маску. Изрытое шрамами, слева оно было совершенно неподвижным, а правая сторона непрестанно подергивалась, отчего правый глаз часто моргал. Потрясенные, напуганные, жители деревеньки смолкли. Grimаса Инквизитора превратилась в омерзительную ухмылку. В этот момент умирающий Бодж попытался укунить лошадь Гота за ногу, и один из подручных Инквизитора прикончил пса, ткнув его мечом в живот и заодно прекратив его мучения. Тор мысленно снял шляпу, отдавая должное отваге старика. Кое-кто из крестьян поморщился при виде этого жестокого и бессмысленного убийства, но страх перед Инквизицией был слишком велик и слишком глубоко укоренился, и никто не посмел открыть рта.

Тор моргнул своими удивительными васильковыми глазами. Он чувствовал, как в нем собирается сила. Наверно, отец тоже это почувствовал, потому что схватил сына за плечо.

— Не делай глупостей, Торкин.

Инквизитор Гот разглядывал жителей деревни. Селяне притихли, ловя каждое движение этого человека, которого за глаза поминали лишь с бранью и проклятьями. Он приехал, чтобы отдать некий приказ, и это было неизбежно. Но Гот не спешил. Он наслаждался их страхом. Он вызывал страх всегда и повсюду одним своим появлением.

Однако стоило Готу нарушить молчание, страх Тора сменился удивлением. Голос у Инквизитора был высоким, почти женским. У непривычного человека это неизменно вызывало шок.

— Итак, добрые люди, со дня нашего последнего посещения прошло немало времени. Как я вижу, вы заново отстроили свое питейное заведение, — он кивнул в сторону постоянного двора «Белый олень». Три года назад, зимой, во время визита Инквизиторов, от гостиницы осталась груда головешек. Потный хозяин постоянного двора застонал, и цепкий взгляд зорких глазок Гота тут же устремился в его сторону.

— А-а, вот и Паул, владелец заведения, — проворковал Гот. — Не волнуйся, Паул. Я уверен: на этот раз ваша деревня даст мне то, что нужно.

Его подручные, в одинаковых траурных плащах с пурпурным подбоем, хмыкнули.

Тор первым заметил какое-то движение у них за спиной. На площадь не спеша выехал еще один всадник. Он был стар, волнистые волосы, выбивающиеся из-под широкополой шляпы, давно побелели, бороду пробила седина. Натянув поводья, старик остановил своего красавца-вороного и некоторое время наблюдал за происходящим, затем подъехал ближе.

Рус, помощник Гота, тоже заметил незнакомца и подал знак своему начальнику. Гот обернулся, раздраженно возвел очи горе и выругался.

— Какая злая сила принесла тебя, Гот? — заговорил незнакомец. — Скажи мне: может быть, какой-то несчастный ребенок увидел облако в виде хищного зверя, и теперь тебе не уснуть? Или этот несчастный пес, которого ты прикончил, обладает каким-то особым даром? Например... чует, что мясо с душком?

Кто-то из селян чуть слышно фыркнул, но никто по-прежнему не произнес ни звука. Люди, которые осмеливались бросить вызов Готу, обычно не заживались на свете и поэтому не могли поделиться опытом. Тор незаметно шагнул в сторону, чтобы лучше видеть, и с удовольствием отметил, что лицо Гота побагровело — в точности под цвет пурпурной лепты-перевязи, знака его должности.

— Я исполняю свой долг перед королем, Меркуд Облегчающий Страдания. Как и ты.

Гот пытался сохранять невозмутимый вид, но было ясно, что он готов разорвать придворного лекаря голыми руками за то, что тот появился столь не вовремя. Старик усмехнулся.

— Никогда не равняй мое ремесло со своей грязной работой, деяниями, Гот.

— О-о, я непременно передам это Его величеству, — медовым голосом пропел Гот. Он уже немного оправился.

— Не трудись, — старик покачал головой. — Я сам ему доложу — когда в следующий раз буду обедать с Их величествами.

Меркуд знал, что заденет Инквизитора за живое. Гот имел право действовать именем короля — но у Его величества Лориса нет друга ближе, чем он, Меркуд. И лекарь пообещал себе серьезно поговорить с королем по поводу Инквизитора.

Меркуд с грустью подумал, что в Твиффордской Переправе снова нашлось кого «успокоить» — иначе бы Гот сюда даже не заглянул. Лорис не только не отменил варварский закон, согласно которому все Чувствующие — люди, обладающие даром творить волшебство, — подлежали наказанию, но и настаивал на его соблюдении. Столетиями ни в чем не повинные люди подвергались преследованиям. Несомненно, рано или поздно это должно закончиться. Потому что именно эти люди станут теми, кто спасет бесценный престол Таллинора. Старый лекарь уже давно пришел к такой мысли.

Конюх подошел к Меркуду и взял его коня под уздцы, но старик даже не шевельнулся. Он в упор смотрел на Инквизитора. Тот кипел от ярости: Меркуд испортил ему все удовольствие. Маска любезности была сброшена, Гот жестом приказал Меркуду посторониться и обратился к жителям деревни. Теперь, когда он заговорил громче, его высокий голос стал невыносимо резким:

— Мы приехали за женщиной, известной как Мария.

В толпе раздался женский вскрик, и площадь тут же огласилась причитаниями. Ухмылка Гота стала чуть шире: эти звуки ласкали его слух.

— Она Чувствующая! — громко прокричал он, перекрывая шум. — И ей нет места в нашем обществе! Именем Его величества короля Лориса я налагаю на нее арест. Немедленно приведите сюда эту женщину... или ваша деревня будет сожжена.

Все взгляды обратились к четырем женщинам. Старшая, рыдая, упала в пыль и, ломая руки, в бессилии выкрикивала проклятья. Это развеселило Инквизиторов. Когда две другие женщины, явно ее дочери, сжали друг друга в объятьях и заплакали, всадники начали ухмыляться открыто. И лишь младшая, молоденькая дурнушка, стояла неподвижно. Ее темные с поволокой глаза сурово и неотрывно смотрели на Гота.

Тор чувствовал, как в ней растет сила. Откуда? Девушка казалась такой хрупкой... Это напоминало напор воды, готовый вот-вот прорвать плотину. Еще миг — и волна мощи обрушится на Инквизитора. И в этот миг Тор услышал голос. Спокойный, глубокий, он звучал прямо у него в голове, хотя слова были обращены не к нему.

«Это не поможет, Мария. Архалит надежно их защищает. Иди спокойно, и тогда твои сестры и мать останутся живы. Если ты станешь сопротивляться, то у него будет повод убить и тебя, и твою семью. А он хочет именно этого».

Голос звучал уверенно, но мягко.

Тору показалось, что земля уходит у него из-под ног. Он растерянно огляделся. Кто это говорит? Кто на такое способен? Не понимая толком, что творит, юноша мысленно обшаривал окружающее пространство — так тычут прутиком в землю, надеясь обнаружить кротовину... пока не вернулся к старику.

Через долю секунды, в ужасе от содеянного, Тор шарахнулся назад. Слишком поздно. Незнакомец изменился в лице: несомненно, он был потрясен. Юноша отвел глаза и заставил себя смотреть на Марию, которую подвели к Готу. Двое всадников в черном и пурпурном пытались поставить ее на колени. Но старику не понадобилось много времени, чтобы найти того, кто его обнаружил.

Взгляд лекаря прожигал Тору висок. Да, это именно Меркуд. Именно он мысленно говорил с Марией. Бежать отсюда, быстрее... Нет, это слишком рискованно. Как он мог так сглупить? Столько лет держать себя в узде — и вот... Инквизиторы, похоже, ничего не заметили. Однако Тор знал, что отныне отмечен клеймом, от которого уже не удастся избавиться. Тот, кто поставил на нем эту метку, по-настоящему искушен в Искусстве Силы

— не в пример ему самому. И способен скрывать свое умение, как и он.

— Идем отсюда, отец, — пробормотал Тор, поспешно наклонился, чтобы подобрать рассыпанные перья и пергамент, и виновато кивнул Вдове Элай. Но та была настолько захвачена отвратительной сценой, которая происходила на площади, что забыла, наверно, даже о своем бедре.

— Торкин... — Джион Гинт схватил сына за руку. — Он ожидает, что мы будем присутствовать при клеймении. Мне это тоже не нравится, но мы должны остаться, иначе нам тоже достанется.

Тор посмотрел на Меркуда. На этот раз их взгляды встретились. На лице старика все еще было написано удивление.

В это время Гот рассказывал собравшимся, как ему удалось найти Чувствующую, и выразил удивление по поводу ее глупости, поскольку она использовала свой дар так неосторожно. Наконец повествование было закончено.

— Приступайте! — скомандовал он.

У Марии началась истерика. Она вырывалась и царапалась, потом попыталась прибегнуть к волшебству. Однако, как и предупреждал Меркуд, и Инквизиторы, и их лошади были защищены таинственным архалитом. Он не просто отражал ее удары, но и возвращал их обратно.

Тор не мог дольше наблюдать ее муки. Не долго думая, он собрал силу и представил, что швыряет ее, как снежок. Девушка безвольно осела на землю. Старик на вороном коне явно понял, что это произошло не просто так: Тор ощутил его ужас, но не осмелился снова поднять глаза. Мать Марии взывала к богам, моля их покарать негодяев, которые отняли у нее дочь.

Ее услышал лишь Тор. Инквизитор Гот был слишком увлечен, наблюдая за расправой. Один из его подручных достал из мешка что-то вроде уздечки из сыромятной кожи, на которой сиял большой овальный камень. Двое других по-прежнему прижимали обмякшее тело Марии к земле, в чем уже не было необходимости, а еще один приподнял ей голову. Рус натянул на нее уздечку. Это была самая настоящая уздечка, даже с металлическим трензелем, который теперь оказался во рту у девушки. Мария очнулась и начала тихонько всхлипывать: трензель больно давил ей на язык. Мужчины затащили уздечку на затылке и закрепили двумя штырями. Грубые руки подняли девушку и сорвали с нее одежду. Теперь она стояла, едва держась на ногах — голая, дрожащая, онемевшая от ужаса, с отвратительной сбруей на голове.

Большинство мужчин отвели глаза. Им было стыдно смотреть на Марию. Стыдно, что ее обнажили перед ними, стыдно, что они не смогли ее защитить.

Торкин чувствовал, что больше не в силах сдерживаться. И тут у него в голове снова зазвучал голос — такой же уверенный и спокойный:

«Твое время еще не пришло, мой мальчик. Сиди тихо».

И в висок снова впилось раскаленное жало. Тор был слишком ошарашен вторжением в свое сознание, и сила, которая росла в нем, схлынула.

Тем временем к Марии подвели деревенского кузнеца. В его руках было клеймо со звездой — ненавистным знаком, которым помечают Чувствующих.

— А теперь, кузнец, — проговорил Гот, — заклеими ее, как было сказано. Или... тебе конец.

Кузнец хорошо знал Марию. Эта девушка очень нравилась его единственному сыну, славному серьезному пареньку. У них уже шли разговоры о свадьбе... Он стоял с клеймом в руке и не мог пошевелиться.

— Выполняй приказ! — взвизгнул Гот, срывая голос. Кузнец словно ничего не слышал. В гневе Инквизитор спрыгнул с лошади и вырвал дымящееся клеймо из его безвольно опущенной руки.

— Убей его, — бросил он своему помощнику.

Рус не имел ничего против. Один удар — и голова кузнеца покатилась по земле, пока

не наткнулась на изуродованное тело Боджа. В толпе раздались вопли ужаса. Но Гот не обращал внимания ни на них, ни на обезглавленное тело, которое все еще дергалось, выплескивая кровь. Убедившись, что его подручные достаточно крепко держат девушку, он с яростью вдавил конец дымящегося железного прута в ее маленькую грудь, затем в другую. К запаху крови примешался отвратительный смрад паленого мяса. Гот выдержал паузу и закончил работу, прижав клеймо к ее промежности.

— Итак, мы избавились еще от одной носительницы зла, — объявил он, обращаясь к бледным, потрясенным селянам. — Больше она не сможет соблазнять мужчин, плодить ублюдков и передавать им свое проклятое умение.

И, как ни в чем не бывало, обратился к хозяину постоялого двора:

— Мы проделали долгий путь по пыльным дорогам и хотим пить.

Тот молча ткнул пальцем на дверь своего заведения.

Инквизиторы, которые держали Марию, швырнули искалеченную девушку на телегу. Словно забыв об опасности, односельчане собрались вокруг Марии. Одни укрывали ее своей одеждой, другие ласково поглаживали по голове, обещали позаботиться о ее семье. Но она никого и ничего не слышала.

Один из мужчин поднял голову кузнеца и почтительно положил ее на окровавленный труп — так кладут шлем на грудь павшего в битве воина. Несколько человек тут же подошли, подняли тело и унесли прочь.

К Боджу никто не прикоснулся.

Надо убраться отсюда, и побыстрее. Эта мысль возникла у Тора первой и теперь вернулась снова. Широким шагом — чтобы никто не подумал, что он торопится, — юноша направился к отцовской повозке, бросил чернила, перья и пергамент сзади под навес, взобрался на козлы и взял вожжи. Снова взглянуть на странного старика в широкополой шляпе он не посмел. Едва отец оказался рядом, Тор гикнул, и Сударыня повлекла повозку в сторону Гладкого Луга — деревни, расположенной в нескольких милях восточнее Твиффордской Переправы, где они будут в безопасности.

По пути домой отец и сын не обменялись ни словом.

Глава 2 Танец цветов

Танец Цветов в день Середины Лета был у Тора самым любимым из местных праздников. От того мрачного и подавленного настроения, в котором юноша пребывал с тех пор, как клеймили Марию, не осталось и следа. Сегодня утром он гнал свой фургончик в Мятный Дол, и душа его пела.

Одним из самых первых детских воспоминаний были деревенские девушки, которые совершали какие-то сложные, но невероятно красивые движения. Тогда Тор смотрел на них снизу вверх, крепко держась за руку матери. Тогда он и полюбил этот праздник с его яркими, почти кричащими красками.

Он впервые ехал в Мятный Дол сам по себе, и эта свобода опьяняла. В этом году на празднике впервые будет танцевать Элиссандра Квин — уже от одного этого голова могла пойти кругом! Она достигла зрелости и теперь может выйти замуж... если захочет.

Тор с тоской смотрел, как она болтает с другими девушками из Грин. Вот отбросила с лица медовую прядь... Казалось, ее волосы впитали солнечный свет. В Элиссе нет ни капли тщеславия. Она сияет, как солнце, но это замечают все, кроме нее самой. Мать Элиссы давно умерла, а Лэм Квин пил не просыхая, и девочка была лишена бесценных наставлений, на которые обычно не скупятся родители. Можно сказать, Элисса воспитывала себя сама. Она как могла заботилась о пьянице-отце, а теперь и содержала его, зарабатывая изготовлением мазей и травяных настоек.

Тор был очарован ею с той минуты, когда они впервые заговорили друг с другом. Это произошло несколько лет назад, в результате ее смелого и опасного поступка: она наугад

послала мысленный зов, а Тор его услышал. Когда это произошло, мальчик был так потрясен, что разлил чернила на стопку нового пергамента, за что получил нахлобучку от отца, хотя Джион никогда не отличался излишней строгостью. Тор даже не знал, что сказать в свое оправдание. «Прости, отец, я случайно услышал мысли одной девочки девяти лет от роду, которая живет за рекой»... Между ними словно возникла невидимая труба, через которую было все прекрасно слышно. Эллиса слушала, как его ругают, а когда отец прекратил кричать, прошептала:

«Прости, кто бы ты ни был».

Однако с тех пор они каждый день развлекались таким образом — и каждый день гадали, узнает ли об их играх Инквизиция. Да, тогда они были детьми, и для них это было игрой — хотя и очень опасной. Теперь они стали старше и мудрее. Они знали, какие ужасы обещает им разоблачение, и молча удивлялись своей неуязвимости. Похоже, их до сих пор не раскрыли лишь благодаря какому-то особому дару — но что это был за дар? Кто из них двоих им обладал — Тор или Эллиса? Или они оба? А может быть, он был свойством их пары как единого целого? Как бы то ни было, они договорились общаться мысленно только между собой.

Тор вздохнул. Ни в одной из окрестных деревень нет девушки красивее. Хотя, по правде сказать, он куда больше ценил ее силу и дорожил их дружбой. «Какая красавица!» — шептались соседские кумушки. Тору это льстило. Но он выходил из себя, стоило одной из них предсказать, что Эллису скоро увезет из Пустошной Топи какой-нибудь заезжий торговец, у которого денег куры не клюют.

Именно поэтому Тор решил, что сегодня непременно поговорит с Элиссой. Они виделись слишком редко. Их мысленные беседы не прекращались, но Тор всерьез опасался, что девушка откажется выйти за него замуж. И день сегодня самый что ни на есть подходящий. Только бы поймать этот проклятый букет!

Тор представил, как заканчивается Танец Цветов. Девушки закрывают глаза и подбрасывают цветы высоко вверх, а мужчины стоят вокруг, и каждый старается поймать букет своей избранницы. Считается, что если мужчина подойдет к девушке с этим букетом и предложит ей руку и сердце, она согласится. Кроме того, девушки верили, что такой брак будет счастливым, первым родится сын, а муж никогда не изменит своей жене.

В этом году на поляне, что на окраине деревушки, собралось около сорока женщин, все в ярких венках из полевых цветов. Здесь были и настоящие красавицы, и простушки, но все надели свои лучшие наряды и были очень милы. Что до Элиссы... Эллиса пришла в нежно-зеленом платье. Оно казалось очень простым, но крой идеально подчеркивал ее стройную шею и тонкую талию, а ткань была подобрана в точности под цвет глаз. Интересно, подумал Тор, сколько раз ей пришлось сидеть без обеда, чтобы позволить себе такую роскошь.

Впрочем, не он один был очарован Элиссандрой Квин — и знал это. Достаточно оглядеться, чтобы обнаружить с десятков холостяков, которые буквально пожирали ее глазами.

Эллиса закончила прихорашиваться, посмотрела на Тора и улыбнулась. Молодой человек почувствовал, как заколотилось сердце.

«Я убью тебя, Тор, если мои цветы поймает Руфус Акре!» — мысленно сказала она ему.

«Р-р-р... только представлю, как эти зубы, похожие на могильные плиты, покусывают тебя каждую ночь...»

Посылая ей эту мысль, Тор не удержался и прыснул. Руфус Акре, который стоял рядом, недоуменно покосился на юношу, не понимая, что его так рассмешило.

«Просто поймай мой букет. Потому что если он не достанется бедняге Руфусу, его поймает Эли Кнокс — он меня уже предупреждал».

Тор огляделся в поисках Эли и увидел обаятельного лавочника болтающим с друзьями. Он то и дело оборачивался в сторону Элиссы и кивал. Тор нахмурился.

«Обо мне не беспокойся, — мысленно ответил он. — Лучше позаботься о том, чтобы не промахнуться!»

Но ни у Тора, ни у его возлюбленной не было сомнений по поводу того, кому достанется букет. Пусть хоть двенадцать дюжин мужчин рассчитывают сегодня на благоуханный приз. Это не имеет никакого значения. У Тора есть козырь — волшебство.

И он умело использовал этот козырь, заставив пышный пучок маргариток, колокольчиков и васильков прилететь точно ему в руку. Теперь оставалось лишь держать букет крепче: семеро парней, не желающие мириться с такой несправедливостью, повалили Тора наземь и принялись тузить. Среди них был и Эли Кнокс.

Однако едва Элисса подошла, свалка прекратилась.

— Требуй награду, мой господин, — сказала она и изобразила жуткий реверанс.

Это оскорбление было последней каплей, которая переполнила чашу терпения Эли Кнокса.

— Должно быть, твой отец зачал тебя с пьяных глаз, Элисса, если ты решила, что бедный писарь типа Гинта... смо... см-м-может о... о... обеспечить т-т-тебе... ох...

Лавочник внезапно обнаружил, что не может произнести, не заикаясь, даже двух слов — не говоря уже о том, чтобы закончить фразу. Тор просто не смог удержаться, чтобы не отвесить Кноксу мысленный щелбан.

— О-ох, К... Кх... Кнокс, — скорбно произнес юноша, передразнивая своего незадачливого соперника. — Э... э... эна-бель Джойс ждет не дождется, пока т... т... ты возьмешь у нее букет.

Энабель Джойс была дебелий старей девой с багровыми щеками и копной огненно-рыжих волос. Во рту у нее оставалось всего четыре зуба — возможно, именно поэтому она уже несколько лет назад отказалась от участия в Танце Цветов. Однако ее имя уже стало местной легендой.

— Ч... ч... чтоб тебе п... пусто было, Гинт, — все еще заикаясь, пробормотал Кнокс.

— Ага, и т... т... тебе того же, Кнокс. Пошли, Элисса.

Тор схватил девушку за руку, и они побежали прочь, за деревню, пока не оказались у деревенских конюшен. Впервые за много дней Тор смог рассмеяться: история в Твиффордской Переправе не выходила у него из головы. Сейчас он проклинал свою робость. Сколько раз он мечтал о том, как сделает Элиссе предложение! И сегодня праздник Середины Лета... и Танец Цветов... Теперь у него все получится.

Она прислонилась к стене конюшни.

— Ты чуть не потерял мой букет, олух!

— Но разве я потерял бы тебя?

Он хотел только одного — поцеловать ее. И не решался.

Элисса поняла это. И сделала все сама. Ее руки обвились вокруг шеи Тора, и у него попросту не осталось выбора.

Он даже представить не мог, что поцелуй окажется таким сладким. И таким долгим. Медленным, глубоким, страстным... Тор разучился слышать. В его мире царила тишина. Исчезло все, кроме сладких, мягких губ Элиссы.

Наконец девушка отстранилась. Оба тяжело дышали. Элиссандра выглядела очень серьезной.

«Спроси меня», — мысленно сказала она.

Тор уже открыл рот, когда услышал, как конь в стойле переступил с ноги на ногу. Он оглянулся через плечо... и весь его пыл исчез. В конюшне стоял тот самый красавец вороной с королевским гербом Таллинора на попоне. Молодой человек попятился и устался в темноту конюшни, где вокруг лошадей с ленивым гудением кружили мухи. Он отказывался верить своим глазам.

«Тор?»

Элисса дернула его за руку, но он словно ничего не замечал, лишь на его лице застыла тревога. Между ними словно опустился прозрачный экран, и девушка перестала слышать его

мысли.

— Что случилось, Тор?

Куда он смотрит? Что он там увидел?

От страха у Тора кружилась голова. В памяти снова всплыла мрачная сцена в Твиффордской Переправе. Он высвободился из объятий Элиссy и медленно повернулся.

— Мы должны идти, — тихо, но уверенно сказал он.

— Идти? Куда?

— Куда подальше, — буркнул он и, сжав ее руку, потянул в сторону деревни.

Элисса снова заговорила с ним мысленно, не скрывая раздражения.

«Тор, что происходит? Я думала, мы...»

— Говорим только вслух, — перебил он. Голос юноши звучал почти злобно. Он тянул и тянул Элиссy — через улицу, через весь Мятный Дол, к отцовскому фургончику, где Сударыня с довольным видом жевала овес.

Стой, Тор! Ты меня пугаешь!

Элисса попыталась освободить руку.

— Мы должны скорее убираться отсюда. Потом я тебе все объясню.

Он хотел идти дальше, но Элисса не тронулась с места.

— Нет, сейчас.

Она ничего не понимала, но уже чувствовала, как в душе поднимаются гнев и разочарование.

Тор обернулся, чтобы ответить ей что-то резкое... и увидел его. Старика, которого встретил в Твиффордской Переправе. Друга короля. Чувствующего.

Меркуд по прозвищу Облегчающий Страдания действительно искал молодого писаря. Искал с того дня, как тот с такой дерзостью воспользовался своим даром, чтобы облегчить участь несчастной Марии. Несомненно, мальчику это удалось. Но знает ли он, что подписывает себе смертный приговор, занимаясь такими вещами прямо под носом у Гота и его прихвостней? Стоп. Это могло стать смертным приговором. Но ни Инквизиторы, ни сам Гот ничего не заметили. Мальчик не просто силен — он владеет волшебством, применение которого невозможно распознать. Потрясающе. Неужели это и есть Тот самый? Лекарь с жадностью ухватился за эту мысль. Вот уже триста лет Инквизиция вела поиски Чувствующих. И Меркуд по прозвищу Облегчающий Страдания был единственным, кто владеет подобным даром.

И вот этот высокий симпатичный парнишка снова пытается сбежать. Но на этот раз ему не уйти.

Элиссандра проследила за удивленным взглядом Тора. Его густые темные волосы растрепались, ярко-голубые глаза расширились. Он с гневом смотрел на старика, который стоял у канавы, служившей границей Грин. И тут она допустила ошибку, которая решила их судьбу. Возмущенная, встревоженная, она вновь обратилась к Тору мысленно:

«Кто этот человек? Почему мы должны бежать?»

Второй раз за несколько дней Меркуд был потрясен до глубины души. Он перевел взгляд с молодого человека, которого искал, на красивую девушку, стоящую на другой стороне улицы... И остолбенел.

Тор заметил это. Старик слышит мысли Элиссy.

Казалось, весь Мятный Дол замер. Дети, играющие в свои игры, женщины, обсуждающие последние новости, смеющиеся парочки... Все словно превратилось в статуи. Звуки исчезли. Тор слышал только биение собственного сердца. Его жизнь висела на волоске.

Он заставил себя сделать глубокий вдох. Их уже раскрыли, и неважно, если злобный старик услышит, как они обмениваются мыслями. Главное — спасти Элиссy.

«Элисса, я больше никогда ни о чем тебя не попрошу — только уезжай, сейчас же.

Садись в фургон и уезжай. Нет, даже не думай, куда. Я скоро тебя найду. Уезжай немедленно!»

Он развернулся и пошел прочь.

«Тор, подожди!» — закричала она.

«Уезжай!»

На этот раз Элисса подчинилась. Его неожиданная холодность и злость потрясли ее. Подбежав к фургончику, девушка взобралась на козлы.

Тор не стал ждать, что предпримет старик. Он уже знал, что тот спешит к конюшне. Закрывшись от ЭлиССы, он со всех ног припустил прочь, стараясь держаться как можно дальше от больших дорог.

Глава 3 Камни Ордолта

Прошло два дня, но Тор так и не оправился от потрясения. Родителям он сказал, что на них с ЭлиССой напала пьяная компания, когда они выезжали из Мятного Дола. Элисса успела забраться в фургончик и сбежать, а он... Его растерзанная, перепачканная одежда и отчаяние, написанное на лице, делали его историю вполне убедительным. К тому же, это позволяло ему хотя бы какое-то время отсидеться дома.

Тор чувствовал себя отвратительно. Мало того, что он наврал родителям. Но в результате его походов на плечи отца свалился еще один груз. Его семейство всегда жило скромно, хотя у них был небольшой каменный домик. Деревенька под названием Гладкий Луг считалась ничем не примечательной — правда, в свое время здесь построили славный постоялый двор. Деревня находилась недалеко от главной дороги, ведущей в Тал, столицу королевства. Отцу Тора приходилось трудиться не покладая рук, чтобы не только обеспечить семью, но и дать сыну возможность освоить ремесло. Мать тоже немного зарабатывала, готовя еду в трактире.

Как раз недавно она вернулась, и дома сразу стало шумно. Шум был неизменным спутником Аилсы Гинт. Тор с отсутствующим видом слушал ее болтовню — мама рассказывала о том, как ей удалось сегодня пироги с фруктами.

Один из этих пирогов появился из огромной корзины, которую она водрузила на стол, и по всей кухне, где сидел Тор, разлился восхитительный аромат. Обычно в таких случаях у юноши начинало урчать в желудке. Но только не сегодня.

— Я принесла тебе один, сынок. Тебе нужно кушать получше... а то последнее время ты совсем с лица спал.

Тор ничего не ответил. Он в очередной раз предпринимал отчаянную попытку связаться с ЭлиССой и снова не мог до нее достучаться. Любопытно. Можно представить, что она сейчас думает, какие дикие мысли могли возникнуть у нее в голове после того, что она услышала от него в Мятном Доле! Если бы только поговорить с ней, успокоить ее! Наверно, Элисса «выставила стенку». Однако до сих пор ему удавалось пробиться сквозь любой ее барьер. А теперь... Откровенно говоря, это наводило на очень нехорошие подозрения.

Мать продолжала болтать, не замечая его мучений. Она привычно двигалась по своей кухне — с легкостью, удивительной для столь тучной женщины. Отец Тора тучностью не отличался, но был невысок ростом и коренаст, и Тор часто недоумевал, каким образом при таких родителях он сам получился тощим и долговязым.

— Я спросила, Торкин: тебе до сих пор нездоровится? — повторила мать.

Тор попытался встряхнуться и собраться с мыслями.

— Э-э-э... нет. Сегодня мне гораздо лучше. А завтра я смогу работать.

— Да уж, давно пора, Торкин! — добродушно проворчал Джион Гинт, который только что зашел с черной лестницы. — Приближается гроза, мать. Посмотри на небо.

Тор подошел к отцу и выглянул за дверь. Синюшные облака теснились в небе, наполняя друг на друга. Легкий ветер, который с утра трепал ветки деревьев, точно сорванец,

задирающий почтенных горожан, вдруг стих. Неподвижный послеполуденный воздух застыл в напряженном ожидании. Однако тишина была зловещей.

— Тревожишься за Сударыню? — виновато спросил Тор.

— Нет. У Элиссы хватит ума поставить ее в сарай у их дома. Может быть, гроза обойдет Пустотную Топь... Сейчас Сударыне лучше там, где она находится. Но на Четверок она мне понадобится, сынок. Надеюсь, к тому времени тебе полегчает, и ты сможешь забрать нашу красавицу.

Тор кивнул и почувствовал, как рука отца опустилась на плечо.

— А теперь пойдем и посмотрим, что нам приготовила Матушка Гинт, — тепло проговорил Джион.

Не прошло и двух часов, как входная дверь громко хлопнула. Гроза с яростью обрушилась на дом Гинтов. Аилса вздрогнула.

— Ненавижу гром и молнию, — пробормотала она из своего кресла-качалки, не отрываясь от шитья. Иголлка с ниткой так и мелькала у нее в руках. — Только услышу — мороз по коже.

— А почему? — спросил Тор, громко зевнув, и закрыл книгу.

— О, конечно, это глупо... но моя бабушка всегда говорила, что это дурной знак... Возможно, боги гневаются.

— Аилса, любовь моя, прекрати городить чушь, — мягко проворчал Джион. — А вот задние ворота так и хлопают — это действительно дурной знак. Их сорвет с петель, если мы их сейчас же не закроем.

Тор снял с крючка у черного хода большую шляпу, набросил на плечи одеяло и вышел через черный ход. Прежде, чем дверь за ним захлопнулась, небо озарила вспышка молнии, и тут же оглушительно прогремел гром.

— Гроза прямо над нами, — вздохнула мать, судорожно вонзая иголку в шитье. — Наверно, боги в ярости!

Джион Гинт щелкнул языком, демонстрируя раздражение, и вернулся к своим счетам. Но ненадолго. Кто-то с силой заколотил в парадную дверь их дома.

Тор недолго любовался разбушевавшейся стихией. Дождь хлестал все сильнее, и двор уже превратился в настоящее болото. За эти два дня юноша, наверно, сотню раз направлял Элиссе мысленное послание, но оно словно уходило в пустоту. В чем дело? На душе у Тора скребли кошки. Некоторое время он стоял, словно не замечая дождя, потом стал осторожно пробираться к двери, огибая самые глубокие лужи, когда услышал, как мать зовет его. Тор прищурился, вглядываясь сквозь дождь. Да, действительно: мама стоит в дверях и машет ему, призывая поторопиться.

«Что еще стряслось?» — подумал он раздраженно.

Переступив порог, Тор первым делом собирался отряхнуть шляпу и плед, но это так и осталось намерением. Он повесил их на крюк, повернулся... и точно получил удар в живот. Рядом с его родителями, кротко улыбаясь, сидел тот самый старик, которого он видел сначала в Твиффордской Переправе, а потом на празднике. Еще толком не соображая, что делает, Торкин закрыл себя и родителей чем-то вроде воображаемого щита.

«Впечатляет, — прозвучал у Тора в голове голос старика. — Но тебе не стоит меня бояться. Я тебе не враг».

Джион Гинт что-то говорил. Тору показалось, что старик опустил ему на голову огромную ладонь, он попытался встряхнуться. Отец был сам не свой и не знал, куда посадить гостя.

— Торкин, к нам заглянул сам Меркуд Облегчающий Страдания! Придворный лекарь Их величеств короля Лориса и королевы Найрии! — отец бросал на сына выразительные взгляды, призывая его выказать гостю должное почтение.

«Зачем ты преследуешь меня, старик?» — Тор послал вопрос по незримому каналу, который тянулся к старику — точно такой же, какой возникал между ним и Элиссой, — и одновременно отвесил глубокий поклон. Меркуд ответил милостивым кивком.

«Терпение, мальчик, — ответил он тоже мысленно. — Я все объясню».

После этого связь прервалась.

— Прошу простить меня за столь позднее и неожиданное появление. В Первень я должен быть в Тале, но до этого мне необходимо поговорить с вашим сыном. Несколько дней назад мы встречались с ним в Мятном Доле.

— О, ты нам этого не рассказывал, Тор, — с упреком проговорила мать, предлагая старику удобное кресло у очага. — Вы ужинали, господин лекарь?

Вечно она о еде, уныло подумал Тор. Однако Меркуд просиял.

— Сказать по правде, я весь день не слезал с лошади, и у меня маковой росинки во рту не было.

«Музыка для ее ушей», — подумал Тор, изо всех сил изображая вежливую почтительность. Может быть, об этом и предупреждала гроза? И прабабушка не так уж ошибалась, когда говорила о дурных знаках... Словно в ответ на его мысли, вдалеке снова загремел гром.

— Должно быть, вы замерзли, уважаемый Меркуд,- проговорил Джион Гинт. — Позвольте мне предложить вам глоток чего-нибудь согревающего.

Да, не каждый день доведется принимать особу, приближенную к королю. К Гинтам вообще редко заглядывали гости. Тор решил не портить родителям удовольствие. Он убедился, что его мысленный щит на месте, и снова сел на свой стул — испуганный и в то же время изнывающий от любопытства. Интересно, чем это все закончится? Отец с лекарем вели какую-то беседу, чинную и бессодержательную, мать сновала по кухне — как всегда, не совершая ни одного лишнего движения и почти бесшумно. И Тор сам не заметил, как заслушался рассказами старика о столичной жизни.

Лекарь говорил мягко, немного нараспев, и в его голосе не было ничего угрожающего, как и во всем облике. Борода, хотя и длинная, была аккуратно подстрижена, а выющиеся волосы собраны в хвост. Теперь Тор смог рассмотреть глубоко посаженные серые глаза, окруженные лучиками морщин, что выдавало легкий нрав и смешливость.

— А каков он, король Лорис? — спросил Тор.

Гость как раз откинулся на спинку кресла, и Аилса поставила ему на колени поднос с едой.

— Спасибо, — тихо, с улыбкой произнес Меркуд, глядя прямо в глаза Аилсе, затем повернулся к Тору.

— М-м-м, Лорис... Как бы сказать... Это удивительный король. Он гораздо лучше своего отца, лучше деда — те правили с помощью страха. Лорис сочувствует своему народу, они с королевой Найрией...

— Но тогда почему он позволяет калечить, пытать и убивать своих подданных? — перебил Тор. — Может быть, он чего-то боится?

Тор с удовольствием заметил, как Меркуд, услышав его вопрос, поджал губы... и тут же откусил кусок хлеба, чтобы скрыть раздражение.

— Он хороший человек, Тор. Но и у хороших людей есть недостатки. Многие с неприязнью относятся к Чувствующим. В этом Лорис слепо следует обычаям своих предков и законам, которые были приняты из страха. Я тоже очень сожалею.

Тут Аилса вернулась с миской жаркого, над которой поднимался пар.

— Это согреет ваши старые кости, — сообщила она. Мамино коронное блюдо — жаркое из кролика, со специями и пахучими травами — славилось на всю округу. Рядом тотчас появилась тарелка с ломтиками хлеба, намазанными толстым слоем масла. Возможно, это кушанье могло показаться простым, но Меркуда уговаривать не пришлось. Он тут же принялся за еду.

— В самом деле, великолепное жаркое,- сообщил он, прожевав кусок, и мама вся просияла. Она как раз собиралась снова сесть за шитье, но решила, что это невежливо, одернула юбку, откашлялась и посмотрела на мужа, в надежде, что он начнет какой-нибудь умный разговор. Джион замялся, и мама перевела взгляд на Тора. Но ее сын весь вечер сидел

надувшись. Его ярко-голубые глаза обычно лучились, а сегодня казались тусклыми, точно у кролика, которого она забила утром. Что творится с мальчиком? Однако к ним пожаловал такой гость, и надо было что-то делать.

Джион Гинт понял намек супруги по-своему.

— Итак, почтенный Меркуд... Видеть вас в нашем скромном доме — большая честь для нас... но вы сказали, что желаете поговорить с моим сыном.

Как всегда, прямо в лоб, подумала Аилса, опускаясь в свое кресло и сердито принимаясь за шитье. А она-то надеялась скоротать вечер в приятной компании.

Меркуд только что подобрал куском хлеба последнюю каплю подливки. По правде сказать, он с удовольствием облизал бы пальцы... но вместо этого ополоснул руки в чаше с водой, которая стояла рядом на подносе. Потом принял у Гинта-старшего салфетку и не спеша вытер руки и усы. Ему требовалось время на размышления.

— Простите меня за прямоту... — наконец сказал он.

— Говорите как есть, — ответил Джион Гинт. Меркуд выдержал паузу и в упор посмотрел на Тора.

— Я знаю, что ваш сын — Чувствующий... Пожалуйста, позвольте мне договорить, — быстро добавил он, когда родители мальчика резко вдохнули воздух, и старик почувствовал, как щит вокруг них стал прочнее.

«Убирайся, лекарь!» — если бы Тор произнес это вслух, от его крика задрезжали бы окна. Мать что-то пролепетала, отец вскочил.

— Я приехал сюда по поручению короля. Я не имею никакого отношения к банде мясников, которые именуют себя Инквизицией, — Меркуд снова посмотрел на юношу. — Тор, тебе не удастся меня испугать, поэтому не трать силы на угрозы. Однако ты снова удивляешь меня... и успокаиваешь. В тебе я вижу надежду для всех нас.

— Он говорит загадками, — Тор сделал короткое движение, словно отмахиваясь от домыслов старика, и сделал щит, которым закрывал себя и родителей, прочнее. Страшно подумать, что может сделать с ними этот лекарь, обладающий такой мощью.

— Уважаемый Меркуд... — в мягком голосе Джиона Гинта внезапно зазвучали властные нотки. — Простите неблагоразумие моего сына... что бы он ни сделал. Мы не обсуждаем способности Торкина — думаю, причина очевидна. И то, что вы так спокойно об этом говорите, пугает нас всех. Тем более учитывая, что он всю жизнь их скрывает... Пожалуйста, скажите то, что собирались. Боюсь, что вы приехали сюда не случайно.

И посмотрел на сына ледяным взглядом, который говорил: «Чтобы я больше тебя не слышал!». Меркуд кивнул.

— Ты прав, Джион Гинт. Это не визит вежливости. Я Чувствующий, как и твой сын... — он выдержал паузу, чтобы слушатели осознали смысл его слов. — И Гот со своими прихвостнями этого не замечает. То же самое могу сказать и о даре, которым наделен Тор. Почему? Понятия не имею.

Он врал. Ему приходилось врать.

— В Твиффордской Переправе я стал свидетелем того, как ваш сын помог той несчастной девушке. До сих пор мне не доводилось встречать ни одного человека, который смог бы проделать такое перед носом у Гота и остаться незамеченным.

Еще одна ложь.

Тишина стала давящей. Меркуд знал, что родители мальчика не могут знать, когда их сын пользуется своими способностями, но всегда запрещают ему это — можно не сомневаться. Старик сделал глубокий вдох. Решающий момент, которого он ждал так долго, настал, времени осталось мало. Он не может позволить себе потерпеть неудачу.

— Если Тор согласится — и вы, разумеется, — я хотел бы видеть его в Тале, в качестве моего ученика.

— Во Дворец? — ахнула Аилса. — Это еще зачем?

— Во имя Света! Что ты несешь, старик? — воскликнул Джион Гинт. Он редко впадал в гнев, но сейчас не мог сдерживаться — Ты спятил? Это все равно, что сразу отдать его

Готу! Может быть, сразу написать у него на лбу «Заклейми меня».

— Ты не услышал меня, Гинт. Я только что сказал: твой сын как и я способен пользоваться своим даром так, что этого никто, кроме меня, не заметит. Нигде он не будет в большей безопасности, чем во Дворце, где я лично позабочусь о его неприкосновенности. Никто и пальцем его не тронет, потому что не осмелится. Я научу его лечить людей. Он станет моим преемником. У него будет богатство, почет — а главное, защита от варваров, которые бесчинствуют в этих землях. Кто знает, может именно Тор вместе со мной изменит...

Меркуд осекся. Опасаясь упустить шанс — возможно, единственный, — он слишком увлекся. Но ясно одно: этот Тор и есть Тот Самый. И его нельзя потерять.

«Едем со мной, мальчик», — в своей голове Тор должен был услышать тихий полусшепот. Лекарь боялся смотреть на юношу, но когда все-таки посмотрел, в странных голубых глазах Тора снова горел свет. И Меркуд понял, что победил.

— Вы хотите, чтобы мы позволили забрать нашего сына... нашего единственного ребенка? — Аилса Гинт уже плакала.

— Я прошу вас вверить его моим заботам. Понимаю, что это прозвучит высокопарно, но... вы отдаете его народу Таллинора.

— У тебя когда-нибудь были дети? — голос Джиона Гинта дрожал. — Ты знаешь, что значит лишиться сына?

Казалось, мир на мгновение замер. Стих даже шум грозы снаружи.

— Знаю, — Меркуд говорил еле слышно. — У меня было два сына. Первый, прелестный мальчик, умер почти сразу, едва появившись на свет. Второй был даром небес, он радовал и успокаивал сердца. Я никого не любил сильнее, чем его... Но случилось страшное несчастье, и я потерял его тоже. Это было давно. С тех пор я одинок и полон горечи. Многие юноши приходили ко мне, просили обучить меня мастерству, надеялись стать моими преемниками, когда наступит время. Я отказал всем.

Он смолк, и в комнате стало тихо.

— Что подмешано в твоё вино, Джион Гинт? Мои старые уста давно хранят эту тайну, но никогда не выдавали ее.

— По правде сказать, решать должен Торкин, почтенный Меркуд. Я не стану его неволить, не стану даже просить, чтобы он отправился с тобой. Боги мне свидетели, его глаза и руки очень нужны здесь. Но для него это блестящая возможность... возможность, какой отец для своего сына и желать не смеет.

Три пары глаз обратились на Тора, который тихо сидел на своем стуле. Юноша с трудом сглотнул, искоса разглядывая вещи, которые находились в комнате — такие привычные.

— Я хочу ехать.

Да, это победа. Меркуд ликовал. Но когда он снова обратился к родителям Тора, совсем упавшим духом, его лицо было строгим, почти скорбным. Не стоит показывать свою радость тем, кто не может ее разделить.

— Могу я поговорить с вашим сыном с глазу на глаз? Матушка Аилса взяла поднос с колен Меркуда и отправилась в кухню. Следом, бормоча извинения, вышел Джион.

Меркуд снова повернулся к молодому человеку, чей дар был сильнее, чем у кого-либо из ныне живущих. А если юноша владеет тайной Триединства...

— Ты уверен, что хочешь этого? Тор нахмурился.

— Да, почтенный Меркуд. Думаю, что да.

— Тор, ты должен быть полностью уверен. Это решение нельзя принимать походя, потому что обратного пути не будет. Если ты думаешь, значит, ты еще не решил.

Меркуд не сводил с юноши немигающего взгляда. В любом случае, он не откажется от мальчика. Но это должен быть осмысленный выбор. Привыкнуть к жизни во Дворце будет нелегко.

Тор выпрямился, вытянул руку ладонью вверх, его лицо стало сосредоточенным.

Меркуд был озадачен, но ничего не сказал и стал наблюдать. Вскоре воздух над ладонью юноши словно сгустился, образовав мерцающее облачко. Оно становилось все плотнее, пока не превратилось в три небольшие полупрозрачные сферы, которые испускали яркий, удивительно чистый свет. Меркуд затаил дыхание. Ошибки быть не могло — Торкин показывал ему Камни Ордолта.

— Тор, — хрипло произнес старик. — Откуда это у тебя?

Ответ прозвучал словно издалека:

— Кажется, они приснились мне прошлой ночью.

Он зашевелил пальцами, заставляя сферы мягко вращаться одновременно двигаясь по кругу и переливаясь всеми цветами радуги. И вдруг резко сжал кулак, и все исчезло.

— Вы знаете, что это такое? — голос мальчика снова стал прежним, глаза смотрели спокойно и с любопытством.

Да, сказал себе Меркуд, все верно.

— Нет, — снова солгал он. — Я не знаю. Что-то очень красивое, бесспорно. А у тебя есть какие-то соображения?

Но на этот раз его надежде было не суждено оправдаться.

— Никаких. Я знаю одно: и тот сон, и то, что вы приехали, и то, что я сейчас чувствую — все это знаки. Я должен с вами ехать.

Он уже решил, что возьмет с собой Элиссу, но пока не хотел говорить об этом со стариком.

Меркуд глубоко вздохнул. Сонм сказал ему правду. Есть еще на этой земле тот, ради кого ее стоит спасти. Поиск — первая часть испытания, которое длилось много бесплодных столетий, — закончен.

Теперь самое сложное, сказал себе Тор. Он нашел родителей в маленькой комнате, где они сидели очень тихо. Возможно, впервые в жизни юноша отметил, как бедно она обставлена. Никакого намека на изысканность. Просто комната, где честные труженики-люди отдыхают после работы и наслаждаются своими маленькими радостями. Единственная роскошь — перина на кровати: мама любит спать на мягком. Тяжелая, почти грубая мебель. Ничего лишнего.

Вот только кожаная папка, лежащая на столе, вызывала иные чувства. В ней хранились рисунки, которые Тор сделал в Детстве. Время от времени все семейство, смеясь, просматривало их. Особенно родителей забавляли те рисунки, где Тор рисовал их семью. На рисунках их всегда было четверо: Тор утверждал, что у него есть старший брат, большой и грозный. Иногда он даже с ним разговаривал. Но брата у него никогда не было. Гинты видели в этих фантазиях желание иметь брата, но ничего изменить не могли. Местный лекарь объяснил, что у них никогда не будет детей.

Тор не знал, что сказать, и виновато пожал плечами.

— Все в порядке, Торкин, это правильное решение, — проговорил Джион Гинт, успокаивая не столько сына, сколько самого себя.

Аилса снова разрыдалась. Тор пересек комнату, которая вдруг оказалась такой маленькой, и нежно обнял маму. Она всегда знала, как поступить, всегда крепко стояла на ногах... а теперь плакала. Это было невыносимо. Потом отцовские руки, еще сильные и крепкие, обняли их обоих, словно заключив в круг собственного отчаяния.

Тор потерял счет времени. Сколько они сидели, когда выплакали все слезы? Потом говорили о какой-то ерунде — уже через минуту Тор даже не мог вспомнить, о чем именно. Слова закончились, стало тихо, потом молчание стало невыносимым. Тогда Джион взял Тора за одну руку, его жена за другую.

— Мы с мамой должны кое-что тебе рассказать, — Гинт-старший откашлялся. — Это нелегко, Тор. Мы пятнадцать лет храним эту тайну. Я надеялся, что нам никогда не придется ею поделиться... тем более с тобой... но теперь, когда ты уезжаешь, наш долг...

У Тора зачесалось между лопатками. Он еще не знал, что скажет отец, но уже

чувствовал: это будет что-то скверное.

— Ничего не говори, отец. Я не хочу ничего слышать... Пожалуйста. Я... Неважно, что... Это ничего не меняет.

Он посмотрел на отца, но увидел на его лице лишь смирение и глубокую печаль.

— Ты должен это знать, Торкин, — Джион Гинт привлек сына к себе. — Ты носишь нашу фамилию, мой мальчик, но не я тебя зачал, и не наша мама тебя родила.

Перед глазами Тора разверзлась пропасть. Нет, не пропасть — огромный водоворот тьмы, уходящий во тьму. Тор падал туда вместе со всем миром, а навстречу, из чернильных глубин, мчались три радужные сферы. В этом движении было что-то угрожающее. Наверно, он закричал, как ребенок, который верит, что крик волшебным образом заставит родителей вернуться, где бы они ни были. Тем не менее, от собственного вопля Тор очнулся. И понял, что отец трясет его за плечи.

Юноша недоверчиво покачал головой. Губы отца шевелились — он что-то говорил, но Тор слышал лишь стук крови в ушах. Он еще раз мотнул головой, на этот раз резче, словно пытаясь вытряхнуть назойливый звук.

— Тор, ты нас слушаешь?

Мамины глаза покраснели от слез. В них застыла мольба.

— Смотри на меня, сынок, и слушай, что я скажу,- Джион Гинт взял лицо Тора в ладони и заглянул мальчику в глаза. — Пятнадцать зим назад в нашу деревню пришла женщина. С ней был прелестный младенец в пеленках, мальчик. Он плакал и плакал, не умолкая... — отец грустно улыбнулся при этом воспоминании и уронил руки на колени. — У этого мальчика не было родителей. Они погибли. Женщина сказала, что они сгорели при пожаре. Огонь уничтожил все — дом, людей, имущество... Спасти удалось только ребенка. И родных у него не осталось. Эта женщина проезжала мимо, когда жители того селения боролись с огнем. Кто-то сунул ей ребенка, так она и баюкала его всю ночь. А наутро никто за ним не пришел. Понимаешь, это была совсем бедная деревушка — кому нужен лишний рот в семье? И женщине пришлось оставить его у себя. А младенцу было несколько месяцев от роду, и сама женщина просто ехала в Тал по своим делам.

Тор хотел задать вопрос, но отец продолжал:

— В общем, она забрала мальчика и продолжала путь. Наконец, проехав много миль, она добралась до Гладкого Луга, где сняла на ночь комнату на постоялом дворе. И там... ну, ты знаешь маму. Ей стало жаль женщину, а когда она увидела младенчика, который остался без семьи, без материнской ласки и заливался слезами, у нее чуть сердце не разорвалось. И знаешь, как чудно получилось? Стоило ей взять ребенка на руки, как он тут же успокоился. Понятное дело, что она в него просто влюбилась и упросила женщину оставить мальчика ей.

А как иначе, Торкин? — вмешалась матушка Аилса. — Ты был таким прелестным. Как только я тебя увидела, так поняла: ты — мой сыночек. Я так к тебе привязалась... И с каждым годом любила тебя все больше. Понимаешь, мы с твоим отцом не можем иметь детей. Мы столько лет пытались, и...

Она выразительно посмотрела на мужа, и он ответил ей взглядом. Оба вспоминали ночи любви в этой самой спальне.

Тор поднял глаза и посмотрел на женщину, которую до сих пор считал своей матерью.

— И она отдала меня тебе?

— Да, сынок. Ты был беспомощным, бездомным, никому не нужным. Мы и тогда были небогаты... но могли тебя вырастить. У нас не было детей, а мы так хотели ребенка. И тут появился ты. Мы даже не задумывались. Мы просто полюбили тебя, и все. Это бышо так легко.

— И никто не задавал никаких вопросов? — недоверчиво спросил Тор.

— Ну что ты, — ответил Джион. — Поначалу от расспросов отбоя не было. Но мы всем говорили как есть. Потом все успокоилось. Люди привыкли к тому, что у нас есть сын. Теркин Гинт.

— А та женщина?

— Думаю, добралась до столицы. Мы больше никогда о ней не слышали.

Матушка Гинт посмотрела на своего названного сына. Она явно чувствовала себя неуютно.

— А ты предпочел бы, чтобы мы отправили тебя с ней? Чтобы ты жил неизвестно как, неизвестно где?

— Нет, но... Я потрясен. А... ну... вы никогда не пытались что-то выяснить о моих настоящих родителях? Кто они? Из-за чего случился пожар?

Лицо Джиона Гинта стало напряженным.

— Нет, Тор, не пытались. Ты был благословением... подарком богов.

Тора невольно передернуло.

— Они умерли,- мягко проговорила мать.- Зачем ворошить пепел, искать призраков? Да и не наше это дело. Наше дело — заботиться о тебе. Хотя бы дать тебе дом, любовь, радость...

— Вы это сделали, — он крепко сжал ее руку. — А что еще вы мне расскажете?

— Больше ничего, — Джион Гинт покачал головой. — Это — единственный секрет, который мы с матушкой не хотели тебе раскрывать. Хотя знали, что рано или поздно нам придется это сделать. Ты не такой, как все. Мы знали это с самого начала, но старались не замечать. Ты — Чувствующий, это особый дар, который может быть и проклятьем, и благословением. Мы с почтенным Меркудом говорили достаточно долго. Этот человек внушает мне доверие. Он защитит тебя, когда ты пойдешь своей дорогой.

— Когда ты уезжаешь, сынок? — выдохнула Аилса — не желая слышать никаких ответов, кроме одного.

— Меркуд оставил мне кошель с деньгами. Он хочет, чтобы я купил лошадь и хорошие сапоги и приезжал, когда буду готов. Он сам уезжает завтра, но я думал задержаться на несколько дней. Я помогу тебе с письмами в Бекинсейле... э-э-э... возможно, я уеду на Шестерик...

Тор замялся и замолчал. Внезапно Аилса ткнула мужа в бок.

— А камни?

— О да, камни... Чуть не забыл, — пробормотал Джион Гинт и потянулся к маленькому серванту.

В одном из ящичков обнаружился старый носок, а в нем — небольшой мешочек из очень мягкой кожи. Судя по глухому позвякиванию, там находилось что-то твердое. Но что? Тора охватило любопытство.

— О... мне тоже всегда хотелось узнать, что все это значит. Та женщина — а она была такая красивая, золотоволосая,- сказала нам, что этот мешочек висел у тебя на груди, когда тебя спасли.

Гинт осторожно растянул тесемки, встряхнул, и на ладонь ему выкатились три небольших каменных шарика.

— Она дала распоряжение — очень четкое. Ты должен получить это, когда... м-м-м... достигнешь зрелости.

— Мы спросили, что она имеет в виду, — матушка задумчиво разглядывала камни, потом подняла глаза. — Но она ответила так: когда придет время отдать их тебе, мы сами пойдем. Наверно, сейчас время настало, дитя мое, — добавила она тихо.

Да, Тор, храни их. Я так и не понял, почему она так на этом настаивала. Кажется, есть только одно объяснение: они принадлежали семье, в которой ты родился. Я всегда считал, что в этом их единственная ценность. Как-никак, наследство. Джион опустил камни в ладонь Тора... и они вспыхнули всеми цветами радуги.

— Глазам больно! — ахнула матушка Аилса и сделала короткое движение в сторону сына.

— Все в порядке. Они... поняли, что им ничто не угрожает и... м-м-м... успокоились.

Он пожал плечами. Пусть родители — он все еще думал об этих людях как о родителях — думают, что для него все это в порядке вещей. Однако сам он был весьма далек от

спокойствия. Вот они — камни, которые приснились ему прошлой ночью. Он показал их образ Меркуду... Да, никакой ошибки: ему действительно следует ехать со стариком.

Камни по-прежнему лежали у него на ладони, сияя и переливаясь. Отец при виде этого чуда явно чувствовал себя неуютно и протянул Тору кожаный мешочек, в котором они хранились.

— Убери их, Тор. И пусть это будет твоей тайной. Лучше их никому не показывать, даже Меркуду.

Тор повиновался.

— Ты прав, отец. Но как выяснить, для чего они нужны?

— Мой совет — оставь их у себя, — Джион Гинт пожал плечами. — Если они служат какой-то цели, я не сомневаюсь: ты это узнаешь. Обещай мне, о них никто не узнает. Никому их не показывай. Та золотоволосая женщина...

Джион Гинт замялся, потом прочистил горло.

— Она сказала, что камни волшебные, и их не следует никому показывать, кроме тебя. И что мы должны убедить тебя никому их не показывать и никому о них не говорить, — ладонь писаря легла на руку Тора, в которой он держал мешочек. — Я в этом ничего не понимаю, сынок. Что у тебя за странный дар, что это за камни, откуда это все... а главное, к чему это все приведет. Вот этого я и боюсь... Так, мать, хватит грустить, — он посмотрел на жену и заставил себя улыбнуться. — Наш мальчик отправляется во Дворец. Нам следует гордиться, а не горевать. Сейчас ложимся спать, а завтра устраиваем себе отдых на весь день. Едем в Римонд. Выберем Торкину лошадь, купим ему сапоги... а может, и на новую рубашку останется. И — кто знает, женщина? — смотришь, найдем тот желтый шелк, который ты так хотела.

Аилса улыбнулась в ответ. И то ладно. У Тора тоже немного поднялось настроение. У его родителей все будет хорошо. При мысли о собственном будущем его охватывал трепет и восторг... и с этим было ничего не поделать. Оставалось преодолеть последнее препятствие: убедить Элисса отправиться вместе с ним.

Установить с ней мысленную связь по-прежнему не удавалось. Ничего страшного: послезавтра он сам отправится к ней в деревню и все ей расскажет.

Глава 4 Элиссандра Квин исчезает

Элисса вошла и окликнула отца. Интересно, дома ли он? Скорее всего, он просто не заметил ее, а если и заметил... Последнее время он все чаще напивался и впадал в ступор или разговаривал с призраками. Раньше были женщины... Но их Элисса могла ему простить. Он любил маму, в этом можно не сомневаться. И вместе того, чтобы стать добычей одной из благонамеренных дам, которые посещали его, когда мама умерла, он предпочел утешаться с женщинами, которых интересовала не любовь — или то, что некоторые называют любовью — а деньги.

Дело было не в отце. Она почувствовала, как слезы наворачиваются на глазах и комки подступают к горлу. Из-за чего Тор так переменялся? Почему он кричал на нее, как он мог забыть о том, как поймал ее букет? Элисса не сомневалась, что он наберется смелости и задаст вопрос, который она так хотела услышать.

А ведь все так здорово начиналось... пока не появился тот колдун с седыми волосами. Он все испортил. Кто он такой? И самое скверное, после этого Элисса словно утратила способность мысленно разговаривать с Тором. Она предпринимала попытку за попыткой, но все зря. Ее послания словно уходили в какую-то таинственную черноту и там исчезали. За что он наказывает ее?

Пытаясь успокоиться и обрести самообладание, Элисса плеснула на лицо водой и старательно умылась. Отец может вернуться домой в любой момент. И можно не сомневаться: он будет пьян, груб и мрачен.

Она не ошиблась: когда Лэм Квин ввалился в комнату, он едва держался на ногах. Элисса уже знала, как нужно себя вести. Непринужденно и весело щебеча, словно ничего не случилось, она стянула с него сапоги, помогла добраться до стола, поставила перед отцом миску с супом, от которой шел пар. Пока он сидел, тупо уставившись в миску, Элисса продолжала тихо болтать ни о чем. Будем надеяться, он успокоится, поест, а потом ляжет спать.

Возможно, так бы все и получилось. Отец уже доедал суп, когда она начала напевать. Лицо Лэма Квина перекосилось. С неожиданной для пьяного быстротой он вскочил и прежде, чем Элиссандра успела что-то предпринять, наотмашь ударил ее по лицу. Тарелка, которую девушка держала в руках, отлетела к противоположной стене и разлетелась вдребезги. Девушка упала, больно ударившись коленями о каменный пол. Щека уже онемела.

— Ты поешь, как твоя мать! — рявкнул отец. — Никаких песен в этом доме!

Сквозь слезы девушка смотрела, как отец, шатаясь, направляется к двери и исчезает в ночи. Теперь он долго не вернется.

Элиссандра ненавидела свою жизнь. Единственным лучиком света в ней был Торкин Гинт. Возможность говорить с ним — незаметно для окружающих, находясь на разных берегах реки — вот и все, что дарило ей утешение среди одиночества, среди мучительного существования, где не было места любви.

Если бы мама пожила чуть подольше! Если бы она не умерла, даже не успев приложить ее к груди! Неужели в этом все дело? Но почему отец уверен, что это она, Элисса, лишила его единственной женщины, которую он обожал?

О боги... Тор, как ты мне сейчас нужен!

И Элисса заплакала.

Прошло несколько часов.

Наконец девушка поднялась, прошла в крошечную каморку служившую ей спальней, и налила в большую чашу воды из кувшина, который стоял на шатком столике. Вода была ледяная, но Элисса заставила себя зачерпнуть полные пригоршни и как следует умыться. Ей надо было привести себя в порядок и собраться с мыслями.

Затем она взяла кусок фланели и начала тщательно растирать лицо. Постепенно ее движения стали яростными. Она терла шею в том месте, куда ее украдкой поцеловал Тор, потом принялась за губы, словно хотела стереть все следы их страсти. По мере того, как кожа высыхала и разогревалась, горе становилось все сильнее, пока не переросло в гнев. Элисса поняла, что не на шутку разозлилась. Когда Тор смотрел на старика, в его глазах был не только страх перед страшным пришельцем. Нет, скорее уважение. В его огромных, завораживающих голубых глазах... Элиссандра тряхнула головой, отгоняя наваждение.

Она переоделась в чистое и спустилась по узким каменным ступеням. Как же ей ненавистен этот дом! Отец вот-вот вернется... При этой мысли Элиссе охватила слабость. И тут, словно в ответ на ее мысли, в дверном проеме появился темный силуэт. Девушка вздрогнула от неожиданности, кувшин, который она несла, выскользнул из рук, упал на каменные плитки и разбился. Во рту появился привкус крови: похоже, она прикусила губу.

— О, дорогая...

Этот мягкий голос, несомненно, принадлежал женщине. Через миг его обладательница осторожно шагнула в дом, сняла капор и шаль.

— Простите... Я думала, вы... — Элисса замялась. — Кто вы?

— О... я просто проезжала мимо и хотела поинтересоваться: может быть, хозяева позволят старой женщине немного отдохнуть в амбаре...

Элиссандра уже не слушала. Она опустилась на пол, прямо в лужу, и подол ее юбки мгновенно промок. Но она ничего не замечала. Из глаз хлынули слезы. Ее переполняли чувства: облегчение — потому что она ожидала увидеть отца, гнев и обида, которые еще не прошли... и еще она очень переживала из-за кувшина.

— Ох, девочка моя! Послушай, не надо плакать. Ну подумай, разлила воду, разбила

старый глиняный кувшин — Женщина была пожилой, но удивительно сильной. Она помогла Элиссе встать, усадила ее на стул и сама убрала все осколки и вытерла воду. Потрясенная, Элисса могла лишь наблюдать за ней. Странно, но в этой женщине не было ничего пугающего. Наоборот: в ее присутствии почему-то становилось спокойнее.

— Пожалуйста, будьте как дома, — выдавила она наконец. — Располагайтесь... отдохните... Кроме меня, тут никого нет...

Старушка кивнула в знак благодарности и начала тихо напевать.

Колыбельная. Ее звуки лились, как бальзам, облегчая боль. А когда странная женщина успела вскипятить воду и приготовить травяной чай? Кажется, прошло не больше мгновенья, прежде чем сильные морщинистые руки вложили девушке в ладони теплую кружку, а ее содержимое оказалось сладким. Мед-то откуда взялся? Мысль мелькнула в сознании Элиссы и исчезла. Девушка маленькими глотками пила чай, слушала чудесный напев и не могла думать ни о чем.

Потом она вдруг обнаружила, что в комнате горят свечи, ставни закрыты, чтобы лунный свет не проникал снаружи, а саму ее ведут вверх по лестнице. Словно в полусне, Элисса почувствовала, как женские руки бережно снимают с нее одежду. Волосы как бы сами собой оказались стянуты в хвост, но не туго, а так, чтобы они не спутались за ночь. Эти же руки осторожно, ласково уложили ее в постель, укрыли одеялом — точно так же делал когда-то ее отец, когда она была совсем маленькой, а он любил ее. Элисса улыбнулась. А может быть, только подумала, что улыбнулась.

Колыбельная по-прежнему доносилась откуда-то издали — тихо-тихо, чуть слышно. Но веки у Элиссы уже отяжелели, и сон звал ее в свои объятия. Она спала без сновидений. А если бы проснулась, то увидела бы старушку, которая неподвижно сидит у ее кровати, закутавшись в выцветшую старую шаль, и бесконечно повторяет один и тот же мотив.

Проснувшись, Элисса почувствовала удивительную легкость. Тревога не прошла, но дразнящий запах горячих пирогов заставил ее быстро подняться с постели. Интересно, когда это она успела влезть в ночную сорочку? Девушка стянула ее через голову, и кожа тут же покрылась пупырышками.

Элиссандра распахнула ставни. На улице моросил дождь — такой мелкий, что капли висели в воздухе, точно туман. Сияние солнца едва пробивалось сквозь толщу серых облаков, словно пыталось напомнить о своем существовании. Девушка поежилась. Пожалуй, стоит одеться потеплее. Конечно, в старых поношенных одеждах не очень-то согреешься, да и выбор невелик... Но настроение у Элиссы было превосходное. Она снова расчесала волосы, нашла свою единственную шелковую ленту и стянула их на затылке.

Кстати, а где та удивительная старушка, что появилась прошлым вечером? Элисса решила, что гостя осталась на ночь... если только отец не пришел, пока она спала. Но вряд ли отец догадался бы принести из пекарни горячие пироги... При воспоминании об отце мысли девушки приняли другое направление. Где он? Может быть, стоит пойти поискать его?

Обычно подобные поиски заканчивались в каком-нибудь закоулке, до которого отец добирался прежде, чем ноги отказывались повиноваться. Элисса помогала ему встать и дойти до дома, отмывала его, укладывала спать. Потом он просыпался, и тогда Элисса кормила его, слушала, как он, бранясь на чем свет стоит, рассказывает о своих ночных злоключениях. Это были счастливые минуты, когда отец был трезв и способен соображать, и его можно было убедить заняться каким-нибудь делом. Девушка вздохнула. Какая жалкая жизнь!

Она вспомнила Тора и поневоле улыбнулась, но тут же одернула себя. Она не станет о нем думать... по крайней мере, сейчас. Позже она снова попытается обратиться к нему. К тому же он должен непременно зайти за Сударыней — иначе его отец останется без работы... Все еще радостная и оживленная, Элисса поспешила вниз... и остановилась как вкопанная. Старушка затягивала ленты своего капора и явно собиралась уходить.

— А, вот и ты. Выглядишь неплохо, моя девочка. Я очень рада, — старушка улыбнулась и накинула на плечи шаль. — Ну что же, мне пора. Надеюсь, ты не обиделась из-за того, что я у вас заночевала? Я просто не могла оставить тебя в таком состоянии. И ты такая худенькая! Послушай, я там испекла пирожки, они еще горячие, и чай заварен. Обязательно поешь. Тогда я буду спокойна. Старушка подошла к пораженной девушке, обняла ее, затем взяла матерчатую сумку. И тут Элисса метнулась к двери и захлопнула ее. Должно быть, в ее глазах блеснуло что-то такое, что гостя охнула и непроизвольно вскинула руку, защищая горло.

— Вы... вы не можете уйти. Я имею в виду... вот так сразу.

Я хочу поговорить с вами! — Элиссандра с трудом сдерживала слезы. — Пожалуйста! Я даже не знаю имени человека, который сделал мне столько добра!

Пожилая женщина пристально посмотрела на нее, затем, к облегчению девушки, снова поставила сумку на пол и сняла капор.

— Меня зовут Соррель, — сообщила она, присаживаясь на стул и складывая руки на коленях.

Элисса торопливо разлила чай в две кружки. Она была готова сделать что угодно, только бы старушка задержалась подольше.

— А тебя как зовут? — тихонько спросила Соррель, потягивая чай.

— Ох... я думала, что сказала вам прошлой ночью. Меня зовут Элиссандра, — Элисса протянула пожилой женщине пирожок. — Но здесь меня зовут просто Элисса.

— Очень красивое имя, — Соррель кивнула и откусила маленький кусочек пирожка.

— Спасибо. Его придумал мой отец. Мою маму тоже так зовут... э-э-э... звали. Мне говорили, она была очень красивой.

— Я тоже рано лишилась матери, — мягко сказала гостя. — Для девочки это тяжело. А сколько тебе лет?

Элиссандра сделала глоток и поморщилась. Вчера она все-таки прикусила губу, и сейчас горячий чай попал прямо на ссадинку.

— Пятнадцать.

— А-а... Тот самый возраст, когда девушке больше всего нужна мать.

Слово за слово — и Соррель рассказала Элиссе о своих путешествиях. Она оказалась странствующей травницей.

Элиссандра слушала ее, затаив дыхание. Ведь она тоже занимается лечением травами! Наконец, гостя заговорила о том, что видела вчера, когда посетила Гладкий Луг. По ее словам, деревня гудела, как пчелиный улей: один из ее жителей должен был вот-вот переселиться в столицу, и не куда-нибудь, а в королевский дворец.

— Все там ходят с таким видом, что не сразу поймешь, кому выпала такая честь. Но я видела того мальчика. Очень симпатичный. А какие глаза — голубые, как небо, даже светятся! Если он войдет в ворота Тала утром, то к вечеру столичные красавицы лишат его невинности.

Соррель лукаво засмеялась, но ее глаза пристально наблюдали за девушкой. Элиссандра растерялась.

— Я знаю многих жителей Гладкого Луга. Э-э-э... а как зовут этого юношу? Вы слышали?

— Нет... Не уверена. Я ведь просто была там проездом и остановилась поужинать в трактире. А мальчик... Рослый такой. Блестящие темные волосы, глаза голубые, ярые... Я таких глаз никогда не видела.

— Торкин Гинт, — ничего не выражающим тоном произнесла Элисса, но взгляд ее стал отсутствующим, как у душевнобольной.

— Я не слышала его имени, девочка моя. Нет... подожди. Кажется, фамилию ты назвала верно. Гинт, Гинт... Его отец — местный писарь?

Элиссандра печально кивнула.

— Все угощали его элем, поздравляли. Потом людям стало тесно в трактире, веселье

хлынуло на улицу — так и я узнала новость. Если верить хозяину постоянного двора, паренек станет учеником самого Меркуда. Это очень известный лекарь, его прозвали «Облегчающий Страдания», — старушка закашлялась и постучала себя по груди. — Правда, я сама его никогда не видела. А жаль.

Лицо девушки стало нездорово-бледным.

— Я знаю сына Гинта. Но никогда не слышала, что он собирается в столицу. Никто не говорил, когда он уезжает?

Соррель нарочито небрежно пожала плечами.

— Все были так взволнованы... Я поняла, что сегодня утром. Вся деревня собиралась его провожать.

Элиссандра резко встала и начала убирать со стола. Ей казалось, что сердце сейчас разорвется... Но она выглядела невозмутимой.

— Да? Какая жалость. Я пропустила праздник.

Ей потребовалась вся сила воли, чтобы ничем не выдать своих чувств. Ярость, ужас, отчаяние... Но вот посуда была убрана, стол вытерт, а Соррель так ничего больше и не сообщила о Торе. Но стоило ли ее винить? Откуда ей знать о чувствах Элиссы, откуда ей знать, что они с Тором были почти помолвлены?

Как ни хотелось Элиссе услышать что-нибудь еще, она заставила себя сменить тему. И когда она заговорила о своей жизни, ее голос звучал ровно и почти весело.

— Может быть, он считает, что именно я виновата в смерти мамы, — говоря об отце, она поневоле сникла. Соррель встала и потянулась.

— Ты похожа на нее?

— Да, — девушка пожала плечами. — Те, кто знал маму, говорят, что я похожа на нее, как две капли воды.

Она запоздало сообразила, что сама себе сделала комплимент. Совсем недавно она сказала, что мать ее была настоящей красавицей.

— Вот что я скажу тебе, моя дорогая. Думаю, он очень любил твою мать. И всякий раз, глядя на тебя, он испытывает боль. Он не может жить настоящим, потому что что-то постоянно напоминает ему о прошлом.

— Вы так считаете?

Элиссандре показалось, будто перед ней распахнулась дверь.

— Думаю, тебе стоит прекратить делать все, что ты для него делаешь. Возможно, тебе пора уехать и жить своей жизнью, — сказала старушка, стряхивая крошки с одежды.

— Но он же не сможет себя прокормить! А когда он снова напьется? Кто о нем позаботится?

Соррель фыркнула.

— Он сам!

Элиссандра была потрясена. Но в этих словах был смысл. Ее охватила дрожь.

— А мне куда деваться? Мне пятнадцать лет, у меня нет денег, меня нигде не ждут. А вы советуете мне уехать из родной деревни.

Соррель улыбнулась и поправила на плечах шаль. Элисса почувствовала, что впадает в панику.

— Вы уже уходите?

— Да, моя девочка. Соррели пора. У меня впереди долгий путь. Вон и мой глупый старый осел кричит — говорит, что солнце уже высоко, а нам до вечера надо преодолеть восемь миль, чтобы добраться до Твиффордской Переправы.

И гостья снова потянулась к своей старой матерчатой сумке.

— Ты не проводишь меня, Элисса?

На этот раз Соррель решительно прошла к двери и распахнула ее. Морось прекратилась, но все еще не разяснилось. Воздух был сырым и промозглым.

И тут Элисса сделала то, чего сама от себя не ожидала. Она бросилась следом за Соррелью, да так стремительно, что напугала ее осла.

— Пойдите, Соррель! Возьмите меня с собой! Старушка остановилась и обернулась. Казалось, она совсем не удивилась, хотя выглядела серьезной.

— Ты даже не знаешь, куда я собираюсь после Твиффордской Переправы.

— Это не важно. Мне все равно. Только позвольте мне поехать с вами. Я не буду вам обузой. Я умею готовить, стирать... Я могу выполнять ваши поручения. Я умею ездить верхом. Писать, читать... Я помогу вам зарабатывать на жизнь. Я разбираюсь в травах...

От волнения она больше не могла произнести ни слова и лишь с мольбой смотрела на пожилую женщину.

На миг Соррель устремила взгляд в небо, затем снова обратилась к Элиссе.

— Я знаю, ты хочешь убежать от этой беспросветной жизни. Но от чего еще, девочка моя? Тут пахнет чем-то другим. Мой большой нос мне подсказывает.

Нос у Соррели в самом деле был большим. А когда она сделала вид, что принохивается, Элисса не выдержала и рассмеялась, хотя ей было вовсе не весело. Она снова вспомнила Тора. Шагнув к Соррели, девушка взяла ее за руку и сжала ее.

— Вы правы, дело не только в этом. Я просто еще не готова сказать, в чем именно. Но если я уеду... есть шанс, что отец возьмет себя в руки и начнет новую жизнь. Потому что я не буду каждую минуту напоминать ему о маме.

Соррель обняла девушку.

— А что ты ему скажешь, девочка моя?

— Я напишу ему за... Она осеклась.

— Вы хотите сказать, что я могу уехать с вами?!

— Ну не гнать же тебя, верно?

Девушка бросилась старушке на шею. Осел по кличке Кетай, не привыкший к столь бурным выражениям благодарности, заревел, шарахнулся, больно натянув повод, за который был привязан, а потом замер как вкопанный, дико кося глазами. Впрочем, Элисса испугалась не меньше. Однако она подошла к ослу и заговорила с ним, как говорила с пьяным отцом — немудреные фразы, главное, чтобы в них звучало спокойствие. Потом протянула руку, ласково взъерошила ослу колючую челку, провела кончиками пальцев по бархатистому носу. Осел явно успокоился — он перестал пританцовывать, опустил уши, ослабил повод, а когда Элисса протянула ему яблоко, он как ни в чем не бывало принял угощение и стал задумчиво жевать.

Соррель удивленно приподняла брови.

— Впечатляет. Ты умеешь обращаться с животными.

— Да, у меня всегда получалось... И с Тором получалось... — последнюю фразу она пробормотала в сторону и чуть слышно.

— Прости? — переспросила Соррель. На самом деле ее слуху могла позавидовать юная девушка.

— Ничего-ничего. Так вы подождете, пока я собираю вещи? Там и собирать почти нечего... — и, не дожидаясь ответа, она побежала к дому.

— Бери только то, что готова нести на себе! — крикнула старушка.

Еще миг она смотрела вслед Элиссе. Затем повернулась спиной к домику, сосредоточилась и отправила простое сообщение:

«Девочка — моя».

Ответом ей был удовлетворенный вздох.

«Удачный день», — сказал Меркуд.

Глава 5

Спасение Клута

Прежде чем Тор смог спешиться, он успел изрядно наглотаться пыли. Еще у него безумно болели ягодицы, и когда впереди показались резные каменные колонны, которые, словно часовые, стояли перед Хаттеном, Тор с ужасом думал о том, чтобы сделать несколько

шагов. Однако ничего другого не оставалось. И вот теперь он шел по людным улицам, ведя в поводу кобылу Бесс, которую выбрали для него родители — на это ушла добрая половина денег, оставленных Меркудом. Главной задачей было найти гостиницу.

Меркуд настоял, чтобы Тор ночевал в приличных заведениях. То же самое сказали и родители, снабжая его списком этих самых заведений. Юноша собирался последовать этим советам, однако когда он подъехал к харчевне под названием «Свинья и свисток», выяснилось, что она не так давно сгорела. В итоге на постоянных дворах, которые стояли в списке под номерами два и три, не оказалось ни одной свободной койки. Тор только зря потратил время на поиски.

Он устал и выбился из сил, но в первую очередь следовало позаботиться о лошади. После такого долгого перехода ее необходимо расседлать, напоить, задать свежего сена, а потом овса. Неподалеку, судя по манящему запаху, находилась конюшня, и Тору показалось, что кобыла косится на него с неодобрением.

— Как насчет отдыха в лучшей конской гостинице Хаттена? — спросил он, стирая со лба лошади пену.

Вскоре Тор уже расплатился с конюхом. Сам он мечтал о другом: о горячей ванне, которая снимет боль в мышцах, сытном ужине, потому что в животе у него давно урчало от голода, и паре кружек эля, которые помогут забыть прелестное лицо Элиссы.

— Вот тебе полрегаля сверху, — Тор сунул парню, который представился Бартом, еще одну монету. — Проследи, чтобы ее действительно разместили, ладно?

Конюх принялся заверять Тора, что лошадь нигде не окажется в столь надежных руках, как здесь.

Тор покинул конюшню, но ушел недалеко, когда услышал громкие крики и брань. Юноша обернулся. Какой-то здоровяк с небритой физиономией схватил за руку хрупкую девушку, та вырывалась, но безуспешно. Прохожие смеялись. В следующее мгновение Тор оказался перед спорщиками.

— Прекратите! — услышав этот возглас, Тор с некоторым удивлением понял, что говорит он сам.

— Иди своей дорогой, молокосос. Она моя.

Здоровяк запыхтел. Этого было достаточно, чтобы Тор сделал шаг назад. Только так ему удалось избежать столкновения с тяжелым кулаком.

— Твоя?! Ты скотина, Горон! Я не стану твоей за все золото Ларгота. А теперь отпусти меня, проклятый кусок дерьма!

И девушка подкрепила свое требование метким ударом коленкой в пах. Толпа встретила этот удар новым взрывом хохота. Несчастный Горон упал на колени, схватился за причинное место и сморщился от боли, однако так и не выпустил свою пленницу. Тор не смог сдержать улыбки.

— Думаю, юная дама действительно хочет вас покинуть, — шепнул он, склонясь над поверженным здоровяком.

Тот не отреагировал, и Тор, усилием воли слепив из воздуха что-то вроде снежка, запустил этим шариком в брюхо Горо-ну. Разумеется, зеваки не обратили внимания на короткое движение его руки. Зато они увидели, как небритая физиономия здоровяка скривилась, и он сложился пополам. На этот раз его лапища разжалась. Девушка тут же бросилась прочь, точно заяц от гончих... однако, прежде чем исчезнуть в толпе прохожих — на улице былолюдно — обернулась и подарила Тору улыбку.

Зеваки почти тут же разошлись. Приятели помогли Горону встать, и он, хромая, побрел в ближайшую таверну. Лечить боевые раны и уязвленную гордость, подумал Тор.

Юноша поднял седельные вьюки и побрел обратно, к городской площади-туда вел его восхитительный запах жареного мяса. Он уже приметил лоток, где румяная толстуха торговала жарким на шпажках. К лотку уже выстроилась очередь страждущих, и Тор пристроился в хвост.

На главной площади что-то творилось: уже издали молодой человек услышал громкие

крики и смех. Наверно, какое-то представление... Тор чуть не пропустил свою очередь. Торговка подняла глаза и посмотрела на него с кислым видом.

— Сколько? — осведомилась она.

— Два, пожалуйста.

Он заранее отложил в карман несколько монет. Не стоит показывать всей округе полный кошелек, если не ищешь неприятностей на свою голову.

Женщина вытащила две шкворчащие шпажки, ткнула их в густой темный соус и сунула юноше, не забыв получить с него деньги. Мясо было восхитительно сочным, с него капал жир.

Отойдя в сторону, Тор снял зубами первый ломтик и, жуя на ходу, направился в сторону площади. Впрочем, сейчас он наслаждался едой и был слишком увлечен этим, чтобы обращать внимание на что-то еще. Лучший повар — голод, с улыбкой подумал юноша, вытирая каплю соуса с подбородка.

Впервые за несколько дней он улыбался от души. Обнаружив, что дом Элиссы пуст, а ее отец, как всегда пьяный, стоит посреди деревенской площади и бранится последними словами, потрясая ее запиской, Тор вдруг почувствовал себя маленьким ребенком, который потерялся. Элисса исчезла. Она уехала с какой-то травницей, неизвестно куда... и неизвестно почему. От нее осталась лишь эта короткая записка. Элисса писала отцу, как она его любит, но Тора даже не упомянула. Неужели она до сих пор сердится? Он же сказал, что свяжется с ней. Он приехал к ней, чтобы задать тот самый вопрос, который так и не задал в Мятном Доле. Он хотел предложить ей поехать в Тал вместе. Она бы согласилась, непременно согласилась. Так почему...

Он замотал головой, словно хотел вытряхнуть эти мысли. Однако боль потери не отпускала.

В этот миг Тор осознал, что едва не ткнулся носом в чью-то спину. На площади собралась большая толпа, и юноша, несмотря на свой высокий рост, не мог разглядеть, что творится впереди. Однако теперь он прекрасно различал голоса. Люди над кем-то насмеялись, выкрикивали оскорбления. Осторожно, бочком, Тор начал пробираться вперед. Любопытство было так велико, что он забыл о еде.

Люди стояли плотно, и Тору пришлось искать обходной путь. Он прошел вдоль ряда лавок, где торговали всякой всячиной. Глашатай на площади что-то произнес, но его зычный бас, как это обычно бывает, потонул в шуме множества голосов, призывающих соблюдать тишину. Как раз в это время Тор обнаружил небольшую каменную тумбу и взобрался на нее. Зрелище, которое предстало его глазам, потрясло его.

В центре площади на коленях стоял человек. Вероятно, он был не в своем уме, потому что непрерывно что-то бормотал, обращаясь к самому себе. Он был уродлив — настолько уродлив, что мог напугать ребенка одним своим видом. При виде такого уродства вежливые люди обычно отворачиваются, а невежливые таращатся и разевают рты. К тому же он был калекой — Тор заметил, что одна его нога неловко вывернута. Мало ему бед... Калеку не только связали по рукам и ногам, но еще и прибили за правое ухо гвоздем к столбу. Из-под веревок на кистях уже показалась кровь.

Толпа развлекалась. В несчастного летели гнилые фрукты, а один предприимчивый торгаш крутился рядом с мешком рыбьих голов, которые распродал желаящим поупражняться в метании по живой мишени. Дюжие молодцы — судя по всему, из городской стражи, — время от времени пинали пленника ногами. Несчастный не мог сопротивляться и лишь вздрагивал при каждом ударе, но не кричал и продолжал бормотать себе под нос. Несомненно, его мучители хотели услышать нечто иное и злились.

Какое преступление совершил этот человек? Спрыгнув с тумбы, Тор подошел к лавочнику и задал ему этот вопрос.

— Он подглядывал за женщинами в бане, — отозвался тот. — За этим его и застукали.

— И все?!

Эта реплика заставила лавочника попятиться. Мы такого не любим. Куда это годится

— пугать детей и женщин? А вчера что было? Стоило ему появиться на рынке — и никакой торговли. Говорю тебе: он только людей смущает. А толку от него никакого. Будь моя воля, его бы вообще прикончили через час после рождения.

Тор покосился на самодовольного лавочника и скорчил гримасу. Приподнятое настроение, в котором он пребывал мгновение назад, исчезло без следа. Внезапно он понял, что соус, вкус которого еще чувствовался во рту, отдает кислятиной, и швырнул шпажку с остатками мяса на землю. Несколько тощих собак тут же затеяли из-за нее драку.

Крик толпы, глумящейся над калекой, стал невыносимо громким, от запаха тел голова шла кругом. Я устал, подумал юноша. Надо поваляться в ванне, выпить эля, найти место для ночлега, выбросить все из головы. Он побрел прочь, навстречу толпе, которая устремилась на площадь — горожане хотели посмотреть, как будет чиниться расправа. Какая-то дама проплыла мимо, и Тор почти почувствовал, как ее телеса колышутся от предвкушения отвратительного развлечения. И тут кто-то тихо проговорил:

«Помоги мне.... Пожалуйста».

Голос звучал у него в голове. Тор резко обернулся.

— Кто это сказал? — выпалил он.

Двое горожан шарахнулись от него, словно от буйнопомешанного, и понимающе ухмыльнулись.

Голос зазвучал снова — низкий и мягкий.

«Я невиновен. Меня обвинили по навету. Помоги мне, Торкин Гинт. Прошу тебя».

Тор бросился обратно, к лавке, и снова влез на тумбу, не обращая внимания на протесты владельца. Нет, он не испытывал ни малейшего удовольствия при виде страданий калеки. Но если пленник сейчас посмотрит на него, значит, голос в голове — не плод воображения.

«Кто ты?» — мысленно спросил юноша. Он уже поймал знакомое ощущение — невидимая полая трубка, которая тянется непонятно куда и по которой можно принимать и получать послания.

«Клут. Я у позорного столба. Меня оклеветали, мне нужна твоя помощь, Торкин...»

Сигнал утонул во вспышке боли: один из стражников с силой врезал калеке кулаком в нос.

При виде крови, которая залила лицо пленника, Тор пришел в ярость. Это избиение устроили на потеху толпе, и оно не имело никакого отношения к правосудию, можно не сомневаться.

«Клут, ты меня слышишь? Между нами что-то вроде трубки — чувствуешь? Попробуй представить, что моя сила перетекает к тебе».

Тор слез со своей тумбы и решительно устремился вперед. Знать бы только, чего ради он это ляпнул. Как бедолага сможет воспользоваться его предложением? Самому Тору даже в голову не приходило проделать что-то подобное. Но что поделать, если его молили о помощи? Он обещал помочь... Нет, это просто смешно. Каким образом он поможет? И зачем он вообще в это ввязался?

Тор не слишком старался придумать какое-то оправдание своим поступкам. Никаких колебаний он не испытывал. Он просто продирался сквозь толпу горожан, которые напирали со всех сторон. Каждый был охвачен жгучим желанием увидеть нарушителя спокойствия и хотя бы криком принять участие в расправе.

Юноша был достаточно высокого роста, чтобы заметить Клута еще до того, как смог подойти к столбу. Новое, прежде неизведанное ощущение захватило Тора: по невидимому каналу от него к калеке словно устремился мощный невидимый поток. Клут использовал силы Тора, чтобы не потерять сознание.

Увлечшись, Тор незаметно для самого себя оказался совсем близко. Кое-кто уже обозвал его «наглым юнцом». Он не обращал на это внимания. Сейчас молодого человека интересовал только мерзавец, который примеривался, чтобы ударить свою жертву ногой по ребрам. Его было необходимо остановить, причем остановить мгновенно. Единственное, что

можно было сделать — это воспользоваться трюком, которому его обучила Элиссандра. Когда нет возможности сконцентрироваться, лучше бить в самое чувствительное место... в данном случае — по глазам. Стражник охнул, его лицо выразило крайнее удивление. Миг он стоял неподвижно, потом прижал веки ладонями и со стоном осел на землю.

Тор подошел к калеке.

«Спасибо, что не бросил меня, Торкин».

Голос, даже мысленный, дрожал от боли. Но времени для обмена любезностями не было. Стражник уже поднимался, хотя и выглядел оглушенным, но пользоваться волшебством второй раз было слишком рискованно. Никогда не знаешь, когда рядом окажутся инквизиторы. Даже если они не способны поймать Тора за руку, не стоит лишний раз привлекать их внимание и давать повод для подозрений.

— Спокойствие, добрые горожане!

Тор вздрогнул от неожиданности. Этот голос — вполне реальный — раздался прямо у него над ухом.

— Корлин, сделай одолжение, прикажи своим бравым стражам воздержаться от дальнейших ударов по арестованному. Почему-то мне кажется, что он не намерен покидать наш мир в ближайшее время.

Последнее замечание вызвало смешки в первых рядах зрителей. Тор оглянулся, чтобы увидеть человека, осмелившегося оспорить действия городской стражи.

Незнакомец держался непринужденно, в глазах плясали веселые искорки. Кажется, он решил принять участие в этом представлении исключительно ради собственного удовольствия. Однако стражнику, которого он назвал Корлином, было не до шуток.

— Это не твоё дело, Кайрус. Скажу больше: это не твоя вотчина. Я действую от имени горожан Хаттена.

— Для тебя и для твоих доблестных молодчиков я — прайм-офицер Кит Кайрус. Судя по внешнему виду арестованного, он уже получил все, что ему причитается. Сделай одолжение, скажи мне: в чем его обвиняют?

В тоне прайм-офицера появились нотки сарказма, и ничего хорошего это не предвещало. Во всяком случае, на продолжение веселья рассчитывать уже не приходилось. Однако Корлин мог злиться сколько угодно: его противник был выше по званию. Стражник сделал глубокий вдох, затем окинул взглядом толпу, явно рассчитывая на её поддержку, и изрек:

— Он обвиняется в том... что сегодня утром подглядывал за женщинами, посещающими баню!

И смолк, как человек, который сказал самую страшную в своей жизни глупость. А ведь лишь несколько часов назад, когда эти женщины, жены самых богатых и именитых горожан, обратились к страже с жалобой, преступление казалось чудовищным.

Прайм-офицер — рослый, широкоплечий, с копной роскошных темных волос и короткой, аккуратно подстриженной бородкой — не носил никаких знаков отличия. Он был одет в простые темные брюки и белоснежную рубаху. Казалось, офицер не прилагает ни малейшего усилия, но каждое его слово было слышно в самых дальних уголках площади, словно его мощная грудная клетка служила резонатором. Серые глаза лучились, и эти искорки можно было принять за смешинки — особенно сейчас, когда он комично склонил голову набок. И точно: Кайрус прищурился... и расхохотался. Его смех был таким заразительным, что через миг половина зрителей смеялась вместе с ним. Даже Тор не мог сдержать улыбки. Впрочем, у него была ещё одна причина для радости: кажется, про него все забыли.

— Ха! А я-то думаю, почему наши неженки-дамы зачастили в баню?! Они надеются, что у кого-то возникнет желание полюбоваться их необъятными задницами и жирными ляжками!

Хохот грянул с такой силой, что в соседних домах задрожали стекла. Смеялись все, кроме Корлина и его подчиненных. Однако Тор заметил, что глаза Кайруса больше не улыбаются. Офицер пристально глядел на стражников, а когда заговорил снова, его голос

мог заморозить реку в разгар лета.

— Отпусти этого беднягу, Корлин. Найди себе дичь покрупнее, выследи ее и развлекайся со своими молодчиками сколько влезет. Этот человек получил свое, а заслужил он это или нет — разберемся потом.

— Кто сказал? — рявкнул Корлин. Он все еще думал, что может что-то изменить.

— Я! — глаза прайм-офицера потемнели, как грозовое небо. — Немедленно отпусти его. Это приказ. И отзови этих головорезов, которые строят из себя защитников города. А вот за ковырялку хвататься не надо, — добавил он, заметив, как рука стражника тянется к рукояти меча. — Иначе твоя голова раньше окажется вон в той канаве.

Ты еще пожалеешь об этом, прайм-офицер, — угрожающе прошипел Корлин. — Мы с тобой встретимся — в другой день, в другом месте. И можешь не сомневаться: это за твою голову будут драться собаки.

Корлин быстро развернулся, достал большой нож и перерезал веревки, которыми были стянуты кисти и щиколотки Клута. Когда стражник выпрямился, его взгляд не выражал ничего хорошего. Грозно нахмурившись, он оглядел притихшую толпу и зашагал прочь. Его помощники строем последовали за ним.

Настроение горожан тоже изменилось. Еще минуту назад они были готовы растерзать свою жертву на части, а сейчас их внезапно охватил стыд. Люди понемногу начали расходиться.

— Ты меня очень обяжешь, если объяснишь, кто ты такой и что собирался сделать, — произнес Кайрус. Тор, к которому были обращены эти слова, сидел на корточках рядом со своим новым другом, и офицер возвышался над ними, как башня.

Юноша и Кнут переглянулись и обменялись парой фраз, которые были слышны только им двоим. Затем Тор встал. Теперь глаза смотрели прямо в глаза прайм-офицеру. На миг оба почувствовали неловкость: каждый из них считался в своем кругу самым рослым. Но Тор с облегчением отметил, что стальные молнии во взгляде офицера исчезли. Все зависело от того, насколько убедительным ему покажется объяснение, а времени на раздумья не было. Для начала Тор отступил на шаг и пожал плечами.

— Я спросил, как тебя зовут, мальчик, — тихо напомнил Кайрус.

— Тор, сударь. Торкин Гинт.

— А откуда ты?

— Я только что прибыл из Гладкого Луга, прайм-офицер. Я... м-м-м... поставил кобылу в конюшню и бродил по городу. Видите ли, я ищу, где бы переночевать... ну... Я увидел, что здесь происходит... с ним... — Тор кивком указал на Кнута, который хранил молчание.

— Ты его знаешь?

— Нет, сударь... э-э-э, прайм-офицер... не знаю. Ну, он говорил... Нет, сударь. Нет, не знаю.

Кайрус прищурился, в его глазах появилось раздражение.

— Ты встречал этого человека раньше или не встречал? — офицер говорил очень тихо, но чеканил слова, словно желая донести их смысл до несообразительного юнца. — Не юли, мальчик.

— Никогда, — выдохнул Тор. Правду говорить легко и приятно, и сейчас он в этом убедился.

Прайм-офицер прищурился. Этот взгляд оба его помощника знали очень хорошо. Кайрус обладал способностью отличать правду от лжи. Все в королевском войске знали этот взгляд, и тот, чья совесть была нечиста, трепетал. Тор терпел. Ему хотелось отвести глаза, пнуть камень, хотя бы потоптаться на месте. Но он не осмелился.

И тут послышался стон — нет, скорее сдавленный хрип человека, который больше не может выносить боль. Это напомнил о себе Кнут, по-прежнему прибитый к столбу за ухо. Кайрус бросил взгляд на пленника, затем снова на Тора... и протянул юноше руку. Ладонь у него была крупная и на удивление ухоженная.

— Хорошо, Торккн Гинт. Если ты не знаешь этого человека, ты дурак, — он широко улыбнулся, что удивило Тора. — Но смелый дурак. Я рад, что у кого-то хватило духу взять за яйца эту свинью с замашками палача... хотя одним богам известно, что у тебя на уме.

Он посмотрел на калеку, и его улыбка, широкая и искренняя, исчезла, словно ее и не было.

— Помоги мне, парень. Освободим убогого.

— Он не убогий, сударь. Его зовут Клут, су... э-э-э... прайм-офицер Кайрус, — Тор сообразил, что слишком рьяно бросился защищать пленника. Кайрус посмотрел на юношу, вскинув брови, и недоуменно хмыкнул. Он ничего не сказал, но взгляд был достаточно красноречив.

— Я имею в виду...

Тор уже понял, что сел в лужу. Оставалось только принять беспечный вид и говорить, говорить... неважно что, главное — как можно больше пустых слов.

При всем моем уважении, прайм-офицер... судя по тому, что я вижу, он нем и рожден калекой. Однако вовсе не полоумный... ну, или, может быть, не совсем...

Чувствуя, что слова закончились, юноша изобразил обезоруживающую улыбку. Оставалось только надеяться, что это поможет. И когда Кайрус задумчиво свел брови к переносице, Тор ощутил сладчайшее облегчение.

— Значит, ты не только воин, но и лекарь? — голос офицера снова звучал насмешливо, но на этот раз в этом не было ничего обидного.

— Нет, сударь... То есть да... Я учусь на лекаря, сударь. Я просто думаю: он бы кричал... э-э-э... от боли, если бы мог говорить. Как вы считаете?

Кайрус глубокомысленно хмыкнул и аккуратно сунул острие ножа под шляпку гвоздя.

— Так... Сейчас будет больно, — предупредил он Клута. Освобожденный, калека кулем свалился к ногам Тора.

— Бедняга, — пробормотал Кайрус, осматривая его избитое тело. — Подожди, парень, я схожу за помощь».

И удалился.

Тор приподнял Клута. Калека пристроился у него на руках, повернул свою огромную голову и посмотрел на юношу. Безобразные губы, разбитые и распухшие, немыслимым образом изогнулись. Клут улыбался.

«Спасибо», — прошелестел его голос в голове Тора. Сколько достоинства у этого человека!

— Отдыхай, Клут.

Кайрус отсутствовал недолго. Вместе с ним пришли двое его подчиненных, которые тащили за собой тележку на четырех колесиках.

— Перетаскивай его, Рис, — сказал прайм-офицер. — И осторожней, он и так еле дышит.

— А что с ним будет, сударь? — вставая, спросил Тор.

— Мои люди отвезут его в богадельню. Если старина Джонас еще не надрался, то подлечит его, как сможет. Во всяком случае, найдет ему какой-нибудь тюфяк. Это лучшее, что мы можем сделать.

Оказавшись на тележке, Клут скорчился, и Рис с напарником покатали ее прочь. И тут голос Клута снова зазвучал в голове у Тора — напряженно, с болью и беспокойством:

«Тор! Мы должны оставаться вместе!»

О да. Бедняга все еще тянет из него силы, чтобы не лишиться чувств. Надо что-то делать. Или хотя бы попытаться.

— Прайм-офицер Кайрус!

— Удачи, Гинт!

Кайрус уже вскочил в седло и натягивал поводья, разворачивая своего скакуна. Воины поволокли тележку следом. Тор бросился к ним.

— Эй, подождите! Подождите!

— Что еще, мальчик? — проворчал Кайрус. — Я и так убил на это массу времени... Ну, говори!

— Я сам о нем позабочусь! — выпалил Тор.

— Ты... что сделаешь?! — Кайрус осадил коня. — Что ты несешь, Гинт?

Тор сам не знал. Что имел в виду Клут, утверждая, что они должны держаться вместе? Откуда он вообще знает его имя?

Все это как-то странно... Но в последние несколько дней вообще происходит много всего странного. Тор уже почти перестал удивляться. Пожалуй, стоит довериться своему чутью.

— Я позабочусь о нем, прайм-офицер Кайрус! — выпалил юноша. — Пожалуйста, разрешите мне о нем позаботиться. Только подумайте: какое обращение в богадельне? Кто станет ухаживать за калекой, которого в родном городе забили до полусмерти? Кому это нужно — тратить силы, время? Он там просто умрет. Мы же оба это знаем... Может, я хотя бы... — Тор не знал, что еще сказать.

Прайм-офицер пристально посмотрел на Тора.

— Что-то мне подсказывает, что ты не договариваешь, парень. Как ты собираешься о нем позаботиться? Старина Джонас, конечно, коновал, а не лекарь... но я не могу предложить ничего лучшего, — его взгляд стал мягче. — Ты тоже ничего не можешь для него сделать, Гинт. Возвращайся в свою деревню и выброси эту историю из головы.

Молодой человек сделал шаг к тележке.

— Но мне это очень важно. Этот человек умирает, а я не смогу ему помочь... У меня есть немного денег. Может быть, я найду лекаря получше, чем ваш Джонас, заплачу ему...

Он хватался за соломинку, как утопающий. Но эти объяснения были неубедительны.

— У тебя есть немного денег? И ты собрался потратить их на полумертвого, полоумного калеку, которого ты видишь первый раз в жизни?!

«Думай, Тор, думай!»

— Эти деньги заработаны честным трудом, сударь. И я имею право потратить их на то, что поможет мне обрести вечную жизнь после смерти... вместо того, чтобы выпить эля, а потом отлить в ближайшую канаву.

Тор небрежно махнул рукой. В душе он молился, чтобы его тирада прозвучала достаточно убедительно.

— Забирай его, Торкин Гинт, — Кайрус махнул рукой. — Он свое получил. Он — свободный человек. И удачи вам обоим.

С этими словами прайм-офицер повернулся к своим подчиненным, бросил им пару слов и уехал, ни разу не обернувшись.

Видя, что Тор стоит столбом, глядя ему вслед, Рис демонстративно прочистил горло.

— Куда его везти, парень?

— Э-э-э... что? — Тор провел ладонью по волосам.

— Приказ прайм-офицера. Мы должны отвезти его туда, где ты остановился.

Юноша заметил, что одежда Риса запылилась. Офицер провел весь день на ногах и сейчас, скорее всего, мечтал о паре кружек эля, а не о том, чтобы катать убогих на тележке.

— Я нигде не остановился, — пробормотал Тор.

Рис поглядел на него так, словно собирался как следует ему врезать.

— Вот уж воистину... — буркнул он. — Дурак дурака видит издалека.

Голаг, его напарник, повторил то же самое, но в более крепких выражениях.

— Послушайте... — в отчаянии взмолился Тор. — Я с утра ищу, где бы остановиться, но все постоянные дворы забиты. Мне просто не повезло. Вы можете мне найти комнату? Я заплачу!

— Что-то ты расщедрился, парень, — сказал Рис. — Соришь деньгами направо и налево.

«Деньгами, которых у тебя нет».

— Сколько? — осведомился Голаг. Голос у него был хриплым — вероятно, из-за

редкого употребления.

— Найдите мне комнату, лекаря и горячую пищу, и я дам каждому по дыюку.

Тор уже догадался, что даже королевской страже не платят столь щедро- он посулил каждому недельный заработок, если не больше. Но если они в самом деле помогут... Правда, после таких расходов придется затянуть пояс.

Воины переглянулись и присвистнули. Как и рассчитывал Тор, перед таким предложением им было не устоять. Но лишь увидев, как Рис кивнул, он смог вздохнуть с облегчением.

Две пары рук дружно взялись за ручки тележки, колеса закричали. Тор пристроился сзади, чтобы облегчить им работу. Куда они направляются? Неизвестно. Но он был исполнен благодарности этим ребятам, которые катили тележку по людной улице, переговариваясь вполголоса. Юноша сжал руку Клута.

«Теперь недолго осталось», — мысленно сообщил он, стараясь, чтобы его слова «звучали» как можно мягче.

Ответа не последовало. Кнут только вытянул из него еще немного силы.

Пейзаж понемногу менялся. Тор и его провожатые оказались на окраине, где жила городская беднота.

Рис и Голаг свернули в переулок- скорее, узкий проход между домишками, которые лепились друг к другу — и осторожно покатали тележку по брусчатке. И вдруг переулок закончился, и у Тора запестрело перед глазами. Маленькая площадь, на которую они вышли, была полна народу. Люди сустились, смеялись, развешивая яркие флаги, устанавливая лотки и разноцветные палатки. Пахло жареным луком, мясом, дичью... Юноша почувствовал, как желудок сводит от голода. Он вдохнул упоительные запахи и сглотнул. Есть хотелось ужасно.

— Что тут творится? — спросил он у Риса, догоняя его.

— Сегодня чествуют Короля Моря.

— Короля Моря? — недоуменно переспросил Тор.

— Ты что, не местный? Про Праздник Урожая никогда не слышал? — и Рис со знанием дела сплюнул.

— Я вырос в глуши, Рис. Родители как-то рассказывали... но я нигде не бывал, кроме окрестных деревень — до этого дня. А что это за праздник?

Неторопливо катя тележку через площадь, Рис рассказал, что Хаттен не всегда был таким богатым и красивым городом. Однако жители не забывают те времена, когда их предки только начинали заселять эту местность. Именно благодаря рыбе и вину они достигли процветания. Местное вино не отличается изысканным вкусом — не то что южные сорта, виноград для которых выращивают в солнечных долинах. Однако со всего юга не вывозят и половины вина, которое дают Хаттенские виноградники. Что же касается моря... Каждый год, в конце лета, огромные косяки рыбы приходят на нерест, и рыбацьи шхуны возвращаются домой, глубоко проседая под тяжестью улова. Когда же созревают фрукты, виноделы дают виноград. Тогда крестьяне и рыбаки устраивают День благодарения.

В этот день люди пируют, веселятся и выбирают Короля Моря и Королеву Вина. Всю ночь венценосная чета предается любви — считается, что это служит залогом того, что урожай на будущий год будет богатым, а сети полны рыбы. Этот обычай неукоснительно соблюдается вот уже почти двести лет. В Хаттене это самое большое торжество.

Сегодня ночью все рыбацьи лодки будут стоять у причала. Так же тесно будет и на постоянных дворах. Землевладельцы и виноградари, капитаны и матросы, знатные купцы и простые горожане съезжаются в Хаттен, чтобы полюбоваться праздником и повеселиться вволю.

Теперь ясно, почему все комнаты заняты, подумал Тор.

— В этом году Королеву выбрали накануне, — продолжал Рис.- А сегодня вечером настанет очередь Короля. И вот тогда начнется веселье...

Голаг повернул чумазую физиономию и плотоядно ухмыльнулся, показав два ряда желтых зубов.

— Как думаешь, выберут меня Королем Моря? Я не против того, чтобы перепихнуться с Эйрин!

Он издал звук — вроде того, с которым несмазанное колесо проезжает по булыжнику — и демонстративно почесал в паху. Ради этого тележку пришлось остановить.

— А кто такая Эйрин? — спросил Тор.

— Местная шлюшка, которую городские мужчины выбрали Королевой. Но не думаю, что у Голага есть шанс — а, Голаг? — Рис толкнул своего неряшливого друга под ребра и рассмеялся.

Тор нахмурился.

— Значит, мужчины выбирают Королеву, а женщины — Короля? Так это и делается?

— Нет, мальчик. Короля выбирает Королева. Разрази меня гром! Сегодня ночью Эйрин не станет раздвигать ноги перед каким-нибудь уродом. Нет, таких, как мы с тобой, она ублажает только за деньги. Сделал дело — плати.

— Сначала плати, а потом делай дело, — с удовольствием поправил Голаг. Оба нашли шутку очень забавной, а когда Тор от смущения залился краской, расхохотались.

— Э-э-э... — протянул Тор. — Думаю, я все понял. Спасибо, Рис.

Деликатность, с которой юноша попытался закрыть скользкую тему, вызвала новый взрыв хохота. Чтобы скрыть неловкость, Тор огляделся. Они остановились как раз перед постоянным двором. Над дверью красовалась вывеска с надписью «Пустой кубок», а изнутри доносились мужские голоса и громкое пение.

— Мы пришли? — спросил он.

Рис уже успокоился. Голагу пришлось постучать себя по груди, чтобы унять кашель — похоже, слюна попала ему не в то горло.

— Да, парень, — отозвался он, переводя дух. — Думаю, здесь для тебя найдется... кха!.. небольшая комнатка на одну ночь, если нам повезет... кха... и если ты позолотишь ручку старине Додди.

— Сколько?

Пожалуй, показывать все свое богатство не стоило. Поэтому Тор не стал доставать кошелек. Он выгреб из кармана пригоршню меди, среди которой оказалось несколько баронов, и дернул Голага за грязный рукав. Солдат обернулся и торопливо сгреб деньги с ладони юноши.

— И не забудь мой дык, — прорычал он прямо в лицо Тору.

К счастью, оба дыка уже лежали в другом кармане — они перекочевали туда еще на площади, где горожане чинили расправу над несчастным Клутом. Мысленно похвалив себя за предусмотрительность, Тор передал обе монетки Рису.

— И что теперь?

Рис прочистил горло и снова сплюнул. Точно замороженный, Тор смотрел на комочек слизи, который блестел в пыли у его ног.

— Сажай этого дурачка себе на плечи, парень- и за мной.

Сейчас молодой человек даже не попытался завести с калекой мысленный разговор — это не имело смысла. Клут по-прежнему тянул из него силы, но Тор заметил, что почти привык к этому ощущению. Однако стоило юноше взвалить нового друга на плечи, он почувствовал, сколько сил пришлось отдать. Согнувшись в три погибели и спотыкаясь, Тор последовал за Рисом в трактир.

Едва дверь открылась, шум оглушил юношу. Похоже, это заведение было отдано под квартиры королевским ратникам — во всяком случае, все посетители казались точной копией Риса и Голага и пахли точно так же, если не сильнее.

Пошатываясь под тяжестью Клута, Тор нетерпеливо следил за Рисом, который что-то объяснял необъятному типу за стойкой. Наконец толстяк воздел руку и ткнул вверх пальцем, похожим на колбаску.

— Верхний этаж, — сообщил Рис, возвращаясь к Тору. — Ступай туда, а я найду лекаря, и мы квиты.

Он улыбнулся и пожал юноше руку. Странно, но от этого жеста на душе у Тора стало немного легче.

С благодарностью кивнув Рису, он двинулся вверх по скрипучей деревянной лестнице. Задача оказалась не из легких. То и дело приходилось останавливаться — например, пропуская компанию пехотинцев, на которых висели смеющиеся девушки — да и просто для того, чтобы перевести дух. На верхнем этаже оказалось три комнаты. Открыв наугад ближайшую дверь, юноша поспешил ее захлопнуть: его взору предстала местная красотка, которая обслуживала клиента.

— Прошу прощения... — пробормотал Тор, чувствуя, как мгновенно покраснел.

Во всяком случае, выбор сократился. С трудом сделав несколько десятков шагов по душному коридору, Тор толкнул дверь. О счастье! Комната оказалась пустой...

И очень тесной.

Теперь нужно было как можно бережнее опустить Клута на кровать. Но Тор настолько обессилел, что буквально уронил свою ношу и сам рухнул на пол рядом. Он был настолько измотан, что не чувствовал ничего, кроме тупого раздражения.

Он не знал, сколько просидел, не меняя позы. Наконец, в дверь постучали, и в комнату вошла девочка с кувшином воды и миской — совсем маленькая, она едва ли успела встретить свое десятое лето.

— Лекарь пришел, — выпалила она с порога.

— Ты — Гинт? — осведомился пожилой господин, проходя следом за ней. — Тот, что принес сюда этого слабоумного?

Тор вздохнул и устало поднялся.

— Да... наверно, можно и так сказать. Он показал на кровать.

Лекарь, который представился Фрейбергом, прислонил трость к изножью койки, укоризненно поцокал языком и тут же принялся снимать с Клута лохмотья. То, что предстало их взорам, напоминало палитру живописца. Ярко-пурпурные кровоподтеки, желтовато-серые следы старых ушибов и темно-розовые — свежие... Но страшнее всего были ярко-красные пятна — признак подкожного кровотечения. Лекарь фрейберг сообщил, что это говорит о переломах.

Осматривая раненого, старик непрерывно что-то бормотал, но так тихо, что невозможно было разобрать ни слова. Наконец, он закатал рукава, открыл заплечную сумку с множеством отделений, которую принес с собой, вынул пробку из бутылки с какой-то темной, густой жидкостью, и по комнате разлился запах гвоздики.

— Вот, — он сунул бутылочку Тору. — Влей немного ему в горло. Это хоть как-то снимет боль.

Тор кивнул, бережно приподнял голову Клута и поднес бутылочку к его распухшим губам.

— А зубы, сударь?... Я имею в виду... вдруг он случайно проглотит выбитые зубы?

Доктор фыркнул, затем посмотрел на мальчика из-под густых бровей, одна из которых ловко удерживала монокль.

— Думаю, проглотить обломок зуба — меньшая из бед, которая грозит этому человеку. Но если это тебя успокоит, мальчик... его зубы я уже проверил. На вид все цело. Похоже, это единственная часть его организма, которая не пострадала.

Он покосился на раненого, затем посмотрел на Тора и тихо добавил:

— Меня радует другое: ты это отметил, Гинт.

Тор был польщен. Он давно чувствовал, что быть лекарем — его призвание. Задолго до того, как получил предложение Меркуда.

— Я еду в Тал, почтенный Фрейберг, — выпалил он. — Меркуд Облегчающий Страдания предложил мне стать его учеником! Я буду учиться лечить людей!

Гордость буквально распирала его... и ей надо было дать выход. Доктор улыбнулся в

ответ.

— Чудесно. Я не встречался с великим Меркудом, но кто его не знает? Слава о нем идет по всему Королевству! Ты будешь учиться у самого знаменитого учителя, жить во Дворце... -- он вздохнул. — Сколько возможностей для юноши... Пстой. Я слышал, что у Меркуда никогда не было учеников. Или это только сплетни?

— Это правда, — гордо ответил Тор. — Я — первый.

— Ну, что ж... Сочту за честь дать тебе первый урок, юный Гинт.

И лекарь снова повернулся к раненому.

— Должен сказать, что твой несчастный друг жестоко избит. Не могу сказать, чем для него это обернется... по крайней мере, пока. Если ты хочешь помочь, обещай, что будешь сохранять присутствие духа. Он весь изранен.

Тор серьезно кивнул. С площади донеслись голоса, смех-там начиналось веселье. Звуки становились все громче. Сквозь крошечное слуховое окно в комнату проникал мягкий свет уходящего дня.

— Его зовут Клут, сударь. А меня — Тор. Доктор едва заметно кивнул и начал объяснять.

— Так вот, Тор. Я могу сразу же определить, что у почтенного Клута сломано несколько ребер, левая рука, вывихнуто правое плечо... правая кисть тоже сломана. У него сильное сотрясение мозга — вероятно от удара в висок, — он мягко указал пальцем. — Челюсть если не сломана, то... по крайней мере, есть трещина — вот здесь.

Тор молчал.

— Возможно, трещина на скуле... нос определенно сломан. Завтра утром на лице появится пара огромных синяков- если он доживет до утра. И ухо сильно порвано... О небо! Они прибили его к столбу за ухо?!

Ответа не потребовалось.

— Вот здесь и здесь — внутреннее кровотечение. Если пострадали внутренности, мы вряд ли можем что-нибудь сделать. Но я надеюсь, что кровотечение вызвали сломанные ребра. Однако этот человек меня удивляет. Чудо, что он до сих пор жив.

И снова полез в свой чемоданчик. В отличие от старика лекаря, Тор знал цену этому «чуду». Голова раскалывалась, вялость становилась неодолимой. Тело требовало отдыха. Клут действительно пил его силы. Лекарь продолжал говорить, но Тор его уже не слышал.

— Мне потребуется твоя помощь... Что случилось, Тор? Да на тебе лица нет. Тебя тошнит? Ну-ка садись, садись.

Старик засуетился и усадил молодого человека на маленькую табуретку у окна. Свежий воздух подействовал благотворно: тошнота прекратилась, головокружение стало слабее.

Тор со смущенным видом принял из рук лекаря черный пузырек.

— Понюхай, юноша. Тебе должно полегчать.

Тор сделал глубокий вдох и тут же пожалел об этом. Воздух застрял в груди. Потом начался неуправляемый кашель, рот наполнился горечью, глаза заслезились, из носа потекло. Должно быть, взгляд, который он бросил на лекаря, выражал нечто вроде праведного гнева, потому что старик издал короткий смешок и протянул юноше еще одну склянку.

— Не надо, доктор... — просипел Тор. — Спасибо... мне ваши травы не подходят.

— Поверь, Тор, тебе на самом деле станет легче. А в том пузырьке были не травы, а нюхательная соль. Средство простое, но весьма действенное. Приношу свои извинения.

Скорее всего, эти извинения были просто данью вежливости. Однако Тор послушно взял склянку и осушил одним глотком. Содержимое было приятным на вкус — не приторным, но и не горьким, хотя с каким-то странным привкусом. Ничего похожего Тор раньше не пробовал. Недурно... Во всяком случае, в голове мгновенно прояснилось.

— Ну как, тебе лучше? — спросил лекарь, глядя ему прямо в глаза. — Это аррак.

Тор облизнул губы.

— А что это такое?

— Ягода,- пояснил старик, бережно вытирая Клоту лицо. — Листья сизые, ягоды —

ярко-красные, совсем крошечные. Это растение — большая редкость. Аррак расцветает во время Оттепели и плодоносит очень недолго. Как только становится ясно, что морозы слабеют и лед скоро начнет таять, я отправляюсь на поиски. Но упаси тебя боги собирать ягоды, которые еще не созрели, юный Тор. Это смертельный яд.

— Никогда про них не слышал, — Тор понюхал пустой пузырек. Запах восхитительный. Стоит запомнить. — А как вы их готовите?

— Возможно, когда-нибудь я тебе покажу. Ничего сложного: ягоды нужно истолочь и кипятить на сильном огне, все время помешивая, пока не получится густой сироп. Если хочешь кого-то отравить, сок нужно отжать, но не кипятить. Достаточно нескольких капель, чтобы вызвать паралич. Мало кто знает об этом.

За разговором лекарь аккуратно обтирал тело Клута губкой, чтобы смыть всю грязь. Тор ни о чем не спрашивал, и вскоре старик начал тихонько напевать себе под нос. Тор молчал. Он с восторгом ощущал прилив сил, а потом осмелился снова немного подпитать раненого.

— Мне нужна твоя помощь, Тор, — сказал Фрейберг. — Будем вправлять твоему другу кости. Ты готов?

— Да. Я очень хочу помочь.

Работа заняла около часа. Действовать приходилось очень осторожно, и оба — и старик, и юноша — взмокли от напряжения, хотя вечер был прохладным. Когда все было закончено, лекарь объяснил, куда нанести ту или иную целебную мазь — эти мази, как по волшебству, появились из многочисленных отделений его сумки, — а также показал, как накладывать шины. Тем временем сумерки сменились тьмой. На улице и первом этаже трактира стало так шумно, что и учителю, и ученику приходилось кричать, чтобы услышать друг друга. Наконец старик выпрямился и вздохнул.

— Вот, юный Гинт. Теперь все в руках богов. Мы с тобой сделали все, что могли... — он пристально взглянул на юношу. — Нет, не совсем. Я могу сделать кое-что еще.

И лекарь извлек из сумки еще одну маленькую склянку. Внутри была розовая жидкость.

— Я держу это средство для смертельно раненных. Если случится самое худшее... в общем, если на теле у твоего друга начнут появляться красные пятна — вот такие, — или если твой друг начнет харкать кровью... Вливай ему жидкость в рот по капле и молись о его душе.

Сок аррака. Тор был потрясен.

— Нам это не потребуется, доктор Фрейберг.

Его голос внезапно охрип, и он в растерянности понял, что плачет.

— Я знаю, мой мальчик. Терпеть не могу терять пациентов. Но если твой друг придет в сознание, он будет страдать от ужасных болей и умрет в муках, — доктор сунул склянку юноше в руку и заставил его сжать пальцы. — А так все закончится быстро. Легкая смерть, Тор.

Тор не мог это слышать. Он был истощен и телесно, и душевно.

— Сколько я вам должен, уважаемый?

Врач поморщился и принялся собирать свою сумку.

— Человек не должен так страдать. Это оскорбление рода людского. Я не возьму с тебя денег, Тор.

Он неожиданно улыбнулся — с такой теплотой, что Тор ошалело попятился и плюхнулся на табуретку.

— Да-да, сынок. Советую тебе потратить эти деньги на горячую ванну, плотный ужин и несколько кружек эля. Почтенный Клут какое-то время может побыть в одиночестве, а тебе надо отдохнуть и восстановить силы. Ты парень крепкий, как я погляжу, но еле на ногах держишься. У тебя ничего не болит?

— Нет, сударь... просто я уже много дней в пути... и давно не ел.

Он умело врал — и ненавидел себя за это. Прежде всего потому, что должен был

обманывать этого щедрого и доброго старика.

— Ну, тогда до завтра, Тор.

Какое-то время Тор слушал, как врач спускается по лестнице, но вскоре звук его шагов потонул в многоголосом шуме, долетающем с первого этажа. Тогда молодой человек встал и начал разглядывать странное лицо спящего человека, пытаясь не обращать внимания на опухлости и страшные синяки. Да, Клута трудно было назвать красавцем. Огромный нос загнулся книзу, как клюв, и почти касался вздернутой губы, лоб казался неестественно вдавленным. А еще оттопыренные уши-лопухи и копна темных волос, напоминающих тростниковую крышу. Клут мог показаться забавным уродцем... если бы не ум, который Тор видел в его полных боли глазах. Скорее всего, он немой, но точно не слабоумный, как походя считали те, кто видел его впервые.

Тор в сотый раз вздохнул. В ушах у него снова зазвучали слова лекаря Фрейберга: «мы сделали все, что могли».

Тут его внимание привлекла какая-то возня на полу, у ножки койки. Удивленный, потрясенный, Тор увидел, как маленький отряд муравьев расправляется с тараканом, который упорно сопротивлялся, но явно сдавал позиции. Крошечные воины повалили великана на спину и теперь деловито расчленяли его, хотя уцелевшие ножки таракана яростно молотили по воздуху. Один муравьишка, особенно упорный, прилагал невероятные усилия, пытаясь оторвать гигантскую конечность в одиночку! Тор следил за ним с восхищением. Задача казалась непосильной, однако малыш не сдавался.

Возможно, именно муравей вдохновил его. Тор сделал глубокий вдох, засучил рукава и осторожно положил ладони на грудь Клуту. Потом закрыл глаза и вызвал мысленный образ трех сфер, переливающихся всеми цветами радуги. Последнее время он называл их просто «Цвета».

Кончики пальцев привычно закололо, комната стала бесцветной и погрузилась в тишину.

Глава 6

Король Моря

Усталость еще не ушла, но Тор чувствовал себя едва ли не заново рожденным. Ему удалось залезть в ванну, а потом переодеться в чистое. Позже внизу, среди веселящихся ратников, он внезапно понял, что не знает никого в этом городе — в отличие от этих бодрых здоровяков, которые съели вместе не один пуд соли.

Правда, при виде тарелки жаркого и кружки крепкого эля настроение Тора немного поднялось. Служанка, которая таким образом осчастливила его, тут же исчезла, и ее скрыла стена могучих торсов, обтянутых потными рубашами. Цвет ее волос заставил Тора вспомнить об Элиссе, и юношу снова охватило отчаяние. Куда она уехала? Почему не оставила ему записки? Ответа на эти вопросы не было, как и прежде. Надеясь неизвестно на что, юноша наугад послал зов, как когда-то делала она. Ничего. Только чернота. Тор сунулся туда, точно кочергой в золу, пощупал... Никаких следов. Нет даже намека на запах, по которому Тор узнавал Элиссу.

Увлеченный поглощением пищи, которой настоятельно требовало его тело, и мыслями об Элиссе, Тор не заметил, как в зале появилась новая компания. И только когда один из новоприбывших отстегнул ножны своего меча и положил их на стол Тора, юноша вздрогнул, поднял кружку и отсалютовал, а потом сделал большой глоток.

— Твое здоровье, Гинт, — поднимая свою кружку, тихо ответил Кайрус. — Как поживает твой уродец?

— Его зовут Клут, господин прайм-офицер, — Тор выдержал пристальный взгляд воина. — Лекарь сказал: мало надежды, что он дотянет до утра.

Прайм-офицер откинулся на спинку стула и потер глаза, серые, как сталь.

— Интересный ты парень, Тор Гинт. Расскажи мне о себе.

Он понравился Тору — и с этим ничего нельзя было поделать. Кайрус выглядел таким открытым и дружелюбным. Несомненно, этот человек был умудрен жизненным опытом, образован, но не боялся применить грубую силу, если нужно. Чутье подсказывало Тору, что его отличает верность и преданность, что он сперва позаботится о своих людях, а потом о себе, и превыше всего для него долг перед государем.

— Рассказывать особенно нечего, прайм-офицер Кайрус. Я не так давно покинул деревню, где родился и вырос... а теперь направляюсь в Тал.

— Ешь, ешь, — Кайрус улыбнулся и кивком указал на тарелку, где остывало мясо.

Тор послушно принялся за еду. Прайм-офицер подозвал проходящую мимо служанку и заказал еще кружку эля — его кружка уже опустела.

— А сколько тебе лет?

— Достаточно, — с набитым ртом буркнул Тор. Этот вопрос его смутил.

— Ты направляешься в Тал... Зачем?

— Почему бы и нет? Если разобраться, в столице больше всего шансов поймать удачу за хвост.

Тор чувствовал себя так, словно за хвост поймали его самого.

— Твой отец — крестьянин, Торкин? Значит, запомнил его имя. Впечатляет.

— Нет, сударь. Он писарь, ездит по окрестным деревням. А наша деревня называется Гладкий Луг. Знаете это место?

— Конечно. По крайней мере, ваш постоянный двор помню очень хорошо. Я частенько там останавливался... хотя это было давно. А почему твой отец согласился отпустить такого умного парнишку в столицу вместо того, чтобы передать ему свое дело? Мне это кажется странным.

Тор сделал вид, что ему очень важно вылить себе в глотку последние капли эля, хотя его кружка опустела несколько минут назад. Ему было необходимо выиграть время, чтобы обдумать ответ. Прайм-офицер был честным человеком, в этом Тор не сомневался... но слишком любопытным.

— Мой отец считает, что человеку стоит посмотреть мир.

А уже потом можно осесть где-нибудь, начать свое дело и... — он с невинным видом посмотрел прямо в глаза Кайрусу, — обзавестись семьей.

— Так значит, ты собираешься вернуться в Гладкий Луг? — негромко спросил офицер.

— Пока не знаю, прайм-офицер Кайрус. А к чему все эти вопросы, если не секрет?

— Потому что меня касается все, что происходит в Таллиноре. Мое дело — заботиться о безопасности нашего Королевства. И я должен знать, зачем люди, у которых весьма странные друзья и еще более странные мысли, направляются в нашу столицу.

Прайм-офицер снова откинулся на спинку стула, с наполовину допитой кружкой эля в руке. Его небрежные манеры не обманули Тора: Кайрус наслаждался хорошо проделанной работой.

— Подозрительность у меня в крови, юный Гинт. И знаешь, что-то мне подсказывает, что мы встречаемся не последний раз. И я еще многое о тебе узнаю... — он встал. — А пока... за твою удачу... там, в Тале.

Кайрус пристегнул ножны, чуть заметно кивнул юноше и направился к выходу. Несомненно, он пользовался уважением: воины торопливо расступались, чтобы дать ему дорогу.

Допрос окончен. Пожалуй, теперь не помешает немного проветриться. Тор мысленно окликнул Клута, но убедился, что тот все еще без сознания и в ближайшее время вряд ли очнется.

Веселье на улице набирало силу. На главной площади, в буйстве красок, музыки и танцев, сияли сотни ароматических свечей в ярко разрисованных светильниках из вощенной бумаги, которые висели на длинных веревках. Порывы легкого ветерка, долетающие с моря, разносили по улицам нежный пряный аромат.

Тор наблюдал за молодой парой, которая танцевала неподалеку. Парень целовал

девушку, оба смеялись. Пожалуй, ты слишком серьезно относишься к жизни, сказал себе Торкин. Пора немного расслабиться. Элисса даст о себе знать, когда сможет. Клут наверху, и ему ничто не угрожает. С прайм-офицером, кажется, удалось добиться чего-то вроде перемирия — хотя они, кажется, и не ссорились? Первый в его жизни карнавал ждал, нетерпеливо манил... Тор поправил рубашку, нащупал кошелек, в котором, кроме денег, лежали и камни. Он уже заметил, что последнее время они непрерывно чуть слышно жужжали. Но через минуту он уже забыл об этом и устремился в гущу веселья.

После танцев с тремя местными красотками голова у юноши пошла кругом. Он принял участие в состязании силачей- задание состояло в том, чтобы поднять какую-то необъятную даму вместе с креслом, на котором она сидела. Внезапно его бесполезные усилия прервались громким перезвоном колокольчиков.

Из трактиров, лавочек и многочисленных переулков хлынул народ. Каждый стремился занять местечко с видом на импровизированную сцену в центре площади. Вскоре на возвышении появился распорядитель, облаченный в мантию. Горожане радостно зашумели, но тот воздел руки и сумел добиться тишины.

— Добро пожаловать! — объявил он. — Мы от души благодарим щедрый народ Хаттена, который снова подарил нам этот незабываемый день... и незабываемую ночь... и устроил для нас этот праздник. И вот настал момент, ради которого это все затевалось! Новая Королева Вина должна выбрать себе Короля Моря!

Толпа взорвалась одобрительными воплями.

— Итак, каждому взрослому мужчине, неженатому, который считает, что достоин стать королем, предлагаю выйти сюда. Королева будет выбирать одного из двадцати, так что поторопитесь!

Звякнула рында, и целая толпа мужчин, молодых и старых, бросилась к помосту. Толпа гоготала, и Тор смеялся вместе со всеми. Чтобы усложнить задачу, лестницу убрали, и претендентам приходилось карабкаться наверх, подтягиваясь на руках. Не каждому это оказалось под силу. Некоторые в отчаянии пытались забраться на плечи соперникам или стаскивали их наземь, на потеху честному люду. Самые крепкие, однако, достигли цели и теперь гордо возвышались над толпой, расправляя плечи и поглядывая на остальных сверху вниз.

Тор увлеченно наблюдал за шумной потасовкой... и вдруг чуть не подавился собственным смехом. Чьи-то руки подняли его в воздух, и через миг он уже стоял на помосте, а вокруг раздавались ликующие вопли. Резко обернувшись, юноша успел заметить шестерых дюжих ратников, которые делали все возможное, чтобы побыстрее скрыться в толпе. Тор нахмурился. В задних рядах он, как и ожидалось, узрел Кайру-са. Их глаза встретились, и прайм-офицер с ехидной усмешкой отсалютовал Тору пивной кружкой.

Этого еще не хватало! Тор был в ярости. Претендентов на «королевский трон» уже выстраивали в две шеренги. Ничего, успокаивал себя юноша. Он и сам знает, что шансов у него никаких, а если Кайрусу и его солдафонам захотелось выставить его на посмешище... Да на здоровье.

Громкий вой рожков возвестил о прибытии Королевы Вина. Затем заиграли флейты — вероятно, так музыканты представляли себе музыку, которую играют во время придворных церемоний, и горожане принялись кланяться кто во что горазд, изображая верных подданных.

О да, это была настоящая королева. Блестящие волосы цвета воронова крыла окутывали ее хрупкие плечи, точно мокрый капюшон. Платье из бледно-зеленой кисеи было почти прозрачным, позволяло видеть маленькую, но упругую грудь и соблазнительно окутывало узкие бедра. За спиной трепетала искрящаяся золотая накидка. Улыбаясь, Королева шла к своим подданным. Тор непроизвольно подтянулся и одернул рубаху. Щеки девушки возбужденно покраснелись, огромные глаза сияли. Она наслаждалась жадными взглядами, которые пожирали ее почти обнаженное тело.

Это была та самая девушка, которую Тор хотел спасти сегодня утром. Тогда она

казалась совсем девочкой... Нахальная девчонка, похожая на капризного эльфа, которая даже не удосужилась поблагодарить его. Значит, это и есть распутная девка Эйрин, о которой говорил Голаг.

Подмигивает! Тор почувствовал раздражение. Интересно, кому: ему — или кому-то еще?

Ветерок игриво щекотал ее соски, словно сам был соблазнен, и Тор увидел, как они набухают под тонким платьем. Она была само искушение.

Толпа возбужденно шумела, и распорядителю пришлось снова призвать к спокойствию, после чего он огласил условия испытания — впрочем, Тор был единственным, кто услышал что-то новое. Претендентам предстояло совершить невозможное: сделать пятнадцать шагов босиком по поддону, где бились в предсмертных судорогах скользкие от собственной слизи рыбки локки. С этими рыбками лучше иметь дело, когда они выпотрошены и должным образом приготовлены. Во всякое другое время рыбка готова вонзить острые, как бритва, зубки вам в палец или в пятку — ее устроит любая часть вашего тела, которая окажется достаточно близко к ее пасти. И даже если судьба вознаградит вас за безрассудную храбрость, и рыбки умрут прежде, чем успеют вас тяпнуть, ничто не спасет ваши ноги от плавников, похожих на обломки пилы. Путь к Королеве в буквальном смысле слова залит кровью соискателей. Те, кому удавалось достичь заветной цели и получить корону, преодолевали его буквально в три прыжка, но и после этого долго ходили хромя: раны от плавников локки весьма болезненны и долго не заживают. Никому еще не удавалось «пройти по рыбе» и остаться невредимым.

Один за другим претенденты прыгали в склизкую шевелящуюся массу. Двое, не успев сделать и шагу, с воплями выскочили обратно — их угораздило наступить прямо на плавники. Другие пытались добраться до цели, выли от боли, падали, подворачивали ноги и, в конце концов, сдавались. Вскоре вода в поддоне и тела умирающих рыб побурели от крови. Зрители с жадным восторгом следили за каждой минутой этого представления.

Наконец пришла очередь Тора. Он был последним.

Возможно, аррак обладал каким-то волшебным действием, о котором не упомянул лекарь. Возможно, сыграла роль усталость, к тому же эль ударил юноше в голову... Еще недавно он мог думать только об Элиссе. Сейчас он понял, что должен завоевать эту полуголую королеву шутов. Когда ему еще доведется побывать на таком празднике? Значит, нужно с головой броситься в веселье, а не сопротивляться ему.

Он слышал, как ратники подбадривают его. Нет, у него нет желания резать пятки до крови. Тор снова взглянул на Эйрин; она поймала его взгляд и чуть одернула лиф, не оставляя места воображению. На миг ему вспомнилось предупреждение Меркуда. Но теперь Тора вел зов вожеления, и сила бушевала в нем, точно радужные краски в каменных шариках, которые передал ему отец.

Он представил себе, как упругий сгусток силы ударяет в самую гуту свирепых морских тварей. Потом выбрал двух рыб, самых крупных, смело встал на них и отдал мысленный приказ. Мгновенно усмиренные, рыбыны забились в такт друг другу и стремительно поползли по телам своих умирающих и почти неподвижных собратьев.

Через несколько мгновений все было кончено. Никто, кроме Тора, не успел даже понять, каким образом победитель добился победы. Тор стоял на другой стороне поддона, и толпа словно сошла с ума. Теперь можно короновать нового короля. Самого достойного из всех, кто когда-либо участвовал в этом жестоком состязании. Он по праву получает трон и Королеву.

Поклонившись, Тор почувствовал, как каждая жилка в его теле пульсирует от желания. В душном воздухе летней ночи шум раздавался особенно отчетливо... и в то же время словно отступал. Эйрин повернулась к юноше и взяла за руку.

— Я так и не поблагодарила тебя за то, что ты вступился за меня днем. Ненавижу Горона! Надеюсь, после того, как я врезала ему по яйцам, они у него стали размером с дыни!

Она мило улыбнулась, как ни в чем не бывало, помахала своим подданным. Две

служанки поспешно омыли Тору ноги. И два трона, на котором сидели Король и Королева, подняли и понесли по площади.

Хмель мгновенно выветрился из головы у юноши. Хватит. Надо возвращаться и присмотреть за Клутом.

— И куда мы теперь? — спросил он у Эйрин.

— Скоро увидишь, — загадочно отозвалась она, покачиваясь над толпой.

«Она восхитительна», — подумал Тор, откидываясь на спинку трона. Когда процессия покидала площадь, он снова заметил прайм-офицера Кайруса, который явно пребывал в прекрасном настроении и отсалютовал юноше кружкой эля.

Счастливая толпа потянулась за компанией горожан, которая несла троны к Дому Лета. Там «монархам» предстояло остаться на ночь и заняться тем, ради чего все и затевалось. Согласно поверью, брак Короля Моря и Королевы Вина — залог того, что в следующем году рыбы в сетях будет много, виноград уродится, а значит, городу будет обеспечено благополучие.

Торкин был измотан до предела. Вдобавок связь с Клутом слабела и была готова вот-вот оборваться. Ухватившись за невидимую нить, юноша уловил зов. Как будто он не знал, насколько Клуту нужна его помощь! Без подпитки калека долго не протянет. Но откуда взять силы?! В отчаянии он послал своему другу последний исцеляющий импульс. И тут же мир перед глазами закружился, и Тор безвольно откинулся на спинку трона, а его голова склонилась набок.

Маленькая ладошка легла ему на руку. Эйрин заметила, что с ее «супругом» что-то не так, и кивком указала на людей, которые толпились впереди. Путешествие закончилось.

— Просто делай то же, что я, и все это быстро закончится, — шепнула она.

Женщины, выстроившись вдоль дорожки, бросали им под ноги виноградные листья. Дорожка упиралась в небольшую постройку на одной из вершин крошечного двугорбого холмика, а на другой одиноко росло могучее дерево.

— Это Дом Лета, — Эйрин взяла Тора за руку. — Идем. Король и Королева сошли с тронов и медленно зашагали к дому. На этот раз за ними никто не последовал. Горожане пели песню — речь шла о плодородии, плодовитости, урожае и улове, но намеки были достаточно прозрачными. От новобрачных ожидалось, что они отнесутся к исполнению брачных обязанностей со всей серьезностью.

Дверной проем, казалось, был завешен светом — внутри горело множество ароматических свечек, разливающих тяжелое благоухание. Порог был щедро усыпан душистыми травами, большая кровать под мягким муслиновым пологом тонула в золотистом сиянии. Кроме нее, в комнате находился лишь небольшой столик, накрытый к ужину.

— Поцелуй меня, — шепнула Эйрин и, заметив, как смутился Тор, добавила: — Как только ты меня поцелуешь, они уйдут.

Мысли Тора устремились к Элиссе и снова обратно. Пусть боги сжалятся над ним и сделают так, что именно этой ночью Элисса не услышит ни одной его мысли. Он коснулся губами губ Эйрин и услышал аплодисменты. Поцелуй был нежным, неторопливым и бесконечно долгим. Потом у Тора откуда-то взялись силы, чтобы подхватить Эйрин на руки и войти в дом. Лишь когда ее спина коснулась простыни, их губы рассоединились.

Тор ощутил судорогу желания, но едва опустился на кровать, понял, что последний подвиг вытянул из него все остатки сил. Последним осознанным действием за этот день была попытка извиниться перед девушкой, которая лежала под ним, оскорбленная до глубины души.

За стенами Дома Лета щебетали попугайчики. Судя по всему, они были бесконечно счастливы.

Их болтовня разбудила Тора. Какое-то время его пустой взгляд блуждал по стенам, пока в памяти не всплыли события прошлой ночи. Смятая простыня все еще хранила очертания тела Эйрин, а в комнате витал запах ее духов.

Потом Тор припомнил еще одну печальную деталь ночных походов и цветисто выругался вслух. И тут же вспомнил про Клута.

Вчера никто не удосужился его раздеть, и только сапоги были аккуратно поставлены у двери. Тор спустил свои длинные ноги с кровати, рывком встал и обулся, не заметив крошечной записки, засунутой в голенище.

В самом деле, как там Клот? Спускаясь по склону и направляясь к городу, юноша мысленно обратился к своему другу.

«Ты проснулся?»

«Да, только что, спасибо».

«Я тебя разбудил? Прости».

«Нет, что ты. У меня лекарь. Если не ошибаюсь, его зовут Фрейберг».

Тор споткнулся.

«Он не удивлен, что ты выздоровел, как по волшебству?» — с опаской спросил Тор.

«Совсем не удивлен. На самом деле, мы обсуждаем, где сегодня лучше клюет».

Тор услышал у себя в голове что-то вроде смешка, и почувствовал, как волосы на затылке встают дыбом. Как теперь объясняться с Фрейбергом?

«Скоро приду», — мысленно проговорил он.

«Я буду ждать», — ответил Клот.

Действительно, лекарь Фрейберг находился в крошечной комнатке на чердаке «Пустого кубка» и кипел от возмущения. Глаз, гневно сверкающий сквозь стеклышко монокля, должен был прожигать, как линза.

— Чему это вы улыбаетесь, почтенный Клот? — осведомился лекарь, зная, что ответа не получит. Он только что осмотрел больного. И с немалым удивлением обнаружил, что переломанные кости срослись, а кровоподтеки, которые еще вчера вечером вызывали столь серьезные опасения, побледнели и были едва заметны.

Калека покачал огромной головой, и улыбка мгновенно исчезла.

— А, значит, вы все-таки слышите? Клот кивнул.

— Ну, в моих услугах вы больше не нуждаетесь. Похоже, добрые духи навещали вас прошлой ночью и сделали за меня всю работу.

В этот миг с лестницы донесся топот — кто-то бежал вверх, прыгая через две ступеньки. Потом дверь распахнулась — и в комнату, едва переводя дух, влетел Тор. Фрейберг задернул ремешки на своей сумке и повернулся к нему, словно распорядитель, приветствующий комедиантов.

— О, юный Гинт! Добро пожаловать. Я должен рассказать тебе одну занятную историю.

Он держал руки в карманах, чтобы юноша не увидел, как они дрожат. Из-за чего? Как назвать чувство, охватившее его при виде этого чуда исцеления — восторг или ужас? Этого лекарь сказать не мог.

Вот уже тридцать три лета он лечил людей. И его отец тоже был лекарем. Как и отец, он верой и правдой служил Хаттену. Он был хорошим лекарем и знал это. Более того: он был исключительно искусным лекарем. И знал, что ни опыт, ни знания не помогли бы ему вчера спасти Клута: и вот теперь Клот сидит перед ним живой, почти здоровый... и снова лыбится, как идиот.

Тор сдержанно поклонился лекарю. Затем посмотрел на Клута, который сидел на кровати, и при виде его широкой улыбки не смог сдержаться и улыбнулся в ответ.

— Почтенный Фрейберг, я все объясню... — пробормотал он, закрывая за собой дверь. — Мне только надо переговорить с Клотом...

— Переговорить? А как ты с ним разговариваешь, если он немой? — не дожидаясь ответа, лекарь опустил на колченогую табуретку и с возмущенным видом уставился в крошечное окошко, откуда открывался вид на рыночную площадь.

Тор уже сообразил, что проговорился, но это было неважно. Он шагнул к кровати и

крепко сжал широкую ладонь Клута.

— Ох, Клут... знаешь, один раз мне показалось, что ты умер. Я так перепугался...

Тор почувствовал, как глаза начинают жечь слезы. Он сделал это! Он спас человеку жизнь.

«Тихо, мальчик. Не стоит углублять яму, в которую ты угодил».

Клут чуть заметно кивнул в сторону доктора и коснулся головы Тора свободной рукой.

«Я еще очень много тебе расскажу. Но сейчас мне надо отдохнуть, а тебе — придумать для лекаря какую-нибудь впечатляющую байку. Чтобы он поверил».

Невидимая нить, связывающая Тора и его нового друга, исчезла, Клут опустился на кровать, и юноша выпустил его руку. Он смотрел на Фрейберга, который раздраженно пощипывал свою бородку. Лекарь — хороший, добрый человек. Не хотелось бы его обманывать... но признаться в том, что он, Тор — Чувствующий, — значит подписать себе смертный приговор. Не зря Меркуд говорил ему об этом перед отъездом.

«Во время путешествия ни в коем случае не пользуйся своими способностями, — говорил Меркуд. — Не поддавайся искушению ими похвастаться. Ни во что не вмешивайся, ни с кем не связывайся. Просто занимайся своими делами и постарайся как можно скорее оказаться в Тале».

Вот и все, о чем Меркуд просил. А он?.. Горон... потом Корлин и его головорезы, Эйрин, Кайрус, Клут, лекарь Фрейберг... Он пробыл в этом городе меньше суток, а силу его волшебства испытали на себе уже шестеро.

— Не ломай голову,- лекарь прервал его размышления. — Я вижу, ты хочешь придумать объяснение, но это бесполезно. Просто скажи: каким образом получилось, что этот человек ожил.

Тор встал. Клут устало следил за ним.

— Это я... Это я сделал.

Голос юноши стал бесцветным. Ему было по-настоящему страшно: сейчас его жизнь зависит от того, как лекарь относится к...

— Ты Чувствующий.

Это не было вопросом, но Тор все равно ответил на него.

— Да. Я просто не мог позволить ему умереть.

— И что мне теперь с тобой делать, мальчик? Ты понимаешь, что я дал клятву — оповещать Инквизицию о таких, как ты?

Юноша ничего не сказал. Лекарь обернулся. Видно было, что он не на шутку разгневан.

— Да, этим варварам! Тьфу... А лекарь Меркуд знает? Что сказать? Он ступил на зыбкую почву.

— Знает.

Тор затаил дыхание. Клут притворился спящим, лекарь Фрейберг снова затеребил свою бородку. Несомненно, он был очень встревожен. Спертый воздух комнаты звенел от напряжения.

— Допустим. Если великого Меркуда это устраивает — кто я такой, чтобы вмешиваться? Я никогда не понимал, к чему вся эта шумиха вокруг Чувствующих. Если твои способности позволяют вытащить человека с того света... Почему доброму человеку не использовать свой дар на благо Королевства?

Фрейберг встал и пристально посмотрел на Тора. Такой славный мальчик... Высокий, красивый... Лекарь почувствовал что-то похожее на жалость.

— Вы хотите сказать... что никому не расскажете?

— Конечно, не расскажу.

Тор шагнул к лекарю и неуклюже обнял его, не зная, как иначе выразить благодарность.

— Это чудесный дар, сынок, — торжественно произнес Фрейберг. — Но опасный. В дальнейшем постарайся пользоваться им осторожнее. Намного осторожнее. В другой раз он может вызвать совсем иные чувства.

Юноша кивнул.

— Я должен идти, мой мальчик — у меня весь день расписан. Меня беспокоит одно: как ты объяснишь чудесное выздоровление почтенного Клута.

— На самом деле я думал только о том, чтобы он не умер... — признался Тор, запуская пальцы себе в волосы. — Но я что-нибудь придумаю.

— Думай быстрее, парень. У местного трактирщика язык без костей, и новость разнесется по городу, как пожар в сухом лесу. Советую немедленно отсюда убираться. Воспользуйся темнотой и уезжай из этого города — чем быстрее и дальше, тем лучше.

Вскоре Фрейберг ушел, а Клут снова заснул. Тор спустился вниз и умял впечатляющую порцию, которую подали на завтрак. Служанка оказалась словоохотливой и подробно объяснила, как добраться до знаменитых общественных бань Хаттена.

После завтрака Тор почувствовал себя гораздо лучше. Грызая яблоко, он шагал по узким улочкам, любовался высокими домами, выкрашенными яркой краской. Из закрытых ставнями окон торчали шесты, на которых, точно пестрые флаги, висела свежевystиранная одежда. Тор немного погонял вместе со стайкой местных ребятишек мяч — надутый свиной пузырь — и на какое-то время перестал чувствовать себя деревенским болваном, который первый раз оказался в большом городе и таращится на все вокруг, вылупив глаза от удивления.

Вскоре он оказался на небольшой площади с фонтаном, богато украшенным всевозможными завитушками — именно о таком говорила служанка. Здесь и находились бани. Перед входом выстроилась небольшая очередь, и Тор пристроился в хвост. Молодые люди один за другим проходили внутрь, опускали в руку старухе-смотрительнице монетку и получали аккуратно сложенную простыню. Судя по выражению лица старой карги, она с удовольствием занялась бы чем-нибудь другим.

Сколько? — спросил Тор, когда подошла его очередь.

Старуха захихикала.

— Ну, крашавчик... если дашь взглянуть на то, что вишит у тебя между ног, то и бесплатно пушу.

Тор с отвращением заметил, что во рту у нее нет ни одного зуба. А старуха, услышав взрывы одобрительного хохота, вошла в раж.

— А может, жаглянешь ко мне в комнатку? Я шама тебе жаплачу!

Старуха снова захихикала, в восторге от собственной шутки, и Тору пришлось еще раз насладиться видом ее голых десен.

К счастью, какой-то молодой человек, протолкавшись вперед, деликатно тронул Тора за рукав.

— Две биты, — подсказал он.

Тор опустил две монетки в грязную ладонь, схватил простыню и со вздохом облегчения последовал за молодым человеком. Вслед ему неся злоеший смех старухи.

— Спасибо, — пробормотал Тор, нагнав своего спасителя.

— Не за что. Она омерзительна, но пристаёт к каждому встречному. Так что гордиться тебе нечем.

— Само собой. Меня зовут Тор Гинт, я путешественник.

— Рад познакомиться, Тор. Петир, мальчик по вызову. Он с наслаждением наблюдал, как у Тора вытянулась физиономия.

— Да ладно, Тор, нечего строить из себя блюстителя нравов! Сейчас мне нужно принять ванну, и тебе тоже — судя по тому, как ты выглядишь и пахнешь.

Петир сморщил нос и зашагал вперед.

Вскоре, следуя за Петиром, который уже успел раздеться, Тор обогнул каменную колонну. Звуки мужских голосов гулко отдавались в огромном помещении. Фрески, которые покрывали стены и свод потолка, изображали мужчин, нагишом скачущих верхом на лошадях по лесу. Петир что-то говорил, но Тор был настолько зачарован этим зрелищем, что ничего не слышал. Из задумчивости его вывел громкий всплеск.

— Я спрашиваю, красавчик: ты мыться будешь или пялиться на голых мужиков? — крикнул Петир, который, растянувшись на спине, плавал в бассейне.

— Не называй меня красавчиком, — раздраженно отозвался Тор.

— Почему нет, глупыш? Ты когда в последний раз в зеркало смотрелся? Ты же само очарование, и сложен прекрасно! А вижу, ты не привык, что тебя хвалят. Ничего, дружище, скоро привыкнешь.

Петир явно забавлялся. К счастью, он вскоре оставил Тора в покое.

В мыльницах вдоль ванн лежали кусочки мыла. Взяв один из них, Тор с ожесточением принялся намыливаться. Только сейчас он осознал, как много дней прошло с тех пор, как он последний раз имел возможность вымыться. Через некоторое время, когда юноша расслаблялся в горячей ванне, рядом снова появился Петир. Тор заговорил об архитектуре этого здания, которая произвела на него огромное впечатление, и об идее организации общественных бань.

— Потереть тебе спинку? — перебил Петир. Его изумрудные глаза, обрамленные длинными темными ресницами, шаловливо блеснули.

В этом предложении было что-то оскорбительное. Тор поплескал себе на голову, вылез из ванны и зашагал вверх по каменным ступеням, где лежала его простыня. Он успел закутаться в нее прежде, чем Петир нагнал его.

— Ты весь как на иголках, Гинт. Я не кусаюсь.

— Спасибо за компанию. Может, еще увидимся, — Тор сказал это так вежливо, что захотел сам откусить себе язык.

— Я сомневаюсь, что мы возвращаемся в одних кругах, Гинт. Но говорят, прошлой ночью ты не довел до конца одно дело. Эйрин возлагала на тебя такие надежды, а ты...

За разговорами Петир успел вытереться и одеться. Тор прыгал на одной ноге, пытаясь попасть в брючину, но услышав знакомое имя, замер.

— Ты знаешь Эйрин?

— Как сестру.

— Так значит, ты знаешь, как ее найти?

— Может, и знаю.

— Петир... пожалуйста, передай ей, что мне очень жаль. Она ни в чем не виновата.

Чтобы скрыть смущение, он предпринял еще одну попытку влезть в брюки. На этот раз она увенчалась успехом.

— Прощай, Тор,- усмехнулся мальчик по вызову.- может, я ей это скажу, а может, и нет. Приятно было познакомиться.

Он бросил простыню в ближайшую корзину и направился к выходу.

— Подожди! Петир обернулся.

— Я остановился в «Пустом кубке».

— Славно, — фыркнул Петир и затерялся в толпе мужчин, покидающих бани.

Тор опустился на узкий каменный бордюр. Настроение у него было отвратительное. Да еще в сапог что-то попало... Юноша снял сапог, встряхнул вниз голенищем, и на пол вывалился сложенный несколько раз кусочек пергамента.

Записка была от Эйрин. Однако радость Тора быстро угасла, как только он разобрал ее каракули. Эйрин выражала сожаление, что не провела прошлую ночь с «горячим рыжым пахором».

Тор почувствовал желание немедленно убедить ее в обратном. Но сейчас его ждал Клут. Надо узнать побольше о странном новом друге.

Глава 7

Голос из снов

«Пустой кубок» было впору переименовать в «Пчелиный улей»: отряд Кайруса готовился к отъезду из Хаттена. Воинам короля не терпелось покинуть город. Которую

неделю они мотались по городам, городкам и городишкам Королевства, следя за порядком — это был их долг.

Кита Кайруса знали всюду, и среди жителей Королевства он пользовался такой же любовью, как и в армии. Куда бы его ни занесло по долгу службы, он мог рассчитывать на теплый прием. Разумеется, женщины постоянно увивались за ним, однако ни одной не удалось снискать его расположения — во всяком случае, об этом никто никогда не слышал. Впрочем, у него были на то причины. Десять лет назад жена Кайруса — красивая, но хрупкая и болезненная — умерла родами. Новорожденный ненадолго пережил мать. Кайрус был сам не свой от горя, и друзья уже начали опасаться за его рассудок. Королю Лорису всегда нравился смелый молодой капитан, и когда прежний прайм-офицер умер, Лорис не колебался, хотя на эту должность претендовали еще трое офицеров старше и опытнее Кайруса. Это была великая честь, но Его величество ни разу не пожалел о своем решении. Вряд ли можно было найти лучшего командира для отряда «Щит», в котором служили лучшие воины Королевства. Этому человеку можно было доверить безопасность Таллинора.

— Сколько ты заплатил этому мошеннику Додди? — спросил Кайрус, обращаясь к одному из своих помощников.

Херек хмыкнул.

— Ровно столько, на сколько мы договаривались весной.

— Правильно. Могу поспорить, что этот жулик разбавлял эль водой.

— Мне вернуться и...

— Нет, — рассеянно перебил Кайрус. — Просто я подозревал, что он найдет способ нас надуть. Трактирщики считают, что если мы носим королевский герб, значит, и платить можем по-королевски.

Херек ничего не ответил.

— Выезжаем на рассвете. Передай это всем.

— Слушаюсь, капитан.

— Сколько дней нам нужно на дорогу?

— Два дня, сударь... если резвой рысью вдоль Великого Леса...

— Очень резвой, Херек. Ладно. Если что- сегодня я весь день у мэра Рейма. А наши пусть собирают вещи. Ты сам все знаешь.

Прайм-офицер кивнул Хереку и обратил свой взор к входной двери. В таверну входил не кто иной, как Торкин Гинт. Кайрус с удовольствием отметил, что молодому человеку явно пошло на пользу посещение бани. Заодно юный Гинт, кажется, заглянул к цирюльнику. Херек отсалютовал, но Кайрус лишь еще раз кивнул. Ему не терпелось узнать, как молодой человек провел прошлую ночь.

— Приветствую, Гинт.

Тор уже собирался подняться по лестнице в свою комнату, но громкий оклик Кайруса заставил его свернуть к столику офицера.

— Добрый день, прайм-офицер Кайрус. Вы все еще здесь?

— Как видишь, — Кайрус указал юноше на один из стульев, приглашая присесть.

— И когда отправляетесь?

Как раз в этот момент Клут проснулся и собрался с ним заговорить. Тору пришлось немедленно пресечь эту попытку, при этом он чуть не сел мимо стула.

— Что случилось? — с добродушной ухмылкой осведомился Кайрус.

Тор с запозданием сообразил, что офицер что-то ответил ему, а он пропустил это мимо ушей.

— Когда? — спросил он, тупо глядя на две кружки с элем, которые непонятно как возникли на столе.

— Ты спросил меня, когда мы отправляемся. Я ответил, но ты, кажется, витаешь в облаках. Я тебя утомил?

— Простите... — пробормотал Тор. Надо постоянно следить за собой. — Знаете, я здесь всего второй день, все так непривычно... Я постоянно на что-то отвлекаюсь.

— Не сомневаюсь, Гинт. Особенно после такой ночи. Как все прошло?
— Думаю, неплохо... во всяком случае, никто не жаловался.
— Ха! — Кайрус осушил кружку и стукнул ею об стол. — Надеюсь увидеть тебя в Тале, Гинт. Береги себя.

Положительно, этот голубоглазый парнишка ему нравился. Тор встал и крепко пожал прайм-офицеру руку, как принято в Тале.

— Да, кстати, Гинт. Желаю удачно встретиться с Меркудом. Если вдруг понадобится, можешь связаться со мной через дворцовую стражу, — добавил Кайрус. В его глазах плясали лукавые искорки.

Тор был потрясен.

— А как вы узнали? — пролепетал он. Проклятье! Он же никому, кроме лекаря Фрейберга, об этом не говорил!

— Я же говорил: знать обо всем — это моя работа, — отозвался Кайрус, почесывая кончик носа.

— Пусть Свет освещает вам путь домой, прайм-офицер Кайрус, — буркнул Тор, не зная, что сказать.

— Он всегда освещает мне путь, Гинт.

Кайрус небрежно поклонился и быстро покинул гостиницу.

«Значит, теперь у меня влиятельный друг при дворе», — подумал Тор, поднимаясь по лестнице.

«Хорошо выглядишь, Клут», — сказал Тор, входя в комнату и устраиваясь на табуретку на стуле у окна.

Калека полулежал на кровати Тора. Чтобы выглядеть хорошо, он не поленился умыться и надел чистую рубашку, которую извлек из небольшого мешка с пожитками.

«И хорошо себя чувствую».

Его голос, раздающийся в голове Тора, звучал намного увереннее, чем вчера. Тор сделал глубокий вдох и слегка повернулся, чтобы не упускать из виду дома на другой стороне рыночной площади.

«Откуда ты знаешь мое имя?» — спокойно спросил он, глядя в окно.

«Я знал его всю жизнь».

Тор забеспокоился, но заставил себя задать следующий вопрос.

«А кто тебе про меня рассказал?»

«Лисс».

«Кто это такой?»

«Такая. Это женщина».

«И кто она такая?»

«Понятия не имею», — ничего не выражающим тоном ответил Клут.

«А тогда откуда она меня знает?»

«Тебе об этом придется спросить у нее, Тор», — калека виновато пожал плечами.

«И какова твоя цель?»

Клут слегка покачал головой.

«Если ты имеешь в виду конечную цель, мне ничего не сказали, но я...»

Тор резко обернулся и посмотрел Клути в глаза. Широкое безобразное лицо калеки было исполнено такого понимания и сострадания, что казалось почти красивым. Он поднял ладонь, призывая Тора выслушать.

«Позволь мне рассказать то, что я знаю, а не гадать о том, чего я не знаю. А потом мы попробуем собрать эту головоломку по кусочкам и посмотрим, что получится».

Тору оставалось лишь смиренно кивнуть.

«Я пришел с северо-востока Королевства. Мы называем свою страну Роркхель, и о ней мало кто знает. Я слышал, что некоторые старики-северяне зовут ее «Скалистый остров». Это странно, потому что моя родина — никакой не остров».

Клут заметил тень раздражения на лице юноши и откашлялся.

«С тех пор, как я себя помню, я слышу во сне голос женщины, которая называет себя Лисс. Она никогда не показывается, но я знаю о ее присутствии. Всю мою жизнь она рассказывает мне о человеке, которого зовут Торкин Гиит и с которым я связан».

«Связан? — перебил Тор. — Что ты имеешь в виду?»

«Я объясню. Но сначала скажи: ты когда-нибудь слышал о Паладинах?»

Тор покачал головой.

«То, о чем я хочу тебе рассказать, вызовет у тебя недоумение и любопытство. Я переживал то же самое в течение многих лет — очень многих лет, пока Лисс не сломила мое упорство. Я не хотел принимать свое предназначение. Я никогда и никому об этом не говорил. Даже родным, которые, наверно, никогда не простят мне, что я покинул их несколько недель назад».

Голос Клута дрогнул.

«Продолжай, Клут».

Калека вздохнул.

«Паладинов десятеро, каждый представляет один из десяти народов, которые издревле населяют Королевства. Мой народ — брокены — не одну сотню лет живут в Роркьеле. Лисс сказала, что я — один из десятерых».

Он смолк. Тор ощутил в голове тяжесть.

«А я-то тут при чем?»

«Паладины — твои защитники, Тор. Двоим из нас предстоит защищать тебя, используя свой дар. Защищать даже ценой своей жизни».

Клут говорил очень торжественно.

«Но почему?»

Внезапно сердце Тора забилося. Во рту пересохло, ладони стали влажными. Он понял, что на самом деле не хочет услышать ответ.

«Потому что ты — Тот Самый. Ты рожден, чтобы спасти наш мир. А я — один из твоих защитников. Вот как я связан с тобой. Связан с того момента, как родился. Как я понимаю, это случилось задолго до твоего рождения».

Каким-то чудом юноша сумел сдержать волну гнева: казалось, еще миг — и она обрушится на брокена и разнесет его разум вдребезги.

«Это бессмыслица, Клут! Послушай... Я — сын простого писаря. Я жил как обычный человек в самой обычной деревушке! И самое грандиозное, что я видел за свою жизнь — это Твиффордская ярмарка!»

Клут сохранял спокойствие. Его голос звучал в голове Тора мягко и певуче.

«Тем не менее, ты — сын простого писаря — направляешься в королевский дворец, чтобы стать учеником самого знаменитого лекаря Королевства. Лекаря, который обладает удивительными способностями Чувствующего».

«Это к делу не относится!» — рявкнул Тор. Он не хотел признаваться, насколько потрясен тем, что Клуту известны такие подробности.

«Во имя Света! Ты обладаешь силой творить настоящие чудеса. Думаешь, его это не заинтересовало? Смотри, тебе удалось меня исцелить, а ведь ты еще совсем новичок. Подумай об этом хорошенько, Тор. Что ты чувствовал, когда лечил меня? На что это похоже? Так вот: когда ты поймешь, что от тебя требуется лечить людей для тебя будет все равно что жевать печеньки от Гуди Батт — просто и не оторваться!»

Юноша фыркнул.

«Отлично. Сегодня я спас тебя, завтра спасаю мир... Знать бы только, от чего».

«Этого я тоже не знаю, мальчик мой, — покачал головой Клут. — Может, Лисс нам сообщит».

Тор налил в кружку воды из кувшина, осушил ее и почувствовал себя немного спокойнее. Снова наполнив кружку, он протянул ее Клуту.

«Ладно. Расскажи, что ты еще знаешь».

Брокен улыбнулся.

«Лисс велела мне ждать. Во время каждого появления она требовала от меня терпения. Я ждал пятьдесят лет».

«Сколько?! То есть... тебе больше пятидесяти? Но...»

Бывает, что мысли трудно облечь в слова. Но на этот раз Тор даже не знал, что думать.

«Именно. По вашим меркам я стар, но мы, брокены — необычный народ. Мы живем долго, и с точки зрения наших старейшин я все еще очень молод».

«Твои родители живы?»

«Конечно. И мои старшие братья и сестры, и даже мои бабушки и дедушки... Все они пребывали в добром здравии, когда я покидал Роркбель».

Его уродливое лицо осветила теплая улыбка. Тор не удержался и фыркнул.

«Клут, ты представляешь, каково мне все это слышать? Еще несколько дней назад отец ругал меня за кляксы на пергаменте. А теперь я нахожусь под покровительством странного очень древнего... брокена — я правильно сказал? И мне говорят что я должен спасти мир неизвестно от кого».

«Поверь, Тор. Ты должен принять это, как принял я. Представь себя на моем месте. Пятьдесят лет подряд, каждую ночь тебе твердят о каком-то ребенке, который еще даже не появился на свет... А через пятьдесят лет выясняется, что ты должен немедленно покинуть свой дом, и семью, найти его и защищать».

Разговор оборвался. Некоторое время каждый думал о своем... и в то же время об одном и том же: о том, как странно порой переплетаются жизни.

«А Лисс сказала тебе, чего хочет от меня?» — спросил, наконец, Тор.

«Нет, — Клут пожал плечами. — Но она говорила, что мы оба должны слушать свое сердце. И что все сложится само собой».

«Само собой? Во имя Света... во что я ввязался! А еще что-то мне следует знать? Э... подожди. Ты сказал, что тебя ко мне послали. А откуда ты узнал, где меня искать?»

Клут глотнул из кружки и потянулся.

«В это полнолуние Лисс явилась мне во сне и объявила, что время пришло, и что я должен уйти из дома до рассвета. А когда я спросил, куда идти, она ответила, что я узнаю, когда проснусь. И оказалась права. Я проснулся до рассвета и тут же почувствовал тебя. Между нами как будто тянулась веревка, свитая из радуги. Я шел через Таллинон и сматывал ее, чтобы сохранять натяжение. А тебя я узнал по Цветам — они такие яркие, сильные...»

«Я свечусь, что ли?»

«Нет. Я шел туда, куда тянулась та радужная веревка... и оказалось, что она тянется прямо к тебе. И если бы этот солдафон не схватил меня, обвинив... в чем он там меня обвинял? А, в подглядывании за женщинами... — Клут фыркнул. — Так вот, если бы он не схватил бы меня, мы встретились бы в окрестностях Хаттена, и не было бы нужды подвергать себя риску».

«И что ты собирался мне сказать? Вот он я, великий — и очень старый — Клут, твой защитник?»

«Нет, я собирался сбросить тебя с лошади и предложить померяться силами. Я был исполнен сил и готов творить волшебство. Почему спасать мир какому-то жалкому мальчишке вроде тебя? Почему эта честь не выпала благородному и, смею сказать, красивому брокену?»

У непосвященного эта сцена, скорее всего, вызвала бы недоумение. Юноша, едва достигший зрелости, и хромоногий калека сидят друг напротив друга и молчат. Потом калека вскакивает и начинает размахивать руками, точно мим на подмостках... Тор расхохотался, а следом за ним и Клут. Смех возымел волшебное действие: напряжение мгновенно спало.

«Сказать по правде, Тор, я не представлял, что сказать — или сделать, — когда тебя найду. Я просто "шел на запах", как велела Лисс. А в итоге оказалось, что ты сам меня нашел»,

«А волшебство, которым ты владеешь? Почему ты им не воспользовался?»

«По-твоему, это было бы разумно — привлекать внимание к собственной персоне? Я слышал, у вас клеймят любого, кто проявил хоть какие-то признаки обладания силой. Нет, Лисс предупредила меня, чтобы я старался не слишком выделяться. Она сказала, что одной моей внешности и так будет достаточно... и теперь я знаю, что она имела в виду! Я послушался ее совета, даже позволил прибить себя за ухо к столбу. И люди со всей округи приходили только для того, чтобы посмотреть на меня, поглумиться и запустить в меня какой-нибудь дрянью. В общем, я очень постарался, чтобы на меня не обращали внимания».

Положительно, этот брокен — или как его там — был очарователен, а от его шуток теплело на душе.

«И каким волшебством ты владеешь?»

Брокен, как обычно, пожал плечами.

«Честное слово, не знаю. Пока я ничего не пробовал. Когда вчера мне удалось до тебя дотянуться, это была настоящая неожиданность. Мы разговариваем, и никто ничего не слышит. Если бы я не находился в столь затруднительном положении, то пустился бы в пляс!»

В дверь негромко постучали. Юноша пересек комнату и открыл. Девочка-служанка, которая вчера привела лекаря, принесла новые свечи и воду. Тору ничего не оставалось, как впустить ее. Он отметил, с какой опаской девочка косится на Клута. К счастью, его друг успел откинуться на подушку и притвориться спящим. Если девочка начнет распускать язык, пойдут разговоры о том, что калека, который еще вчера умирал, сегодня уже может встать с постели, и Тору грозят крупные неприятности. Тор едва успел похвалить Клута за сообразительность, когда тот внезапно открыл рот и грозно захрапел. Девочка испуганно ойкнула и выбежала из комнаты.

«Ну что, Тор-хлопотун?»

Тор вздохнул.

«Что теперь, о мой защитник?»

«Куда ты, туда и я, Торкин. Не забывай: мы с тобой связаны. Хотя мне не очень хочется куда-то ехать — разве что домой. Это ты тоже имей в виду. Могу перечислить, чем бы я предпочел заняться в родных местах. Первым делом, прямо по прибытии — заглянуть на кухню к Гуди Батт и посмотреть, что она готовит».

Очевидно, это было и вторым, и третьим делом. Клут замолчал и погрузился в мечты.

«Ясно. Первым делом ты выслушаешь мой план, поскольку своего у тебя нет. Завтра ночью мы отправляемся в Тал. Тайно. Мне нужно раздобыть для тебя лошадь, а там посмотрим. Да, кстати: во имя Света, кто эта Гуди Батт?»

Глава 8

Заведение Мисс Вайлет

Несколько часов спустя они могли только радоваться, что общаются мысленно. Их многочисленные споры собрали бы всю таверну.

«Ни за что!»

«Клут, ты должен мне доверять».

«Доверять? Ты подложишь волшебной соломки, если я упаду? Или вылечишь меня, если кто-нибудь сделает дырку во мне, а не в моем ухе?»

И Клут скорчил рожу, чтобы скрыть ухмылку. Он панически боялся высоты, и именно это делало идею его юного друга неприемлемой.

Тор положил руку ему на плечо.

«Нет. Ты должен верить, что я вообще не дам тебе упасть».

«Куда ты, туда и я», — устало проворчал Клут, смирившись с судьбой.

«Послушай, я все продумал и проверил. Только-то и всего — пройти по одной крыше, потом по другой... а там я нашел место, где можно без труда спуститься на улицу. О... еще один момент. Ты наденешь юбку и шаль. Они вот здесь».

Тор указал на мешок в углу, оборвал канал, по которому они обменивались мыслями, и выбежал из комнаты прежде, чем Клут взревел.

Оставалось одно последнее дело, которое надо было уладить до рассвета. Если он правильно понял, ему предстоит добраться в порт и найти заведение Мисс Вайлет. Оно действительно находилось рядом с «Наблюдателем» — таверной, в которой частенько останавливались те, кто прибывал в Хаттен морем. Портовые кварталы пользовались дурной славой — здесь легко можно было лишиться не только кошелька, но и жизни. Однако Тор с удивлением отметил, что даже там жители поддерживают чистоту и не дают домам ветшать.

Перешагнув порог заведения Мисс Вайлет, он застыл, словно получил чем-то увесистым по голове. Около сотни голосов орала кто во что горазд, стараясь перекрыть друг друга. Еще несколько человек горланили песню. По залу лениво и невозмутимо плавали вуали голубоватого табачного дыма. Тор огляделся в поисках Эйрин, но ее, похоже, здесь не было. Разочарование было острым и холодным, как лезвие ножа. Протолкавшись к стойке, Тор заказал кружку эля, швырнул слуге горсть медяков, уселся лицом к залу и, подперев голову кулаками, стал наблюдать.

В зале находилось около десятка женщин в шелковых платьях с вызывающе глубокими вырезами. Одни подавали еду и напитки, другие подносили кремень и кресало, чтобы посетители могли раскурить трубку, и как бы невзначай оказывались у них на коленях. Мисс Вайлет была умной женщиной. Эль оказался превосходным, а запахи с кухни подсказывали многоопытному носу Тора, что повар знает свое дело. Мисс Вайлет хорошо усвоила, что путь к сердцу мужчины лежит через желудок, и неплохо на этом зарабатывала. Постояльцы были готовы раскошелиться на хорошую еду, выпивку и уютную комнату, а заодно удовлетворить и иные потребности.

Чтобы напомнить посетителям о том, что у них есть такие потребности, очаровательные девушки старались изо всех сил. Тор поймал себя на том, что наблюдает за свеженькой красоткой в облегающем ярко-красном платье, которое позволяло оценить ее безупречную фигуру. Трое постояльцев судя по одежде, весьма небедных — только что закончили трапезу. Убирая со стола тарелки, девушка как бы невзначай нагнулась пониже, позволив одному из них заглянуть себе в декольте. Не удивительно, что посетитель был готов немедленно вытащить кошелек, и девушка знала об этом. Она взглянула в сторону открытой галереи, которая опоясывала зал на уровне второго этажа, подхватила клиента под руку и быстро повела его из зала, не дав опомниться.

Проследив за ее взглядом, Тор увидел на галерее женщину лет шестидесяти пяти, худощавую, с прямой спиной. Ее темные быстрые глаза, казалось, замечали все. Поймав взгляд Тора, она улыбнулась в ответ, лукаво приподняв одну бровь.

Должно быть, это и была Мисс Вайлет.

Когда Тор снова посмотрел в зал, место красотки в красном заняла другая и как ни в чем не бывало убирала с того же стола. Несомненно, Мисс Вайлет — очень умная женщина. И обеспеченная, судя по потокам денег, которые текли через прилавок бара.

Тор осушил кружку и направился к выходу. Проходя мимо столика, он зацепил за локоть какого-то господина, который пил эль. Юноша забормотал извинения, но тот добродушно отмахнулся и принялся стирать пену с брюк.

И тут у Тора перехватило дыхание: он заметил знакомую копну волос цвета воронова крыла. Эйрин сидела на коленях у одного из посетителей и непринужденно с ним болтала. Тут человек, которого толкнул Тор, отряхнул штанину, выпрямился, и Эйрин исчезла из виду.

Стараясь двигаться осторожнее, юноша пробрался поближе к выходу, откуда ее было хорошо видно. Эйрин светила очарованием. Ее собеседник смеялся над какой-то историей, которую она рассказывала, и небрежно поглаживал ее по спине, едва прикрытой малиновым платьем. Девушка смеялась, поддразнивая его. Тор почувствовал, что закипает. У него не было права ревновать, но ярость росла, и он ничего не мог с этим поделать.

Как раз в этот миг мимо него скользнула девушка с небольшим подносом,

нагруженным выпивкой, и Тор коснулся ее локтя.

— Я тебе не по карману, мальчик, — беззлобно сказала она. — Но поверь: я была бы не прочь.

Ее улыбка и намек мгновенно растопили его ярость.

— Прости, я не это имел в виду, — пробормотал он.

— О-о... Ну, очень жаль.

— Я хотел спросить: ты не знаешь, у кого на коленях сидит Эйрин?.. Конечно, если здесь разрешено спрашивать... — он улыбнулся, зная, какое впечатление это производит.

— Ну, вообще-то, нам не положено. Но...

Это неуверенное «но» указывало, что сопротивление сломлено.

— Кстати, а где она? — спросила девушка, оглядываясь по сторонам.

— Вон там, в углу, — Тор кивком указал туда, где сидела Эйрин, но предусмотрительно повернулся к ней спиной.

— А, да... М-м-м... это капитан Марголин. Он от Эйрин без ума. Как только приплывает в Хаттен — сразу сюда. Тратит уйму денег, а на других девочек и не смотрит.

Настроение у Тора упало, но он сделал над собой усилие и улыбнулся снова.

— Понятно. Не сочти за наглость... а не подскажешь заодно, на каком корабле он плавает?

Его улыбка лучилась, как майское солнце. Но в это же время он лихорадочно соображал, что делать дальше.

— Дай подумать, радость моя. Кажется, «Величавый»... но лучше спроси у кого-нибудь другого, кто точно знает... Слушай, а что случилось?

Как раз в этот миг план в голове у юноши сложился окончательно.

— Ничего особенного. Просто мне... э... надо кое-что сообщить Эйрин, — он пытался говорить небрежно. — Только и всего.

— Я ее подруга. Я ей все передам, только давай побыстрее... — девушка кивнула на галерею, откуда за ними следило бдительное око Мисс Вайлет. — Кстати, меня зовут Элинон.

Тор медленно покачал головой, словно обдумывал предложение.

— Спасибо огромное, не беспокойся. Мы с ней все равно скоро увидимся.

Он подарил девушке еще одну улыбку и направился к выходу. Однако короткий смех Элинон остановил его.

— Тебе придется долго ждать, красавчик. Марголин обычно заказывает ее на всю ночь.

Тору показалось, что эль устремился из желудка вверх по пищеводу. Он вылетел на улицу и глубоко вдохнул прохладный ночной воздух. Только сейчас он понял, что надышался табачного дыма, а в голове гудит от шума. Какая глупость! Он должен выбросить Эйрин из головы и возвращаться в гостиницу. Его взгляд рассеянно блуждал, когда из темноты выскользнул какой-то мальчонка. Тор свистнул, и тот мгновенно обернулся.

— Хочешь заработать дьюк? — спросил Тор.

— Я тебе не шлюшка! Мальчишке было от силы лет восемь.

— Кажется, я не предлагал тебе... э-э-э...

— А зачем, по-твоему, сюда люди ходят? — мальчуган кивнул в сторону заведения Мисс Вайлет. — Если ты не трахаешь девушек, значит, любишь мальчиков. Я тут недалеко живу, и меня вечно спрашивают: «Не хочешь заработать монетку-другую?»

И он вопросительно посмотрел на Тора. Но юноша был настолько потрясен, что не мог вымолвить ни слова.

— Ну, почтенный Колокольня, как мне заработать дьюк?

Тор не отвечал, и паренек, привстав на цыпочки, пощелкал пальцами у него перед носом. Юноша шумно выдохнул и помотал головой.

— Легко, муравьишка. Я дам тебе дьюк, если ты зайдешь внутрь и сделаешь вид, будто бежал со всех ног. Там найдешь капитана Марголина — он сидит в нише через два окна от входа. Скажешь ему, что у него на корабле пожар. Корабль называется «Величавый». Скажи ему, что без него там никак не обойтись, и он должен немедленно бежать на причал. Потом

вылетишь оттуда, словно за тобой гонятся, а я встречу тебя вот там на углу. И заплачу вдвойне.

Парнишка лукаво подмигнул.

— Идет. А денежку?

— Не торопись. Давай-ка еще раз повторим, что ты должен сделать.

Почему-то Тору показалось, что мальчик не слишком старался запоминать.

— Послушайте, сударь... Вам нужно, чтобы я это сделал или нет? Я тоже спешу. Конечно, пара монеток — это здорово, но они не спасут мою задницу. Мама так меня отделает, что будьте-нате. Так что решайте, а мне все равно.

Вот наглость... Тор вытащил монетку, опустил в маленькую ладошку мальчишки и велел поспешить. Прежде, чем он успел что-то добавить, мальчишка рванул с места и влетел в приоткрытую дверь заведения. Через окно Тор увидел, как его личико исказилось от показного ужаса. Что и говорить, паренек был прирожденным комедиантом. Он метался по залу, едва не сбивая с ног посетителей, сам едва не упал — и при этом успел поймать взгляд Тора и подмигнуть. Ради того, чтобы досмотреть представление, Тор перешел к другому окну.

Сначала капитан улыбнулся, затем на его лице появилось беспокойство. Мальчишка запрыгал перед ним, размахивая руками и вытаращив глаза. Марголин нахмурился, столкнул Эйрин с колен, сунул руку в карман и всучил ей несколько монет. Потом, словно опомнившись, обернулся и поцеловал ей руку и принялся что-то объяснять, указывая на дверь и качая головой. Тем временем мальчишка уже пробирался по залу, петляя между ног посетителей и под столами — куда проворней, чем минуту назад.

Спектакль был окончен. Тор побежал по улице к ближайшему перекрестку и спрятался за углом. Через несколько секунд, улыбаясь до ушей, появился и его маленький сообщник.

— Ты должен мне еще один дьюк, — заявил мальчишка.

Он даже не запыхался.

— И с удовольствием заплачу. Похоже, ты мастер в таких делах.

Парнишка был очарователен — с буйной черной шевелюрой и ясными изумрудными глазами. Тор вынул из кармана еще две монетки и сунул ему.

— Три дьюка?!

— Ты их заработал. Как тебя зовут?

— Локлин... Локки...

Он как замороженный смотрел на монетки в своей ладони, и глаза у него горели.

Они слышали, как Марголин бежит в противоположную сторону, к докам, и засмеялись.

— А меня — Тор. Это было здорово, Локки.

— Надеюсь, она того стоит, Тор.

Локки улыбнулся до ушей, снова подмигнул и побежал прочь.

— Эй! Надеюсь, мама не станет пороть тебя слишком сильно! — крикнул ему вслед Тор.

Локки обернулся через плечо.

— Я наврал. Мамы у меня нет. Меня растит сестра.

И с этими словами он исчез. Тор вернулся в трактир.

Долго искать Эйрин не пришлось: они с Элинор стояли у барной стойки. Девушки ждали, когда заказ поставят на подносы. Эйрин выглядела раздраженной, а Элинор что-то ей объясняла.

Тор посмотрел вверх, на Мисс Вайлет. Ее всевидящие глаза следили за ним с тех пор, как он во второй раз перешагнул порог ее заведения.

«Надеюсь, у вас достаточно денег, чтобы заплатить за нее, молодой человек», — прозвучал у него в голове спокойный и уверенный голос. Женский.

Тор застыл на месте. Он был потрясен до глубины души и только надеялся, что его челюсть не слишком сильно отвисла.

«Денег хватит», — ответил он мысленно.

«Ну, тогда добро пожаловать в заведение Мисс Вайлет».

На изрезанном морщинами лице появилась солнечная улыбка, и в это мгновение Тор понял, какой красавицей Мисс была в молодости. Он улыбнулся в ответ... и тут его окатило элем, который разом смыл улыбку. Первое потрясение было слишком велико, чтобы предотвратить второе.

— Ах ты сволочь! — третьим потрясением стала опустевшая пивная кружка, которой Эйрин смазала его по скуле. Они оказались в центре внимания. Те, кто сидели поближе, уже хохотали. Несмотря на ярость, Эйрин ухитрилась не облить никого, кроме Тора.

— Как ты посмел!

Ее волосы были такими густыми и блестящими. Кажется, Тор заметил бы это, что бы ни случилось. А еще через миг он вспомнил просьбу Меркуда. Не привлекать к себе лишнего внимания. А что делал он? Полез спасать Клута на рыночной площади. Потом этот свадебный балаган. Теперь еще и здесь... Все, хватит. Он устал от всего этого. У него лопнуло терпение. Схватив Эйрин за локоть, Тор молча потащил ее к выходу.

«Вернусь не позже, чем через минуту», — бросил он Мисс Вайлет и услышал в ответ ее смех, серебристый, как у молодой девушки. Через миг невидимый канал, соединяющий их, исчез.

Снаружи было уже прохладно, и рубашка, пропитанная холодным элем, казалась ледяной, а мокрая голова замерзла. Эйрин вырывалась, но Тор сжал ее в объятьях и не отпускал. Наконец она прекратила сопротивляться, безвольно опустила руки и надула губки.

— Если ты не хотела меня видеть, зачем было оставлять записку? — он помахал у нее перед носом смятым клочком пергамента.

— Я хотела узнать, хватит ли у тебя духу снова ко мне прийти! — бросила она. — После того, как ты...

Она оттопырила мизинец, а потом резким движением загнула, вложив в этот жест все презрение к его мужскому достоинству.

— Но я здесь, верно? — Тор не мог придумать ничего более разумного.

— О да. И лучше бы ты был где-нибудь подальше! Капитан Марголин хорошо мне платит, а ты все испортил. Я ждала его с начала лета! Ты меня так обидел.

Она чуть не плакала. Злость Тора потухла, точно костер под дождем, сменившись усталостью. Эта странная жизнь начинала ему надоедать.

— Прости за капитана, Эйрин, — он выпустил руку девушки. — Честное слово, мне очень жаль, что так вышло. На самом деле я пришел, чтобы сказать, что мне очень стыдно за прошлую ночь. Ну, что я не сделал для тебя то, что должен был сделать... И за то, что я не могу это толком объяснить.

Он вздохнул, вспоминая безумный вчерашний день.

— Я хотел бы все забыть. Но я никогда не забуду, какой ты была красивой, милой... Я должен был извиниться с самого начала. Ладно, лучше поздно, чем никогда.

Он отбросил со лба мокрые волосы. Эйрин молчала. Если бы он знал, как он красив...

— У меня остался один золотой, и он твой. Надеюсь, он покроет твои убытки, которые ты понесла, потеряв ночь с Марголином.

Он нащупал в кармане последнюю монету — тяжелый золотой монарх, — вложил ей в ладонь и накрыл его ее пальцами. Потом наклонился, коснулся губами ее пальцев, словно запечатывая их поцелуем, и пошел прочь.

— Тор, подожди!

Она хотела остановить его, но он лишь ускорил шаг.

Эйрин подхватила подол длинного платья и побежала следом. Наконец, ей удалось схватить юношу за мокрый рукав и заставить обернуться.

Во имя Света! Это был самый красивый парень из всех, кого она видела.

— Тор, пожалуйста, подожди! — у нее перехватило дух. — Ты же замерзнешь до смерти, пока доберешься!

Ему больно и грустно, подумала она. Начинаясь дождь, и поздние прохожие старались держаться поближе к стенам домов, прячась под карнизы. С моря налетел порыв ветра — он словно хотел сдуть их.

Тор посмотрел на нее. Глаза у него были невероятно голубые. И невероятно усталые.

— Беги назад, Эйрин, а то простудишься. Подозреваю, это не лучшим образом отразится на твоём кармане.

Он заметил, как она сжалась, и поморщился. Это были очень жестокие слова.

Она слишком напоминала Элиссе. Ее тепло, ее запах... Тоска стала невыносимой. Ее глаза пытались поймать его взгляд — непонятно зачем. Тор наклонился, поцеловал ее в макушку и снял ее руку со своей рубашки.

— До свидания, Эйрин, и удачи тебе.

— Нет, Торкин Гинт! Будь ты неладен, я не позволю тебе просто бросить мне деньги и уйти. По крайней мере, ты можешь получить то, за что заплатил.

Тор хотел уйти.

— Тогда найди Марголина. Передай ему: пусть отыщет тебя как следует. Скажи, что за все уже уплачено.

Она замерла, словно от удара, прикрыла ладонью горло, и Тор почувствовал, что ненавидит себя. В следующий миг Эйрин влепила ему пощечину и, не говоря ни слова, развернулась и пошла прочь. Он не остановил ее и лишь смотрел, как она обнимает себя, пытаясь защититься от дождя, который становился все более частым. Он был рад. Он не довел дело до конца, но вопрос окончательно закрыт.

Ее пощечина жгла щеку. Засунув руки глубже в карманы, Тор зашагал прочь от «Наблюдателя». Он думал об Элиссе. Он мысленно звал ее, как в прежние времена, но зов снова и снова уходил в вязкую пустоту. Впрочем, ничего иного он и не ожидал... но отдал бы все на свете, лишь бы Элисса хоть раз на миг оказалась в его объятьях.

Клут тоже не отзывался, но по иной причине: он спал, и Тор с радостью отметил, что его друг вполне оправился от ран. Юноша уже завернул за угол, чтобы покинуть порт, когда у него в голове раздался мягкий голос Мисс Вайлет:

«Она этого не заслужила».

«Не вмешивайтесь, Мисс», — сам себе удивляясь, Тор ответил без промедления и очень спокойно.

«Какое малодушие, Торкин. Надеюсь, в следующий раз Меркуд проявит больше мудрости».

Ему показалось, что невидимая веревка между ними лопнула с громким щелчком.

Меркуд! Она знает про Меркуда. Голова у Тора пошла кругом.

«Кто вы все?» — закричал он и, не дожидаясь ответа, со всех ног бросился назад, к «Наблюдателю». Посетители еще не разбрелись, но народу в зале поубавилось. Ни Мисс Вайлет, ни Эйрин видно не было.

— Снова ты? — Элинора подбоченилась. В одной руке она держала поднос.

— Мисс Вайлет здесь?

— В следующую дверь. И это все, что ты узнаешь, красавчик — кем бы ты ни был.

И девушка удалилась.

Так до конца и не справившись с дрожью, Тор раздвинул шторы и оказался в небольшом арочном проходе, по которому можно было попасть из борделя в таверну. Тяжелая ткань сомкнулась за спиной у юноши, шум стал глуше, а когда он миновал второй проем, также зашторенный, стих совсем. Тор оказался в небольшой прихожей, освещенной лампами. Из-за небольшой стойки поднялось неземное создание в сверкающем платье из золотой парчи; впрочем, это сияние поблекло, когда существо улыбнулось.

— Добро пожаловать, сударь, — должно быть, это было обычное приветствие; оценив его возраст, существо замялось. — Э-э-э... чем могу вам помочь?

— Конечно.

Тор не переставал удивляться своей решительности. Он не медлил с ответом и лишь

вопросительно посмотрел на прелестное создание за стойкой.

— Мия, — представилась девушка.

— Мия, я ищу Эйрин. Думаю, она недавно вернулась.

Девушка приоткрыла губки и хотела ответить, когда кто-то появился у него за спиной — Тор скорее почувствовал, чем услышал это, и обернулся.

— Добрый вечер.

— Это Мисс Вайлет, сударь, — быстро пояснила Мия.

Тор шагнул к пожилой женщине, поклонился и поцеловал ей руку.

— Рад снова видеть вас, сударыня, — произнес он вслух. И, надеясь, что Мия не может их слышать, добавил мысленно:

«Полагаю, нам нужно о многом поговорить».

«Несомненно», — и она снова оборвала связь.

— Мия... у нас с уважаемым Гинтом есть общий друг. Пожалуйста, найди Эйрин и проводи ее ко мне в кабинет, когда я позвоню. А пока я хочу переговорить с этим очаровательным молодым человеком за бокалом вина. Возможно, ты будешь столь любезна и принесешь нам чего-нибудь.

Прежде чем девушка оправилась от удивления, она предложила Тору руку и повела его по небольшому коридорчику в свои личные апартаменты.

Нигде и никогда Тор не видел более изысканной обстановки, чем в салоне Мисс Вайлет, о чем он не преминул сказать хозяйке... хотя, по правде сказать, апартаменты, которые ему доводилось видеть прежде, особой изысканностью не отличались. В ответ на его замечание она тепло улыбнулась и предложила одно из широких кресел, которое стояло у камина.

Камин был невелик, но пламя в нем горело жарко. Тор опустился в кресло и попытался согреться. Если не считать утреннего купания — когда еще ему было так хорошо? Когда они с Элиссой целовались... когда рядом с ним лежала Эйрин... Он помотал головой, чтобы хоть немного встряхнуться. Чьи-то руки чуть отодвинули штору и передали хозяйке небольшой поднос с графином, в котором темнело вино цвета сливы, и двумя маленькими бокалами. Негромко поблагодарив, Мисс закрыла дверь и поставила поднос на стол.

— Люблю посидеть вечером с бокалом «Беханского», — проговорила она, разливая густое вино, которое изготавливали на севере Таллинора. Один из бокалов она протянула Тору, другой взяла сама, опустилась в кресло напротив и чуть подняла бокал, словно провозглашая тост.

Мисс Вайлет явно наслаждалась тишиной и уютом. Но Тора это молчание начинало угнетать. Возможно, он слишком устал. Эти пристальные, изучающие взгляды становились привычными... однако он предпочел представить, что его мысли защищены прочным щитом — это не позволяло посторонним копаться у него в голове. Ощущение отчужденности усиливалось, но так было безопаснее.

Он почувствовал, как мягкое щупальце коснулось его шита, и Мисс Вайлет подняла брови. Защита явно произвела на нее впечатление.

— Вижу, ты стал принимать меры предосторожности.

— Думаю, это необходимо, не так ли?

Меньше всего он хотел оскорбить эту женщину.

— О, несомненно. Давно пора. Но — маленький совет.

Научись держать свои мысли постоянно закрытыми. Пока не захочешь поговорить с кем-нибудь мысленно. Например, с...

Она выдержала паузу и вопросительно посмотрела на Тора, но он только покачал головой, хотя не знал, почему. Это было что-то сродни инстинкту.

— Сейчас мне не с кем разговаривать таким образом, — он осушил бокал и осторожно поставил его на поднос. Вино было выше всяких похвал. — Конечно, за исключением вас, Мисс.

— О, Торкин, не надо! А Меркуд Облегчающий Стадания?

— Возможно, он на такое способен, — осторожно ответил юноша. — Но мы с ним пока так не общались.

— И никто никогда не разговаривал с тобой по каналу? — она не могла скрыть удивления.

— На самом деле, когда-то такой человек был... но потом случилось что-то странное. Мы перестали друг друга слышать и давно не разговаривали.

Это было правдой. Тор делал вид, что ничего не понимает, и хозяйке волей-неволей приходилось или задавать больше вопросов, чем требовало простое любопытство, или вообще сменить тему разговора. Мисс Вайлет молча кивнула, признавая за ним победу. Юноша проявил мастерство, достойное дипломатических кругов королевского двора.

— Тогда просто прими мой совет, Тор, — сказала она. — Это пойдет тебе на пользу.

— Мисс, могу я задать один вопрос?

— Конечно.

— Сколько стоят услуги Эйрин на всю ночь?

В отличие от Мисс Вайлет, которая не смогла скрыть изумления, он сохранял невозмутимость. Она явно не ожидала такого вопроса. Рука с бокалом замерла в воздухе.

— Во имя Света, мальчик мой! Ты хоть знаешь, что с ней делать?

— Думаю, это мои трудности. Мисс Вайлет быстро пришла в себя.

— Ну, тогда почему бы тебе не спросить ее саму? — она потянулась вперед, взяла со стола изящный колокольчик и позвонила. — Скоро Эйрин будет здесь. Так... А о чем еще ты хочешь спросить?

— О Меркуде, конечно. Откуда вы его знаете? Откуда вы знаете меня? Как мы все связаны?

— Я знаю Меркуда чуть ли не всю жизнь. И, думаю, чуть ли не все это время была в него тайно влюблена, — она небрежно рассмеялась. — Мы добрые друзья и часто общаемся.

— Мысленно?

— Конечно. В бордель его не зазвать, если ты это имел в виду. Что касается тебя, то Меркуд предупредил, что ты появишься в Хаттене, и просил меня проследить, чтобы с тобой ничего не случилось.

— А каким образом? Если, конечно, это не секрет.

— Эйрин, Петир, Локки. Я плачу им всем- тем или иным способом.

Глаза у нее блеснули. На этот раз пришел черед удивляться Тору.

— Вы хотите сказать, что все это было подстроено?

— А как же?

— А Клут?

— Калека с рыночной площади, которого ты позавчера спас?

Тор кивнул.

— Нет, про этого человека я не знаю. Кажется, он нездешний... Кстати, а где он сейчас? — она протянула руки к огню, чтобы согреть ладони.

— Я снял комнату на постоялом дворе и пригласил к нему местного лекаря. А днем он исчез — я имею в виду Клута. И я не знаю, куда он подевался. Лекарь говорил, что этот бедняга долго не протянет... и я рад, что он не умрет в моей постели и мне не придется оплачивать ему похороны.

Ложь давалась Тору легко. Странно было другое: он не мог понять, зачем это делает. Что-то заставляло его так поступать. Клут должен оставаться его тайной — так долго, сколько это будет возможно. Мисс Вайлет кивнула, и тут юноша с облегчением услышал негромкий стук в дверь.

— Заходи, Эйрин, — сказала хозяйка.

Шторы раздвинулись, и девушка вошла. Она переоделась, и ее прозрачное голубое одеяние заставило Тора судорожно вдохнуть и встать с кресла. Однако Эйрин отвела глаза, не желая встречаться с ним взглядом.

— Вы меня звали, Мисс?

— Конечно. Ты знакома с уважаемым Торкином Гинтом?

Эйрин кивнула и принялась разглядывать свои сатиновые туфельки.

— Только что этот господин задал мне весьма необычный вопрос. Он желает провести эту ночь — все, что от нее осталось — с тобой. И поинтересовался, во сколько это ему обойдется. Однако мне кажется, что этот вопрос вам лучше обсудить самим. Боюсь, между вами слишком много всего произошло, чтобы сделка прошла гладко. Однако решать тебе, моя дорогая.

Девушка оторвала взгляд от пола и с вызовом посмотрела Тору в глаза.

— Он уже заплатил — золотой монарх, сударыня, — она опустила тяжелую монету в ладонь пожилой женщины. — Этого более чем достаточно, чтобы купить меня на ночь.

Теперь она не сводила глаз с Тора. В них было столько гнева, что он должен был испепелить.

— В таком случае, дорогая, проводи его в одну из наших комнат для свиданий.

— Спокойной ночи, уважаемый, — Мисс Вайлет улыбнулась Тору. — Наслаждайтесь... и заходите к нам снова, когда в следующий раз будете в Хаттене. Передайте мои наилучшие пожелания нашему общему другу. Желаю удачи в Тале.

И она покинула салон через другую дверь, которой Тор до сих пор не замечал. В комнате повисла напряженная тишина.

— За мной, пожалуйста, — ледяным тоном произнесла Эйрин.

— Подожди немного.

Тор чувствовал себя очень неловко. Затея внезапно перестала ему нравиться. Однако девушка сделала вид, что не услышала.

— Сюда.

И шагнула за дверь. Тор помедлил, но ему ничего не оставалось, кроме как идти следом. Он видел, как она поднимается на верхний этаж и уходит в полутемный коридор, освещенная дрожащим огнем свечей в маленьких канделябрах. Прыгая через две ступеньки, он достиг площадки как раз в тот миг, когда Эйрин открыла дверь в самом конце этого коридора, который казался бесконечно длинным.

Ноги Тора словно налились свинцом. Все это неправильно, твердил он сам себе. Но, во имя Света... она так хороша, особенно когда злится, и у нее блестят глаза. Тор брел по коридору, пока не уперся в дверь. Было так тихо, что он не осмелился сразу войти, и постучал. Эйрин открыла дверь, и у него тут же пересохло во рту. Она была полностью раздета.

— Закрой дверь, пожалуйста. Я ненадолго.

Тор следил за дразнящими, округлыми покачиваниями ее упругой попки. Девушка подошла к кровати с балдахином на четырех столбиках и откинула полог.

— Я жду вас в любое время. Когда будете готовы, сударь... — она даже не скрывала насмешки.

Довольно. Тор шагнул через комнату и рванул полог с такой силой, что одна из прозрачных занавесок осталась у него в руках. Эйрин чудом подавила вскрик и непроизвольно натянула на себя простыню. Ее худые плечи дрожали, глаза горели гневом.

— Хватит, Эйрин. Мне это все не нравится, и чем дальше, тем больше. Вспомни: ты сама выбрала меня для этой брачной церемонии. А теперь я узнаю от Мисс Вайлет, что ты шпионила за мной по ее просьбе. Тебе поручили меня выследить. Что ж, у тебя прекрасно вышло. Стоило мне только появиться в Хаттене... Потом Петир в банях, потом Локки... Вы все — друзья, как я понимаю?

Он тряхнул головой. Как можно было быть таким доверчивым! Эйрин хотела что-то сказать, но он поднял ладонь, пресекая возражения.

— Спасибо, ты великолепно сыграла свою роль. Ваш план удался на славу. Так что монарх твой — ты его заработала... можно сказать, честно заработала.

Он опустил полог, шагнул к маленькому столику, на котором стояли бокалы с вином, глотнул из одного и, не говоря ни слова, направился к двери.

— Они мои братья, а не друзья, — ее голос был жестким -и мрачным.

— Что?!

— Я сказала, они мои братья — Петир и Локки. Не уходи.

Она высунула голову из-за полога, потом снова исчезла и выскользнула наружу, закутанная в шелковую простыню.

— Я имела в виду... В самом деле... Не уходи, Тор.

Эйрин подошла, взяла юношу за руку — почти против его воли, подвела к камину и заставила сесть рядом с собой.

— Сегодня на улице холодно.

Тор устало усмехнулся.

— Особенно после пивного душа.

Ее руки по-прежнему держали его ладонь. Потом начали легко ее растирать.

— Хорошо. Никаких извинений. Взамен предлагаю перемирие. Согласен?

— Согласен, — с облегчением отозвался Тор. — И что теперь?

— Закончим то, что начали прошлой ночью, только на этот раз никакого обмана и хитростей. Я здесь потому, что сама так решила, а не потому, что обязана и не потому, что ты заплатил.

— У тебя ужасный почерк. Ты знаешь? — внезапно спросил он, вспомнив про ее записку. Эйрин рассмеялась.

— Радуйся, что я вообще умею писать. Большинство девушек не умеют.

— А кто тебя научил?

— Марголин, например. Ну, и еще некоторые мужчины, которым я настолько понравилась, что они решили потратить часть времени, за которое заплатили, чтобы научить меня грамоте. Вместо того, чтобы...

Тор освободил руку и мягко прикрыл ей рот.

— Не надо, Эйрин. На самом деле ты куда лучше, чем хочешь казаться.

— Лучше? — мечтательно отозвалась она. — На самом деле — нет. Мне нравится эта жизнь, Тор, поэтому даже не пытайся меня изменить.

Она не шутила. Тор потянул ее за руку и прижал к себе.

— Может, хотя бы доцелуемся? Если бы ты только знала, как я разозлился, когда проснулся и понял, что упустил такой шанс...

Ее лицо было совсем рядом, и вся серьезность куда-то пропала. Они нежно коснулись друг друга губами, потом поцелуй стал глубже. Наконец Эйрин чуть отстранилась и стала разглядывать его лицо.

— Этот поцелуй предназначался только для меня — или в этой комнате еще кто-то есть? — осведомилась она.

— О... несколько человек, думаю, должны где-то прятаться. Эйрин притворно замахнулась на него и встала. Пытаясь удержать ее, Тор схватил за край простыню, но девушка бросилась к кровати, и простыня осталась у него в руках. Тор вскочил и бросился следом. На матрас они упали одновременно. Раздался зловещий треск, кровать сложилась пополам, и оба неудержимо расхохотались. Время от времени они пытались окоротить друг друга, после чего раздавался новый взрыв хохота.

— Во имя Света! — простонала Эйрин. — Что скажет Мисс Вайлет?

— Не беспокойся.

Он поцеловал ее в плечо, затем в другое. Затем в шею.

— Сними эти жуткие тряпки, — сонно промурлыкала Эйрин, следя за его пальцем, который скользил в направлении ее пупка. — И я знаю, что у тебя это в первый раз, поэтому не скромничай и не робей. Тебе досталась лучшая учительница по эту сторону столицы.

Странно: снимая мокрую рубашку и брюки, Тор почему-то подумал про прайм-офицера Кайруса. Нет, ощутил его присутствие — всего на миг, где-то на краю сознания. Странно... Кайрус просит его о помощи. Видение очень быстро ушло, и Тор опустился рядом с Эйрин.

Глава 9

Новая встреча

Отряд королевских ратников легкой рысью скакал по дороге в Тал. Гнать лошадей не было нужды, людям не было нужды спешить. Каждый уже вдыхал воздух столицы, до которой оставалось в худшем случае два дня пути. Лето уходило, напоследок радуя теплом, прежде чем уступить место осени, и деревья переодевались в разноцветные одежды, готовя ей торжественную встречу. Всадники ехали через деревни, и все махали руками, приветствуя их: крестьяне, их дети и даже маленькая компания странствующих лудильщиков, которая встретила их по дороге.

Услышав шуточки, которые отпускали его воины, прайм-офицер недовольно поморщился: отряд проезжал мимо небольшого виноградника, где работали женщины. Однако сегодня у Кайруса было слишком хорошее настроение, чтобы распекать своих бойцов. У него самого при виде этих женщин возникали совсем иные мысли. Женщины собирают виноград, из которого получается восхитительное, густое вино. И благородные господа, которые погнушались бы этими женщинами, будут пить его на пирах, когда подают сладкое. Судя по всему, в этом году хороший урожай. Кайрус любил тонкие сорта, ценил солнечную шелковистость золотистого «Сирикса», но всем предпочитал крепкие красные вина с их полнокровным великолепием. Именно такого вина жаждало сейчас все его существо. Во Дворце, в его личных апартаментах, хранится роскошный «Мориетт» — жаль, что его запас понемногу истощается. Кайрус представил, как сидит, расслабившись, в своем любимом кресле... возможно, у камина, потому что ночи становятся холодными... и почти ощутил во рту бархатистый вкус.

— Думаю, нам стоит поторопиться в Бревис, офицер, — его мечтания прервал голос Херека. — Погода разгулялась, а значит, у нас все шансы к завтрашнему вечеру добраться до окрестных деревень... Может, даже до Шервина доедем. А утром встанем, час-другой — и мы дома.

В каждой фразе Херека звучал вопрос. Последнее слово, так или иначе — за прайм-офицером. А прайм-офицера звал «Мориетт».

— Идет. Передай ребятам, чтобы ехали быстрее. Если мы собрались добраться до Бревиса, то лучше оказаться там до темноты.

Херек понял. Бревис — маленькая деревенька, прелестная, точно картинка — стояла на краю Великого Леса. На карте Лес напоминал отпечаток огромной пятерни, а деревенька точно прилепилась к ногтю одного из ее пальцев. Ни один из жителей Таллинора, как бы он ни был смел, не мог чувствовать себя в этом лесу спокойно, а лошади, даже самые смирные, становились норовистыми и упрямыми — особенно если всадника заставляла в таинственном лесу темнота.

С пригорка, где остановились Кайрус и двое его помощников, деревенька была видна как на ладони. Вокруг расстилались невероятной красоты луга, заросшие лавандой, которая славилась на все Королевство. Во всех домах знати, на всех этажах можно было увидеть пучки сухих ароматных трав, которые доставляли именно из этих мест. Сразу за деревней начиналась юго-западная оконечность Великого Леса. До деревни оставалось две мили, но Кайрус решил остановиться и разбить лагерь.

— Вон там, офицер, — сказал Херек, указывая на небольшую ложбинку. Кайрус зорко огляделся.

— Ты прав, лучшего места нам не найти. Едем, пока не стемнело.

И он направился к ложбинке, а Ройс, второй его помощник, махнул рукой, делая воинам знак следовать за ними.

К тому времени, когда небо развернуло свою мантию цвета заката над Бревисом и в воздухе повеяло ночной прохладой, лагерь был уже разбит, а между палатками танцевали огни костров. Прайм-офицер приказал выдать своим людям эля, чем привел их в восторг.

Само собой, первый тост был за здоровье командира. Кайрус обходил костры и благосклонно кивал в ответ. Преданность этих людей была для него превыше всего, и он не жалел сил, чтобы они ни в чем не нуждались. В подчинении прайм-офицера не было ни одного человека, в чьей верности он мог бы усомниться.

Один из маркитантов подошел к прайм-офицеру и протянул ему кружку с элем.

— Сегодня я не пью, — улыбнулся Кайрус. — Но... спасибо.

Завтра ему понадобится свежая голова. К тому же... как можно пить эль, когда «Мориетт» так близко? Лучше немного подождать.

Маркитант пожал плечами и, прихрамывая, отправился к ближайшему костру. Кайрус слышал, как он пробормотал себе под нос «другим больше достанется», снова улыбнулся, и его взгляд остановился на офицере, который его сопровождал.

— Давай, Ройс. Думаю, самое время спеть.

И Кайрус жестом пригласил его в центр круга, образованного маленькими костерками.

Воины подбадривали Ройса, хлопая в ладоши. Наконец, тот одним духом осушил кружку и сунул ее кому-то. В руках откуда-то появилась лютня. В это время Херек подошел к Кайрусу и отсалютовал.

— Да, Херек? — прайм-офицер поднял голову.

— Все спокойно. Четверо в дозоре, по одному на сторону, смена караула каждый час.

— Отлично, Херек. А теперь расслабься и выпей эля. А то постоянно настороже... начинаешь дергаться по поводу и без повода.

— Э-э-э... Слушаюсь, капитан. Спасибо.

Херек неуклюже отсалютовал для порядка и отправился на поиски эля.

Кайрус привалился к скатке. Он не спешил засыпать, однако сытость растекалась по телу приятным расслабляющим теплом. Голос у Ройса был чудесный, а сегодня офицер был в ударе, и не только из-за того, что выпил эля. Не так давно он женился и с нетерпением ждал встречи с молодой женой. Весь вечер он пел о красивых женщинах и тех уладах, которые они обещают, пил, снова пел, а с ним и остальные, пока все не погрузилось в сон.

А они не так много выпили, с удивлением отметил Кайрус. Но, скорее всего, люди просто устали, вот их и разморило. Ладно, что ни делается, все к лучшему. Раньше легли — значит, раньше встанут... и можно будет отправляться в путь с рассветом.

Что касается Ройса, то он все никак не мог успокоиться. Один из дозорных зевал не переставая, и офицер подошел к нему.

— Будет тебе маяться, Корк. Ложись, а я за тебя покараулю.

Ответом ему была сонная улыбка, которая тут же сменилась зевком. Ройс поймал взгляд Херека и жестом показал, что займет пост на севере. Херек кивнул. Он тоже едва держался на ногах, но его подчиненные даже не пытались проявлять должную бдительность. Странно.

Небо затянулось тучами, луна скрылась. К полуночи все ратники, подвыпившие и счастливые, уже спали, и над поляной раздавался радостный храп.

Только Кайрус сохранил голову ясной. Он тоже спал, но, как всегда, чутко.

На всякий случай незваные гости подождали еще час. Надо было убедиться, что снадобье, подмешанное в эль, действовало. Потом из темноты беззвучно выскользнули тени. Кайрус услышал во сне негромкий крик совы, но не насторожился и лишь перевернулся с боку на бок. В этот миг четверым его часовым перерезали горло, и их кровь залила холодную от росы траву.

Офицер очнулся слишком поздно. Он едва успел вскочить, когда острие одного кинжала уперлось ему в грудь, ледяное лезвие другого — к кадыку, а крепкая мясистая ладонь закрыла ему рот. Несколько мгновений он вырывался, не понимая, почему никто не просыпается от шума. Что-то булькнуло, невидимый противник отвел руку и тут же прижал к лицу Кайруса тряпицу, пропитанную какой-то сильно пахнущей жидкостью. Тело прайм-офицера обмякло, и он повис на руках нападающих.

Кайруса завернули в одеяло, под которым он спал и, больше не таясь, потащили к лесу, где его лицом вниз бросили на спину лошади и привязали. Спешить было некуда: королевские ратники будут спать очень долго, хотя бы они того или нет... а четверо дозорных не проснутся уже никогда.

Кайрус медленно приходил в себя. Снадобье было крепким, и голова до сих пор шла кругом, а во рту пересохло.

Пятеро. Пока Кайрус мог различить лишь силуэты на фоне небольшого костерка. Время от времени то один, то другой оглядывался, проверяя, очнулся ли пленник. Кайрус не спешил их оповещать. Для начала надо было понять, насколько крепко он вяпался.

Офицер приоткрыл глаза — чуть-чуть, чтобы со стороны не было видно. Он подозревал, что узнает кого-то из негодяев, и не ошибся: один из них оказался Гороном — портовым рабочим из Хаттена. Каким-то образом этот тип сумел дослужиться до зрителя работ, хотя был настоящим животным. Кайрус знал Горона в лицо, но не более. Остальных он вообще видел впервые.

Кайрус попытался собраться с мыслями. В конце концов, все это мелочи. Главное — что будет с его солдатами? Он уже догадался, что в эль было что-то добавлено. Но это значит, что у мерзавцев есть сообщник. Вряд ли кто-то из своих — скорее всего, это хозяин постоянного двора... При этой мысли Кайрус скривился, словно получил оплеуху.

Итак, его людей усыпили, его самого похитили. Но зачем? Что им от него нужно?

Все встало на свои места, когда из леса вышел человек которого Кайрус сразу узнал. Корлин. Значит, месть... Вся эта свистопляска затевалась с единственной целью — успокоить уязвленную гордость Корлина. Корлину приспичило поквитаться с человеком, который унижил его на глазах всего Хаттена из-за полоумного калеки. Кайрус едва сдержал презрительный смешок. А он-то ломал голову — зачем, почему... Вот и вся загадка: этот мужлан просто свихнулся.

Какое-то время Корлин негромко беседовал со своими сообщниками, затем подошел к Кайрусу и с яростью пнул его сапогом под ребра. Офицер сдавленно хрюкнул: ему показалось, что из легких вышибли воздух. Он попытался дышать, но это оказалось непросто. Бок немилосердно ныл, а одно ребро было явно сломано.

— Добрый вечер, господин прайм-офицер,- произнес Корлин, отвешивая издевательский поклон. — Не ждали, что дельце так обернется, а?

Кайрус попытался сесть, но снова получил сапогом в бок.

— Побереги силы, Кайрус — пригодятся, — Корлин гнусно ухмыльнулся. — У тебя впереди долгий день. Такого долгого у тебя в жизни не было. Я хочу подольше послушать, как ты умоляешь о пощаде.

Корлин громко хохотнул и зашагал обратно к костерку. Глядя ему вслед, Кайрус почувствовал, как внутри что-то сжимается. Предчувствия у него были самые скверные. Офицер следил, как подручные Корлина хлещут эль из небольшого бочонка. При этом главарь выпил от силы полкружки. Остальные скоро опьянеют, и им будет все равно, что творить. Значит, расправы осталось ждать недолго.

Наверное, что-то подобное человек чувствует перед казнью... Кайрус поспешил отбросить эту мысль. Приговоренный к смерти обычно виновен в преступлении и принимает свою судьбу. Он, прайм-офицер Кайрус, невиновен и не думает смириться. Страх больше не было, его сменило холодное бешенство. Если он все-таки выживет после того, что ему уготовили... Тут. Кайрус с сожалением признал, что шанс у него невелик. Но если он выживет, то лично добьется того, чтобы эта шайка получила свое. И пусть не рассчитывают ни на милосердие, ни на снисхождение.

Тем временем Корлин снова встал.

— Начинается, — пробормотал Кайрус, глядя на стволы деревьев.

Он подумал о любимой жене и ребенке, которые давно умерли, но все еще жили у него в сердце. Следующая мысль была о его воинах: есть надежда, что они отомстят. А затем, что

странно, в голове возник образ Торкина Гинта. Кайрус представил, как Гинт погоняет коня, спешит к нему на выручку, а сзади, в седле, сидит его приятель-калека. Какой вздор! Уголок его рта печально дернулся. И все-таки интересно, с чего ему вспомнился этот парнишка.

Корлин уже стоял рядом.

— Поставьте этого засранца на ноги! -рявкнул он.

Двое его сообщников исполнили приказ. Третий перерезал путы и тут же связал Кайрусу руки, и Корлин смачно плюнул в лицо прайм-офицеру. Плевком попал в лоб, и слюна медленно потекла по носу. В это мгновение Кайрус понял, что еще ни к кому не испытывал такой ненависти. Он собрал во рту слюну и с огромным удовольствием ответил плевком, совершенно неожиданным и куда более метким — точно в губы Корлину.

— Можешь поцеловать меня в задницу, ублюдок, — проговорил он. — Жду не дождусь, когда перережу твою грязную глотку.

Вызов был брошен. На миг Кайрус почувствовал себя едва ли не всемогущим, его охватило ликование — но лишь на миг. А от короткого «несите гвозди» кровь застыла у него в жилах.

Его волокли к двум деревьям, которые росли рядом.

— Никакое снадобье не избавит тебя от боли, прайм-офицер Дермо, — оскалась, сообщил Корлин, и его приятели радостно заржали. — Давайте, ребята!

Молоток был тяжелым, а гвозди толстыми. От первого удара Кайрус изверг содержимое своего желудка на траву, а после второго потерял сознание. Этими двумя ударами его правую руку пригвоздили к стволу одного из деревьев. Для того, чтобы прибить левую руку, понадобилось целых три, но этого он уже не почувствовал. Однако на этом экзекуция не закончилась. Убедившись, что гвозди держат надежно, помощники Корлина окатили офицера ледяной водой, чтобы привести в чувство. Забава должна была продолжаться всю ночь.

Глава 10 Секрет короля

— О, старина!

Его величество Лорис, король Таллинора, в несколько шагов пересек просторную комнату.

— Мой король, — Меркуд низко поклонился.

— Хватит церемоний, Меркуд — оставь их для придворных приемов. Вспомни, где ты находишься. Я хочу, чтобы ты пил со мной вино и рассказывал о своих непристойных похождениях... — Лорис крепко обнял старика. — Нам с Найрией тебя так не хватало.

Меркуд был счастлив вернуться в Тал. Конечно, странствия — это замечательно. Но что может сравниться с уютом, который царит в его покоях в западной башне! Паж, проскользнув в комнату, принес вино, маринованные оливки и принялся ловко накрывать на стол, однако его волнение чувствовал каждый. Улучив момент, когда мальчик поднял голову, Лорис едва заметно подмигнул ему; тот поспешно поклонился — чуть ниже, чем обычно — и начал зажигать светильники. День был прохладный, все говорило о приближении осени. Еще немного — и во дворце начнут постоянно топить камины.

Меркуд пригубил из своего бокала. Великолепный «Кориэль» — виноград для него выращивают лишь в плодородных южных землях. Когда-то Меркуд служил лекарем у Оркайда, отца Лориса, а во Дворец прибыл лишь за несколько дней до того как дед Лориса, старый король Морт, испустил последний вздох. Никто не прожил столько, чтобы усомниться в искусстве лекаря, который обитает во дворце вот уже полтора столетия.

Что касается Оркайда, то он, приняв корону, во Дворце появлялся лишь ненадолго — его уделом были бесконечные военные походы. По большому счету, Меркуд заменил Лорису отца. Оркайд был настоящим воином — крепким, грубовато-добродушным. Лорис, в те годы хрупкий и впечатлительный, скорее напоминал мать — среднего роста, смуглолицый, с

темными волосами и глубоко посаженными печальными глазами.

Король зевнул.

— Прости, Меркуд... Мой секретарь не знает, что такое жалость- нужно подписывать документы, читать бумаги, что-то утверждать, что-то решать... Где они, добрые старые времена, когда довольно было слова короля?

Меркуд знал, насколько король ненавидит всю эту бумажную возню. И еще он знал, что в Таллиноре никогда не было лучшего правителя, и ни один король не пользовался такой любовью, как Лорис. Потягивая вино, слушая, как Его величество сетует на издержки своего положения и время от времени кивая, Меркуд отметил, что на висках у Лориса прибавилось седины. Король не следовал моде и стриг волосы довольно коротко, но это было ему к лицу — как и борода, которая очерчивала квадратный подбородок и которую тоже припорошило инеем.

— ... А мой трон, от которого немеет задница? — Лорис встал и снова наполнил свой бокал. — Чем думал мой дед, когда велел соорудить это пыточное кресло?

Меркуд осознал, что со двора доносится звон клинков, вдохнул запах тающего свечного воска и вздохнул.

— Король Морт завоевал свое право на корону мечом. Он побеждал в сражении и устремлялся в другое, еще более жестокое. И ваш отец, должен заметить, тоже. Ему досталось королевство, залитое кровью. Тот, кто видел его на троне, должен был видеть могучего полководца на боевом скакуне. Вам было, что получить по праву рождения. Поэтому следует хотя бы сидеть на этом впечатляющем престоле так, как подобает королю.

— Ха!

Меркуду неизменно удавалось заставить Лориса почувствовать себя юным принцем, и короля это очень забавляло.

— Лучше расскажи мне о своих странствиях, Меркуд. Что творится в моем королевстве?

Внезапно из-за письменного стола появился огромный мохнатый пес. Он лениво потянулся, подошел к креслу королевского лекаря и уселся рядом.

— Не смей, Дрейк! — предупредил Меркуд. Однако пушистый великан, как всегда, не обратил на его протесты никакого внимания и слегка придавил теплым боком ноги лекаря, чего старик терпеть не мог.

— Ах ты, негодник! — король рассмеялся. — Теперь, Меркуд, он с места не сдвинется, и ты прекрасно об этом знаешь. Так что рассказывай.

Меркуд попытался пошевелить ногами, но безуспешно. Тогда он сделал глоток, чтобы хотя бы миг не думать ни о чем, кроме букета «Кориэля», и притворился, что разглядывает росписи на потолке, перебирая в памяти воспоминания.

— Ну... Есть кое-что достойное рассказа...

— Отлично, — король устроился поудобнее. — Начинай.

— Я встретил одного деревенского паренька и предложил ему стать моим учеником. Думаю, из него получится отличный лекарь. Он кажется...

— Что? — в восторге воскликнул король. — После стольких лет?

Меркуд сделал вид, что раздражен.

— Его зовут Торкин Гинт. На вид ему лет шестнадцать, он низкого происхождения, родом из деревни под названием Гладкий Луг. Ни один из мальчиков, которые ко мне приходили, не был столь смысленным и не обладал такой склонностью к искусству врачевания. Мне давно пора взять ученика, и я выбрал его.

— Я просто счастлив, старик! Подожди, когда Найрия услышит...

— Услышу что, любовь моя?

Мягкий, пряный аромат духов возвестил о появлении королевы. Ни Лорис, ни лекарь не слышали, как она вошла. Однако пес вскочил и через всю комнату бросился ей навстречу.

— О... здравствуй, Дрейк.

Найрия потрепала пса по большой голове. Мужчины встали и поклонились. Как

забавно... Здесь находятся три существа мужского пола, которым дозволено к ней прикасаться: ее супруг, старик лекарь... и этот пес.

— Добрый вечер, господа.

Она открыто улыбнулась, и Меркуду показалось, что солнце заглянуло в комнату. Когда она появлялась, на душе у него всегда становилось тепло. Старик сделал шаг назад и снова поклонился.

— Как хорошо, что ты вернулся, Меркуд, — Найрия поудобнее перехватила маленький розовый букет, который держала в руках, и крепко пожала сухую, жилистую руку лекаря. Он знал, что ее слова значат только то, что значат.

— Я больше не мог прожить ни минуты без света ваших глаз, сударыня.

— Ах ты, старый сладкоречивый хитрец... — Найрия погрозила ему пальцем, поставила цветы на столик за спиной мужа и словно мимоходом коснулась его губ поцелуем.

Меркуд отметил, что она, как всегда, прекрасно выглядит. Простое, мягко приталенное бархатное платье позволяло видеть, что ее тело еще не утратило стройности, но дивные, некогда золотые волосы потускнели и были сколоты двумя полированными гребешками. В последнее время она редко их распускала.

Лорис просиял.

— Любовь моя, ты не представляешь, что за новости принес почтенный лекарь. Нет, не гадай. Он взял в обучение одного мальчика из Гладкого Луга.

— Ты шутишь!

Однако в ее серых глазах уже заплясали веселые искорки. Это правда. Сведения из первых рук, вернее, из первых уст. Я узнал об этом как раз перед тем, как ты вошла.

Найрия недоверчиво посмотрела на старика, и Меркуд возвел очи горе, изображая возмущение:

— О, сколько шума! Ну, мальчик. Ну, с определенными способностями к врачеванию. Странно, но с возрастом я не становлюсь моложе, если вы не заметили.

— И когда мы познакомимся с твоим новым учеником?

— Через пару дней.

— Великолепно. Хочешь, я отправлю горничную прибрать какую-нибудь комнату в западном крыле?

— Нет, моя госпожа. Я сам этим займусь. Но спасибо за заботу.

Лекарь и королева обменялись взглядами и улыбнулись. Королева знала: Меркуд терпеть не может, когда кто-то сует нос в западную башню. Там располагались его личные покои, комнаты, где он проводил свои опыты. Он не сомневался, что для Ее величества это не секрет. Найрия еще некоторое время смотрела на лекаря, загадочно улыбаясь, потом повернулась к королю.

— Мне пора, Лорис. Повариха собирается обсудить со мной праздничный стол на День Всех Богов, а я уже два раза говорила ей «потом». Я не хочу все на нее сваливать...

Король хотел было ответить ей, но чихнул. Потом еще раз. И еще.

— Найрия, ты же знаешь, что от цветов у меня в носу свербит, — проговорил он ворчливо, но ласково.

— Ну, так поставь их в другой части комнаты, — в тон ему отозвалась королева. — Неужели тебе это не надоело — сидишь, как в склепе, на стенах пара драных шпалер...

— Ты слышал это, Меркуд? — с шутливым негодованием воскликнул Лорис. — Это же надо! Дранные... Да это лучшие илдагартские шпалеры!

Королева пропустила его замечание мимо ушей, подарила лекарю страдальческую улыбку и направилась к двери. Дрейк мягко ступал следом.

— Скоро увидимся, Меркуд. Ты не заглянешь в комнаты пажей? Двое мальчиков, кажется, сегодня приболели.

— Считайте, что я уже там, — лекарь снова поклонился.

— Сегодня мы ужинаем у меня в покоях, Лорис.

Ее улыбка не допускала двух толкований. Когда дверь за королевой закрылась,

мужчины переглянулись и одновременно прочистили горло. Потом Лорис взял свой бокал и сделал большой глоток.

— Мне надо обсудить с тобой одну небольшую проблему. Ты ездил по деревням, занимался своими делами и, скорее всего, не знаешь, что случилось.

Меркуд вопросительно поднял брови.

— Тебя что-то беспокоит, Лорис?

— Это как камень на сердце, — отозвался король, почесав Дрейка за ушами. Пес зазорчал и перекатился на бок. Лекарь ждал, но Лорис больше не произнес ни слова. Странно.

— Рассказывай. Уверен, я смогу помочь.

Король отвел глаза и заговорил очень тихо, с осторожностью подбирая слова. Еще недавно он был весел, а теперь от веселья не осталось и следа.

— Меркуд, никто не станет спорить, что я всем сердцем люблю Найрию. У нас нет детей, и это моя боль, но моих чувств к ней это не меняет. Хотя... мы очень хотим наследника.

В голове лекаря предупреждающе звякнул колокольчик, но старик не спешил. Тишину нарушал лязг мечей и возгласы, которые долетали со двора. Лорис поставил на столик свой великолепный бокал и наконец-то посмотрел на Меркуда.

— Есть одна женщина... Думаю, сейчас она живет в Уиттене. В конце прошлой зимы мы с Кайрусом ездили туда на охоту, и с нами было еще несколько человек. В погребках замка стало совсем пусто. Ну, ты же меня знаешь — я никогда не откажусь поохотиться. Может, ты помнишь ту поездку? Когда Найрия... э-э-э... была не совсем здорова?

Меркуд кивнул и задержал дыхание.

— В последнюю ночь мы выбрали неудачное место для лагеря — нам повезло, что ночь выдалась теплой. Нас было шестеро, четверо напились так, что уснули прямо у костра, мы завернули их в одеяла и оставили лежать. Сначала Дрейк и остальные псы ее слышали, потом и мы с Кайрусом. И тут она вышла из леса, еле держась на ногах. Она так бежала, что вся запыхалась, а глаза у нее были круглыми от ужаса, и она даже не могла произнести ни слова.

Лекарь сплел пальцы в замок и сжал так сильно, что суставы побелели. Лорис снова отвел глаза и смотрел на пламя свечи, словно оно рисовало ему события той ночи.

— Она не знала, кто мы такие. И мы не стали ей рассказывать. Как я понял, какие-то бродяги выкрали ее с фермы в трех милях от нашего лагеря. И хотели над ней надругаться в этом она не сомневалась — но по дороге перепились, и только благодаря этому бедной девочке удалось сбежать. Окрестные леса ей были хорошо знакомы, поэтому она и побежала напрямик, через самую чащу.

Король допил вино и с отсутствующим видом смахнул несколько капель с бороды.

— Она была вся исцарапана, в синяках, но смелости ей было не занимать. Кайрус отдал ей свою одежду, а я нашел немного целебной мази. Девушка пришла в себя — насколько я помню, даже смогла съесть тарелку жаркого. Славная она была девушка. А отец у нее был настоящим зверем, он постоянно избивал ее и ни во что не ставил, — Лорис встал, подошел к окну и стал смотреть на воинов, которые упражнялись с мечами во дворе.

— У меня и в мыслях такого не было! — выпалил он, внезапно обернувшись. — Мы две недели ездили по лесам, ночевали где придется. Да, у меня был выбор... Мы устали и уже хотели поскорее вернуться в Тал. Я предложил девушке свой шатер, а сам лег снаружи. Она разбудила меня за несколько часов до рассвета и позвала внутрь... Клянусь, Меркуд, я решил, что ее снова что-то напугало. Я даже толком не проснулся. И вот, когда я вошел... она лежала под одеялом совершенно обнаженная. Она предлагала мне себя. Она просила у меня всего одну ночь любви — единственную в ее жизни, в которой не было ничего, кроме отчаяния. Она говорила, что отец не поверит ни одному ее слову и избьет ее за то, что ее долго не было дома...

Лорис печально улыбнулся.

— Я предал Найрию ради часа плотских утех с совершенно незнакомой женщиной. Она даже не спросила, как меня зовут, и сама не представилась. И с тех пор я о ней даже не слышал... То есть до сих пор, — он достал из кармана грязный обрывок пергамента и протянул его Меркуду. — Такие записки висят по всей столице, по всем окрестным деревням чуть ли не на каждом столбе. Она заметила, что у меня столичный выговор — и теперь, полагая, пытается меня разыскать.

— Ей это удалось,-ледяным тоном ответил Меркуд, дочитав записку, и фыркнул.

— Прошу тебя, хотя бы ты — единственный из всех людей, не осуждай меня. Я совершил ошибку, и о ней до сих пор знали только двое: та девушка и прайм-офицер, которому я доверяю больше, чем себе.

— А что случилось после того, как ты с ней переспал? Король, который стоял у окна вполоборота, нахмурился.

— На рассвете Кайрус съездил в Уиттен и договорился, чтобы ее взяли на работу на местном постоялом дворе, дали ей комнату. Еще он оставил ей немного денег. Мы надеялись, что она не признала в нас знатных людей — откровенно говоря, после двух недель в седле и король не похож на короля.

Меркуд с отвращением бросил пергамент на пол.

— А ваши лошади? Ты не думаешь, что женщина, которая выросла в деревне, хорошо разбирается в лошадях? Презрение переполняло его. Нет, Найрия никогда ничего не узнает.

— Ты не представляешь, сколько раз я думал и передумывал все это за сегодняшний день, лекарь. Она видела только лошадь Кайруса. Ты знаешь, как он догадлив: когда утром надо было ехать в Уиттен, он взял одну из упряжных лошадей. Я бы и рад все забыть, но эти записки...

Меркуд сдержал ярость, поднял пергамент и снова перечитал. Несколько незамысловатых фраз, которые мало на что проливают свет. И никаких прямых обвинений, так что можно было бы просто не обращать на это внимания. Кому дело до какой-то уиттенской шлюшки?

— Хорошо. Давай побыстрее закончим этот неприятный разговор. Итак, Кайрус увидел записки. Сложил дважды два, встревожился и сообщил тебе. Так?

Король кивнул и опустился на каменный подоконник.

— Скоро она родит? — Меркуд встал и прошелся по комнате.

— Не исключено, что уже родила.

— А кто может доказать, что ребенок от вас, мой король? Крестьянка забеременела... Она могла переспать с половиной деревни и не знать, кто отец. Во имя Света...

Лорис стукнул кулаком по столешнице. Кубок, который стоял на краю, перевернулся, упал на каменный пол и разлетелся вдребезги. Меркуд был поражен.

— Это мой ребенок, будь ты неладен!- рявкнул король. — Мой! Она... не такая. До меня у нее никого не было! Она досталась мне девственницей. Посчитай месяцы, посчитай дни, лекарь! Как ни крути, ребенок мой. Мой! Незаконнорожденный ребенок короля!

Кипя от злости, Меркуд подчеркнуто аккуратно поставил свой кубок на хрупкий столик, который чудом не пострадал.

Найрия не должна об этом узнать! — забыв о правилах приличия, Меркуд сунул записку прямо в лицо королю.- Никогда! Это убьет ее — понимаешь?

— Я еще не выжил из ума, старик!

— У нее больное сердце, Лорис! Она может не пережить такого потрясения!

— Я тебя слышу, Меркуд, — очень спокойно проговорил король.

— Хорошо, Лорис. Я этим займусь. Но сначала мне надо осмотреть больных во Дворце. Они тоже давно меня ждут, и им нужна моя помощь.

Меркуд одернул свою длинную рубаху и уже собрался уходить, когда король шагнул к нему и взял за руку.

— Спасибо, лекарь.

Старик оглянулся и увидел, что в глазах Лориса блестят слезы.

В каком-то смысле король был ему сыном. А отцу трудно винить сына за то, что тот поддался очарованию хорошенькой девушки. Лекарь кивнул, легко похлопал Лориса по плечу и вышел из комнаты.

Любопытный Дрейк проводил Меркуда до двери.

Меркуд сам не знал, что его толкнуло. Он потянулся к высокой женщине, которая стояла в дверях, и поцеловал в щеку. Кожа у нее была нежной, как у ребенка, и девушка тут же залилась краской от смущения.

— Заботься о нем как следует, — проговорил старик, поклонился и ушел.

Он прошел в трактир, сделал заказ за стойкой и сел в темный уголок, радуясь, что утром нет посетителей. Встреча с Марриэн удивила его. Он ожидал вероломства, коварства — а оказалось, что девушка вообще не преследовала никаких корыстных целей. Меркуду стало стыдно.

Недавно у нее родился мальчик, крепкий и здоровый. Марриэн очень любила сына. Она поднимет его даже при своем скудном заработке. И от отца ребенка ей ничего не надо — будь он хоть сам король. Она действительно не представляла, кто стал ее любовником в ту ночь. Марриэн заметила только, что оба незнакомца, к которым она прибилась, были очень добры и любезны. Бородач с коротко подстриженными волосами рассмешил ее, когда она меньше всего хотела смеяться. А второй — задумчивый, который обращался к нему с неизменным почтением — вызывал удивительное чувство безопасности. Все действительно вышло случайно хотя смешливый сразу полюбился ей. Просто ей стало страшно и одиноко. И еще Марриэн очень хотелось отблагодарить своих спасителей... Она печально улыбнулась и кивнула, когда Меркуд сказал, что плата была, по меньшей мере, щедрой.

«Так получилось. Что еще сказать? Я была рада отдать свою девственность человеку, у которого такой чудный голос, а глаза улыбаются. Лучше он, чем те бродяги. Там все должно было закончиться, потому что я ничего о нем не знала. Ни как его зовут, ни откуда он. И я не хотела, чтобы у него были неприятности...»

Слуга прервал размышления Меркуда, со стуком поставив перед ним кружку эля. Не удостоив ее внимания, лекарь снова вернулся к своим воспоминаниям.

Когда он спросил Марриэн, как она узнала, что встретила короля, девушка охотно рассказала.

— Видите ли, у меня было отложено немного денег... И друзья как-то посоветовали мне съездить в Тал, посмотреть игры в амфитеатре. Стало уже смеркаться, и тут люди зашептались... Прошел слух, будто первое действие приедут смотреть король с королевой. Все будто спали, а тут проснулись! Я столько слышала про то, какие они красивые — король Лорис и королева Найрия.

Марриэн объяснила, что чуть не потеряла сознание, когда появилась венценосная чета. Она мгновенно узнала короля, хотя сидела далеко от их ложи.

— У меня зазвенело в ушах, и я думала, что из меня вылетят те чудесные лакомства, которыми я угощалась. Я ничего не видела — только доброго, прекрасного человека, который спас меня и успокаивал, когда я была напугана... и без которого я бы так и жила с отцом, и мучилась до самой смерти... и у меня не было бы сыночка — а теперь он уже во мне ворочался...

Все, кто был в амфитеатре, хлопали в ладоши, приветствовали короля с королевой, а те выглядели такими счастливыми — улыбались, махали своим подданным, а люди еще больше радовались и кричали. А потом Марриэн услышала, как ее соседи говорят: такая славная пара, а деток у них нет. А кое-кто говорил совсем неприличные вещи: мол, король не может сделать королеве ребенка.

— И поэтому ты решила сообщить ему, что это не так, — тихо сказал Меркуд.

Глаза девушки расширились, и она снова принялась уверять лекаря, что ей от короля ничего не нужно.

— Я только думала, как бы сделать так, чтобы он узнал... ну, что у него есть

ребеночек, И чтобы при этом с ним не встречаться. Я же не хочу жизнь ему портить... И ничего у меня больше не придумалось, — грустно призналась она. — А получается, что я его только напугала. А у меня только в мыслях и было, чтобы он понял, что я это про него написала.

— Ты думала, он сможет оставить такое без внимания? — недоверчиво спросил Меркуд, и Марриэн кивнула, явно расстроенная. Она не рассчитывала, что причинит Лорису столько беспокойства.

— И что ты теперь собираешься делать? — спросил Меркуд. Перед глазами у него уже возник длинный список ее требований.

Однако девушка его удивила.

Она шмыгнула носом, приняла у старика большой красный носовой платок и высморкалась, прикрыв от смущения глаза. А потом посмотрела Меркуду прямо в глаза.

— Ничего такого, сударь. Буду воспитывать сына, научу его любить короля... и королеву. Его величество никогда больше от нас не услышит, и мы всегда будем верны Таллинору.

Меркуд помнил, как блестели ее глубоко посаженные светло-карие глаза, когда она говорила это. Она отказалась взять у него деньги. Она никогда еще не жила так хорошо, как сейчас, она всем довольна, может одеть и прокормить и себя, и сына, когда он подрастет. Так чего ей еще надо?

Ее искренность поразила лекаря. И тут его осенило. Вот как можно решить эту задачу! Ведь Лорис захочет, чтобы ребенок получал от него хотя бы деньги...

— Почему бы тебе не поработать у меня?

И лекарь объяснил, что нанимает на работу женщин, которые живут в окрестностях столицы. Они собирают травы, которые нужны ему для лечения больных.

— Пара ловких молодых рук мне не помешает. Ты сама можешь решать, когда уходить из дома и когда возвращаться, а мальчика будешь брать с собой.

Как у нее загорелись глаза! Меркуд улыбнулся, вспомнив, как Марриэн вскочила и от души обняла его. Меркуд настоял, чтобы она перебралась в небольшой домик в окрестностях Уиттена. Девушка стала возражать, но лекарь был настойчив. Сын короля, даже незаконнорожденный, не должен расти в иных условиях.

— Обещаю, что о нашем уговоре никто не узнает, — сказал старик, крепко сжав ей руку. — Даже Его величество.

Конечно, Марриэн была в диком восторге. Старый лекарь взял с нее обещание: если мальчику когда-нибудь что-то понадобится, она обратится к нему — но только к нему, Меркуду.

Перед самым отъездом он крепко обнял ребенка, нынешнего наследника престола. Потом вспомнил о королеве Найрии, которую искренне любил, и сердце у него сжалось. Королева была готова пожертвовать жизнью, чтобы родить ребенка любимому супругу, но до сих пор не забеременела. Это было ее болью. И как она ни скрывала, Меркуд каждый день читал эту боль в ее взгляде.

Дверь громко хлопнула, и Меркуд вернулся к реальности... Недостаточно быстро, чтобы понять, что выкрикнул взбудораженный мальчишка, который влетел в трактир.

— Что случилось? — окликнул он служанку, которая несла на кухню посуду.

— Во дворце шум, сударь. Приехал всадник, привез дурные вести.

— Эй, трактирщик! — Меркуд поспешно встал из-за стола и почти подбежал к стойке. — Что сказал мальчик?

Хозяин трактира передернул плечами. Он был явно взволнован, хотя и пытался это скрыть.

— Не знаю, почтенный. Паренек только что вернулся из столицы- он ездит туда с поручениями,- и говорит, что весь Тал бурлит. Новости какие-то неприятные, но кто привез, что случилось- непонятно,- он покачал головой и прищелкнул языком.

Пусть мне немедленно приведут коня, — Меркуд бросил на стойку несколько медяков.

— Вороной жеребец, стоит в деревенской конюшне... Поторопитесь! Владелец гостиницы кликнул одного из мальчишек, которые оолтались у дверей и, слово в слово повторив за Меркудом бросил ему монетку, упрятав остальные в карман. Лекарю недолго пришлось мерить шагами двор перед входом в трактир. Послышался стук копыт, и Меркуд, хмуро оглянувшись, увидел конюха средних лет, который легким галопом подъехал на его Стигиане.

— Отличный жеребец, сударь! — конюх был настроен поболтать и не придал значения мрачному взгляду старика. Ничего не ответив, Меркуд принял повод, сунул конюху деньги, потом вскочил в седло и поскакал к Талу.

— Значит, вы торопитесь, сударь! Заезжайте еще, будем рады! — крикнул ему вслед конюх. Он был... как бы это сказать... слегка туповат.

Час спустя, весь взмокший от быстрой скачки, Меркуд влетел в ворота замка.

Здесь царил хаос. Вокруг носились люди, тут же спешно седлали коней воины. Оглянувшись в сторону дворцового крыла, где находились королевские покои, Меркуд увидел у окна Найрию. Лекарь приветствовал ее, вскинув руку, королева помахала в ответ. Но в этот миг во дворе появился Каллум — паж, который, как выяснил Меркуд, прислуживал королю. Мальчик выглядел чрезвычайно встревоженным.

— Что тут стряслось? — спросил лекарь.

Тот уже собирался ответить, по тут к ним подбежал конюший, и Меркуд жестом прервал мальчика.

— Коня хорошо разотри, — сказал лекарь, передавая повод. — И не давай ему сразу много воды. Я гнал его от самого Уиттена, пусть остынет.

Словно подтверждая его слова, жеребец фыркнул. Конюший кивнул, взял его под уздцы и повел прочь.

— Прости, Каллум... — Меркуд вздохнул — А теперь я тебя слушаю.

— Час назад во дворец прискакал всадник и сообщил, что прайм-офицер Кайрус исчез, когда его отряд стоял лагерем у Бревиса. Остальные должны вернуться сегодня.

Кратко и по сути, с удовольствием отметил старик.

— Во имя Света... Есть еще новости?

— Нет. Во всяком случае, я больше ничего не слышал, почтенный. А сейчас мне нужно бежать к королю. У него для меня срочные поручения.

Похоже, парнишку не на шутку потрясла эта новость.

— Отлично. Я с тобой.

Однако прежде, чем лекарь достиг кабинета короля, он увидел в коридоре Найрию.

— Полагаю, ты уже слышал новость?

Как всегда, королева выглядела невозмутимой. Как всегда, она была великолепно в голубом. И, как всегда, у Меркуда дрогнуло сердце, когда она положила руку ему на плечо.

— Только про исчезновение Кайруса, Ваше величество. Больше ничего.

Он накрыл ее изящную ладонь своей и почувствовал знакомое желание, которое всегда давало о себе знать в ее присутствии.

— Идем вместе,- королева подхватила старика под руку. — Каллум, сообщи королю, что Меркуд нашелся.

— Так вы меня искали? — удивленно спросил лекарь.

— Ты же знаешь: Лорис любит, чтобы ты находился рядом. А куда ты ездил, таинственный старик? — Найрия улыбнулась. Она знала, как смутит его этот вопрос.

— Ничего особенного, Ваше величество. Просто надо было... м-м-м... нанять девушек для сбора трав в Уиттене.

«Если бы ты только знала, что это за девушка», — виновато подумал он.

— О, нанимал... теперь это так называется?

Ее величество рассмеялась и прикрыла рот ладонью, но ее глаза блестели. Намек, содержащийся в его словах, был слишком прозрачным.

Она была единственной, кто мог вывести Меркуда из равновесия. Единственной... Признание уже было готово сорваться с губ, но лекарь прикусил язык. Сначала думать потом говорить.

— Не смейся надо мной, Найрия. Ты же знаешь: тебе нет равных.

«Одна твоя улыбка — и сердце у меня бьется чаще»

— Тогда тебе будет проще, Облегчающий Страдания. Потому что сегодня Лорису потребуется твоя светлая голова.

Она отпустила его руку и прошло в кабинет короля. Каллум услужливо придержал дверь.

Глава 11 Смена облика

«Тор! Вставай!»

Еще толком не проснувшись, Тор дернулся и упал с кровати. В голосе Клута больше не было обычного мягкого юмора — он был полон беспокойства.

«Ох, Клут... Что стряслось? Во имя Све...»

«Шевелись, Тор! Живее!» — вопли Клута звенели в голове юноши, точно в огромном пустом доме.

Эйрин тоже проснулась, и тоже не совсем. Она приподнялась на локте, простыня сползла, обнажив ее прелестную грудь. Изумрудные глаза, которые сейчас казались сероватыми, смотрели на Тора сквозь вуаль спутанных волос. Должно быть, он выглядел забавно — голый, в неуклюжей позе сидящий на полу... Девушка фыркнула.

— Тор, что ты делаешь?

— Ш-ш-ш... спи дальше, Эйрин.

Она упала на подушку, пробормотала что-то нечленораздельное и отвернулась. Тор встал, натянул брюки. В голове по-прежнему звучал тревожный голос Клута.

«Лисс говорила со мной этой ночью. Она настаивала, чтобы мы немедленно уезжали в Тал. Так и сказала: сию же минуту, Тор. И не умолкала, пока я не поклялся жизнью матери, что уговорю тебя выехать до рассвета».

Тор надевал рубашку.

«А она объяснила, зачем мы должны это сделать?» — он изо всех сил старался сделать их разговор хоть немного осмысленным. Эйрин негромко застонала. Будем надеяться, что ей снится не Марголин.

«Надо подумать, — Клут не скрывал раздражения. — Может быть, она решила, что мы получим удовольствие от ранней верховой прогулки?»

Его шутка из-за мрачного тона прозвучала язвительном насмешкой, но Тор, к счастью, был слишком сонным, чтобы обидеться.

«Она упомянула тебя, Торкин. И я понял, что нам обоим стоит прислушаться к ее предупреждениям».

«То есть, мне угрожает опасность?» — натягивая сапоги, спросил Тор.

«Она такого не говорила. Просто сказала, что мы должны покинуть город, не теряя ни секунды. И скакать во весь опор в сторону деревушки под названием Бревис — хотя еще ночь на дворе. Знаешь такую?»

Тор зевнул.

«Нет, только слышал. Меркуд предлагал мне там остановиться. Как я понимаю, она стоит на тракте, что ведет к столице».

«И еще Лисс сказала, что мы должны ехать и кого-то спасать. Это ее слова, не мои. "Вы должны спасти его, потому что он нужен Тору". Только не трать время и не спрашивай, кого спасать, потому что она меня не просветила».

Это был не единственный вопрос, который Тору хотелось задать. Но он уже почти привык, что жизнь ведет его каким-то таинственным путем, не удосуживаясь объяснять,

почему в какой-то момент ему надо сворачивать в ту, а не иную сторону. Все эти странные маневры совершались во имя некой великой и столь же таинственной цели. Единственное, что понял Тор — это что в последнее время ему куда больше пользы от чутья, нежели от здравого смысла.

«Я готов, Клут».

«Хорошо. А где ты?»

«Долго объяснять. Считай, что уже у тебя».

Тор оборвал связь и посмотрел на спящую Эйрин. Она была прелестна. Пожалуй, это будет нехорошо- уйти, не попрощавшись... Возблагодарив Свет и всех богов за то, что надумили его прислушаться к совету отца и держать при себе кусок пергамента и грифель, юноша поспешно нацарапал записку. Нет, Эйрин заслужила большего, чем несколько слов благодарности... В конце он расстегнул цепочку с самоцветом, который Меркуд дал ему в качестве талисмана, и положил на записку у кровати. Потом нежно поцеловал Эйрин в губы и на цыпочках вышел из комнаты.

В коридоре и на лестнице было пусто. Никем, кажется, не замеченный, Тор добрался до парадной двери. Открыть ее беззвучно не удалось, и юноша вполголоса выругался, однако не стал оборачиваться, когда кто-то окликнул его сзади.

Он провел с Эйрин лишь пару часов — может быть, чуть больше. Говорят, темнее всего перед рассветом; во всяком случае, пробираться по улочкам приходилось едва ли не ощупью. К счастью, Тор хорошо помнил дорогу. Когда он вернулся в «Пустой кубок», Клут уже ждал его, переодетый в старомодное женское платье.

«Не вздумай расхохотаться», — мрачно предупредил он.

«И в мыслях не было. Ладно, идем. Нам еще нужно забрать лошадей».

Он оставил на кровати несколько больше того, что причиталось за комнату и стол. Друзья вылезли через маленькое оконце на крышу и осторожно двинулись туда, где можно было спокойно спуститься. Теперь оставалось лишь добраться до конюшен.

По дороге Тор судорожно придумывал, какой может быть причина столь раннего отъезда. К счастью, будить никого не пришлось: один из конюхов, молодой парень по имени Барт, стоял носом в угол и увлеченно предавался опорожнению мочевого пузыря. Когда Тор потрепал его по плечу, бедняга подскочил от неожиданности и облил штаны. Однако монетка, которую сунул ему Клут, предупредила возмущенные вопли и побудила молодого человека открыть конюшню.

Брокен подошел к лошадям и, поглаживая их по голове, что-то зашептал — Тор, который стоял рядом, не разобрал ни одного слова — и вытащил из своего мешка что-то съедобное. В конюшне было слишком темно, чтобы разглядеть, чт это было, но хруст указывал на то, что лошадям понравилось угощение.

Клуту достался Летун — сильный, крепкий жеребец, который явно не зря получил такую кличку. Когда брокен взгромоздился на него и принялся одергивать юбку, Тор чуть не расхохотался.

— Может быть предложить... э-э-э... даме... женское седло, почтенный Торкин? — спросил конюх, на которого «старушка» явно произвела впечатление.

— Нет, она предпочитает ездить по-мужски. Спасибо, Барт.

Тор ехал первым — несколько медленнее, чем требовала таинственная Лисс. К счастью, ворота Хаттена закрывались редко. Покинув пределы города, всадники пустили лошадей в легкий галоп и скоро оказались на тракте, ведущем к Талу.

«Сколько еще, Клут?!»

«Лисс сказала, что мы должны скакать всю ночь, тогда к рассвету будем на месте».

«Славно... А больше она ничего не говорила?» — Тор позволил своей кобыле сбиться на рысь.

«Нет. Я бы не стал от тебя скрывать».

«Если честно, Клут, я не уверен, что наши лошади смогут всю ночь скакать галопом. Кстати, тебе удобно?»

«Не беспокойся ни обо мне, ни о лошадях, я о них уже побеспокоился. Просто скачи вперед».

И с этими словами Клут шлепнул жеребца по холке и помчался во весь опор.

Они оказались в окрестностях Бревиса, когда свет дня понемногу начал разбавлять чернильную черноту ночного неба. Тор ничего не понимал. Несколько часов безумной скачки! Может быть, сам он слишком взбудоражен, чтобы чувствовать усталость — но лошади... На протяжении всего пути из Гладкого Луга в Хаттен он лишь пару раз позволял Бесс скакать легким галопом, полагая, что она не сможет бежать быстрее. Однако сегодня она летела как ветер и почти не устала, а конь Клута, кажется, смог бы еще дважды повторить этот путь, невероятно. Они просто не могли покрыть такое расстояние за полночи.

Впрочем, сейчас лошади перешли на шаг и поднимались пригорку — Тор не знал, что именно отсюда накануне вечером Кайрус и его помощники осматривали местность. Юноша остановил коня и обернулся. В отличие от скакунов, всадники тяжело дышали.

«Как?..»

«Я их заговорил», — невозмутимо отозвался Клут, словно ожидая вопроса.

«Ты?!» — Тор не верил своим ушам.

«А чему ты так удивляешься? У Лисс были причины выбрать именно меня. И сейчас, насколько я понимаю, она снабжает меня всеми необходимыми знаниями. Каким образом — понятия не имею», — Клут улыбнулся и устремил взгляд в сторону черной стены Великого Леса.

«Но ведь ты не сказал, что владеешь таким волшебством?»

Тор не мог сказать точно, радует его это или обижает.

«Я сам не знал, пока не заговорил с лошадьми. Для меня это внове. И если бы ты не закрывался от меня, то сам бы почувствовал».

«Что ты имеешь в виду?»

Клут пожал плечами.

«Свои ощущения, когда мы с тобой разговариваем. После этой ночи в тебе что-то изменилось».

В первый момент Тор не мог понять, о чем он говорит, но потом догадался. Ну конечно! Закрываясь от Мисс Вайлет, он переставал слышать и всех остальных.

«А так лучше?» — с надеждой спросил он, раздвигая прозрачную стену.

«Ну еще бы!» — ответил Клут, но на его безобразном лице застыл вопрос. Тор вздохнул, словно был разочарован.

«Виноват. Мне еще многому нужно учиться».

Клут не ответил. Но на вершине пригорка, когда они смотрели на Бревис, он положил огромную руку на плечо Тора, пытаясь его успокоить.

— Хорошо, — вслух произнес Тор. — Что будем делать?

— «Смотреть», — ответ, как всегда, прозвучал у него в голове.

Клут указывал на группу королевских солдат, которые недавно уехали из Хаттена. Некоторые бродили, пошатываясь, и собирали вещи, другие лежали на земле и, похоже, спали.

Тор развернул Бесс, чтобы получше рассмотреть их.

«Как думаешь, эти люди больны? Ранены?»

— Не ранены — иначе остальные были бы встревожены. Но выглядят они странно».

Некоторое время друзья ждали. Лисс не объяснила, где искать человека, который, по ее мнению, был нужен Тору — в Бревисе или среди воинов, за которыми они сейчас наблюдали.

Клут спрыгнул с коня и снял шаль и юбку, которую одел поверх штанов.

«Пока обойдемся без маскировки, — пояснил он, затолкав одежду в мешок и забираясь в седло. — Может, нам стоит...»

Тор не дослушал. Снизу донеслись крики, и несколько воинов побежали в разные

стороны.

«Туда!»

Тор не стал медлить. Стукнув Бесс пятками по бокам, он помчался вниз по склону, в сторону лагеря. Клут скакал следом.

Миг спустя они уже спешили, оставили лошадей и шли в сторону одиноко стоящего шатра — скорее всего, именно там находился прайм-офицер. Люди, на которых они натыкались, были не на шутку встревожены. Наконец, Тора окликнули, и юноша узнал капитана Херека, которого видел на постоялом дворе. Офицер явно пережил глубокое потрясение, его лицо казалось почти серым.

— Капитан Херек? — Тор улыбнулся. — Помните Хаттен? Меня зовут Торкин Гинт. Там с прайм-офицером Кайрусом... э... случилось...

— Я тебя помню, парень. Но сейчас нам не до воспоминаний. Что ты здесь делаешь?

Тор судорожно пытался придумать объяснение, но мысли разбегались. В самом деле, что он здесь делает? Что ему могло понадобиться в Бревисе в такую рань?

Клут пришел на выручку.

«Скажи ему, что мы все-таки решили ехать с их отрядом».

Херек смотрел на Тора, словно у того не все в порядке с головой.

— Ты меня слышал, мальчик?

Да, капитан. Простите. М-м-м... прайм-офицер Кайрус предложил мне ехать с вами, поскольку я тоже направляюсь во Дворец, но тогда я отказался. А когда вы уже уехали, я все звесил... и решил, что сглупил. И решил вас нагнать.

Про такие объяснения говорят «шито белыми нитками». Однако Херек был слишком взбудоражен, чтобы вникать в тонкости.

— Капитан... — тихо окликнул его Тор. — Что-то случилось?

Херек не ответил и потер глаза. В это время один из воинов подбежал к ним и отсалютовал. Как бывает у по-настоящему мужественных людей в момент сильного потрясения, его лицо казалось окаменевшим.

— Сколько? — рявкнул Херек.

— Все четверо, сударь... э-э-э... включая лейтенанта Ройса.

Тор заметил, как на щеках у Херека заходили желваки.

— А прайм-офицер?

— Пока ничего, капитан.

— Спасибо, Линус. Помоги Медлину собрать людей. Я хочу, чтобы мы сняли лагерь и с рассветом были готовы выступить. Тех четверых... завернуть в одеяла и привязать к их же лошадям. Тебе личный приказ: скачи в столицу, там собери людей и возвращайся к нам. Что сказать, я тебе объясню.

Херек отвернулся и стиснул зубы. Ратник, которого он назвал Линусом, снова отдал честь и ушел. Небо быстро светлело, и Тор обратил внимание, что все воины уже проснулись и бродят по лагерю. Но их молчание было странным.

— Капитан Херек, что здесь произошло? Херек едва ли сдерживал раздражение.

— Не сочти за обиду, Гинт, но сейчас у меня очень много дел, и я не имею права вести светские беседы с гражданскими лицами. Если хочешь ехать с нами, отлично. Вставай в конце колонны.

В переводе с вежливого это означало: «Отвали». Развернувшись на каблуках, офицер зашагал прочь. Тор недоуменно посмотрел ему вслед.

«Давай попробуем найти Кайруса», — тихий голос Клута заставил юношу собраться.

Некоторое время они бродили по лагерю, стараясь не слишком путаться под ногами. Обстановка была явно напряженная.

«Они не понимают, что происходит», — заметил Клут.

«Скорее слишком потрясены. Смотри, они даже друг с другом не разговаривают. Во имя Света, что тут могло случиться? Я тоже не понимаю! И что значит «завернуть четверых»?»

— Тут Тор заметил Риса, помахал ему и с облегчением заметил что тот тоже поднял руку.

— Привет, Рис! Рад тебя видеть.

Воин, который утонченностью манер не отличался, подошел и, прищурив глаза, недоверчиво посмотрел на юношу. Впрочем, он не вполне доверял даже самому себе.

— Правда? Значит, дальше решил странствовать со своим полоумным?

Тор спиной почувствовал, как Клут напрягся.

— Да, как видишь, он поправился... Благодаря усилиям лекаря... а прежде всего твоим.

Юноша с удовольствием отметил, что Рис смутился, но был явно польщен.

— О! Опять ты с нами! — Голаг, отделившись от группы воинов, подошел к своему приятелю и хлопнул его по спине. Голос у него скрежетал, точно несмазанная телега. — Кстати, как там Эйрин? Широко раздвигает ножки? Готов спорить: ради такого молоденького жеребчика она постаралась, верно?

Он жутко расхохотался, смачно сплюнул и сделал совершенно неприличный жест. Впрочем, Тора это больше не смущало. Похоже, иначе этот здоровяк просто не умел.

— Да, Голаг, — Тор широко осклабился и услышал, как Клут хихикает у него в голове. — Она оказалась просто великолепна... и совершенно неутомима.

«Так вот, значит, где ты провел прошлую ночь?» Тор не ответил.

— Кстати, Рис, а где прайм-офицер?

— А-а, парень... значит, опять хочешь кое-что разузнать. Ну что, в прошлый раз ты хорошо заплатил. Цены не изменились.

И Голаг снова предоставил Тору полюбоваться своими скверными зубами. Рис, который стоял впереди, пока молчал, но переговоры, скорее всего, придется вести с ним. Тор сделал вид, что пропустил замечание Голага мимо ушей.

Я просто спросил, Рис. Забудь. В конце концов, я все равно найду Кайруса и передам ему послание от градоначальника Хаттена. И не сомневаюсь: он скажет тебе отдельное большое спасибо.

С этими словами юноша развернулся и направился прочь. Клут, на которого этот блеф явно произвел впечатление, последовал за ним.

— погоди! — Рис больше не улыбался. — Какое послание?

Тор спокойно обернулся.

— Л же сказал: срочное послание от градоначальника. Я обещал передать его лично Кайрусу, как только вас догоню. Может, оно даже от самого короля Лориса. Кто знает?..

Его глаза блестели.

«А ты быстро учишься», — пробормотал Клут.

— ... В любом случае, в Тале увидимся. Тор снова сделал вид, что уходит.

— Ладно, Гинт, — Рис был не на шутку встревожен. Тор добился именно того, чего хотел. — Я не собираюсь терять жалованье. Что за послание?

— Прости, Рис. Но это только для ушей прайм-офицера. Поторапливайся, времени мало, а я еду в Тал.

— Прайм-офицер исчез прошлой ночью, — негромко ответил Голаг. — Никто не знает, куда. А еще у нас четверых часовых прирезали.

Тору показалось, что пядь земли, на которой он стоял, вдруг ушла из-под ног, а потом передумала и вернулась на прежнее место.

— Как он мог исчезнуть, если вокруг было двести человек?

— Отрава, — хмыкнул Голаг.

— Что?

— Вчера вечером Кайрус велел выкатить бочонки с элем и предложил спеть. Нам было весело, однако скоро всем захотелось спать. Многие где сидели, там и уснули, а проснулись только недавно, и все с головной болью, — сообщил Рис и смущенно отвел глаза.

— Хочешь сказать, в эль было что-то подмешано? Чтобы вы крепко спали, пока прайм-офицера вывезут из лагеря?! — Тор сам себе не верил. — Но кому это могло

понадобиться? И зачем?

Рис пожал плечами.

— Понятия не имею. Я только знаю, что четверо наших зарезаны. Кто-то очень здорово постарался, чтобы выкрасть Кайруса без помех.

Тор заметил, что вокруг собралась небольшая группа воинов.

«Идем, Тор, — Клут взял юношу за руку. — Здесь мы больше ничего не узнаем»

— А что там с посланием? — рявкнул Голаг.

— Мы все равно его найдем, — ответил Тор.

Рис уныло усмехнулся.

— Вы? Мальчик с немой калекой? Мы уже искали. Никаких следов.

— Мы его найдем, Рис. Живого или мертвого.

Тор больше ничего не сказал и покорно последовал за Клутом к коновязи.

«Идем, Тор», — смятение и беспокойство читались на лице юноши слишком ярко, и Клут понял, что придется принимать командование.

«Куда?»

«Просто следуй за мной»

Клут отвязал коня, сел в седло и поехал прямо к деревьям.

«Как я понимаю, большинство людей боятся забираться в Сердце Лесов?» — небрежно осведомился он.

До сих пор Тор об этом не задумывался. Впрочем, и сейчас тоже: его голова была занята совершенно другим. Значит, Кайрус — настолько важное лицо, что ради его похищения кто-то убил четверых человек? Однако вежливость требовала хотя бы ответить.

«Именно так, Клут, — с отсутствующим видом отозвался он. — Нам с самого детства рассказывают страшные сказки о тамошних обитателях — диких зверях и всяких странных тварях. Я всегда считал, что это просто выдумки».

«Может, ты и прав, но люди по-настоящему боятся. Готов поспорить: никому из этих храбрых воинов не хватит духу сделать больше десятка шагов в глубь леса».

Тор понял, что Клуту удалось завладеть его вниманием. «Но они должны были отправить на поиск несколько отрядов!»

«О, в этом я не сомневаюсь. Но говорю тебе: вряд ли хоть один из этих людей полезет в чащу. Скорее всего, они просто бродят вдоль кромки леса. А вот я точно знаю, что Кайрус где-то неподалеку. Во всяком случае, ночью он был здесь».

Тор догнал Клута и остановился рядом. Теперь они достаточно удалились от лагеря, а вокруг росли старые дубы.

«Ты чувствуешь, Тор?»

«Что?»

«Кожу покалывает. И я еще слышу тихий шепот. Я не могу разобрать слов, но слышу его с тех пор, как решил войти в Лес».

«А я ничего не слышу, — с легким раздражением отозвался Тор. — И никаких новых ощущений у меня не появилось».

«Странно. Но, думаю, это к лучшему. Возможно, это означает, что в Сердце Лесов тебе ничто не угрожает».

«Возможно. Давай вернемся к нашим баранам. Если большинство людей боятся леса, зачем кому-то тащить в лес прайм-офицера?»

Клут прищелкнул языком.

«Я не знаю», — его голос в голове Тора прозвучал устало. Брокен легко стукнул пятками Летуна и поехал вперед. Бесс, не дожидаясь понуканий, потрусила следом.

Однако Тор не унимался.

«Почему они просто не повезли его через Бревис?»

«У меня нет ответов на все вопросы, Тор. Но если Лисс сказала, что Кайрус для тебя важен, значит, так оно и есть. А поскольку я дал клятву участвовать в этих поисках, я должен его найти».

Свет едва пробивался сквозь густые кроны деревьев, которые словно старались держаться поближе друг к другу. Под их сенью было прохладно и спокойно. То и дело откуда-то долетала негромкая птичья трель, а среди ветвей мелькали белки.

«Ты что-нибудь чувствуешь, Тор? Или слышишь?»

«Ну... — Тор прищурился. — Только обещай, что не станешь смеяться, Клут».

Он дождался, пока Клут не кивнул.

«Мне кажется, будто Лес меня приветствует».

«Ты хочешь сказать, что он с тобой разговаривает?!»

«Не уверен. Мне кажется, что деревья кивают ветками и машут мне листьями. Будто Лес... улыбается. Да, точно... Лес улыбается мне, Клут».

«Да хранит нас Свет, — брокен покачал головой. — С тех пор, как я встретил тебя, мальчик мой, моя жизнь становится все более удивительной».

Некоторое время они ехали молча, любуясь красотой Леса. Потом Тор начинал жалеть, что под копытами лошадей гибнут цветы. Сами лошади, похоже, наслаждались этой тихой прогулкой не меньше, чем всадники.

И вдруг деревья расступились. Впереди была поляна, залитая ослепительным солнечным светом. Его лучи казались хрустальными нитями, пробивающими легкую сияющую дымку, а вокруг них вились золотые мошки. Тор остановил коня и глубоко вдохнул.

«Это волшебное место, Клут».

«Я чувствую. Лисс здесь».

«Где? — Тор испуганно огляделся по сторонам, видишь?»

«Нет. Я ее чувствую».

«Клут, что...»

«Тихо, мальчик мой. Она со мной разговаривает».

И Тор увидел, как Клут закрыл глаза и замер.

Стало очень тихо. Смолкли птицы, легкий утренний ветерок перестал шелестеть листвой. Замерли даже лошади, не осмеливаясь переступить с ноги на ногу. Клут словно окаменел, и Тор вдруг почувствовал себя бесконечно одиноким. Это одиночество становилось невыносимым... и тут брокен вздохнул и обмяк. По его щекам медленно катились слезы.

«Что происходит?» — смущенно спросил Тор. Он уже ничего не понимал.

«Лисс говорит, чтобы мы не пугались. Сердце Лесов за щипает тебя и тех, кого ты любишь. Прайм-офицер Кайрус тоже здесь, но он в опасности. Мы должны найти его, и как можно скорее».

«Но как? С чего начинать? Мы...»

«Успокойся. Лисс объяснила, что я должен делать»

«Почему ты плачешь, Клут?» — Тор спросил так мягко, как только мог.

Его друг некоторое время молчал, словно не решаясь ответить.

«Она потребовала, чтобы я принял решение, — его шепот был чуть слышен. — Я дал ответ. Не могу сказать, что я не рад этому... но мне очень грустно».

Он повернулся к Тору.

«Это был мудрый шаг. И еще я рад узнать, какую роль мне предстоит сыграть».

Юноша пристально вглядывался в его лицо, но видел лишь широкую открытую улыбку, которая успела ему так полюбить.

«Не сердись, Тор, — он спешился. — Я понимаю: столько тайн, секретов... Извини. Скоро ты сам все узнаешь. А сейчас — просто доверься мне».

«Я верю тебе, Клут, — торжественно ответил Тор. — Я доверил бы тебе даже собственную жизнь».

«Хорошо, мой мальчик. Потому что свою я вверяю тебе».

«Клут, ты меня пугаешь».

«Знаю, знаю. Но, Тор... я прошу тебя только об одном: верь. У тебя будет сложная

жизнь, тебе понадобится много сил, мужества... Потому что от тебя зависит счастье Таллинора».

Увидев, что юноша хочет возразить, брокен поднял руку.

«Выслушай меня. Я не знаю, что за испытание нам выпало и почему. Я знаю только одно: от этого зависит спасение Королевства. Прайм-офицера Кайруса необходимо найти. Все, что творится вокруг тебя, похоже на картинку-головоломку, которую собирают из кусочков. И один из таких кусочков — Кайрус. А теперь... я должен тебя покинуть».

— Что? — ахнул Тор.

«Ненадолго. Я вернусь, — голос Клута дрогнул. — Стреножь Бесс и Летуна и подожди, пока я не дам тебе знать. Обещаю: я не долго буду отсутствовать».

«Но куда ты собрался? Почему я не могу остаться с тобой?»

Тор начинал злиться. Все эти тайны и секреты вызывали у него ярость.

«Я буду вон там, — Клут показал на залитую солнцем поляну. — А ты оставайся там, где сейчас стоишь, пока я не вернусь».

«Я понимаю, что ты говоришь, Клут. Но не понимаю, что ты делаешь».

«Знаю. Но ты должен мне доверять».

Клут сделал шаг и оказался совсем рядом. Он смотрел в пронзительные голубые глаза Тора и улыбался.

«Я вернусь. Я не оставлю тебя одного... никогда, — брокен обнял юношу и крепко прижал к груди. — Я всегда буду с тобой».

Он уронил руки, повернулся и, тяжело припадая на одну ногу, зашагал через поляну. Тора охватила паника. Клут прощался с ним, это было несомненно. Так же несомненно, как то что эта поляна была волшебной. Он чувствовал волшебство каждым дюймом своей кожи, хотя не понимал его. Это волшебство можно было только ощущать, но не стать его частью.

Тем временем Клут, к удивлению юноши, снял всю одежду. Теперь он стоял обнаженный, весь залитый солнцем, но его изломанное тело среди этой красоты казалось чем-то чуждым и странным. Юноша молчал, не смея издать ни звука. Внезапно Клут присел на корточки, потом лег, прижавшись лбом к коленям, и обхватил их своими длинными волосатыми руками, словно пытался защититься от солнечного света, который становился все ярче.

Да, так оно и было. Сияние набирало силу, сначала чуть заметно, потом все быстрее, и скоро Тор едва мог разглядеть темную фигуру, скорчившуюся на земле. Его охватил ужас. Откуда-то сверху нисходила немыслимая мощь. Клут говорил о том, что слышит шепот; теперь этот звук был ясно слышен, он превратился в гудение, от которого вибрировал воздух. Казалось, весь лес трепещет в ожидании. Свет стал нестерпимо ярким, гул в воздухе порождал панику, однако Тор сделал над собой усилие и заставил себя не сводить глаз со своего друга.

И тут раздался голос — низкий, глубокий и почти страшный.

— Клут! Дармуд Корил, бог леса, говорит с тобой. Мы принимаем и приветствуем тебя. Я нарекаю тебя Другом Сердца Лесов.

Свет сгустился, и Тору показалось, что несколько золотых капель упали на неподвижно лежащего брокена. Впрочем, он уже почти ничего не мог разглядеть.

— Отныне это твой дом, -- продолжал голос. — Никогда не удаляйся и всегда возвращайся целым и невредимым.

Там, где лежал Клут, из земли вырвался столб радужного сияния. И Клут начал меняться на глазах. Его тело сжималось, словно усыхало. Тор не выдержал.

— Клут!!!

Его вопль потонул в гудении. Ослепленный, оглушенный, юноша зажмурился, а радужные искры и полосы еще долго плясали вокруг тающей темной фигурки.

Внезапно все стихло. Тор открыл глаза — и увидел, как сползают, легко подпрыгнув, взмыл в воздух великолепный сокол. Его крылья мерными, мощными взмахами резали воздух.

— Клут... — в отчаянии простонал юноша.
Но Клут уже взмыл над деревьями и скрылся из виду.

Тор не шевелился. Однако он уже не спал.

Долгая ночная скачка, потом чудесное превращение Кнута, которое так потрясло юношу... Он помнил, что опустился на траву; какое-то время мысли блуждали, потом провалился в сон... а теперь Бесс разбудила его. Кобыла щекотала губами его шею — вероятно, надеясь получить яблоко. Что касается Летуна, то он решил довольствоваться травой.

Зачем? Тор снова и снова задавал себе этот вопрос. Конечно, Клут знал, что случится — вот почему он плакал после разговора с Лисс. Но Тор должен был броситься к другу, спасти его. Почему он этого не сделал? Почему даже не попытался что-либо предпринять?.. Сколько ему твердили о каком-то великом даре, которым он якобы обладает... Так почему он, Торкин Гинт, не воспользовался этим даром, не сотворил какое-нибудь чудо? Он чувствовал себя беспомощным. Клут превратился в сокола и улетел.

Однако... перед превращением Клут сам убеждал его, что вернется-разве не так? Он просил Тора оставаться на месте и ждать. Да, верно. Именно так Клут и сказал. Он обещал, что не оставит Тора... а если и оставит, то ненадолго. При этом воспоминании Тор почувствовал, как надежда оживает. Он сел и некоторое время сидел неподвижно, потом снова закрыл глаза, но не для того, чтобы уснуть. Его влекло волшебство, которое окружало поляну.

Это было могучее волшебство — могучее и совершенно непостижимое. Все, что мог сделать Тор — это увидеть его в виде радужного сияния и запечатлеть в памяти переливы цветов. Потом он вспомнил, как лес приветствовал его, когда они с Кнутом вошли в чащу. Теперь надо было сосредоточиться и попытаться заговорить с лесом.

Он долго посылал мысли, потом образы... и вдруг его осенило. Когда лес «улыбался», его самого окружало изумрудное сияние. Следующая мысль, которую Тор отправил лесу, напоминала мягкий зеленый шарик.

И Лес откликнулся.

— Добро пожаловать, Тор...

Шепот звучал одновременно внутри и снаружи, эхом пробегал в листве и отдавался в ушах.

— Не бойся... Твой друг вернется, и мы будем хранить его, всегда, всегда, всегда...

Тор был глубоко тронут. Он соединился с Сердцем Лесов, деревья пытались ободрить его, утешить... На душе стало легче. Юноша сердечно поблагодарил лес и вновь услышал, как по листьям пробежала легкая дрожь.

Наверно, сразу после этого он снова уснул, но ненадолго. Его снова разбудило легкое прикосновение — но не снаружи, а внутри. Что-то касалось его сознания с легкостью пера. Но это определенно был зов. Он становился более уверенным, пока Тор не понял, что больше не может спать. Все чувства обострились до предела, он наугад тянулся навстречу зову... И вдруг у него в голове вновь зазвучал голос Клута — так ясно, словно его друг находился рядом.

«Я нашел его!»

«Клут!»- воскликнул Тор. Он вновь чувствовал, как между ними протянулся невидимый канал.

«Он самый и никто иной! Я нашел Кайруса. Он здесь, в лесу, и не очень далеко».

«А где ты сам?»

«Уже здесь!»

Послышался свист. В последний миг сокол развернул крылья, замедлив падение, и грациозно опустился на землю. Тор непроизвольно попятился.

«Прости, — Клут склонил голову набок. — Не хотел тебя испугать».

Это был действительно сокол. Он совершенно по-птичьи следил за юношей большим

черным глазом, окруженным ярко-желтыми перышками — точно под цвет блестящих лапок, точно покрытых потрескавшимся лаком. Тор поймал себя на том, что не может смотреть на эту благородную птицу без восхищения. Блестящая, иссиня-черная спинка, такие же крылья — точно плащ, наброшенный поверх белоснежного камзола.

«Тот Клут был такой страшный, верно?» — сокол повернул голову в другую сторону и сделал несколько шагов, позволяя Тору получше себя рассмотреть.

«Я... я так испугался...» — честно признался Тор.

Сокол подпрыгнул, захлопал крыльями и приземлился Тору на плечо. Когда острые коготки царапнули кожу, юноша поморщился.

«Тебе больше нечего бояться, Тор».

«Но почему... так?» — Тор отбросил волосы и повернул голову, чтобы посмотреть на сокола, который удобно устроился у него на плече.

«Потому что твой бесстрашный защитник вернулся к тебе».

«Я не о том. Почему ты стал птицей?»

«Не могу сказать... — сокол вздохнул — во всяком случае, это больше всего походило на вздох. — Лисс захотела, чтобы я стал соколом, и велела довериться ей. Что я с радостью и сделал. Мое прежнее тело мне все равно не нравилось. Это гораздо красивее».

«Значит, это навсегда? Ты больше никогда не будешь Клутом?» — грустно спросил Тор. Лапки у птицы были очень сильными, и если бы не когти, можно было подумать, что его держит за плечо крепкая рука.

«Я тот же Клут, Тор. Ничего не изменилось, кроме тела, в котором я живу. Да, это навсегда. Но, повторяю, это тело мне нравится куда больше».

«Знаешь, иногда мне кажется, что я свихнусь от всех этих странностей и перемен. Только у меня появился друг, самый лучший, самый близкий на свете... — его голос сорвался. — И вдруг он превращается в птицу...»

«Я знаю, — с нежностью ответил Клут. — Но это делается не просто так. Мы должны доверять Лисс и друг другу».

«Я доверяю тебе, но при чем тут какая-то Лисс? Она не принесла тебе ничего, кроме печали и боли... а теперь еще и это!»

Тор тряхнул головой, встал и прошелся по поляне. Его переполнял гнев. Сокол крепко вцепился ему в плечо, чтобы удержаться, но юноша почти не обращал внимания на его коготки.

«Она привела меня к тебе, Тор. Это все, что я знаю. А теперь превратила меня в великолепное существо, и я счастлив. Не жалею меня. Если бы ты только знал, какое это чудо — парить высоко над землей! Ладно, идем скорее. Кайрус в опасности. О странностях судьбы можно поразмышлять на досуге. А сейчас надо действовать. Следуй за мной, это недалеко».

В подтверждение своих слов сокол подпрыгнул, словно собирался взлететь.

«Клут» — в голосе Тора послышалась мольба.

«Он умирает, Тор, — терпение сокола явно было на исходе — То, что с ним сделали, омерзительно. И никто не сможет ему помочь, кроме тебя. Ладно, потом поговорим, надо идти!»

Два мощных взмаха крыльев — и Клут уже сидел на вершине высокого дерева.

«Не теряй меня из виду. Мы должны двигаться как можно тише, чтобы застать их врасплох».

Он покинул свой насест и полетел в лес. Тор тихо шел следом. К счастью, темное оперение сокола было хорошо заметно на фоне листвы. Но что произойдет, когда Клут приведет его к Кайрусу? И кто такие «они»? Юноша предпочел воздержаться от расспросов. Лес понемногу становился гуще, Клут уже не перелетал с ветки на ветку, а летел над вершинами. Наконец ему пришлось полагаться лишь на невидимую «веревку», которая по-прежнему тянулась за соколом, позволяя чувствовать его присутствие. Внезапно Клут снова окликнул его.

«Тихо, Тор. Теперь ступай как можно осторожнее. Они в тридцати шагах от тебя». Впрочем, Тор слышал сам. Люди шли по лесу, не таясь, хотя разговаривали вполголоса.

«Сколько их, Клут?»

«Пятеро. Главный — Корлин».

«Корлин?!»

Хорошо, что они с Кнутом разговаривают мысленно, подумал Тор. Сейчас его вопль был бы слышен по всему Лесу.

«Он самый», — с ненавистью отозвался сокол.

«Значит, месть? Все это — просто ради мести?»

Тор сделал еще несколько шагов и притаился среди молодой поросли. Отсюда ему было хорошо видно похитителей.

«Другой причины я не вижу, — Клут плавно спустился к нему на плечо — осторожнее, чем в прошлый раз, но Тор вздрогнул. — Из-за всей этой истории на рыночной площади Корлин осрамился, так что у него есть повод ненавидеть

«Сделай одолжение, Клут... Предупреждай, когда соберешься снова на меня сесть!»

Тор присмотрелся. Двое дремлют, еще двое пьют что-то из кружек. А вот и Корлин — сидит в стороне, рядом с лошадьми, неподвижный, как статуя.

«Где Кайрус?» — быстро спросил Тор.

«Справа от тебя».

Тор беззвучно повернулся, развел ветки... и чудом сдержал тошноту. Прайм-офицер висел между двух стволов, прибитый за руки гвоздями. Он даже не стонал — похоже, был уже без чувств. По лицу, по рукам, по всему телу текла кровь. Некогда белая рубаша была изодрана в клочья и покрыта бурыми пятнами. Лица видно не было: голова Кайруса свесилась на грудь, подбородок упирался в грудину. Волосы — густые, всегда чистые и аккуратно причесанные — слиплись от крови.

«Успокойся», — прошептал Клут. Он уже чувствовал, как волшебная сила наполняет его друга, и у него начинает покалывать кожу. Тор молчал, а когда заговорил, его голос не выражал ничего:

«За такое убить мало».

«Не спорю. Но пока не будем объявлять о нашем присутствии. У нас нет оружия — только твое волшебство».

«Этого вполне хватит».

Голос Тора был по-прежнему бесцветным, но юноша дрожал от закипающей ярости. Ток волшебной силы набирал мощь.

«Пусть сделают первый шаг — надо узнать, что они задумали. Я подберусь поближе».

Клут беззвучно слетел с плеча Тора и через миг оказался на нижней ветке одного из деревьев, к которым пригвоздили прайм-офицера. Никто из негодяев не обратил на него внимания.

Долго ждать не пришлось. Корлин зашевелился, потом почесался. Парочка, которая до сих пор услаждала себя элем, растолкала спящих, а один из них молча кивнул в сторону Корлина. Когда все пятеро поднялись, Тор заметил среди них Горона- того самого грубияна, который приставал к Эйрин.

— О боги, какая милая компания, — буркнул юноша.

— Пора, — Корлин взял ведро, стоявшее рядом с лошадьми, подошел к пленнику и вылил содержимое ему на голову. Остальные расхохотались. Они были совершенно пьяны и их, должно быть, очень забавляло то, как Кайрус безуспешно пытается отряхнуться.

— Похоже, наш эль ему по вкусу, — заметил один, толкая приятеля в бок.

— Что-то меня берут сомнения. Зная, что он уже прошел сквозь твое брюхо...

— Ну, ты и скажешь, Файстер! — Горой фыркнул. — Вонь твоей мочи разносится до небес, а на вкус она должна быть адской.

Все четверо загоготали, но стоило Корлину поднять руку, хохот смолк. Кайрус застонал, и у Тора захолонуло сердце: в руке у Корлина появился нож. Лезвие поблескивало

в лучах утреннего солнца.

— Ты мне надоел, прайм-офицер Задница. Сделай одолжение, посмотри на меня, чтобы я мог должным образом перерезать тебе горло и получить от этого полное удовольствие! — он схватил прайм-офицера за волосы и запрокинул ему голову.

Тор тихо вышел из укрытия. Первый, неистовый гнев прошел, сменившись холодной яростью. Теперь сила, которая билась в нем, была полностью послушна его разуму. Он представил, как ее поток устремляется к Кайрусу и растекается по его телу. Попытка удалась. Офицер задрожал, и его похитители захохотали — они решили, что Кайрус трясется от страха. Потом сделал глубокий вдох.

— О, ты что-то хочешь сказать, прайм-офицер Свиное Дерьмо? Мы внимательно слушаем, — Корлин изобразил шутовской поклон и оттопырил ладонью ухо.

На Тора все еще никто не обратил внимания. Он снова послал к офицеру поток силы и с облегчением увидел, как Кайрус разлепил заплывшие черные веки и заметил его. Однако губы прайм-офицера были слишком разбиты, чтобы улыбаться.

— Не могу дождаться, когда перережу твою мерзкую глотку, Корлин...

Кайрус выплюнул кровавый сгусток. Слова давались ему с трудом, однако Тор вливал и вливал в него силу, и в глазах офицера уже горела жизнь.

Разуйка глаза и оглянись. Сообщники Корлина снова заржали, шлепая себя по ляжкам и награждая друг дружку шутивными тумачами. Либо они не разобрали слов пленника, либо сочли их пустой бравадой. Однако Корлин не смеялся. Он обернулся...

И в паре шагов у себя за спиной увидел Тора. Одного, без оружия и, как всегда, с улыбкой в пол-лица.

— Помнишь меня? — любезно осведомился Тор.

«Цвирк-цвирк!» — это Клут предупреждал его на своем птичьем языке. Корлин взревел, оставил Кайруса и бросился на юнца, который посмел ему помешать. Остальные тоже обернулись, потом один истошно завопил: прямо на него, выпустив когти, падал сокол, и бедолаге показалось, что тот метит прямо ему в лицо. Словно в подтверждение своих намерений, птица издала воинственный крик.

И вдруг стало тихо. Исчезли все звуки, кроме шепота листвы. Корлин и его сообщники застыли, не в силах пошевелить даже пальцем. Рука Корлина по-прежнему сжимала нож, острие смотрело в сторону Тора, лицо перекошено от ярости. Но никакая ярость не могла заставить его окаменевшее тело сдвинуться с места. Корлин лишь вращал глазами в бессильной злобе, которая понемногу уступала место ужасу.

Клут легко опустил Тору на плечо. Пару мгновений оба разглядывали Корлина. Потом юноша шагнул к Кайрусу, который пытался снова поднять голову.

— Это сон? — офицер сплюнул кровь.

— Нет, — отозвался Тор. — Замри ненадолго. Юноша боялся встретиться с ним взглядом. А ведь еще придется объяснять, каким образом все это произошло...

Впрочем, сейчас у него были другие заботы. Тор обхватил офицера за талию, чтобы снять вес с его рук, сосредоточился на гвозде, которым было пробито его правое запястье, и представил, как тот вылетает и падает на землю. Это оказалось нетрудно. Вытащив таким же образом второй гвоздь, Тор осторожно опустил Кайруса на землю. Тот застонал. Все его тело было истерзано, а руки висели как плети и, похоже, ничего не чувствовали.

— Развяжи меня, — хрипло выдохнул Кайрус.

Тор повиновался. Он подошел к Корлину, разжал толстые пальцы, которые держали нож, затем вернулся к прайм-офицеру и перерезал веревки, стянувшие его щиколотки.

— Помоги мне встать, парень.

— Нет, Кайрус. Пожалуйста, позволь мне...

— Я сказал... подними меня на ноги... это приказ!

Сколько же силы у этого человека, подумал Тор, поднимая его. Офицер явно страдал от боли, однако заставлял себя держаться прямо, хотя и опирался на плечо своего спасителя.

— Помоги мне, Гинт... пожалуйста.

— Что теперь?

— Дай мне нож. Тебе придется вложить его мне в пальцы и сжать, потому что я совсем не чувствую рук.

— Может быть, лучше доставить этих ублюдков в Тал? И увидеть, как они получают все, что им причитается?

— Те четверо — получают, — процедил Кайрус. — Но Корлин — только мой. И я сам ему и суд... и палач.

Он с силой оперся на плечо юноши и сделал шаг. Потом еще. И еще. От Корлина его отделяло пятнадцать шагов. Головорез стоял в той же позе, так и не завершив бросок. Он обезумел от страха, и на его штанах расплывалось отвратительное мокрое пятно.

— А мой отряд, Тор... — Кайрус долгим взглядом смотрел на своего мучителя. — Ты их встретил?

Тор сглотнул.

— Да, офицер. Капитан Херек взял на себя командование. На рассвете они отправятся в Тал.

— Все живы?

На этот вопрос Тор отвечать не хотел.

— Почти все страдают от похмелья... — пробормотал он. — Они тревожатся за вас, сударь.

— Я выразился ясно, уважаемый. Все на месте? Есть потери? Или все ограничилось головной болью?

На протяжении всего этого разговора Кайрус, не отрываясь, смотрел Корлину в переносицу. Тот медленно серел, лицо покрывалось испариной. Тор не знал, что ответить. Небольшая стайка птиц, похожих на вьюрков, шумно перелетала с дерева на дерево — наверное, их испугнул какой-то хищник. Клут у него на плече переминался с лапы на лапу. Теперь он будет охотиться на птиц, подумал Тор. И получать от этого большое удовольствие.

— Отвечай, Гинт, — тихо сказал прайм-офицер.

— Насколько я понял, сударь, четверо дозорных убиты. Среди них — один из ваших помощников.

Тор почувствовал, что не может выдохнуть.

— Ройс? — Кайрус произнес это имя так, словно не понял ответа Тора.

— Я не знаю имен, — смущенно пробормотал юноша перенося вес на другую ногу. Прайм-офицер был одного роста с ним и несколько тяжелее.

— Во имя Света! Только не Ройс! Он же только что женился... — он сунул нож в лицо Корлину и заорал: — Ты слышал? Ты, выродок, пустое место!

Эта вспышка обессилила Кайруса.

— Четверо твоих дружков пойдут под суд, — прохрипел он, навалившись на плечо Тора. — Убийство четверых королевских солдат, отравление, похищение и покушение на жизнь прайм-офицера... Этого достаточно. А ты, Корлин, умрешь сейчас. Здесь, в Сердце Лесов. И я сам буду тебя судить. Потому что один из ребят, которых вы убили, недавно женился. И ты должен ответить за горе его молодой жены... за сыновей и дочерей, которые у них никогда не родятся.

Тор заметил, что в глазах Кайруса блеснули слезы. Потом его искалеченное тело напряглось, выпрямилось, и офицер отстранил юношу. Теперь он держал нож двумя руками, как держат тяжелый двуручный меч, чтобы вонзить его в поверженного врага. Короткий удар — и широкое лезвие распорол горло Корлина от подбородка до ключиц. Именно так, согласно обычаю, казнили убийц.

Фонтан крови ударил из раны, окатив Кайруса, и кровь убийцы смешалась с его собственной. Мгновенья шли, прайм-офицер стоял неподвижно, позволяя липкому винно-красному соку выплескиваться на его изодранную рубаху, и молча наблюдал, как вместе с кровью из тела негодяя, похожего на чудовищную статую, вытекает жизнь.

— Освободи его,- пробормотал Кайрус, когда глаза Корлина потухли.

Тор кивнул, и Корлин грузно рухнул на землю, пропитанную кровью. И тут же силы оставили Кайруса. Он опустился на колени, осел, уронил голову на грудь и потерял сознание.

Прошло несколько часов, прежде чем Тор смог что-либо предпринять. Он не ожидал, что настолько устанет. Привалившись к дереву, юноша смотрел на Кайруса, уже вымытого, забинтованного и переодетого в чистую рубаху, которая обнаружилась в одном из седельных выюков. На бинты пришлось изодрать старую рубаху Клута.

Кайрус спал. Тор вправил ему кости, заставил самые грозные опухоли и синяки рассосаться. Корлин и его сообщники секли офицера кнутом до полусмерти, и теперь его спину и грудь покрывала густая сеть рваных ран. С помощью волшебства Тору удалось очистить их, чтобы избежать заражения. Он хотел полностью залечить раны, но Клут отговорил друга. В самом деле, объяснить столь скорое исцеление было бы непросто. К тому же все это время Тор непрерывно подпитывал Кайруса. Однако теперь, когда жизни офицера уже ничто не угрожало, он мог позволить себе отдохнуть, чтобы восстановить собственные силы. Как известно, сон — лучшее лекарство; в сумке Корлина обнаружилось что-то вроде крепленого вина, и Тор дал офицеру несколько глотков этого снадобья, чтобы тот спал глубоко и не страдал от боли.

Теперь надо было позаботиться о сообщниках Корлина. Отыскав в седельных выюках прочную веревку, Тор по очереди «освобождал» их и крепко связывал. Впрочем, он внушал головорезам такой страх, что они с радостью сами связали бы друг друга, если бы он этого потребовал. Хуже было другое. Вряд ли преступникам удастся оправдаться, однако кое-кого рассказ об их пленении может очень заинтересовать. Например, Инквизитора Гота.

Об этом и размышлял Тор, направляясь за Бесс и Летуном. Много лет назад Элисса сказала ему: «С твоей силой для тебя нет ничего невозможного, Тор». Сейчас он вспомнил эти слова. Может быть, можно стереть из памяти негодяев ненужные воспоминания?

Он спросил об этом Клута.

«Стоит попробовать, — отозвался сокол. — Даже я знаю, как король Лорис относится к Чувствующим. Если до него дойдут хотя бы слухи о волшебстве, нам не жить».

«А как быть с Кайрусом?»

Клут поерзал, уstraиваясь на плече у юноши.

«О Кайрусе не беспокойся. Думаю, от него тебе следует ожидать только благодарности».

«Он — человек чести, Клут. А вдруг он сочтет своим долгом донести обо мне в Инквизицию?»

На самом деле, Тора куда больше беспокоило мнение Меркуда, который строго-настрого запретил своему ученику пользоваться своим даром. Хотя инквизиторы будут счастливы, когда в столицу пожалует Чувствующий... Но спокойствие и уверенность Клута его успокоили.

«Так или иначе, Кайрус — часть этой загадки, Тор, — я чувствую, что ему можно доверять».

Тор покосился на своих пленников. Четверо здоровяков, съежившись от страха, наблюдали за каждым их движением. Конечно... мальчик, умеющий колдовать, и птица-несомненно, тоже волшебная. Можно себе представить, что эта бесстрашная четверка может нарасказывать... Он усмехнулся. Да, пожалуй, будет лучше, если они забудут об этом происшествии. Дерево, под которым сидел Тор, было толстым, раскидистым и дарило приятную тень. Оставалось только сосредоточиться и...

«Ну, начинай», — нетерпеливо проговорил Клут, слетев с его плеча и устроившись на ветке повыше.

«Во имя Света! Дай мне хоть подумать, сумасшедшая птица. Я же не знаю, что делать».

Впрочем, после слов «сумасшедшая птица» у него бы все равно ничего не вышло. Оба

расхохотались, и Тор долго не мог успокоиться. Не меньше насмешил его вид пленников, которые в ужасе поглядывали то на него, то друг на друга. Тор не мог читать их мысли, но догадывался, о чем они думают. Сумасшедший волшебник. И его птицы стоит опасаться не меньше, чем его самого.

«Просто поверь в себя», — шепнул Клут.

Элисса говорила точно так же. Тор зажмурился, послал лесу волны изумрудного сияния и почувствовал, как деревья улыбаются, подбадривая его. Затем сосредоточился на своих пленниках и отдал им мысленный приказ. Тор не знал, сколько времени прошло, но когда снова открыл глаза, все четверо полулежали, привалившись друг к другу, и посапывали во сне.

«Что такое?»

«Кажется, получилось, — Клут слетел с ветки и, описав красивую дугу, сел у ног юноши. — Только что они были в ужасе. И вдруг — уснули. Как думаешь, они забыли?»

«Давай проверим».

Тор встал и разбудил сообщников Корлина. Пленники выглядели полуоглушенными, но страха в их глазах уже не было.

— Горон, ты? — здоровяк был единственным, кого Тор знал.

— Ну я. И дальше что? — Горон попытался разорвать веревки. — Куда Корлин подевался?

— Мертв.

Заговорщики недоуменно переглянулись.

— И кто его убил?

— Кайрус.

— Эй, Файстер! Правда, что ли?

— Быть не может, — отозвался Файстер, мотая головой, словно стряхивая невидимую паутину. — Мы его гвоздями к дереву прибили.

— Кайрус убил Корлина, — тоном, не допускающим возражений, сообщил Тор. — А вам, парни, придется отвечать перед королевским судом за убийство четверых ратников.

Он догадывался, что собственные шеи волнуют этих громил куда больше, чем участь их предводителя, и не ошибся. Ответом ему был дружный стон.

— Ради чего вы на такое пошли? — Тор искренне желал это выяснить.

— Ради денег, — равнодушно бросил Файстер. — Корлин нам очень недурно заплатил. Половину в Хаттене, а половину обещал выдать, когда дело будет сделано. Только не сказал, что это будет за работенка. И еще эля было — хоть залейся. Мы вообще не просыхали, пока не догнали отряд. Тогда надо было вытащить Кайруса из палатки... но это было легче легкого: они спали как убитые, потому что Корлин подсыпал им кое-чего в пойло, — Файстер уныло покачал головой. — Кстати, он и часовых прирезал, а не мы.

— А не страшно было в лесу? — спросил Тор.

— Еще бы не страшно! — вмешался другой, помоложе. — Но когда монетки звенят, всякий страх забудешь. И еще Корлин давал нам какое-то снадобье — сказал, что от него страх проходит. Гадость страшная, но в самом деле помогало. Мы его пили два раза в день.

— Заткнись, Чиррен! — зашипел Файстер. Тор уже услышал кое-что интересное и не собирался прекращать допрос.

— И где это снадобье?

— Корлин держал его у себя в мешке. Синяя склянка, — с готовностью сообщил Чиррен, не обращая внимания на гримасы, которые строили ему остальные.

— Ты, придурок! — зарычал Горон. — Нас притянут за убийство. Ты долго собираешься ему помогать?

Но Тор уже рылся в сумке Корлина. Скоро обнаружилась и бутылка — небольшая, с плотно притертой пробкой. Содержимое пахло омерзительно, и Тор поспешил снова закупорить склянку. Вкус, скорее всего, должен был быть под стать, но Меркуда это зелье заинтересует.

— А мы с тобой вроде знакомы- да?- с надеждой спросил Горон.

— Не думаю,- отозвался Тор, поднимая пленников на ноги. — Итак, уважаемые, сейчас вы все сядете на лошадей и будете вести себя смирно. Если бы я появился здесь чуть позже и не вмешался, вас всех постигла бы та же участь, что и Корлина. Прайм-офицер Кайрус был в ярости и жаждал крови.

Клут ехидно рассмеялся.

— Так что вот вам совет: не сопротивляйтесь и делайте то, что я вам говорю. Кто знает — может быть, Его величество смягчится, когда узнает, что вы были только соучастниками и никого не убивали.

Это предложение протестов не вызвало. Лошади, на которых приехали сообщники Корлина, были уже готовы, и Тор помог каждому из своих пленников забраться в седло. Однако доверия эти люди у него по-прежнему не вызывали — и прежде всего это касалось Горона. Лучше всего было связать их одной длинной веревкой, что Тор и сделал. Правда, теперь лошадям придется идти след в след, но безопасность того стоила. Когда все было готово, Тор разбудил Кайруса и спросил, может ли тот держаться в седле.

Прайм-офицер ответил не сразу. Он удивленно оглядывал себя с ног до головы. Оказывается, все это время он спал! И за это время кто-то промыл и забинтовал ему раны, передел его... а главное, ему стало гораздо лучше.

— Наверно, смогу, мой мальчик, — он недоверчиво покачал головой. — Знаешь, когда я убил Корлина... Я думал, что кончусь вместе с ним. Сил у меня совсем не осталось.

— Я тоже так думал. Мне оставалось только промыть вам раны, перевязать... и молиться, чтобы вы продержались, пока мы не доберемся до столицы... и я смогу поручить вас заботам Меркуда.

Тор осекся. Он снова почувствовал знаменитый всевидящий взгляд Кайруса.

— Ты не умеешь врать, Гинт, — прайм-офицер фыркнул — Да еще эта проклятая птица болтается рядом с тобой, как дурной запах... Почему у меня возникает чувство, что ты скрываешь какую-то ужасную тайну?

Тор почувствовал, что волосы у него встают дыбом.

— Успокойся, Тор, — мягко проговорил Кайрус. — Сегодня, когда ты появился, я почувствовал такое облегчение, какого в жизни не испытывал. Я перед тобой в долгу. Я все еще дышу, я жив, я успел отомстить за смерть своих подчиненных — и в этом только твоя заслуга.

Кайрус поднял руку, не давая Тору возразить.

— Подожди. Ты должен это знать. Когда меня избивали, я позволил себе потерять сознание — мне это казалось единственным спасением. Знаешь, это как будто проваливаешься в черную бездну... И тут появилась женщина. Она не сказала, как ее зовут — на самом деле, я ее даже не видел. Но у нее был такой дивный голос... Она успокаивала меня снова и снова, уговаривала держаться... И знаешь, кого она велела мне ждать?

Тор покачал головой.

— Тебя, Гинт. Она сказала, что ты уже в пути и спасешь меня. Представь себе: ты висишь среди черноты, а этот голос говорит с тобой, внушает надежду... И еще она просила меня хранить твои тайны. Не раскрывать их никому, даже тем, кому я служу. Защищать тебя любой ценой, даже ценой собственной жизни. Как тебе это понравится, Тор? И тут ты...

Офицер оперся на руку Тора и медленно встал.

— Ладно, хватит разговоров. В любом случае, все это выше нашего разума. Я надеюсь, у тебя уже есть донельзя правдоподобное объяснение. Потому что скоро здесь появится вся королевская рать — непременно появится, — Кайрус засмеялся. — Знаешь, юный Гинт, просто сказать «спасибо» мне кажется недостаточным. Поэтому позволь мне не выражать благодарность ни тебе, ни твоей... э-э-э... птице.

Это просто охотничий сокол, — пояснил Тор.

Караван двигался по тропке медленным шагом. Первым уне ехал Кайрус, за ним

четверо пленников. Замыкал строй Тор верхом на Бесс, который вел в поводу лошадь Корлина. Клуб, почти невидимый в небе, указывал дорогу к Бревису — правда, эти советы были слышны только Тору. Пленники удивлялись, однако прайм-офицер то и дело поглядывал вверх, на красавца-сокола, который кружил над вершинами деревьев.

— У меня на квартире есть несколько бутылок славного «Морриета», юный Гинт! — крикнул он через плечо, широко улыбаясь. — Я давно их берег. Надеюсь, ты выпьешь со мной по случаю нашего возвращения?

Глава 12

То, чего не ждал лекарь

Сорок воинов отряда «Щит» ехали молча. Весть об исчезновении прайм-офицера пришла слишком недавно, и они еще не успели оправиться от потрясения.

Кайрус занимал в королевстве две поста- и на обоих сумел добиться уважения подчиненных. Прежде всего, он командовал «Щитом» — своего рода крошечной армией, в которой служили лучшие воины Королевства, личной гвардией Его величества. Но была в Таллиноре и настоящая армия, которая также находилась под командованием Кайруса. Таким образом, его заботам вверялась безопасность не только короля, но и всего Таллинора. В прежние времена, при короле Мorte, такое сочли бы недопустимым — по той же причине, по которой считается неразумным держать все яйца в одной корзине. Однако вот уже много лет Таллинор жил в мире, и Кайрус легко нес свой двойной груз.

Правда, некоторые господа, которые прибывали в Таллинор из разных мест, любители колкостей, которые передаются шепотом, поговаривали, что армия Таллинора давно забыла, что такое настоящее сражение. Говорили, что ее воины еще не разучились сражаться, но уже отвыкли защищать собственную спину. Однако у этой армии была долгая и славная история, боеспособность, которая оставалась непревзойденной, прославленный военачальник, который, вопреки всему, поддерживал эту боеспособность неведомо какими способами. Все это не могли не вызывать уважения даже у завистников.

Сопровождение короля в поездках такого рода не входило в обязанности Меркуда, но лекарь не мог отказать Лорису. По правде говоря, он сам нуждался в поддержке. В то время как короля волновала лишь судьба Кайруса, лекарь беспокоился еще по одной причине. По его расчетам, Тор уже два дня как должен был появиться во дворце... Это была счастливая мысль — попросить помощи у Мисс Вайлет. От своей старой знакомой Меркуд узнал, что мальчик целым и невредимым покинул Хаттен. Несомненно, о местонахождении Тора Мисс узнавала через своих многочисленных агентов. Однако сегодня она обратилась к старику мысленно и сообщила, что Тор исчез.

Может быть, вернувшись из Уиттена, он увидит, что мальчик уже здесь? Или хотя бы получит какую-нибудь весточку? Лекарь всей душой надеялся на это, но тщетно. Исчезновение Тора, встреча с Марриэн... и вот теперь пропал Кайрус. А день только начинается!

— Эй, старик,- окрик раздался прямо у него над ухом. — Ты оглох?

— Во имя Света, Лорис! Вы же знаете, у меня со слухом все в порядке, спасибо богам. Я просто задумался, только и всего.

— Размышлять будешь на досуге, лекарь. Меня все это тревожит. Я взял тебя с собой, потому что жду от тебя советов, а не для того, чтобы внимать твоему задумчивому молчанию.

Меркуд ничего не ответил. Пауза невыносимо затягивалась.

— Не грусти, Меркуд, — примирительно улыбнулся король. — Ты стареешь — что в этом такого? Я спрашивал про твоего нового ученика.

— Полагаю, он должен вот-вот приехать,-- отозвался Меркуд. — И первым делом я представлю его вам и Ее величеству. Даю слово.

Таким образом, старик вежливо дал понять, что разговор окончен. У него не было

настроения с кем-либо что-либо обсуждать. Правда, сам Лорис придерживался несколько иного мнения. К счастью, один из воинов подъехал к нему и доложил, что очередные шестеро ратников готовы и ожидают лишь приказа, чтобы отделиться от своих товарищей и отправиться в разведку.

— Отлично, Норриш, — король сдержанно кивнул в ответ — Спасибо.

— Мы отправляем по шесть человек в каждую деревню, что находится в пределах десяти лиг от Бревиса, — пояснил он, снова обращаясь к Меркуду. — Их задача — узнавать все последние новости. Эти шестеро едут в Хобб.

Лекарь кивнул. Вскоре дорога сделала поворот, и вдали показалось облако пыли. Навстречу ехал отряд, с которым Кайрус покидал столицу. Лорис вздохнул с облегчением и пустил коня быстрой рысью. Наконец-то.

Когда отряд короля приблизился, Херек приказал своим людям остановиться, спешил и опустился на одно колено. Похоже, капитану случилось пережить сильное потрясение: на нем просто лица не было.

— Государь... — голос Херека чуть дрожал: воин пытался держаться спокойно, хотя внутри бушевала буря. — Мой гонец добрался в столицу?

— Добрался, — король придержал своего белого жеребца. — И передал печальное известие... Встань, капитан.

Лорис говорил очень мягко, и на лице Херека мелькнула тень смущения. Но король уже успел натянуть маску решимости и сосредоточенности. Проявить сочувствие означало позволить Хереку дать волю своей боли, а это сломит его. Ратники по-настоящему любили своего командира, и это знали все. Лишь король мог похвастаться таким влиянием.

— Значит, больше никаких новостей, капитан Херек? — спросил Лорис.

— Нет, государь. Мы так и не напали на след прайм-офицера, и я решил, что должен как можно быстрее вернуться с отрядом в столицу.

— Ты принял правильное решение, капитан. Думаю, прайм-офицер одобрил бы твой выбор. Веди своих воинов в Тал — боюсь, это все, что ты можешь сделать для Кайруса. Пока люди из «Щита» осматривают окрестности... а если будет надо, перевернут все Королевство, — рука Лориса опустилась на плечо Хереку. — Твоим бойцам нужно отдохнуть и как следует поесть. Я же помню, вы целое лето мотаетесь по стране. Пора возвращаться домой. Вас ждут жены, дети, родные...

— Ваше величество, — несмело проговорил Херек. — Я хотел бы просить вас... Разрешите мне принять участие в поисках.

Король тепло улыбнулся.

— Вынужден отказать, капитан. Возвращайся со своими людьми в Тал. И оставайтесь там, пока не получите распоряжений лично от меня. Это приказ.

— Слушаюсь, Ваше величество... Простите.

— Ох, Херек... Тебе не за что просить прощения, сынок. Ты славный боец. Садись в седло и езжай. «Щит» найдет его.

Колонна медленно троилась. Лорис ехал вдоль строя, ободряюще улыбался ратникам, которые отдавали ему честь, разговаривал с ними. Ему не понадобилось много времени, чтобы поднять их дух — во всяком случае, Меркуд не сомневался, что ему это удалось. Эти люди верили: слово короля нерушимо, и он найдет их командира.

Скоро Лорис с Меркудом пустили коней легким галопом и поскакали дальше. Они снова молчали, но теперь это молчание уже не вызывало неловкости и напряжения. При въезде в Чигли от отряда снова отделились шестеро человек, чуть позже еще шестеро свернули на развилке — Лорис объяснил лекарю, что они едут в Персвич. В конце концов, с королем остались лишь Меркуд, Норриш и еще восемь воинов. Всадники во весь опор скакали в сторону Бревиса.

— Если Ваше величество позволит, — Норриш поравнялся с королем, когда они остановились на краю деревни, — мы поговорим с жителями, а затем отправимся к месту, где отряд стоял лагерем...

Король кивнул, выражая согласие.

— Может быть, вам с почтенным лекарем хотелось бы перекусить? Я об этом позабочусь.

И, не дожидаясь ответа, он дал знак одному из воинов. В деревне была лишь одна харчевня — «Лошадь и телега», — но там, возможно, подавали эль, достойный короля. Остальные расспрашивали жителей деревни. Меркуд видел, как они качают головами. Как и Норриш, он даже не надеялся, что в Бревесе удастся узнать что-нибудь новое. Служаночка прибежала из харчевни с двумя кружками эля, подала их королю и Меркуду и, хихикая, сделала реверанс. Эль оказался холодным и недурным на вкус, и они стали пить его большими глотками, утоляя жажду.

— О чем ты думаешь, Меркуд? — спросил король, вытирая усы.

Пожалуй, на этот раз уходить от ответа не было смысла.

— О девушке, с которой я сегодня встречался.

— Ты встречался с девушкой?

— С девушкой из Уиттена, — без всякого выражения ответил Меркуд.

Лорис быстро повернулся к нему, не донеся кружку до рта, и пристально посмотрел в глаза лекарю.

— С ней все в порядке? — выпалил он свистящим полусшепотом.

— Да.

— А с ребенком? — Лорис поставил кружку на траву, чтобы не расплескать содержимое. Руки у него дрожали.

— И с ребенком. Бойкий парень.

Меркуд знал: эти слова для него — как нож в сердце.

— Сын...

В этом слове было все, о чем он так долго мечтал. Лицо короля исказилось от боли.

— Именно так, Ваше величество. Крепкий, здоровый мальчик, он окружен заботой...- Меркуд понизил голос: у любой стены могут быть уши. — В том числе с моей стороны. С ним все будет хорошо, и с Марриэн тоже.

Он выжидающе замолчал.

— Значит, ты обо всем позаботился.

— Да, Ваше величество. И больше не стану беспокоить вас напоминаниями.

— А ты... — король смущенно отвел глаза, — ты будешь часто встречаться с Марриэн?

— Как можно реже, — Меркуд решительно опрокинул в горло остатки эля. Он ненавидел ложь. Отчаяние, охватившее его, стало почти невыносимым.

— Значит, дело сделано.

Так ставят подпись под королевским указом. Меркуду показалось, что с его старых плеч свалился тяжкий груз.

Он знал, что слову Лориса можно верить. Они никогда не заговорят о Марриэн, а королева будет и дальше жить в блаженном неведении. И никогда не узнает об этом единственном пятне на нерушимой супружеской верности.

Когда Норриш вернулся обратно, Меркуд был почти счастлив:

— Мы отправляемся осмотреть место, где отряд стоял лагерем, Ваше величество, — сообщил воин. — Здесь нам ничего не удалось выяснить.

— Как сочтешь нужным, Норриш, — Лорис уже справился с волнением и говорил спокойно и твердо. — Веди.

Далеко ехать не пришлось — от силы пол-лиги. Казалось, лагерь был разбит прямо под стеной Великого Леса.

— Говорят, люди боятся этих мест, — сказал король, спешиваясь. — Не знаю. Мне здесь всегда так спокойно...

Его белоснежный жеребец тряхнул головой и принялся щипать траву, волоча за собой повод. Его примеру последовали и другие лошади. Меркуд отметил, что ни одна из них не

приближается к кромке леса. Но, возможно, дело было в привычке: эти скакуны быши обучены не отходить далеко от своих всадников. Его собственный конь, Стигиан, как обычно, держался особняком. Стоило лекарю покинуть седло, он спокойно затрусил к лесу и теперь обрывал сочные зеленые пучки у корней могучих дубов.

— Прекрасно, — произнес лекарь. — Так что мы ищем?

Лорис пожал плечами:

— Кайрус всегда был сметлив. Как поступает настоящий воин, попав в плен? Оставляет товарищам знак, по которому его можно найти.

Вероятно, ратники догадывались, как могут выглядеть такие знаки, но поиски по-прежнему оставались бесплодными. Меркуд слышал, как воины перекликаются в лесу, и в их голосах проскальзывали первые признаки отчаяния. Похоже, пора прекратить это безнадежное занятие... Лекарь уже собирался сказать об этом, когда ему показалось, что голосов стало больше.

— Тихо! — крикнул он.

Часть голосов тут же стихли, но никто, кажется, не слышал ничего необычного. Воины, которые стояли неподалеку, с тревогой оглянулись на старика. Но Меркуд только отмахнулся. Голоса, определенно голоса... Недоумение на лицах ратников сменилось ожиданием.

— Сюда идут люди, — предупредил он.

Воины потянулись к мечам, взяли коней под уздцы. Король тоже подозвал своего белого и обнажил клинок, недовольно хмуря брови: он изо всех сил напрягал слух, но слышал лишь привычный шум деревьев и птичий гомон.

— Я слышу только птиц, старик. Зачем ты нас пугаешь?

— Говорю вам, сюда направляется несколько человек, Ваше величество. Я не шучу, — прошипел Меркуд.

— Откуда? Я ничего не слышу, — подал голос Норриш. Его невозмутимый вид мог, как всегда, скрывать любые чувства и мысли.

— Они за деревьями. Поверьте мне.

— Может, это кто-то из «Щита»? — спросил король.

— Нет, Ваше величество, — Норриш покачал головой. — Ваши воины не рискнули бы заходить так глубоко в Лес.

Действительно, все восемь воинов «Щита» уже стояли поблизости и тревожно переглядывались. И тут слева, из густой чащи, появился прайм-офицер Кайрус. Он остановил коня и прищурился от яркого солнечного света. Следом показались еще четверо всадников, связанных, с кляпами во рту. А за ними, к вящему удивлению Меркуда, ехал не кто иной, как Торкин Гинт. На плече у него сидел крупный сокол, из-за чего юноша выглядел довольно забавно.

— Ослепи меня Свет! — выдохнул Меркуд. Его слова потонули в радостных воплях ратников: они тоже не могли поверить своим глазам. Но лекарь и сам не знал, чье появление потрясло его сильнее: Кайруса или Тора... который узнал старика в черном и испытывал весьма сложные чувства.

«Только этого не хватало», — сказал он, мысленно обращаясь к Клуту.

«Ты про Меркуда?» — уточнил сокол.

«Про кого же еще?» — глядя, как Кайрус машет своим воинам, Тор криво улыбнулся.

«А кто остальные?»

«Почем я знаю?»

«Послушай совета, друг мой», — голос Клута стал непривычно серьезным.

«Я весь внимание. Только не тхни: мне надо еще придумать, каким ветром меня сюда занесло».

«Никому не рассказывай обо мне, тем более старику».

Нить оборвалась, сокол нахохлился и замер.

«Не рассказывать? Почему?»

Клут не ответил и слетел с плеча Тора.

Тем временем один из незнакомцев — с коротко стриженной бородкой и одетый богаче остальных — подъехал к Кайрусу и помог ему слезть с коня. Спрыгнув на землю, Тор посмотрел вслед соколу, прежде чем тот скрылся в вершинах деревьев.

«Не покидай меня, Клут!» — прокричал он, устремляя к птице невидимый поток.

«Я буду рядом. Послушайся моего совета. Никто не должен знать, кто я такой».

Тор обернулся и встретился взглядом с лекарем. Меркуд был мрачнее тучи. Напротив, ратники радовались, как дети. Они подходили к своему командиру, смеялись, подставляли кулаки под его кулак — приветствие, которое было в ходу у бойцов «Щита». Они были так счастливы, что даже не задавали вопросов.

— Во имя Света, Кайрус! — воскликнул один, судя по одежде — капитан королевской стражи. — Я уже оплакивал тебя!

Но Кайрус только мотнул головой и попытался опуститься на одно колено перед человеком, который помог ему спешиться.

— Ваше величество...

Тор потерял дар речи. Он по-прежнему чувствовал на себе ледяной взгляд Меркуда, но все-таки отвел глаза — чтобы посмотреть, как Его величество Лорис, король Таллинора, не обращая внимания на протесты, поднимает прайм-офицера.

— Мой король... мне нужно столько вам рассказать...

— Позже, Кайрус. Кто эти люди? — король кивком указал на Горона и его приятелей.

— Это не люди, а ублюдки, государь, — с нескрываемым удовольствием ответил Кайрус. — В ожидании вашего приговора...

Прежде, чем он договорил, Норриш и его воины стащили пленников с лошадей.

— На колени перед Его величеством! — заорал капитан.

Бывшие похитители были так перепуганы, что даже не сопротивлялись. Перед тем, как отправиться в путь, Тор угостил каждого из них снадобьем Корлина, но теперь действие настойки закончилось. До негодаев уже дошло, какая кара их ожидает, и они что-то мямлили, пытаясь оправдаться.

— Уведите их, — приказал Норриш. — Пусть погостят в башне, а потом послушаем их байки.

Все это время Меркуд не произносил ни слова. Тор собрался с духом и снова посмотрел на старика, изобразив на лице что-то вроде смиренной мольбы. Лекарь выдержал паузу.

— У тебя на плече сидела хищная птица — или мне показалось?

— Э-э-э... вы не ошиблись, почтенный.

— Понятно. И как зовут твоего ручного ястреба?

Тор хотел объяснить, что это сокол, но сдержался.

— Клут.

Лицо лекаря перекошилось, словно Тор отвесил ему крепкую оплеуху.

— Ты сказал «Клут»? — похоже, старик был искренне удивлен.

— Да... Он улетел в лес — испугался. Столько народу...

— А кто дал ему имя? — в голосе Меркуда слышалось напряжение.

Странно: с чего это старик так прицепился к имени сокола... Предупреждение Клута Тор не забыл.

— Понимаете... Когда я был маленьким, мама часто пела мне песенку про Клута, который... ну, в общем, в честь него я и назвал птицу.

Оставалось только надеяться, что Меркуд примет это за правду.

Лекарь прищурился и долгим взглядом посмотрел юноше в глаза, затем кивнул.

— Итак, Лорис... прошу прощения, Ваше величество... позвольте представить Торкина Гинта, моего нового ученика. Не сомневаюсь, вы уже поняли, что это он... Торкин, это твой король, — ледяным тоном добавил старик.

— Ваше величество...

Тор низко поклонился, потом вспомнил, как делали остальные, и опустился на одно колено.

— Пламя подземелий! — король развел руками. — Как я понимаю, это не последняя неожиданность на сегодня. Мне уже прожужжали про тебя все уши, юный Гинт. С прайм-офицером вы уже успели подружиться?

— Да, Ваше величество, — ответил за юношу Кайрус. — Если бы не Торкин Гиит, я поливал бы своей кровью траву в Сердце Лесов.

Встань, мальчик. Дай мне на тебя посмотреть. Едва Лорис увидел прайм-офицера, его тревога исчезла, уступив место живому любопытству. К тому же короля всегда забавляло, когда Меркуд начинал волноваться... а сейчас лекарь чувствовал себя слегка неудобно.

— Ну что, Меркуд? Сколько было разговоров... И вот он здесь, жив и здоров.

— Что тут произошло? Как вы оба здесь оказались? Казалось, лекарю не важны ответы: он спрашивал и спрашивал.

— Кай... ой... уважаемый прайм-офицер предложил мне ехать с ним в Тал. Сначала я отказался, но потом передумал, догнал его и... э-э-э... мне пришлось вмешаться...

Тор пытался перебороть смущение. Меркуд не может открыть, что следил за его передвижениями при помощи волшебства — по крайней мере, при этих людях. Но позже учитель потребует с ученика объяснений.

Король застонал:

— Какая разница, Меркуд? Он здесь, прайм-офицер здесь, оба живы...

В этот миг Клут вернулся на плечо Тора. Как будто не мог выбрать более удачного момента!..

— А птица? — тут же спросил лекарь.

— Лучший охотничий сокол во всем Таллиноре, почтенный Меркуд! — вмешался Кайрус. — Мальчик у меня на глазах выиграл ее в хари — мы как раз сидели в «Пустом кубке». Такая удача... Все, кто там сидел, чуть не умерли от зависти. Здорово ты их сделал, Тор!

— Еще бы! — юноша чувствовал себя утопающим, которому неожиданно кинули веревку. — Это было как раз перед отъездом. Самое смешное, я не представлял, что делать с этой птицей... но мы друг другу понравились, — он с нежностью почесал соколу шейку. — Я вообще не знаю, зачем тогда стал играть.

Он уже почувствовал прилив вдохновения и врал с совершенно невозмутимым видом.

— Пить надо было меньше, парень! — Кайрус рассмеялся, а вслед за ним и король. — Но как ты играл! Ох! Это надо было видеть.

— Хари — это очень увлекательно, — сказал Лорис, с наслаждением глядя, как у Меркуда от гнева топорщатся усы. — Но тебе лучше забыть об азартных играх и сосредоточиться на учебе.

— Я так и сделаю, Ваше величество. Обещаю.

— Отлично, — лицо Лориса мгновенно стало строгим. — Как ты себя чувствуешь, Кайрус? Расскажешь мне про свое таинственное исчезновение?

— Конечно, государь. Только давайте присядем.

Кайрус кивнул в сторону ближайшего дуба и первым опустился на толстый корень. Офицеру не понадобилось много времени, чтобы рассказать обо всем, что произошло — начиная с расправы над Клутом на рыночной площади. Тор отметил, что Кайрус был осторожен и не упоминал имен. А когда офицер как бы невзначай бросил, что пропавшего калеку видели у городских ворот, едва передвигающим ноги, юноша преисполнился благодарности.

— Боюсь, он умер, не пройдя и лиги, — смело добавил он.

Остальные кивнули, изображая равнодушие. Клут фыркнул. Но это слышал лишь Тор.

«Здесь должна быть какая-то связь, Нанак!»

Нанак, Хранитель Паладинов, никогда не бросал слов на ветер. Меркуд только что

предположил, что Клут-брокен, Второй Паладин, снова возродился в Хаттене как раз в то время, когда Торкин Гинт — единственный, кто мог быть отмечен печатью Триединства, — прибыл в город. Сам Нанак пока предпочитал не высказываться по этому поводу.

«Я очень хотел бы верить, что Паладины не умирают, Меркуд. Но увы, это не совсем так... Говоришь, сокол?»

«Нанак, подумай! „Клут" — такое имя встречается только у брокенов. И то очень редко. Никому в Таллиноре и в голову не придет называть своего сына Клутом. Значит, детская песенка, которую якобы пела Тору мать — выдумка. Я тоже этого не понимаю, но многое ли в нашей жизни можно объяснить? Ты так высмеивал меня, когда я впервые заикнулся о Кайрусе. Теперь ты видишь, друг мой, что это не совпадение? Этот Клут — Паладин, как и прайм-офицер Кайрус».

Меркуд смолк. Он ждал ответа- возражений, попыток спорить... Но Нанак молчал, и Меркуд продолжал размышлять.

«На самом деле, меня смущает только одно. Когда и почему Клут превратился в эту чудную птицу».

«Почему „чудную"?» — наконец-то отозвался Нанак.

«О... Сам не знаю. Похоже, они с мальчиком общаются. Я бы не стал клясться, но они работают в паре. Правда, подслушать их разговор мне не удалось. Я использовал все уловки, которые знаю, но так ничего и не услышал. Может быть, у меня разыгралось воображение... но, во имя Света! Ты только подумай. Клут и Кайрус вернулись, чтобы стать защитниками Тора... Это еще одно доказательство того, что Тор и есть Тот Самый».

Нанак чувствовал, как сердце забилось чаще. Никому на свете Паладины не были так близки, как ему. И всякий раз, когда приходила весть, что еще один из них пал от чар Орлака, его дух слабел. Совсем недавно он плакал, когда исчез Саллементро. Еще одна смерть, еще одна рана в сердце... Но Нанак держался. Он находил в себе силы, продолжал подбадривать уцелевших и наставлять их.

«Назови мне еще одно имя, Меркуд, и я соглашусь с тобой. И буду счастлив».

«Я узнаю это имя. Ради тебя, Нанак. И ради того, чтобы ты поверил. Колесо поворачивается. Сонм был прав».

«А где остальные? Где Джуно, Саксен, Адонго? Если Клут и Кайрус вернулись, то почему не показываются другие?»

«Не знаю, — пробормотал Меркуд. Он чувствовал, что побит, но не усомнился в своей правоте. — Будем ждать. Если я прав, скоро они дадут о себе знать».

Глава 13

Цирк Зорроса

Шагая рядом со старушкой и ее беспокойным осликом, Элисса напрасно пыталась припомнить, когда чувствовала себя более счастливой. Разумеется, часы, проведенные с Тором, были не в счет.

Поначалу все ее мысли были о нем. Путь из Твиффорда к Мексфорду занял несколько недель. За это время девушка не раз порывалась выпить что-нибудь из ядовитых настоек — которые, несомненно, хранились в сумке Соррели, — и положить конец своим страданиям. Однако лето прошло, наступила осень, и Элисса поняла, что может думать о своем друге без слез. Воспоминания уже не причиняли такую боль, как прежде. Однако молчание Тора по-прежнему приводило ее в бешенство. Она снова и снова отправляла ему зов, но это было все равно, что кричать в пустоту. Похоже, Тор просто закрылся от нее. Когда Элисса осознала это, потрясение было столь велико, что некоторое время у нее не возникало ни малейшего желания повторять попытки.

Правда, лишь ненадолго. Теперь, наугад шаря в вязкой темноте, она поняла: эту преграду создал кто угодно, только не Тор. Слишком не похоже на те невинные проделки, на которые он был мастером. Все, что создавал Тор, говорило об избытке сил, которые некуда

девать — разве что поставить на самом видном месте своего творения размашистую подпись. Но здесь было нечто иное — аккуратно и искусно сработанное. Элиссе не покидало ощущение: она пытается что-то схватить, а оно ловко уворачивается и ускользает. Точно неуловимый запах... Кому так не хочется, чтобы они с Тором слышали друг друга? Элисса подозревала старика, при виде которого Тор стал таким странным. Но откуда этот человек узнал их секрет? И главное — зачем он это делает? Непонятно.

А она сама? Элиссе и в голову не могло прийти, что она когда-нибудь сбежит из Пустошкой Топи с совершенно незнакомой женщиной. Такого рода поступки были ей не свойственны. Снова и снова она вспоминала, как просила старушку взять ее с собой... и понимала, в каком смятении находилась. Да, не будь рядом Соррели, которая отвлекала ее от дурных мыслей, не начни она эту новую жизнь... Что бы с ней стало? С таким отцом, как Лэм Квин, каждый день превращался в сплошные мучения. Тор один давал ей надежду, и без него жизнь теряла всякий смысл. Да, нашлись бы молодые люди, которые быши бы счастливы взять ее в жены. Но она хочет замуж только за Торкина Гинта, и ни за кого другого! Они предназначены друг другу!

Однако стоило Элиссе сделать шаг следом за Соррелью — и мертвый груз прежней жизни упал с плеч и остался где-то позади. Элисса полюбила рассказы старушки, которая, кажется, всю жизнь провела в странствиях. Но еще больше девушке нравилось, когда та учила ее пользоваться травами. У Соррели не было от нее секретов. Элисса узнала, что листья харкотника могут смягчить боль в горле, а если их вскипятить и добавить меду — облегчат кашель. Соком типеня можно склеить края раны или язвы, чтобы она быстрее затянулась. Крапива, мята и одуванчик помогают от бронхита, а масло из коры лимонного дерева, смешанное с лавандовым — самое скорое средство от боли в ушах. Элиссандра полюбила новый мир, который открывала ей Соррель. Ведь она не просто передавала своей подопечной опыт, она взяла ее в это путешествие через все Королевство! До сих пор Элисса не выбиралась дальше Твиффордской Переправы, куда ездила с Тором и его отцом.

Элиссе нравились родители Тора. Строгие, но такие добрые. И так любят сына... да и ее тоже. С ними она была свободней в проявлении чувств, чем с собственным отцом — она конечно, любила его не меньше, чем старших Гинтов. Вот и пойми Тора. Ему так повезло! Его любили. А у нее в жизни не было иной любви, кроме него. Вот почему она цеплялась за эту любовь с такой яростью. Во имя Света! Как он мог ее бросить? Гнев — вот первое, что побудило ее уехать из Пустотной Тспи. Гнев придал ей смелости, иначе разве бы она решилась отправиться неизвестно с кем, неизвестно куда? На самом деле, она отплатила Тору мерой за меру: зная, что он непременно приедет к ней, нарочно не оставила ему записки. Пусть помучается, поломают голову над тем, куда она пропала... Но получилось только хуже. Теперь Тор никогда не узнает, куда она уехала. Впрочем, если бы она сама знала...

Вот какие мысли день за днем крутились в голове у Элиссы, когда она шла рядом с Кетам, на спине которого покачивалась Соррель, опустив руку ослику на холку. Должно быть, это выглядело довольно забавно. Они двигались на северо-запад, все дальше и дальше от столицы.

— Куда мы направляемся? — рассеянно спросила Элисса, пожевывая травинку.

Соррель помедлила с ответом, но тут ее привлекла россыпь мелких голубовато-белых цветочков, которые мелькали среди густой травы под деревьями.

— О, а вот и желестер! Его лепестки — чудесное средство от несварения желудка... Запомни, девочка моя, эти цветочки нечасто увидишь. Собирать их лучше всего в начале осени — так что сейчас самое время.

И она выразительно кивнула. Это означало: «Подсоби мне немного». Элисса остановилась, и Кетай, который мерно и тяжело топал по дорожке, тут же замер, как вкопанный. Ослик беспрекословно слушался девушку; самое большее, что ей требовалось, чтобы чего-нибудь от него добиться — ласковое слово. Такое странное поведение раздражало Соррель. С ней Кетай был настоящим ослом — упрямым и капризным.

Вот вредная скотинка, — ворчала старушка, сгибая натруженную спину и обрывая драгоценные лепестки.

Увлеченные работой, наставница и ученица не разговаривали. Кетай тоже занимался сбором растений, но не проявлял особой разборчивости, а в качестве сумки использовал соотнесенное брюхо. Наконец, когда солнце поднялось и стало жечь кожу, Соррель со стоном поднялась.

— Мы направляемся в Илдагарт, — объявила она. Пожалуй, сейчас можно было немного отдохнуть. Присев на кочку, она наблюдала, как Элисса собирает цветки в небольшой мешочек.

— В Илдагарт? — девушка прихлопнула комара и вытерла со лба пот. — И что там будет?

А она за эти три недели просто расцвела, отметила Соррель. Вот что значит регулярно питаться. Такая была худенькая — кожа да кости, а теперь хоть на женщину стала похожа. Окрепла на свежем воздухе. А кожа у нее какая, просто прелесть! Точно мед, вся светится.

Старушка покачала головой, вспоминая, какой молчуньей была поначалу Элисса. Все жалась к ослику и слова не говорила, пока не спросишь. А теперь? С тех пор, как Соррель хитростью увела девушку из Пустотной Топи, Элисса ожила и порой просто засыпала ее вопросами. И смеяться стала чаще... Конечно, девочка так переживала из-за разлуки с Тором. Время лечит... а если и не лечит, то облегчает страдания. Может быть, ее жизнь просто стала богаче. Сколько дней они идут по дорогам Таллинора, и каждый день приносит что-то новое. В любом случае, девочке полегчало. Вся сияет, только полюбуйся на нее!

А какая умница... Сколько всего Соррель рассказывала ей о травах — и девушка все схватывает на лету. Скоро сможет сама зарабатывать на хлеб. Однако пока в деньгах нужды не было: Меркуд оставил Соррели увесистый кошелек. Правда, об этом старушка Элиссе не рассказала. Каждый раз, когда впереди показывалась какая-нибудь деревенька, Соррель бормотала, что им пора поискать себе работу... а оказавшись на месте, говорила: «потом». Элисса сгорала от нетерпения. До сих пор они только и делали, что собирали травы, но продавать их даже не пытались. Всему свое время, говорила Соррель.

Не стоит привлекать к себе внимание. Но дело было даже не в этом. Ей действительно нужно время, чтобы получше узнать девушку. Кажется, сейчас она начинает раскрываться. Неспешная прогулка, свежий воздух — что может больше располагать к откровенности? А если они осядут в какой-нибудь деревне и начнут работать, это будет совсем другая история.

Тут Соррель вспомнила, что не ответила Элиссе.

— Я сто лет не была на севере, — с нарочитой небрежностью ответила она. Разумеется, это была ложь. — Но места там славные. А недалеко от Илдагарта находится Карембош. Ты слышала про Карембош?

Элиссандра покачала головой, присела рядом с жующим Кетаем и отбросила со лба золотистые локоны. Коса у нее была заплетена свободно и немного растрепалась. Ослик обернулся, ткнул девушку носом, и она шепнула ему что-то успокаивающее.

— Карембош — древний город, — продолжала Соррель. — Знаешь, как его называли? Престол Знаний. Когда-то он процветал, туда съезжались чародеи, ученые, художники, мастера... Их искусство ценили, а учителя передавали его ученикам. Правда, вот уже два столетия Карембош — просто тень прошлого. Однако Академия существует до сих пор. И я хочу, чтобы ты ее увидела.

Кажется, Элиссе это не слишком заинтересовало, и Соррель решила, что может не продолжать. А вот что касается другого разговора... Она представила, что отгорожена от девушки невидимой стеной, и мысленно послала зов.

«Здравствуй, любовь моя, — отозвался у нее в голове спокойный голос. — Как ваше путешествие?»

«Прекрасно, Меркуд. Мы уже подъезжаем к Фрэгглшемскому Долу. Если повезет, к следующему новолунию доберемся до Мексфорда».

Ответом ей был вздох облегчения.

«Хорошие новости. А девочка знает?»

«Нет. Кажется, ее это не интересует. Ты уверен, что поступаешь правильно?»

«Конечно. Он идет. Скоро поговорим».

Прежде, чем Соррель успела ответить, связь оборвалась.

Женщина глубоко вздохнула. Да, порой ей казалось, что она не в состоянии постичь смысл происходящего. Пока же ясно было одно: надо поскорее оказаться в Фрэглшемском Доле — тем более, что им осталось несколько часов пути.

Впрочем, дорога до этого шумного городка заняла куда меньше времени, чем рассчитывала Соррель. По прибытии путешественницы первым делом сняли комнату на постоялом Дворе «Сноп пшеницы».

Но они были не единственными, кто сегодня прибыл в Фрэглшем: за городом пестрели палатки знаменитого Бродячего цирка Зорроса. Рядом уже расставляли скамьи, арену ограждали разноцветными флажками, которые трепетали на легком ветру. Недалеко от северной стены вырос целый лабиринт, где разместились циркачи и их животные, а южнее, недалеко от главных ворот, красовались яркие переносные лотки. Это был настоящий город в городе — десятки странствующих артистов, зрители, владельцы ларьков, которые готовились к вечернему представлению.

Элисса была очарована.

— Я столько слышала про этот цирк... Не могу поверить, что он здесь!

На Соррель подобные вещи впечатления не производили. Куда больше ее волновало другое: они рискуют застрять здесь дольше, чем она рассчитывала. Просто чудо, что в «Снопе пшеницы» нашлась свободная комната... А может быть, и не чудо. Хозяин сказал, что на его постоялом дворе остановился кто-то из приближенных короля.

— Инквизитор Гот, — виновато прошептал он. Кого-кого, а Гота Соррель никогда не боялась. Она могла вести мысленную беседу прямо перед носом у Инквизитора, и он бы ничего не заметил. Тупица! Все, на что он может полагаться в поисках Чувствующих — это на доносы да на свой волшебный камушек. Соррель усмехнулась. Но девочка может испугаться. Не надо быть Чувствующим, чтобы тебя охватил ужас при виде Инквизитора. Нет, рисковать нельзя. Элисса не должна привлекать к себе внимание.

Тем не менее, комнату они сняли. Но, во имя Света! Девочка так рвется на представление... Все мысли у нее только об этой пестрой площадке, чудных людях, которые входят и выходят из шатров, и еще более чудных животных, которые едят или греются на солнышке. Да, чему быть, того не миновать.

— Возможно, мы сходим на представление, — мягко сказала она.

Элисса выглядела так, словно получила в подарок драгоценное украшение. Она прямо светилась от счастья, а в глазах танцевали искорки. Кажется, сильнее радоваться было невозможно... и тут она улыбнулась и с радостным воплем повисла у старушки на шее. А вся цена этому счастью — четыре рояля, подумала Соррель.

Инквизитор Гот был в ярости. Его прекрасный жеребец оступился и потянул сухожилие, когда его отряд, наводя ужас на горожан, легким галопом въезжал в ворота Фрэглшема. Теперь коня пришлось поставить в конюшне. В главной конюшне этого мерзкого задрипанного городишки! И в довершение всех бед, сюда прибыл этот проклятый цирк, сборище блохастых тварей и гнусных нищих, язва на теле Королевства, бродячее бедствие!

Гот в бессильной ярости стукнул кружкой об стол. Подумать только, его люди уже возвращаются в Тал, а ему самому придется еще два дня торчать в этой дыре. Ровно столько будет заживать нога у его жеребца — на другой лошади он, само собой, не поедет. Да, казалось бы, гневом горю не поможешь... Но приятно видеть, как этот жирный трактирщик всякий раз обливается потом. И как вздрагивают служаноч-ки... С ними, возможно, стоит держаться помягче, злорадно подумал Инквизитор, чтобы позже позабавиться с одной из них. Он отметил одну из них, уже не девочку, с пышной грудью, и представил, как она будет взвизгивать, когда он начнет щипать ее за соски. Да, они все сполна заплатят ему за эту

задержку.

Левая сторона лица задергалась сильнее, но Инквизитора это мало беспокоило. Он силен. Это когда-то он был нищим сиротой, у которого за душой ничего, кроме знатного происхождения. Теперь его уважают. Все началось с пожара, уничтожившего дом, где жила его семья. Это было больно. Но пожар избавил его от родителей, которые только зря коптили небо. От вечно пьяного отца, который не пропускал ни одной юбки, и матери, постоянно хнычущей старой развалины. Им повезло: они по уши влезли в долги и скоро должны были предстать перед судом. Они пустили на ветер огромное состояние, скопленное дедом Гота. Великий пожар, который превратил в пепел пол-столицы, просто приблизил неизбежное. Он положил конец их жизни, в которой было много шума и мало толку, и им следовало радоваться смерти, как избавлению. По крайней мере, Готу нравилось так думать.

Сам он, Элмид Гот, тогда совсем маленький мальчик, сильно обгорел, но остался жив. Стараниями знаменитого лекаря Меркуда он встал с постели, которая должна была стать ложем смерти, и вскоре попал на глаза королевской чете. И им стало жаль мальчика с изуродованным лицом, отпрыска славной фамилии.

— О, ты проклинаешь тот день, Найрия, — пробормотал Гот, глядя в свою кружку. — А этот старик, твой древний приживал, готов плевать ядом, едва услышав мое имя. Он хотел бы повернуть время вспять! Тогда бы он не стал биться, чтобы спасти обгоревшего мальчишку, а просто бы прикончил его, не дожидаясь, пока тот сам сдохнет!

Губы Инквизитора скривила отвратительная ухмылка. Он обернулся...

И увидел девушку изумительной красоты. Красавица только что вошла в «Сноп пшеницы» и что-то возбужденно втолковывала старухе, которая следовала за ней.

— Значит, сегодня вечером?

Гот догадался, что речь идет о представлении в цирке.

— Ну сколько можно спрашивать, Элисса! — отозвалась старуха. — Я же обещала.

Гота они не заметили. Инквизитор проследил, как старуха подталкивает девушку к лестнице, и облизнул неровные шершавые губы — еще одно напоминание о пламени, которое превратило его лицо в жуткое месиво. Невредимыми остались лишь глаза — ледяные, синевато-серые, средоточие ненависти ко всем, кто был красив и одарен. Теперь эти глаза следили, как Элисса поднимается по лестнице, а потом ее очаровательную фигурку скрыла темнота коридора.

Вот кем он займется этой ночью. Пора немного развеять скуку.

Элисса отправилась на поиски Соррели.

Девушка еще не успела спуститься по лестнице, когда в животе словно сжался ледяной комок. Она узнала человека, который ждал ее внизу. В Таллиноре был только один человек с таким лицом. Она еще никогда не видела Инквизитора Гота, но слава, что ходила о нем была такой же зловещей, как и его облик. И Элисса не сомневалась: именно этот человек сидит за столом, что преграждает ей путь к входной двери.

Она поймала взгляд холодных прищуренных глаз Инквизитора и почувствовала себя несчастной зверушкой, загнанной в угол. Нет, у Гота нет повода преследовать ее... Она не прибегала к волшебству с тех пор, как уехала из деревни. А может, все-таки... Нет, не может быть. Преодолевая последние ступеньки, Элисса уже знала, что до сих пор он не следил за ней. Тогда почему он так пристально на нее смотрит? Тут Инквизитор улыбнулся, и при виде этого оскала Элисса почувствовала, что ноги у нее приросли к полу. Готу такое нравилось. Да, воистину, тот пожар был подарком судьбы. Если уже сейчас девчонка так напугана — можно представить, как посереют ее прелестные щечки, как она задрожит, когда он к ней прикоснется. Она очаровательна. А как блестят волосы... Под этим поношенным тряпьем скрывается хрупкое тело, которое вот-вот станет женским. Да, несомненно, она девственница. Гот почувствовал, как по телу пробегает сладкая дрожь. Это будет просто восхитительно.

Предвкушая удовольствие, он облизнул свои искореженные губы, и Элисса попятилась.

— Э-э-э... вы что-то... хотели, сударь? — пробормотала она, оглядываясь вокруг. Бесплезно: хозяйина постоянного двора нигде не было. В приоткрытую дверь она видела Соррель — старушка стояла на улице и с кем-то увлеченно разговаривала, но до нее была добрая лига. Ухмылка Гота стала шире.

— Несомненно, моя дорогая. Вначале потрогать то, что у тебя между ног, а потом, возможно — твои коленки.

Голос у него был как патока.

Элиссе показалось, что язык присох к нёбу, а во рту появился привкус желчи. Она в ловушке... Точно замороженная, она смотрела, как Гот встает со стула, сбрасывает плащ и отстегивает перевязь с ножнами.

«Куда все подевались?»

Инквизитор уже шел к ней. Он был невысок, но крепко сложен, в глазах горела злоба. Одна щека сильно подергивалась, и с каждым подергиванием выражение его лица словно стиралось.

Элисса даже не могла кричать. Она сделала единственное на что была способна. Она разбила невидимую стену, которую воздвигла вокруг себя, неловко дернула головой и, разом открывшись для всех, кто мог слышать, беззвучно завопила.

Ее судорожные движения позабавили Гота. Он крепко сжал хрупкое предплечье девушки и уже представил, как его пальцы вминаются в нежную плоть, точно клещи... Но в этот миг дверь распахнулась, и Инквизитора охватила ярость: в трактир, ковыляя, вбежала старуха, которую он видел с девушкой.

— Ох, Элисса!

Готу было безразлично, какие слухи о нем распускают — пока все обходилось без свидетелей. Но совсем другое дело, если какая-нибудь деревенская карга пожалуется на него королю. Инквизитор выпустил свою жертву. Он заметил, с какой ненавистью смотрит на него старая карга. Такие взгляды были ему не в новинку. Однако тут было что-то еще... хотелось бы знать, что именно.

— Что вас так беспокоило, сударыня?

На самом деле, он был вне себя от злости. Только что этот потный скот трактирщик стал обладателем тугого кошелька и должен сидеть спокойно и не высовываться, пока девушка не окажется в комнате у Инквизитора. Более того: деньги получил каждый из работников — вместе с наказом задержать старуху на улице.

Соррель тяжело переводила дух — не столько от бега, сколько от смятения, в которое поверг ее вопль Элисандры, раздавшийся у нее в голове. Однако сейчас не время для чувств.

— А, вот ты где, моя девочка, — она заставила себя глубоко вдохнуть и выдохнуть, чтобы не выдать волнения, а заодно и в самом деле успокоиться. — Что ты так долго собиралась?

— Она подвернула ногу на лестнице, сударыня, — ответил за девушку Гот, — и я помог ей встать.

Соррель заметила, что Элиссе бьет дрожь.

— О, как мило с вашей стороны, почтенный Инквизитор... Вы ведь Инквизитор Гот, верно? — она мило улыбнулась, хотя готова была разорвать это чудовище на части. — Моя внучка такая неловкая. Хорошенькая, но может о хлебную крошку споткнуться... Спасибо за вашу доброту, сударь.

Трактир заполнялся постояльцами. Момент был упущен. Ничего, он что-нибудь придумает. И заполучит эту девчонку.

— Не стоит благодарности, — отрезал Инквизитор, не оглядываясь, шагнул к столу, подхватил плащ, перевязь и вышел на улицу.

Едва дверь закрылась, по трактиру пронесся вздох облегчения.

— Откуда ты узнала? — Элисса наконец-то обрела дар речи.

— Что я узнала, моя девочка?

— Что мне нужна помощь. Он... собирался... — девушка с трудом сдерживала рыдания.

— Тише, Элисса, — мягко проговорила Соррель. — Не здесь. Давай выйдем... снаружи будет безопаснее.

Они шли через город, не произнося ни слова. Потрясение было слишком велико. То и дело их обгоняли горожане, которые спешили на представление, вокруг звучали радостные голоса и смех... Но наставнице и ученице было не до веселья. Происшествие на постоялом дворе оставило нехороший осадок. Лучшее, что можно сделать в таких случаях — это поболтать обо всяких пустяках... Вот только с чего начать?

Перед входом в цирк Элисса остановилась и нахмурилась.

— Ты мне так и не ответила. Как ты узнала, что меня нужно спасти от... этого чудовища? И почему он ничего не понял? Ну... что я мысленно звала на помощь? Почему меня еще не заклеямили?

Осторожно, Соррель.

— Мы непременно поговорим об этом, Элисса. Но не сейчас. На нас смотрят люди, а такие разговоры лучше вести без свидетелей.

«Ну, тогда... поговорим так, чтобы никто не слышал», — мысленно ответила Элисса. Глаза девушки горели гневом. Соррель вздрогнула и отступила на шаг. Ощущение было такое, словно девушка незаметно подкралась к ней и крикнула прямо в ухо.

Молчание стало неловким. Женщины подошли к пустой скамейке в тени знаменитых Фрэггльшемских вязов и сели. Впрочем, появление соседей вряд ли смутило бы их: даже самые чуткие уши не уловили бы ни слова.

«А ты давно знаешь?» — спросила Элисса.

Пожалуй, не стоит укрощать ее гнев. Лучше пусть даст ему выход.

«Давно. С самого начала».

«Тогда зачем все эти тайны?»

«Ну... поначалу я испугалась», — солгала Соррель.

«Чего?» — Элисса даже не пыталась скрывать негодование.

«Я испугалась, что снова встретила человека, способного творить волшебство. В своей жизни я несколько раз сталкивалась с Чувствующими, но старалась держаться от них подальше. Стоит кому-то из нас открыть свои способности, и ему не жить — по крайней мере, пока жив Гот. Нам лучше оставаться неузнанными. Но ты не такая, как остальные. Ты... да, ты что-то затронула во мне. Возможно, я подумала, что ты похожа на мою дочь, которой у меня никогда не было. Я почувствовала твою боль, поняла, что всю жизнь ты только и делала, что прятала свою силу. Я почувствовала, насколько тебе нужна любовь».

Соррель провела кончиками пальцев по ее щеке.

«В тот день, когда я остановилась у твоего дома, ты выглядела такой одинокой и беспомощной, что у меня растаяло сердце. Я тогда подумала: вот ребенок, которому я могу помочь».

Она смолкла и снова положила руку на колени, ненавидя себя за ту легкость, с которой ей давалась ложь. Элисса не сдерживала слез.

«А почему ты зашла в мой дом?»

«Кто-то в вашей деревне говорил, что ты знаешь травы. А у меня как раз заканчивались запасы, и я подумала, что ты сможешь мне помочь».

И она всему верит! Ох, Соррель, будь ты неладна...

Элисса шмыгнула носом.

«И теперь нам надо попасть в эту... Академию потому, что мы Чувствующие?»

А, значит, все-таки слушала... Ты моя умница.

«Мы отправляемся туда, чтобы защитить тебя, девочка. У тебя великий дар. Насколько я понимаю, ты не пользовалась им до сегодняшнего дня. Удивительно, почему этот мясник Гот нас не слышал. Надо быть осторожнее. В Академии мы на какое-то время окажемся в безопасности, и ты обрешь мир, которого так жаждешь».

Элисса посмотрела на цветные флажки, потом на жителей фрэгглшема, которые занимали места вокруг арены. «Почему ты заботишься обо мне, Соррель?» В ее голосе больше не было гнева. Соррель замялась, затем глубоко вдохнула.

«Потому что когда-то у меня был сын. Я говорю с тобой о нем в первый и последний раз. Он оказался Чувствующим. Сильным, одаренным. И его клеймили, когда он был еще мальчиком. У меня был сын, которого я обожала, муж, которого я любила, жизнь, полная счастья. Все это у меня отняли. Теперь я скитаюсь по Таллшюру, точно бродяжка, предлагаю людям средства от болезней, но никогда не вмешиваюсь в их жизнь. Может быть, перед смертью мне удастся забыть горечь утрат и открыть кому-то сердце. Может быть, Элисса, нас свели боги».

Девушка почувствовала, как озноб пробежал по коже. Почему-то ей вспомнилось, как говорил отец, когда ему случалось неожиданно вздрогнуть: «Боги пошлись по чьей-то могиле». Сейчас, слушая слова женщины, она поняла, почему он так говорил. Элисса повернулась к Соррели, сжала ее руки и нежно поцеловала старушку в щеку:

«Спасибо, Соррель».

Соррель улыбнулась, ее пронизательный взгляд стал мягче.

«А теперь идем в цирк, девочка моя. Иначе мы сейчас обе расчувствуемся и начнем лить слезы. Мы только что победили Гота — мало кто может таким похвастаться... если такие люди вообще есть. Это стоит отпраздновать!»

Словно в ответ на ее слова взвыли знаменитые рожки, сзывая зрителей на представление. Женщины рассмеялись, подхватили юбки и вприпрыжку побежали к главному шатру.

Чтобы попасть на арену, нужно было раздвинуть занавес- наподобие тех, которые вывешивают перед выступлением комедианты, но куда более аляповатый и тяжелый. Внутри яблоку было негде упасть, и лишь чудом ученица и наставница нашли пару свободных мест. Скамейки оказались жесткими, и Соррель молча бранилась, пытаясь устроиться поудобнее. Что же до Элиссы, то она просто не обращала внимания на подобные мелочи.

Соррель давно чувствовала, насколько сильна ее ученица, теперь оказалось, что этот выродок Гот не способен почувствовать, когда Элисса пользуется волшебством. Значит, все правильно. Соррель не раздумывая выполняла приказы Меркуда, который устроил охоту за этими одаренными детьми, и порой это пугало ее саму. В глубине души она презирала себя за то, что обращается с девушкой, точно кукольник с марионеткой. Меркуд ведет с юным писарем еще более тонкую игру. Однако Соррель помнила о цели, ради которой все затевалось. Цель, по сравнению с которой человеческая жизнь ничего не стоит — даже жизни их всех, вместе взятых. И как можно не доверять Меркуду? Они оба слишком много вынесли, чтобы добиться того, чего добились. Того, чему Меркуд отдает всего себя. Возможно, в его кропотливо выстроенных замыслах слишком много жестокости и расчета. Это вообще жестоко — «завладеть» двумя людьми, сделать их своей собственностью... Но что бы ни делал Меркуд, это служит лишь одной цели: найти Того Самого.

Элисса — тоже часть этого замысла. Очень важная. Но какое место ей отводится? Соррель уже поняла: чтобы это выяснить, придется запастись терпением. В чем она не сомневалась — так это в том, что скоро ее ученица станет настоящей красавицей. И, несомненно, красота девушки тоже сыграет свою роль... когда придет время. Но в чем заключается эта роль и когда время придет, опять-таки, пока знает лишь Меркуд... если знает.

Ее размышления прервала странная тишина. Рожки смолкли, светильники погасли — лишь несколько из них, расположенных на удалении друг от друга, сочились тусклым светом. Под огромным полотняным куполом воцарился полумрак. Потом где-то заиграла музыка — неблагозвучная, как бывает всегда, когда представление только началось и музыканты еще не в ударе. И тут на арену выкатилась целая толпа причудливо одетых карликов. Они носились по сцене, то и дело спотыкаясь и падая, крутились волчком, перебрасывались всевозможными предметами, такими же нелепыми, как они сами.

Некоторые начали танцевать, но чем старательнее они исполняли па, тем более потешно выглядели — не говоря о том, что им не удавалось даже двигаться слаженно.

И вдруг вся эта пестрая компания устремилась за ограждения. Карлики шныряли между рядами, вырывали из рук зазевавшихся зрителей пирожки и яблоки, сбивали с них шляпы, садились на колени к почтенным матерям семейства. Взрослые ахали, дети визжали.

Все закончилось также неожиданно, как началось. Светильники разом погасли. Потом в кромешной темноте загорелась свеча, осветив размалеванную физиономию одного из карликов, расплывшуюся в торжествующей улыбке. Над ней вспыхнула еще одна — карлик, чье лицо она освещала, стоял на плечах первого. Потом еще одна, еще... Десять свечей, десять лиц, которые словно висели в темноте, кривясь в гримасах — но может быть, это ветер колебал пламя, превращая их в гротескные маски. Этот простой, но впечатляющий трюк сорвал бурю аплодисментов.

Неожиданно зрители увидели, что каждый из карликов поднес к губам толстый пальчик, призывая к молчанию. Тишина — и тут разом вспыхнули шесть факелов, осветив самого высокого человека в Королевстве. Со своих ходулей, на которых он балансировал с невероятной ловкостью, он смотрел на пирамиду карликов сверху вниз.

— Добро пожаловать, добрые люди! — загремел он, расхаживая по арене. — Добро пожаловать, жители Фрэгллшема. Спасибо, что пришли на наше представление!

Зоррос — а это был он — выдержал паузу, позволив зрителям выразить свое восхищение, а потом, размахивая руками, начал рассказывать, какие дивные дива предстоит увидеть этим вечером почтеннейшей публике.

А публике предстояло увидеть бранго — болезненно робких обитателей пещер, которых приручили и обучили изысканным танцам. Страшных рогатых джуббасов с севера, на спинах которых будут ездить женщины. Гимнастов, настолько гибких, что они способны принимать самые невероятные позы. И силачей, в одиночку поднимающих тяжести, которые пятерым не оторвать от земли.

Но это было еще не все. Вскоре зрители аплодировали женщине, от крика которой разбивалось стекло. С ужасом следили, как двое мужчин с завязанными глазами, стоя на вращающемся колесе, бросали ножи в третьего, и лезвия вонзались в доску рядом с ним, не причиняя ему ни малейшего вреда. Но больше всего восторгов заслужил глотатель змей — молоденький парнишка, который позволял своей питомице полностью заползать себе в глотку.

Зоррос появился лишь под конец, чтобы объявить номер, которым слышали многие — и именно ради этого номера пришли на представление.

«Летающие Фоксы» — акробаты и воздушные гимнасты — действительно были семьей. Младшей артистке, худенькой девочке, было от силы лет пять, а старшим и главным в труппе был Саксен, мужчина изумительной красоты — судя по всему, отец семейства.

Странно, но стоило Саксену посмотреть в зал — и Элиссе начинало казаться, что он смотрит прямо на нее... вернее, в нее. В это время он грациозно бежал по натянутому канату, двое детей сидели у него на плечах, а малыш — прямо на голове. Саксен был любимцем публики. «Великолепный» — а как его иначе назвать? Золотые волосы до плеч, кожа натерта маслом, чтобы подчеркнуть мощную мускулатуру. Черные штаны до колен с золотым поясом и мягкие золотистые сапожки до щиколотки — казалось, он носит их лишь из необходимости прикрыть наготу.

Трюки «Летающих Фоксов» становились все более опасными, гимнасты поднимались все выше под купол. Каждый раз, когда кто-то из них пролетал над ареной, у Элиссе перехватывало дыхание. Но она знала, что Саксен не даст упасть никому из своих подопечных. В нем было столько спокойствия, столько уверенности... И в самом деле, ему ни разу не случилось промахнуться. Вместе с ним успокоилась и Элисса. Теперь циркачи напоминали ей ангелов в сверкающих одеждах, с развевающимися золотыми волосами.

Музыка стала тревожной. Один за другим старшие Фоксы поднимались под самый купол, на маленькую площадку, едва не касаясь головой полотна. Тишина — и под

барабанную дробь Саксен встал на трапецию, оттолкнулся и полетел над ареной. Он мчался, кувыркаясь самым немыслимым образом — и вдруг подхватил одного из братьев-акробатов, который по широкой дуге летел ему навстречу. Но зрители уже начинали понимать, что еще не видели настоящего «смертельного» номера. А гимнасты носились над ареной все быстрее, их кувырки становились все более рискованными. Наконец все трое собрались под куполом, и на арену снова вышел Зоррос.

— А теперь мы приглашаем кого-нибудь из почтенной публики полетать вместе с Фоксами!

В воздух тут же взметнулся лес рук. Кое-кто махал артистам, пытаясь привлечь их внимание, а заботливые родители старались, чтобы чадам это не удалось.

— Думаю, нам стоит предоставить уважаемому Саксену самому сделать выбор — не так ли? — спросил Зоррос.

— Мне так хочется, чтобы он выбрал меня, Соррель! — крикнула Элисса. Забыв обо всем, она вскочила, размахивая обеими руками — вокруг было слишком много желающих покататься на трапеции.

— Прошу тебя, девочка моя, сядь на место. Поверь: это последнее, что нам нужно. Еще одно потрясение — и у меня просто сердце не выдержит.

Но Саксен, грациозный и сильный, уже спускался, а его жена — Элисса почему-то решила, что это именно жена — раскачивала трапецию все сильнее и сильнее. С каждым разом дуга, по которой он пролетал над ареной, становилась все шире, веревка удлинялась... И вот золотоволосый красавец летит прямо над головами зрителей, чудом не задевая полотняные стены шатра.

— Выбирай! — скомандовал Зоррос.

— Вы-би-рай! — хором подхватила публика — Вы-би-рай! Вы-би-рай!

Элисса тоже кричала, подталкивала локтем Соррель, призывая ее присоединиться, и притопывала, стуча каблуками по деревянному настилу.

Саксен Фокс кружил над ареной, не обращая внимания на шум. Его помощница поколдовала с веревками, трапеция перестала вращаться, зато Саксен только что не сбивал шляпы с голов горожан. Казалось, ему не остановиться — иначе он упадет и разобьется. И тут, пролетая над толпой, он схватил Элиссу за руку и легко поднял ее на трапецию. Девушка знала, что Соррель что-то кричит ей вслед, но не слышала крика.

— Он выбрал! — завопил Зоррос, и публика восхищенно взревела.

Элисса оглянулась и чуть не подавилась.

«Не смотри вниз. Смотри вперед. Ну... или, по крайней мере, на меня».

Голос звучал у нее в голове. Спокойный мужской голос.

Она повернулась и посмотрела на своего прекрасного похитителя. Глаза у него были почти фиолетовые, на губах играла улыбка. Неужели это он обращался к ней?

«И не бойся».

Они поднимались под самый купол. Высота сбивала с толку, не давая оценить расстояние, к тому же Саксен забросил Элиссу к себе на спину, точно мешок с мукой. Должно быть, она ошиблась. Это был не его голос. Просто она взбудоражена, вот ей и почудилось.

Тут Саксен сбросил ее на площадку, где уже стояло двое рослых юнцов, и полетел к дальней платформе.

«Дозерься мне!» — прогремело у нее в ушах.

Значит, это не ошибка. Саксен и в самом деле может общаться с ней мысленно. Во имя Света! На постоялом дворе, до которой рукой подать, сидит Гот... А этот сумасшедший пользуется волшебством!

Тут она качнулась, и Орис — один из красавцев, тот, что постарше, — удержал ее за локоть:

— Не смотри вниз!

— Он тебя не уронит, — подхватил Милт — у него была такая же обезоруживающая

улыбка, как и у его отца. — Просто успокойся и предвкушай аплодисменты.

Элисса охватил страх.

— Вы что, с ума посходили?

Юноши рассмеялись. «В точности как их папаша», — подумала Элисса.

— Мы делаем это в каждом городе. Всегда находится какая-нибудь дурочка вроде тебя, которой хочется полетать. Просто не бойся, и он... — Орис ткнул пальцем в сторону Саксена, который висел чуть ниже и крутился, как сумасшедший, — ...тебя поймает.

— Поймает? — пискнула девушка. — Вы что, собираетесь меня бросать?!

— А ты что думала? — хором откликнулись юноши, и сильные руки сжали ее запястья: один держал ее за правую руку, другой — за левую.

Элисса протестуя закричала. Внизу публика эхом подхватила ее вопль, но голоса тут же заглушила барабанная дробь. Девушка почувствовала запах горящих свечей и чадящих светильников. Теперь она висела на руках, юноши крепко держали ее, чтобы заставить качнуться точно в нужный момент.

— Приготовься! — крикнул Милт, и в его голосе ей послышалось злорадство.

«Давай, Элисса, — нежно зашептал у нее в голове голос Саксена. — Верь мне. Меня послали защищать тебя». Что он имеет в виду?

Прежде, чем она успела найти ответ, Орис и Милт резко дернули ее вверх, заставив качнуться, и отпустили. Визжа и беспомощно кувыркаясь в воздухе, Элисса приготовилась к верной смерти.

— То-о-ор! — истошно заорала она, уже не понимая, мысленно кричит или вслух — потому что ее вопль потонул в криках толпы. Сильные руки поймали ее на лету. Зажмурившись, Элисса прижималась к Саксену, и оба они раскачивались взад и вперед.

Кажется, он висел, зацепившись согнутыми ногами за перекладину. Получается, она тоже висит вниз головой? Однако стоило взглянуть в глаза человеку, который держал ее, весь страх ушел.

«Кто ты?» — мысленно спросила она.

«Тот, кто принадлежит тебе, — загадочно ответил он. — Принимайте аплодисменты, моя госпожа».

Потом Элисса почувствовала, как ее ноги коснулись земли, и посмотрела вверх. Саксен уносился обратно под купол, все так же вися вниз головой — только теперь цеплялся за трапецию лишь согнутыми ступнями.

«Реверанс для публики», — напомнил он.

Публика словно сошла с ума. Даже Соррель вскочила и хлопала в ладоши. Элисса сделала реверанс, огляделась...

... И ей показалось, что она видит только одно лицо — жуткое, изуродованное лицо Гота, который сидел в зале мрачнее тучи. Он поймал ее взгляд, и между тонких губ мелькнул кончик языка. Элисса почувствовала, как по спине стекает струйка ледяного пота. Восторг прошел, холодная пятерня страха вошла в нее и стиснула внутренности.

«Соррель! — мысленно крикнула она, зная, что Инквизитор ее не услышит. — Гот здесь!»

Она заметила, как старушка сделала над собой усилие, чтобы не смотреть по сторонам.

«Хорошо, что ты его заметила. Надо будет затеряться в толпе. А пока возвращайся на свое место и делай вид, что ничего не случилось».

Элисса кивнула и снова посмотрела на Фоксов, которые раскланивались направо и налево. Девушка встретила глазами с Саксеном, красавец акробат подмигнул, и она почувствовала, что краснеет. Смущение было так велико, что Элисса не обратила внимания на троих людей, которые пробрались в шатер и устроились за спиной у Соррели. Они наблюдали за Элиссой, а не за тем, что происходило на арене.

— Давай уйдем прямо сейчас, — шепнула девушка, садясь на скамейку.

— Как только окажемся за шторой, набрось это, — отозвалась Соррель, передавая Элиссе большую шаль грязновато-коричневого цвета. — Постарайся, чтобы платья не было

видно. А этим закрой волосы, — она сунула Элиссе шляпу и широкий кожаный ремешок.

— Где ты все это прятала?

— В своей волшебной сумке, — Соррель похлопала по выдавшей виды матерчатой котомке, с которой не расставалась. — А теперь идем.

Убрав волосы под шляпу и закутавшись в шаль, Элисса почувствовала что-то вроде облегчения. Ее платье цвета одуванчиков действительно слишком бросалось в глаза. Какое-то время она еще высматривала в толпе жуткое лицо Гота, но потом позволила себе немного успокоиться и даже перекинулась парой слов с соседями, которые обсуждали представление.

Похоже, гроза миновала, подумала Соррель. Они в толпе, их трудно узнать... И тут прямо у нее за спиной кто-то завопил:

— Пожар!

У травницы оборвалось сердце. Обернувшись, она увидела, как пламя лижет полотно шагах в десяти от нее. Крик подхватила добрая сотня голосов, люди в ужасе заметались и бросились кто куда, сбивая друг друга с ног. Южный выход уже полыхал. Элиссу толкнули, ее пальцы выскользнули из руки Соррели, и девушка исчезла в толпе.

«Возвращайся на постоянный двор!» — вот и все, что успела крикнуть ей Соррель. Паника передалась и ей. Кажется, Элиссу понесло прочь от города... Люди вокруг думали только о спасении. Пламя стремительно ползло к куполу, где-то недалеко истошно ревели охваченные ужасом животные. Потом Соррель увидела, как какую-то крошечную девочку сбили с ног, попыталась ее поднять, но сама упала, когда их обеих толкнули еще раз. Потом наступили на нее...

«Да хранит тебя Свет, Элисса».

Это было последнее, о чем Соррель успела подумать. Что-то ударило ее по голове, и она провалилась во мрак.

Медленно, словно ощупью, Соррель выбиралась из небытия.

Некоторое время она оглядывалась по сторонам, пытаясь понять, куда попала. Чье-то лицо склонилось над ней, во взгляде была тревога. Соррели потребовалась пара мгновений, чтобы узнать Саксена Фокса.

— Добро пожаловать назад, — мягко произнес он. От улыбки, которая сияла на его лице, не осталось и следа. Женщина быстро села — насколько позволяли старые кости, — и поморщилась от боли.

— Успокойтесь, сударыня. Меня зовут Саксен Фокс, я из цирка Зорроса... Вернее, того, что от него осталось.

— Я знаю, — прохрипела Соррель. — Где моя внучка?

— Я надеялся, что вы мне это скажете. Соррель осторожно покачала головой.

— Мы потеряли друг друга, когда толпа начала разбегаться. Что случилось?

Циркач вздохнул.

— Думаете, я знаю? Только что мы закончили представление и раскланивались, а в следующий миг шатер уже полыхал.

И он то ли пожал, то ли передернул плечами. Этот жест был принят лишь у одного народа королевства. Высокий рост, золотые волосы, фиолетовые глаза... А выговор, выдающий провинциала, развеял последние сомнения.

— Вы из клуков, — сказала она, и на лице акробата появилось выражение оскорбленной гордости.

— Конечно! Где вы еще видели столь красивый народ? Шутка получилась неважной. Саксену было явно не до веселья.

— Вообще-то, у нас не осталось почти ничего. Больше половины зверей погибло. От главного шатра — один пепел... Хорошо, хоть повозки уцелели. Маленькая милость богов... Да, и еще мы потеряли шестерых человек.

Он замолчал, когда Грета — одна из участниц представления — принесла поднос с

чашками.

— Вот, выпейте это,- в голосе женщины слышалось раздражение. Но чего ожидать в подобных обстоятельствах?

— Что это? — спросила она, взяв чашку.

— То, что вас успокоит, — бросила Грета и, резко развернувшись, ушла.

Соррель огляделась. Вокруг, прямо на земле, сидели и лежали люди. Некоторые пребывали в глубоком обмороке, другие казались оглушенными. Потом она заметила мертвого бранго — его некогда прекрасное тело обгорело и было изуродовано до неузнаваемости. Вспомнив про чашку, Соррель сделала глоток и узнала вкус. А Грета разбирается в травах. Именно такими она бы воспользовалась сама. Снадобье должно помочь.

— Это ваша жена? — спросила она. Саксен хрипло рассмеялся.

— Нет. Жена моего покойного брата.

— Она знает толк в травах, — Соррель наконец-то смогла сесть прямо. — Но мне пора. Я должна найти Элиссу.

— Я вам помогу, — твердо заявил он.

— Зачем? Здесь у вас такое творится... Кажется, вам есть чем заняться.

Она пристально посмотрела на Саксена. Что ему за дело до Элиссы, интересно знать?

— Элисса — очень красивая девушка... и хорошо летает. В его голосе не было ни фальши, ни лицемерия — во всяком случае, ничего похожего Соррель не заметила.

— Какое-то время от меня тут все равно толку не будет. По крайней мере, позвольте мне проводить вас до дома.

— Мы здесь не живем, уважаемый Фокс. Мы — странствующие травницы. Но если так хотите, можете проводить меня к «Снопу пшеницы». Я буду вам весьма признательна.

Голова у нее просто раскалывалась.

— Я предпочитаю, чтобы меня звали Саксеном, — отозвался клук, помогая ей подняться.

На постоялом дворе творилось нечто невообразимое. Люди бесцельно носились взад и вперед. Ясно было, что Фрэггльшем не скоро оправится от потрясения: помимо шестерых циркачей, в огне погибли девять жителей города. Элиссы на постоялом дворе не оказалось, никто ее не видел, а чаще всего люди даже не представляли, о ком идет речь.

Соррель отметила, что Гота тоже нигде не видно. Это, пожалуй, было самое скверное. Она мысленно окликнула Элиссу, но та не отозвалась. Впрочем, Соррель почти не удивилась — большинство Чувствующих могли «протягивать нить» мысленной связи, лишь находясь недалеко друг от друга. Правда, к Соррели и Меркуду это не относилось, но они были исключением из правил — как и во многом другом. Соррель никогда не слышала, чтобы кто-то еще обладал такими возможностями.

Значит, придется довериться этому трюкачу.

— Ты знаешь Инквизитора Гота, Саксен?- спросила она, отводя клука в сторонку.

— Еще бы, — он сплюнул сквозь два пальца — еще одна привычка, свойственная клукам.

— Он в городе. И проявляет к Элиссе чрезмерный интерес. Сегодня днем он умудрился... э-э-э... скажем так, поставить ее в неловкое положение.

Фиолетовые глаза Саксена вспыхнули, открыв Соррели нечто большее, чем он хотел открыть. Похоже, дело не просто в желании помочь незнакомой женщине найти внучку.

— Вы думаете, она у него? Соррель пожала плечами.

— Не исключено.

Она не допускала мысли, что Элисса погибла, затоптанная испуганной толпой. Нет, эта мысль у нее пару раз появлялась... Но где тогда тело? Пока Элисса, живая или мертвая, не найдена, надо надеяться на лучшее.

— Значит, я найду Гота,- Саксен качнул головой.- Оставайтесь здесь, сударыня. Я моложе вас и двигаюсь быстрее.

— Найди ее! — хрипло воскликнула Соррель. Снадобье начало оказывать действие, голова стала легкой и словно наполнилась туманом. — Ты должен ее защитить...

Она не услышала, как Саксен пробормотал себе под нос:

— Именно за этим меня и послали.

Когда толпа бросилась врассыпную и Элиссу оттащили от Соррели, девушка поняла, что сопротивляться потоку бес-мысленно. Куда легче бежать туда же, куда бегут все остальные. Она все еще не могла прийти в себя. Прямо у нее на глазах пламя пожрало шатер, где она только что сидела. Элисса слышала, как Соррель призывает ее вернуться на постоянный двор. Но сейчас из этого ничего не выйдет. Сначала придется бежать в поля, окружающие Фрэглшем, и только потом возвращаться в город.

Скоро люди начали двигаться медленнее, потом перешли на шаг. Они не вполне оправились от пережитого, но кое-кто уже осознал, в какую сторону идти.

В этот момент сзади зацокали копыта. Четверо незнакомцев, которые всю дорогу не отставали от ЭлиССы, отступили к обочине. Девушка услышала, как всадник поравнялся с ней.

— Она?

Элисса нахмурилась. О чем идет речь? Она успела лишь услышать, как кто-то шагнул к ней за спину — похоже, этот человек шел за ней уже давно. Сильные мужские руки стиснули и больно заломили ей локти, а другие, женские, спутали ее запястья веревкой. Элисса закричала и попыталась вырваться, но на ее крики никто не обращал внимания.

— А деньги? — спросил мужчина, обращаясь к всаднику. Кошелек с монетами звякнул; незнакомец поймал его на лету, развернул ЭлиССу лицом к себе и хмыкнул.

— Желаю приятно провести ночь, — с вежливостью сказал он, и вокруг послышался смех. В надежде на сочувствие Элисса метнулась к женщине: с ней она разговаривала совсем недавно, незадолго до того, как начался пожар.

— Помогите...

— Ей нужна помощь, Фил, — ухмыльнулась женщина. Ее напарник кивнул, подхватил ЭлиССу за талию и усадил на лошадь за спину всаднику. Тот огрел лошадь плетью, и она галопом понеслась через поле... Но не к Фрэглшему, а в другую сторону, туда, где во тьме мелькали огоньки крестьянских домиков.

Внезапно на ЭлиССу снизошло озарение. Она знала, кто ждет ее в конце этого пути. Инквизитор Гот.

— Добро пожаловать, моя дорогая... Спасибо, Дрелл. От звука его голоса Элиссе стало дурно.

Дрелл — всадник, что привез ЭлиССу — поклонился и вышел из комнаты. Вскоре стук копыт его лошади растаял вдали... а вместе с ним и единственная надежда на спасение. Элисса ощущала, как ледяные щупальца отчаяния облепляют ее, но не стала бороться. Скоро это чувство перерастет в ненависть — ненависть к этому выродку, который потягивает вино и размышляет, каким пыткам ее подвергнуть, чтобы получить больше удовольствия.

Интересно, он в самом деле смакует вино? Или стянутые рубцами губы не позволяют ему пить большими глотками?

— Выпей со мной, — от его ухмылки становилось жутко, — У нас впереди долгая ночь. Почему бы не насладиться ей сполна?

— А для тебя нет иного способа насладиться женщиной, Гот? — Элисса с радостью обнаружила, что у нее хватает силы говорить, и голос не дрожит. — Только когда она связана, а ты берешь ее силой?

Она сама не ожидала, что почувствует себя насколько сильной. Презрение переполняло ее, сочилось из всех пор ее кожи.

— Ты жалкий трусливый ублюдок. Давай, начинай! Только потом убей меня, иначе я сама убью тебя за то, что ты сотворил.

Она увидела, как по страшному лицу Инквизитора словно прошла рябь, а глаза

превратились в черные точки. Гот ничего не понимал. Все должно быть совсем иначе. Обычно девушки заливались слезами, умоляли, потом пытались угодить ему, надеясь облегчить свою участь. Это только распаляло его, заставляя придумывать новые жестокости. Больше всего он любил видеть ужас на их лицах. И не выносил, когда что-то грозило испортить ему удовольствие. А эта наглая девка этого и добивается. О да, он сделает именно так, как она говорит. Изнасилует ее, а затем убьет... но сначала будет пытаться — долго, с наслаждением, чтобы вдоволь полюбоваться болью в ее глазах. А потом найдет бабушку, которая сейчас, скорее всего, бежит по пожару в надежде найти любимую внучку.

Затея с поджогом цирка удалась на славу. Гот любил огонь. Это был просто порыв вдохновения. Он разом получил девчонку и разорил этих балаганщиков, которых так ненавидел. Если бы он мог вовсе перебить их по одному, как бешеных тварей! Но увы, бродяг-циркачей защищают эти дурацкие древние законы, которые давно пора отменить.

Гот поймал себя на том, что слишком медлит. Девчонка может принять его раздумье за нерешительность. Так не пойдет. Она не должна умереть, упиваясь своей победой.

— Как пожелаешь, моя сладкая девочка. Я знаю одно: сегодня я смогу получить от твоего восхитительного свежего тельца все, чего захочу. И если ты желаешь смерти сильнее, чем меня, ты ее получишь. Это самое меньшее, чем я могу вознаградить тебя за услуги.

Он поставил бокал на стол и с радостью заметил, как она вздрогнула.

— А потом, Элисса... тебя ведь так зовут, верно? Потом я буду пытаться твою любимую бабушку — до тех пор, пока она не умрет. Надо непременно отблагодарить ее за то, что она помешала нам сегодня днем.

Девушка сжалась, словно хотела исчезнуть внутри собственного платья, и Гот расхохотался. Жалкая маленькая дурочка! И она еще пыталась бросить ему вызов!

— А теперь давай снимем с тебя эту крестьянскую одежду, моя дорогая.

Инквизитор двумя шагами пересек комнату, вынул из поясных ножен нож и коротким движением разрезал ей блузку и исподнее, оцарапав кожу. Показалась кровь. Порез был неглубоким, но очень болезненным, и Гот знал это. Элисса изо всех сил прикусила губу, чтобы не закричать. Всю свою боль она вложила в мысленный крик, обращенный к единственному человеку, который мог ее услышать. В том, что он услышит, Элисса не сомневалась.

В этот миг Саксен Фокс выходил из «Снопа пшеницы», и на его лице была написана мрачная решимость: клук твердо вознамерился оторвать Инквизитору голову... или что-нибудь еще. Но когда в ушах акробата зазвучал вопль Элиссы, он споткнулся от неожиданности.

«Где ты, Элисса?» — крикнул он в ответ.

По правде сказать, он почувствовал облегчение. Значит, она все-таки жива.

Жива — но в опасности.

Пока Гот притворно сетовал на свою неловкость и выражал сочувствие, Элисса рассказала Саксену, где оказалась — ей удалось запомнить дорогу.

«Поторопись, летун, — сказала она, глядя, как Гот слизывает капельки крови с ее груди. — Я в шаге от смерти».

Потом Саксену показалось, что невидимая веревка, натянутая между ними до предела, лопнула. Он не знал, что в этот миг зубы Инквизитора впились в нежный сосок девушки. Какой-то миг Элисса не чувствовала ничего, кроме безумной боли.

А потом заставила себя отправиться на поиски Цветов.

Этому ее научил Тор. Ты постепенно уходишь в себя и в конце концов перестаешь замечать окружающий мир, а вокруг разливается ослепительно яркое радужное сияние. Тор почему-то называл это «Цвета». Правда, у Элиссы цвет получался только один — Зеленый, покойный и нежный. Но ей там нравилось. И теперь она вновь устремилась в Зеленую. Это было единственное место, где можно было скрыться от Гота. Использовать против Инквизитора волшебство было не только бессмысленно, но и опасно: он носил перстень с камнем, который отражал подобные удары, направляя их обратно. Вообще-то, камень

должен был сообщать Готу, что поблизости творится волшебство, однако сейчас ничего такого не происходило. Почему? У Элиссы не было ни времени, ни желания ломать над этим голову. Погружаясь в Зелень, она думала лишь об одном: пусть Саксен найдет ее раньше, чем Готу надоест эта игра. И еще она вспомнила Тора. Как жаль, что не он возьмет ее девственность.

Вкус крови привел Инквизитора в возбуждение. Сначала он собирался подольше подразнить и помучить девчонку. Но она слишком разозлила его, а кровопускание будило в нем похоть. Вожделение не оставляло времени для игр. Как она хороша в своей наготе! Отрицать это было невозможно.

Гот сорвал ленту, которой были перехвачены волосы Элиссы, швырнул девушку на соломенный тюфяк, и золотые локоны разметались во все стороны.

— А теперь, моя красавица... — пробормотал Инквизитор... и вдруг с гневом обнаружил, что жертва больше не сопротивляется. Ее тело безвольно обмякло, глаза были закрыты. Именно борьба придавала удовлетворению особый вкус. Вне себя от ярости, Гот с силой хлестнул Элиссу по щеке.

Уже погруженная в Зелень, Элисса знала, что ее тело страдает, но ничего не чувствовала. Она словно плыла по течению в ожидании освобождения — каким бы оно ни было.

— Сука! — заорал Гот.

Он ударил девушку кулаком в живот, потом вскочил и принялся пинать ее ногами. Но на лице Элиссы не дрогнул ни один мускул. Казалось, смерть, которой она так желала, уже наступила, и лишь легкий румянец указывал на то, что это не так.

С каждым пинком Инквизитор распалялся все сильнее. Вожделение затмевало рассудок. Он должен сделать это прямо сейчас. Если подождать хоть мгновение, его семя зальет этот омерзительный тюфяк и женщину, лежащую на нем, но не достигнет ее лона.

Он почти сорвал с себя одежду, представил, как выглядит его покрытое шрамами тело, и усмехнулся. Женщины просто не могли на него смотреть. Жаль, что эта девка, эта тварь его не видит. К счастью, огонь не коснулся его чресел и той плоти, что сейчас восставала, трепеща от нетерпения. Через миг она вошла в лоно Элиссы, без усилия прорвав тонкую преграду. Однако этого было мало, чтобы утолить ярость. Ему хотелось боли, криков... а их не было.

В тот миг, когда Гот уничтожил ее девственность, спасительная зеленая пелена вдруг растаяла, и взгляду Элиссы предстала странная картина.

Два существа- не люди, не животные, нечто среднее, очень странное. Смеются. Куда-то тянутся. Куда? И где это происходит? В лесу? Нет... вот какая-то чудесная поляна, окруженная деревьями. Цветы, каких она в жизни не видела, кивают головками от легкого дуновения ветерка, словно купая лепестки в солнечных лучах. На миг Элиссе показалось, что она чувствует их упоительный аромат. По гладким камням, у корней могучего старого дерева, бежал ручеек, солнце рассыпало в нем тысячи блесток. А под деревом, обнимая друг друга, сидели мужчина и женщина. Они были удивительно красивы: она — с молочно-белой кожей и соломенными волосами, он — крепкий и смуглый.

Потом Элисса увидела, как одно из странных созданий поднимает что-то с земли. Вот оно чуть повернуло лапу-руку, и девушка увидела, что оно держит младенца. Элиссу передернуло, и тут ребенок заплакал — так жалобно, что разрывалось сердце. Воры со смехом бросились наутек, унося ревущего младенца.

Она увидела, как мужчина и женщина обернулись. Они были потрясены, но даже не попытались броситься в погоню. Почему? Элисса хотела догнать похитителей, но не могла сдвинуться с места. И тогда она закричала.

О теперь это больше похоже на истину, подумал Инквизитор, с яростью вбиваясь в ее лоно. Теперь она поймет, каково это — перечить ему. Вопли ужаса ласкали его слух, подстегивали его похоть.

Ему следовало услышать кое-что еще. Лишь когда могучая рука оторвала его от

девушки и швырнула в угол, Гот понял, что их уже трое. Миг спустя он ударился затылком об стену и лишился чувств. Последние капли мутной беловатой жидкости все еще вытекали из его природного орудия пыток.

Элисса мгновенно соскользнула в безопасную Зелень и тут услышала зов, который доносился словно издалека. Она узнала этот голос — голос человека, которому она доверяла, которого послали ее защищать — и устремилась на зов. Если этот человек рядом, ей уже ничто не угрожает.

Она открыла глаза и увидела над собой лицо Саксена Фокса. Потом заметила Инквизитора, который полулежал в углу, словно огромная тряпичная кукла. Клок зарылся носом в ее волосы и крепко обнял, чувствуя, как дрожит ее тело. «Ты спасена», — мысленно шепнул он. Опираясь на его руку, девушка неловко встала. Саксен укутал ее своим плащом, потом натянул маску с прорезями для глаз. Элисса недоуменно следила за ним, но тут Инквизитор зашевелился, и она непроизвольно попятилась к двери.

— Я рад, что ты очнулся, — произнес клук. — Ты должен это видеть.

У Гота не оставалось ни времени, ни сил на возражения. Золотоволосый гимнаст склонился над ним, взмахнул ножом, и кровь фонтаном брызнула по всей комнате. В вопле, который вырвался из горла Инквизитора, уже не было ничего человеческого. Забыв о слабости и боли, Элисса выбежала наружу, не в силах слышать эти крики и видеть то, что сотворил ее защитник. Она задыхалась, по ее ногам стекала отвратительная белая слизь.

Вопли стихли. Гот сидел в луже собственной крови и скулил. Он понимал, что почти мертв, но не смел выплюнуть то, что засунул ему в рот разъяренный безумец... не смел даже думать, что это такое — мягкое, еще теплое и пахнущее его собственным семенем. Единственная надежда мерцала в его угасающем разуме, точно фонарь, который покачивался где-то вдалеке — по крайней мере, Готу показалось, что он заметил его на фоне черноты дверного проема.

— Умирай не спеша, Гот, — бросил незнакомец в маске. — Желаю тебе вечно гнить во тьме.

Фонарь Инквизитору не почудился. Саксен тоже заметил это далекое мерцание, но никто не видел, как он покинул домик. Неподалеку, в темноте, топталась и фыркала лошадь, которую он занял у кого-то из горожан — не спросив имя и лишь запомнив двор. Вскоре они с Элиссой уже мчались обратно в город. Девушка сидела впереди, в одном его плаще, и он крепко обнимал ее свободной рукой.

— Ты его убил? — спросила она вслух.

— Да, — равнодушно отозвался Саксен. Он чувствовал ее дрожь, как свою собственную. — Этой ночью нам нужно исчезнуть. А вам с бабушкой придется ехать с нами.

— Она мне не бабушка.

— Я знаю, — ответил он и поцеловал ее в затылок.

— Ты его убил?! Да сохранят нас боги... — глаза Соррель горели, она была потрясена до глубины души.

Старушка не находила себе места, пока они не вернулись, а теперь мерила шагами крошечную комнату. Элисса беззвучно плакала, ломая руки, а Саксен молчал, и его лицо словно окаменело.

В углу стояла ширма. Элисса вымылась за ней, как смогла, а потом, рыдая, рассказала своей учительнице обо всем, что произошло. Этот рассказ отнял у нее последние силы.

— Я убил его, — нарушил молчание Саксен. — Именно поэтому мы должны уехать из города. Чем скорее и дальше, тем лучше.

— Куда, глупец?

Саксен не ответил, но от этого выпада его передернуло.

— Соррель, — в голосе Элиссы зазвучала мольба. — Нам нельзя здесь оставаться. Скоро начнут искать убийцу Гота... А если они найдут что-то такое, что поможет нас уличить? Там остались моя шаль, мои туфли...

Она смолкла и посмотрела на Саксена. В ее взгляде были и сомнение, и просьба попытаться еще раз, и усталость. Казалось, еще мгновение — и она не выдержит.

— А теперь послушай меня, старуха, — теперь клук уже не заботился о вежливости. — Вам надо исчезнуть — сейчас, немедленно, — и другой возможности может не подвернуться. Я знаю Зорроса: он всегда спасает все, что можно спасти. А он собирается сняться отсюда и ехать куда подальше.

— Но это ты совершил убийство, дружочек. Не я и не эта девочка. Нам с ней бояться нечего!

На самом деле, Соррель в это почти не верила. Клук покачал головой и сплюнул.

— Ты просто выжила из ума. Если не хочешь спастись сама, позволь мне спасти хотя бы Элиссу. Потому что подручные Гота найдут вас обеих и повесят или забьют камнями. И никакое волшебство вас не спасет.

Соррель замерла, судорожно ловя ртом воздух, словно получила удар в живот. Потом резко повернулась к Элиссе и посмотрела так, словно та на ее глазах превратилась в чудовище.

— Я... мы... мы разговаривали,- пробормотала девушка. Саксен сболтнул лишнее, и теперь его придется выгораживать.

В этот миг что-то с силой ударило ее по щеке. Элисса потеряла равновесие и упала, даже не сообразив, что произошло. Это Соррель отвесила ей оплеуху.

— Значит, ты еще глупее, чем он, — прошептала Соррель, словно эта пощечина отняла у нее все силы.

Один шаг — и Саксен оказался рядом с Элиссой и подхватил ее на руки.

— Мы уезжаем, прямо сейчас, — ледяным голосом произнес он, едва сдерживая ярость. — Можешь ехать с нами, можешь оставаться... но ее я забираю.

Прежде, чем Соррель опомнилась, клук шагнул к окну и ловко выбрался наружу. Слабеющие руки Элиссы обвились руками его шеи.

Соррель следила, как он уверенно бежит по крыше постоянного двора и исчезает за коньком другой крыши. Потом помотала головой, словно стряхивая беспокойство и страх. Элиссу — важнейший кусок этой странной картинки-загадки — только что снова выкрали у нее из-под носа. И она не уследила... Теперь Соррель почти не сомневалась: Меркуд убьет ее собственными руками.

Нет, надо ехать с ними. Кем бы ни оказался этот Саксен он, отныне он тоже связан с их тайной. Потому что знает о ней.

Ей не потребовалось много времени, чтобы собрать немногочисленные пожитки и заплатить хозяину постоянного двора. Соррель забрала Кетая из конюшни и позволила ему отвезти себя на пепелище цирка.

Гот восхищался своей способностью избегать смерти. Вот уже второй раз она приходила за ним — и уходила ни с чем. Снадобье, которое дал ему лекарь, должно было погрузить его в забытье, но еще не подействовало. Инквизитор снова понюхал жидкость в бутылочке, чтобы заглушить боль. Лекарь, который все еще трудился над его раной, был бледен и обливался потом: должно быть, ему давно не доводилось видеть подобное.

— Вам повезло, Инквизитор Гот... э-э-э... если можно так выразиться, — лекарь дрожал от страха, как в лихорадке. — Еще немного — и кровотечение было бы не остановить. Какое-то время слабость... будет оставаться. Но ваша жизнь вне опасности.

Он закончил и начал суетливо собирать инструменты.

— А мой...

— С этим уже ничего не сделать, — тут же перебил его лекарь. Напряжение, которое охватило его с тех пор, как он оказался в этой комнате, росло и росло. С человеком, лежащим перед ним, было страшно даже находиться рядом: все знали, что он убивает и не испытывает угрызений совести. Однако за его спасение хорошо заплатили. Дело было сделано, оставалось только собраться и быстро уйти. И тут лекарь сорвался.

— Вы больше не сможете иметь детей, — слова сами вылетали изо рта, и он не мог остановиться. — И вам придется мочиться, как женщине.

Гот почувствовал, как ярость охватывает его. Они ответят за это — и девка, и ее сообщник, кем бы они ни были, и как бы ни был силен ублюдок, который его изувечил. Он их найдет и убьет. Забыв о слабости, Гот вскочил, схватил обливающегося потом лекаря за горло и сжал так, что тот начал судорожно хватать ртом воздух.

— Если ты хоть слово скажешь кому-нибудь о том, что здесь видел, я разрежу тебя на мелкие кусочки. Но сначала сделаю то же самое с твоей семьей — у тебя на глазах. И всех скормлю бездомным собакам. Если не ошибаюсь, у тебя хорошенькая женушка? И две дочки-красавицы?

Доктор смотрел в два черных отверстия — зрачки своего недавнего пациента — и не видел ничего, кроме безумия. Потом он почувствовал, как мочевой пузырь сам собой опорожняется, и пальцы Инквизитора разжались.

— Мне нечего рассказывать, сударь, — прохрипел врач, надеясь, что на этот раз правильно подобрал слова.

Однако во взгляде Гота не было ничего, что могло бы успокоить его смертельный ужас.

— Ступай, лекарь, и найди себе чистые штаны. Мой человек там?

Снадобье, кажется, наконец-то начинало действовать, и Инквизитора клонило в сон. Однако ему было необходимо немного продержаться. Он увидел, как лекарь робко кивнул.

— Скажи ему, чтобы немедленно зашел. И помни о своем обещании, поскольку я свое слово держу.

Лекарь бросился за дверь. Через несколько секунд человек в одежде инквизитора появился в комнате и низко поклонился, выражая готовность слушать и повиноваться. Гот узнал Руса.

— Те люди, что принесли меня сюда... Ты знаешь, кто они? Сколько их?

— Да, господин, — Рус кивнул. — Их четверо. Это семья Хоррисов. Родители уложили вас в постель, а сына отправили за лекарем. Нянька оставалась в доме. Они ждут вашего решения.

Рус не тратил слов. Он знал, что главу Инквизиции лучше не раздражать.

Гот облегченно вздохнул.

— Молодец. Убей всех, включая врача и его семью. Сделай это немедленно и не оставляй следов.

Глава 14

Клук Саксен

Соррель слышала смех Элиссандры, который доносился с небольшой поляны рядом с лагерем. Они только что остановились на привал в северной части Великого Леса, похожего на огромное чернильное пятно, которое медленно расплывалось по карте Королевства.

Когда юный Церис подбежал к повозке, в которую впрягли Кетая, и сообщил, что Зоррос решил сделать остановку, травница удивилась. Как и большинство жителей Таллинора, она относилась к Великому Лесу — который, как говорят, был заколдован — с почтением, но в отличие от них, без страха. Однако останавливаться здесь на ночь, а может быть, и не на одну... При этой мысли Соррели становилось неуютно. Лес — Великий Лес — это особый мир, живущий своей жизнью. Но бродяги-циркачи, с которыми ее свела судьба, кажется, не придавали этому значения.

Фургоны уже пятились, выстраиваясь в линию, а Зоррос распрягал лошадей спокойно, словно на постоялом дворе. Соррель решила не отставать. Боги защищали ее не одну сотню лет не для того, чтобы лишить ее жизни, не дав завершить работу. И нечего беспокоиться.

Теперь над огнем тихо булькала похлебка. Старая женщина позволила себе ненадолго сбросить груз тревог и, привалившись к старому дереву, стала вспоминать последние дни.

В ту ужасную ночь в Фрэгтлшемском Доле ей не сразу удалось догнать цирк. Поле, где

стояли шатры, уже опустело, и лишь огни фонарей, покачиваясь на его фургонах, исчезали вдалеке. Бранясь и кляня свою неудачу, Соррель принялась понукать Кетая, но ослик решил бежать так, как считал нужным. Старушке потребовалось немало времени, прежде чем она догнала караван. Элисса ехала в одной из повозок, крепко прижавшись к Саксену. Появление Соррели никого не удивило.

Она сразу же заметила, что лицо ЭлиССы заливают нездоровая бледность, а взгляд затуманен. Неужели девочке дали сонную настойку? Старушка уже была готова устроить Саксену хорошую взбучку, но прежде, чем она открыла рот, клук объяснил, что девушке никак не оправиться после побоев. Ее состояние беспокоило Саксена: он знал, что Зоррос не намерен останавливать караван и поедет всю ночь, чтобы оказаться как можно дальше от Фрэгллшемского Дола.

Оставалось только одно: осмотреть ЭлиССу прямо на ходу. КлуК и Соррель уложили девушку в фургоне, потом Саксен снова взялся за вожжи. Убедившись в отсутствии посторонних глаз, Соррель раздела свою подопечную. То, что предстало ее взгляду, могло ужаснуть кого угодно. Даже жидкого дрожащего света свечи было достаточно, чтобы понять: над девушкой надругались самым жестоким образом. Соррели потребовался не один день, прежде чем ее неустанными заботами ЭлиССандра пошла на поправку. У нее начался жар, она дрожала и бредила, а потом забывалась тяжелым сном, но то и дело вскрикивала.

Соррель промыла самые скверные царапины и ссадины, на синяки наложила теплые припарки. Но внутренние раны исцелить было куда труднее, и старушке потребовалось все ее знание трав. Помимо всего прочего, ЭлиССе приходилось пить мерзкий черный настой, чтобы выгнать ненавистное семя Гота. К счастью, вскоре у ЭлиССы пошла женская кровь. После этого в ее теле словно что-то переродилось, и девушка стала быстро выздоравливать.

Соррель отметила, что дружба ЭлиССы с Саксеном стала крепче. КлуК не волочился за девушкой, как ей вначале казалось — его чувства были скорее отцовскими. Все-таки хорошо, что он появился в их жизни. Этот человек был умен, умел пошутить, и Соррель получала от бесед с ним не меньше удовольствия, чем ЭлиССа.

Это Саксен посоветовал двигаться с караваном на северо-запад, чтобы как можно дольше оставаться с цирком — пока не придет время расстаться, чтобы отправиться еще дальше на север, в Илдагарт.

Соррель снова помешала в котле. Похлебка почти сварилась... Она оглянулась на голос ЭлиССы: девушка сидела у дерева, беспокойно ерзая, а Церис, глотатель змей, показывал ей свое искусство. Обрывки их разговоров долетали до Сор-рели. Потом старушка улыбнулась: ЭлиССа взвизгнула, когда ее новый друг извлек из мешка, лежавшего между ними, ярко-зеленую змею.

— О-о, ненавижу!.. Напомни еще раз, как ее зовут?

— Это Джин, моя любимица. К твоему фведению, она очень хорошо работает и не фовдает мне никаких Сложностей, — он очень забавно не выговаривал букву «с». ЭлиССа скорчила гримаску.

— Мне еще рае повторить? — предложил мальчик. — А потом вмефте.

— Да, пожалуйста, — засмеялась она. — Только без меня.

Соррель знала, что Церис очарован ЭлиССой — равно как и все мужчины, юноши и мальчики в труппе. Но как их можно за это винить?

Церис вздохнул.

— Ну как можно чему-то научиться, если не пробовать? Но девушка бросила на него гневный взгляд, и он сдался.

— Я вырвал у Джин ядовитые зубы, чтобы она меня не укусила, — сообщил он. — Только вкуф у нее странный. И небо поначалу натирает. Офобенно, когда навад ее тащишь.

— Назад?! — ЭлиССа вздрогнула. — Ты о чем?

— Ну, понимаешь, вмеи любят ваполвать во вфякие темные дырочки. Туда — в горло — они проходят легко, точно втекают. А вот обратно — никак, ты их тянешь, а они застревают. Джин проковывает мне голову в горло вот настолько... — он показал расстояние

между кончиками большого и указательного пальцев. — А остальное сворачивается у меня во рту. Видела, как я ее держу ее хвост? На Самом деле я ее очень крепкожимаю, как прищепкой, чтобы она не ползла дальше. Только ты этого не внаешь.

Парень заметил, что Элисса выглядит озадаченной.

— И змея просто не может целиком вползти тебе в горло?

Церис весь расцвел.

— Умница! Вмеея так бы и сделала, непременно! Но я умнее! Я держу ее ногтями — потому что хвост очень скользкий, а я не должен пустить ее к себе в горло.

И он незамедлительно показал, как это происходит. Элиссе показалось, что ее собственный желудок собирается последовать примеру Джин и вылезти наружу. Одно дело — наблюдать за таким представлением со скамеек цирка, и совсем другое — стоя рядом с артистом. Она поспешно поблагодарила мальчика и, не дожидаясь, пока он вытянет несчастную Джин изо рта, побежала к костерку, возле которого хлопотала Соррель.

— О да, Церис здорово глотает змеи, — заметила Соррель, глядя на нее снизу вверх, и бросила в кастрюлю горсть пряных трав.

— Он весьма находчив, — Элисса произнесла это с такой гордостью, словно это было ее собственной заслугой. — А знаешь, что он еще умеет? Глотать ножи. Я даже видела, как он глотает отточенный меч.

Соррель не ответила и сунула ей глиняные миски.

— Саксен к нам присоединится?

— Нет, он ужинает с семьей, — ответила Элисса, разливая похлебку по мискам и вручая одну Соррели.

— Кстати, та женщина ревнует его к тебе. Элисса кивнула.

— Да, я знаю, — ответила она очень тихо. — Я слышала, она говорит о нас с ним всякие гадости. Он очень добр с ней и с мальчиками, заботится о них, с тех пор как его брат погиб. Но она умеет испортить человеку жизнь.

Девушка замолчала. Кажется, оживает, подумала Соррель. Начинает говорить о своих переживаниях — а какой скрытной была раньше? Ни слова о том, что на душе. Может быть, сейчас...

— Знаешь, когда ты болела, — осторожно начала Соррель, — а я целыми днями сидела рядом с тобой в фургоне, ты часто бредила... и все твердила одно имя. Все время одно и то же.

— Правда? — Элисса улыбнулась, словно услышала что-то забавное, и макнула кусочек хлеба в подливку.

— М-м-м... да. Ты звала какого-то Тора. И все время просила его поговорить с тобой.

Девушка насторожилась.

— Не припомню.

Но от Соррели было так просто не отделаться.

— А кто такой этот Тор? — небрежно спросила она, делая вид, что куда больше занята содержимым своей миски, чем ответом.

— Мой знакомый.

— Ты по нему скучаешь, моя девочка?

На этот раз Элисса долго молчала, прежде чем ответить.

— Только он никогда не узнает.

— Расскажешь мне о нем?

— Как-нибудь расскажу.

Элисса подняла свои огромные глаза, чтобы встретиться взглядом с Соррелью. Общим вдруг стало неловко.

Саксен появился как нельзя более кстати. Он достал из кармана фляжку, приложился, затем передал ее травнице. Соррель замялась, но решила глотнуть. После этого клук присел у костра, и они завели разговор — вполголоса, чтобы никого не разбудить. Спускалась ночь, лагерь готовился ко сну.

— Зоррос направляется в Ардейран — это самый север Королевства. Так что нам придется расстаться в Беббертоне, недалеко от Илдагарта. Время от времени мы будем останавливаться и давать представления — там, где Зоррос сочтет безопасным. Нам нужно зарабатывать деньги, чтобы покупать еду и корм для животных. Сейчас нам не до жиру, быть бы живу.

Элисса уселась поудобнее, чтобы насладиться теплом костра. Ночи становились все холоднее.

— А мы с Соррелью можем чем-нибудь помочь? — спросила она. — Мы тоже хотим внести лепту в общий котел.

— Я думал об этом. Мы можем научить вас кое-каким трюкам. Я как раз ставлю с мальчиками новый номер. Нас трое, нужен кто-то четвертый. Мейз пока это не под силу — она слишком мала. А ты... думаю, если ты несколько дней позанимаешься, у тебя получится.

Не дожидаясь ответа, он быстро посмотрел на Соррель.

— Вы можете готовить для нас снадобья. Может быть, научите кого-нибудь из наших девушек, как справляться с легкими недугами. Я уверен: Зоррос это оценит.

Соррель пожала плечами.

— Это самое меньшее, что я могу сделать. Но стоит ли Элиссе участвовать в представлениях, Саксен? Я в этом не уверена.

Ничего себе! О ней говорят, точно о ребенке... нет, хуже того: так, словно ее здесь нет!

— Я уверена, что надо, Соррель, — объявила девушка. — С этими людьми я в безопасности и должна непременно их отблагодарить. Я смогу. Саксен будет рядом, так что мне не будет страшно.

Элисса ликовала. В затеях Саксена нашлось место и для нее.

— А что же скажет Грета? — на всякий случай спросила она.

— У нее нет выбора, — ровным голосом ответил клук. — Ну что, славно. Я рад, что мы с этим разобрались. С завтрашнего дня начинаем учиться.

Мое дело сторона, решила Соррель. Если девочке станет слишком трудно, она прибежит к волшебству — в этом можно не сомневаться. И все же... Она пользуется им так, словно это в порядке вещей — и это в мире, где Искусство Силы подвергают гонениям вот уже много столетий. И Соррель это пугало.

Позже, проваливаясь в беспокойный сон, она думала о том, как рассказать Меркуду последние новости. Впрочем... это может подождать до завтра.

В Великом Лесу циркачи чувствовали себя в безопасности и не торопились уезжать.

— Считай, будь ты неладна! И прыгай не на счет «пять», а на счет «шесть»!

Оглушительный рев Саксена будил эхо в деревьях. В присутствии остальных они с Элиссой условились разговаривать вслух.

Я думала, ты хочешь, чтобы я начинала на счет «пять»! — возмутилась Элисса, балансируя на сплетенных руках Милта и Ориса. Мальчики хихикали, но умудрялись ее не уронить.

Саксен сделал глубокий вдох, пытаясь успокоиться.

— Нет. «Пять» — ты готовишься. «Шесть» — прыгаешь. Пять. Потом она прыгнула.

— Отличный прыжок, Элисса! — похвалил Милт. Саксен фыркнул. Милт в восторге от каждого ее движения.

— Безнадежно. Ей нужно повторять, повторять и повторять, или этот прыжок будет стоить ей жизни. Еще раз... пошла!

— Саксен, — она сделала все, чтобы не выдать злости, — на сегодня с меня хватит.

— Ты будешь прыгать, пока я не скажу тебе «отлично». Я, а не Милт, Сраженный Страстью Нежной.

И Саксен отвернулся — словно для того, чтобы не видеть, как у Милта горят уши. Зря он задел паренька.

— Не стоит спорить, — шепнул Орис, почти касаясь губами уха Элиссы. — Он всегда

побеждает. Он совсем как наш отец.

На последних словах его голос дрогнул. Оглянувшись, девушка встретила с ним взглядом и увидела в его глазах печаль. Элиссе тоже не хватало отца.

— Давайте еще раз, — она слегка согнула колени, а мальчики расслабили руки, образовав что-то вроде платформы.

На счет «пять» они подбросили ее, Элисса сделала в воздухе кувырок, но приземлилась Саксену на спину, а не на плечи. Она опять не рассчитала.

Клук спустил ее на землю и обернулся. На этот раз его лицо перекошилось от ярости, кулаки сжались. Однажды Элиссе уже довелось видеть его таким. И она помнила, что несколько мгновений спустя человек, который разгневал Саксена, был изуродован... и убит.

— Во имя Света, Элисса! Ты должна приземляться мне на плечи каждый раз, а не от случая к случаю. Если я тебя не вижу, мне тебя не поймать. Ты должна отработать этот прыжок!

Глаза Саксена горели. Казалось, он хочет сжечь ярость внутри себя, чтобы не выплеснуть ее наружу.

Элисса опустилась на землю. У нее уже не было сил злиться, но гнев клука приводил ее в замешательство.

«Я больше не хочу», — сказала она мысленно.

— Вставай и начинай снова, — ответил он вслух. Это был открытый вызов. Посмеет ли она послушаться? Казалось, в лесу стало тише. Мужчина и женщина смотрели друг на друга, как двое хищников.

Чувствуя, что внутри все кипит, Элисса встала и снова забралась на руки терпеливых мальчиков. Пусть думает, что она сдалась. Она ему еще покажет.

На этот раз, прыгая, она закрыла глаза и позволила себе воспользоваться волшебством — совсем чуть-чуть, только чтобы почувствовать, где стоит Саксен. Обычно во время кувырка ее охватывал страх, но на этот раз она отбросила его и доверилась чутью.

В этот миг Соррель, которая как раз нагнулась за листьями носаря, услышала что-то вроде тихого звона, который разлился в воздухе. Звон, который мог означать лишь одно — присутствие волшебства. Это почувствовал и Саксен, а в следующее мгновение девушка опустилась ему на плечи, чуть толкнув пятками.

Клук поспешно схватил ее за лодыжки, не дав завалиться назад, хотя уже знал, что на этот раз Элисса не упадет. Мальчишки засвистели и пустились в пляс. Несколько циркачей, которые пришли посмотреть на их работу, улыбались и аплодировали, не совсем понимая, из-за чего столько шума.

Саксен был доволен. Элисса чувствовала его молчаливое одобрение, хотя клук старался его скрыть.

— На этот раз получилось неплохо, — бросил он. — Скоро ты сможешь приземляться мне на плечи с любого места, в любое время, а если потребуется, то и с повязкой на глазах.

Уроки продолжались еще два дня. Советы, которые давал Саксен, были поистине бесценными. Наконец, Зоррос объявил, что завтра, на закате, цирк отправляется в путь. Еще через два дня им предстояло дать представление в городке под названием Шоклетонская Топь.

Когда караван тронулся, Соррель — видимо, ради разнообразия — поехала вместе с Гретой. Впервые за несколько недель, которые прошли после расправы над Готом, Элисса и Саксен остались одни. Поэтому около часа они ехали молча, просто наслаждаясь обществом друг друга. Наконец Саксен нарушил молчание.

— Соррель с тебя глаз не спускает.

Элисса фыркнула. И он понял, что любит смотреть, как ее носик морщится, когда она вот так смеется. И что она очень красива.

— Это точно. Думаю, она решила, что ты имеешь на меня виды.

— Имею, — Саксен улыбнулся. — Но в остальном она ошибается.

Элисса так и не поняла, что почувствовала при этих словах — облегчение или

разочарование. Несомненно было одно: Саксен удивительно хорош собой, а между ними возникла какая-то забавная близость. Элиссе нравилось находиться рядом с ним. Порой он заставлял ее смеяться, порой злил и доводил до слез. Но с ним она чувствовала себя защищенной - и это было важнее всего. А ведь скоро им придется расстаться. При мысли об этом ей становилось страшно. Им с Соррелью предстоит добираться до Илдагарты... одним.

Она подвинулась поближе и почувствовала сквозь одежду его тепло.

— Может быть, объяснишь, что ты имеешь в виду? И почему мы теперь вместе. Мы с тобой никогда об этом не говорили. Расскажи, Саксен!

В ее голосе звучала мольба. Перед этим клук устоять не мог.

— Я расскажу тебе то, что знаю.

Задержав дыхание, Элисса сосредоточилась на вздрагивающих ушах Кетая, который трусил рядом. Фургоны ползли ровно и неторопливо, мягкий, негромкий голос Саксена успокаивал.

Его отец был плотником, мать стирала людям из городков, расположенных в окрестностях Хертси — местечке, которое кто-то еще считает центральными областями Королевства, а кто-то уже относит к южным. Они жили вполне счастливо, хотя и не знали особого достатка.

Впрочем, по меркам Клука — крошечного островка, откуда они были родом — Фоксы могли считаться зажиточным семейством. Спасаясь от нищеты и разорения, они бежали в Таллино, когда Саксен был еще ребенком. Однако ни ему, ни его брату Льюту не давали забыть о своем происхождении. Обычаем Клука, как водится, их обучал отец. По вечерам он сидел у очага, тихонько покачиваясь в кресле-качалке, которое смастерил собственными руками, и курил трубку, которую тоже вырезал сам.

У Саксена никогда не было лучшего друга, чем Льют, который был на год старше. Они спорили и дрались, как любые братья, но ссоры быстро забывались. Льют рано проявил способности к акробатике, и его заметила бродячая труппа, которая однажды заглянула в городок. Какими-то путями молва о нем дошла до Зорроса, и юноше предложили хороший заработок в новой труппе.

Родители не удивились, когда Саксен последовал за братом. Возможно, он разбивал им сердце, но жить без Льюта не мог. Саксен не отличался такой гибкостью, но был смелее, охотнее шел на риск. Его постоянно тянуло пробовать новые, более опасные трюки, которые восхищали и удивляли публику.

Скоро братья стали живой легендой, и Зоррос не мог на них нарадоваться. Потом Льют познакомился с Гретой и вскоре женился на ней. Это было маленькое чудо — девушка оказалась такой же гибкой, быстрой и смелой. Братья научили ее всему, что умели сами, а потом, одного за другим — каждого из пятерых детишек, которых она родила Лготу, начиная с близнецов. Стоит ли говорить, что «Летающие Фоксы» пользовались успехом везде, где бы ни выступал цирк.

«Что случилось с Льютом?» — мысленно спросила Элисса. До сих пор ей и в голову не приходило прервать его повествование, неторопливое, как движение их фургона по дороге.

«Он погиб», — в голосе клука звучала боль.

«Несчастный случай?»

«Не случай. Этого можно было бы избежать, если бы не мое упрямство и любовь к риску».

Элиссе казалось, что она касается открытой раны. Наверно, не стоит настаивать... но что-то внутри требовало: «Ты должна знать».

«Расскажи».

Саксен Фокс молчал. Скоро тишина стала невыносимой, но Элисса не позволяла себе ни окликнуть его, ни сменить положение. Она лишь украдкой покосилась в сторону клука и увидела, как он пытается сдержать слезы.

«У нас был номер — я назвал его «Полет». Очень опасный. Льют прекрасно владел телом в воздухе, словно был рожден летать. У него был настоящий дар — казалось, откуда

бы он ни прыгал, он всегда найдет мои руки, ноги, плечи. А я как неваляшка, пройти по канату под куполом для меня ничего не стоит. И мы всегда знали, кому что делать, чтобы сорвать аплодисменты. Так мы и придумали «Полет». Главная трудность была в том, чтобы двигаться, как одно тело. Потому что стоит мне чуть-чуть сдвинуться, или Льюту — прыгнуть чуть-чуть дальше, и нам обоим будет долго не встать с постели... Это мы так думали — „долго". Оказалось, „никогда"».

Элиссе показалось, что боль Саксена перетекает в нее, и его — а не ее — слезы катятся из ее глаз.

«Мы долго отрабатывали этот номер, но Льют все не хотел с ним выступать. Слишком опасно, говорил он. Но однажды — это было летом — нам сообщили, что Цирк Зорроса удостоился великой чести, на представление придут король Лорис и королева Найрия. Весь цирк гудел. Мы уже три месяца выступали в Тале — публика не хотела нас отпускать. Но тогда король и королева пришли впервые».

«И ты подумал, что им нужно показать что-то особенное», — закончила за него Элисса.

«Вот именно. Льют, как всегда, отказывался. А я, как всегда, настаивал. И в конце концов он сдался».

Саксен грустно улыбнулся и пожал плечами.

«Мы тянули до последнего — он уперся и не хотел ничего слушать. Зоррос уже выходил на арену, чтобы поаплодировать нам вместе с публикой и объявить следующий номер. Я до сих пор не знаю, почему Льют тогда сдался и поднял вверх большой палец».

Элисса уже знала, чем все закончится, и не хотела слушать. Но она сама открыла эти ворота.

«Я еще был под куполом, на проволоке. Грета поняла этот сигнал и кричала нам снизу: „Хватит, хватит!" Как сейчас помню: Льют улыбнулся мне с другой стороны арены. Наверно, это была самая добрая, самая теплая его улыбка. А я был так благодарен ему за то, что он позволил мне показать наш номер королю и королеве. Мы выступали в красных платках, повязанных на голову. И вот я снял его, и Льют тоже, и перед тем, как мы завязали себе глаза, я прочитал по губам Льюта: „Не упусти меня, братик, тебе будет очень меня не хватать". И рассмеялся, глядя на него. Мы всегда были вместе и научились читать друг у друга по губам».

Наверно, это первый раз, когда он делится с кем-то этими воспоминаниями, подумала Элисса. Первый раз рассказывает кому-то об этом безрассудстве. Конечно, это причиняет ему боль. И когда Саксен заговорил снова, девушка взяла его за руку.

«Льют начал раскачиваться. Даже с завязанными глазами я знал это, потому что слышал барабанную дробь. Думаю, все поняли: что-то пошло не так, стоило ему отпустить канат. Я закричал ему, так громко, как только мог... и публика кричала, но этот звук — когда Льют упал на арену... я слышал его, как будто стоял рядом. Он совсем чуть-чуть промахнулся... мы почти все сделали чисто... Он даже зацепил ногой мое плечо. И я упал вместе с ним... на него».

Элисса поняла, что теперь они плачут вместе, даже не пытаясь сдержаться.

«Маленький дар богов... Он не мучился. Он умер сразу».

Голос у нее в голове смолк, и Саксен уронил поводья. Словно не заметив этого, лошадь продолжала трусить вперед, а с ней и Кетай. А Элисса, сама толком не понимая, что делает, обняла его и изо всех сил прижала к себе. Пальцы сами скользили у него в волосах, и она только успела удивиться их мягкости, когда поняла, что целует его небритую щеку, мокрую от слез. А потом — по-прежнему не понимая, зачем и почему -- заставила Саксена повернуться к себе и нежно поцеловала его в губы.

Вслед за этим она ощутила его недоумение и ожидала, что он тут же отпрянет. Но этого не произошло, и Элисса успела добавить в поцелуй немного собственной печали... и чего-то еще, имени которому она пока не знала.

Нежно, очень нежно он взял ее лицо в ладони, широкие и сильные, отстранил, прервав соприкосновение губ, и печально покачал головой. Но Элисса чувствовала: причина этой

печали, омрачившей прекрасное лицо клука — не гибель его брата.

«Нет, славная моя Элисса. Я не тот», — прошептал его голос у нее в ушах.

Девушке показалось, что ей только что дали пощечину.

Почувствовав, что поток резких и гневных слов готов вот-вот вырваться на волю, Саксен прервал мысленную связь и прижал палец к губам ЭлиССы — к губам, вкус которых он до сих пор ощущал.

Я люблю тебя, Элисса, — проговорил он вслух, хотя очень тихо. — Но мне не дозволено любить тебя той любовью, которой ты сейчас жаждешь. Есть другой. Однажды он придет к тебе, и ты поймешь, что это твое предназначение.

По мере того, как Саксен говорил, в его голосе появлялась уверенность и твердость.

Элисса провела рукой по губам, чтобы стереть поцелуй. Глупая отвергнутая девчонка... Саксен понял, что она чувствует.

— Я еще не закончил, Элисса. Можно продолжать? Вместо ответа она опустила глаза.

С самого раннего детства Саксену время от времени снилась женщина. На самом деле, он не видел ее — только слышал голос. Впрочем, этого было достаточно, чтобы понять, что женщина очень красива, потому что ее голос напоминал журчание кристально-чистого ручейка, а запах — весенний луг. Саксен рос, но сны не прекращались. Именно эта женщина велела ему следовать за Льютом, вместо того, чтобы остаться дома и продолжить дело отца. Когда она появилась впервые, он не помнил: должно быть, он был тогда совсем маленьким. Кроме того, женщина рассказала ему о Паладинах — защитниках, хранителях. Их было десять, по числу древнейших народов Таллинора, и от каждого народа выбирали самого достойного.

— А кого они защищали? И от кого? — захваченная рассказом, Элисса почти забыла обиду.

— Они охраняли опасного преступника. Они защищали людей, которым он хотел причинить зло.

Элисса нахмурилась.

— А зачем женщина из снов все это тебе рассказывала?

— Потому что я — один из них.

Его взгляд вдруг стал отсутствующим, даже голос стал глуше и доносился словно издалека. Но через миг Саксен тряхнул головой и продолжал свой рассказ. После гибели Льюта женщина из снов настояла, чтобы он остался в цирке и заботился о Грете и ее детях.

— И ты просто сделал все, как она сказала?

— А с какой стати мне поступать иначе? К тому же мне было просто некуда податься, Элисса. Смотри сама: Грета только что овдовела, у нее на руках пятеро маленьких детей. Я — виновник смерти Льюта. Без меня они не смогут выступать. Вообще-то, нам все равно пришлось на время отказаться от выступлений, но мы не сдавались. Особенно старались мальчишки. Так что через год- может, чуть больше- мы снова гремели на весь ТаллиноР. На самом деле, наши номера стали даже лучше. Теперь мы стараемся, чтобы было поменьше риска и побольше блеска, а зрители это любят.

— Продолжай, — попросила Элисса.

— Это продолжалось несколько лет. Мы ездили по всему Королевству, давали представления... и становились семьей. Я заменил детям отца...

— Но так и не стал мужем Грете?

Это говорила ревность. Ненавистная ревность.

— Ну... — Саксен смущенно улыбнулся и почесал подбородок. — Один раз было. Но я понял, что это неправильно.

Элисса почувствовала прилив ярости. Значит, все верно. Грета бесится не только из-за двух лишних ртов.

— Мы решили просто жить рядом и не притворяться, — поспешно заговорил Саксен. — Я восхищаюсь Гретой, уважаю ее, люблю детей. Это — правильно. Семья моего брата — моя семья.

— Ладно, Саксен, переходи к самому главному. Я больше не хочу слушать, с кем ты спал, а с кем нет.

— Правда?— Саксен хитро прищурился, в его глазах снова появился блеск.

— Правда, правда! Рассказывай, или давай помолчим.

— Тогда... — брови клука сошлись к переносице... — я пропускаю все, что случилось до представления в Фрэгглшеме. Вернее... Ну, в общем, мы были еще в пути. Я снова стал видеть сны, причем каждой ночью, а не время от времени. Ты должна понять: я никогда не видел эту женщину, но она сопровождает меня еще с тех пор, когда я был мальчишкой. И я знаю, что ей лучше доверять.

Он повернулся и пристально посмотрел Элиссе в глаза. От этого взгляда ей показалось, что волосы на затылке начинают топорщиться.

— Ее зовут Лисс. С первого своего появления она постоянно твердит, что я должен найти какую-то девушку. Но это продолжалось так долго, что я просто перестал обращать внимание на ее слова. Она говорила, что от этой девушки чуть ли не зависит будущее Таллинора. Но я этого никогда не понимал.

Замолчи. Не говори больше ни слова, ни звука, давай вообще прекратим этот разговор. Очарование пропало, Элиссе охватил страх. Но Саксен продолжал говорить. Фургон мягко покачивался, словно плыл в ночи.

Мы уже подъезжали к Фрэгглшемскому Долу, когда Лисс снова явилась мне. Но на этот раз сон был куда более ярким — это самое подходящее слово. А еще мне приснилась ты, Элисса. Лисс сказала, что наша встреча уже близко, и именно к ней я шел всю жизнь.

— Хватит, Саксен! Ничего больше не говори. Я не хочу это слышать.

Элисса отшатнулась, словно собиралась выпрыгнуть из фургона. И тут Саксен схватил ее за руку, и его голос снова зазвучал у нее в голове.

«Ты выслушаешь, потому что должна выслушать. И не смей отворачиваться от своей судьбы. Я не стал от своей отворачиваться».

«Не надо меня пугать! И ты говоришь, что любишь меня!»

«Я на самом деле люблю тебя, Элисса. И ты должна мне доверять».

Девушка вздохнула и поерзала на деревянной скамеечке, устраиваясь поудобнее.

«Осталось немного», — успокоил ее Саксен, снова поднимая поводья. Это было лишним: его лошадь сама бежала за идущим впереди фургоном, а следом трусил Кетай.

«Рано утром, в тот день, когда случился пожар, Лисс снова мне явилась. Я как раз начинал ворочаться. Как и обычно, я ее не видел, но почувствовал аромат, который ее сопровождает — он был сильнее, чем когда-либо раньше. И голос ее звучал так четко и громко, словно она лежала рядом. Лисс сказала, что ты появишься в моей жизни этим вечером, и я сразу же тебя узнаю. Как — не объяснила, но... Это было что-то странное, не сон и не явь. Лисс заставила меня поклясться, что я буду защищать тебя... что отдам за тебя жизнь, если потребуется. Она напомнила, что я — один из Паладинов».

Саксен смолк, и Элисса наконец-то смогла перевести дух. Во имя Света, что это значит?

«А ты меня узнал, Саксен? Сразу же?»

«Как только вышел на арену и посмотрел на зрителей. Ты сидела там — вся покраснелась, волосы как золото, платье как цветы одуванчика. Я узнал тебя, и мне вдруг стало так спокойно... Словно я в самом деле искал тебя и наконец нашел».

И он снова то ли пожал, то ли передернул плечами. Остальное она знала сама.

Еще долго они ехали в молчании, пока Элисса не заговорила — мысленно, словно боясь нарушить тишину.

«А про Гота ты знал?»

«Нет».

Она тряхнула головой.

«Замечательно. Тогда от чего ты должен меня защищать? Или от кого? Ты же его уже убил! Ты говоришь, что всю жизнь ждал меня. Ты хочешь, чтобы я просто приняла это как

должное?»

«Но так и было... И ты должна принять».

Элисса почувствовала, что внутри снова поднимается гнев. Он что, нарочно прикидывается дурачком? Фургоны поехали медленнее, и девушка заметила, как люди прыгают на обочину, чтобы немного размять ноги. Еще немного, и кто-нибудь поравняется с их повозкой.

«Ты больше ничего не хочешь мне рассказать?» — быстро спросила она.

Саксен сжал ей руку. Более красноречивого ответа не требовалось.

«Теперь ты знаешь все, что знаю я. А вот чего я не знаю — так это чего теперь ждать. И чего ждут от меня».

Он обернулся и окликнул юного глотателя змей, который как раз подходил к их фургону.

— Эй, Церис! Подменишь меня? А то я что-то соскучился по своим мальчикам.

Саксен легко прыгнул с козел и зашагал вперед, обгоняя фургоны. Как же все, оказывается, запутанно. Элисса чувствовала, что окончательно сбита с толку... и вдобавок ее снова охватила ревность. Чтобы скрыть это, она нежно улыбнулась Церису — а он был просто счастлив, оказавшись с ней рядом.

«Как поживаешь, друг Нанак?»

«Все в порядке, Меркуд. А ты, кажется, слишком весел для человека, обремененного столь тяжелой ношей»

«Просто сегодня я счастлив — очень счастлив».

«Может, поделишься своей радостью, Меркуд? Одному Свету известно, как давно в этом месте запустения не случилось радостей, которыми можно было бы насладиться — даже самых маленьких», — в голосе Хранителя звучала усталость

Он еще не знал, какая новость ждала его — новость, которая могла вывести его из самого глубокого уныния. Новость, которую Хранитель Паладинов мечтал услышать всю жизнь.

«Нанак, — торжественно провозгласил Меркуд, — Саксен появился!»

«Не шути такими вещами», — тон Хранителя оставался ровным, но в нем появились ворчливые нотки.

«Я не шучу, друг мой. Повторяю: Саксен появился».

«Расскажи мне...»

Это был шепот, исполненный благоговения.

«Клук Саксен-для нас Шестой — теперь странствует вместе с Элиссандрой Квин. Подробности тебя вряд ли заинтересуют. Главное — он возродился снова и находится рядом с ней».

«Саксен...»

Нанак был готов снова и снова повторять это имя. Смелый, могучий клук, который много десятков лет подряд выдерживал боль, натиск злопыхателей Орлака, удары его волшебства... и стоял до конца.

Некоторое время Меркуд молчал. Он слишком хорошо знал, что означает эта новость для Хранителя.

«Теперь Саксен — циркач. Очевидно, очень хороший».

Ответом ему был странный звук — удивительный, радостный... Впервые Меркуд слышал смех Нанака. Только бы еще хоть раз услышать этот смех, подумал лекарь.

«Они возвращаются, Нанак. Все вернется- это я тебе обещаю. Я только сейчас это понял. Они бегут от Орлака, чтобы встать рядом с тем, кто нас спасет. Вы должны выстоять, Нанак. Проси, уговаривай, приказывай... Но они должны поддержать меня — Фигтис, Темезиус... и прежде всего — Арабелла. У меня еще есть дела. Замысел еще только принимает очертания».

«Я дам тебе время, Меркуд. Мы все сделаем так, чтобы у тебя хватило времени. Только

обещай, что поговоришь с этим соколом, которого зовут Клут. Скажи, что Нанак гордится им. Что все Паладины им гордятся».

«Но он не умеет разговаривать, Нанак. Он ничем не показал, что обладает силой и волшебством».

«Передай ему мои слова, Меркуд. Если этот Клут — Паладин, он поймет».

Связь прервалась. Но разговор оставил чувство истинной надежды — впервые за несколько сотен лет отчаяния.

Глава 15 Месть Гота

Два месяца спустя Цирк Зорроса прибыл в Беббертон, что неподалеку от славного Илдагарта. Это было счастливое путешествие; впрочем, ничего особенного за это время не произошло. Цирк давал представления в небольших городках — как и следовало ожидать, с неизменным успехом. Потрясение, пережитое во время пожара, еще не забылось. Однако время — лучший лекарь, а радость от заслуженного успеха — лучшее снадобье. К тому же слухи в Королевстве разлетались быстро, и публика не скупилась, чтобы поддержать своих любимцев.

Зоррос не сомневался: к празднику Первого Листа — когда лопнут почки на деревьях, знаменуя начало нового года — он сможет приобрести каких-нибудь зверей взамен тех, что погибли в огне. Была заказана парусина, сшиты навесы и шатер — все это внушало уверенность в завтрашнем дне. И теперь труппа с трепетом внимала градоначальнику Илдагарта. После традиционного приветствия он объявил, что Цирк Зорроса может остановиться на очаровательном Крукском лугу, откуда до городской ратуши самое большее час ходу... и оставаться там сколько угодно, за счет городской казны. Это была неслыханная щедрость.

Затем градоначальник вручил Зорросу послание от самого короля Лориса. Известие о пожаре в Фрэгглшемском Доле уже достигло ушей Его величества. От своего имени король выражал труппе соболезнования, желал успехов и приветствовал цирк в Илдагарте.

Всего лишь добрые слова... Но на них король не скупился. Саксен был сражен.

— Славный он человек, наш король, — заметил он.

— О, так вы знакомы? — поддразнила его Элисса. Грета, которая последнее время ходила с каменным лицом, не выдержала и улыбнулась.

— Нет, конечно. Но я знаю. Я видел его, наблюдал за ним. Он беспокоится о своих подданных, и это письмо — тому пример.

В это время Зоррос принимал послание из рук градоначальника. Горожане наперебой кричали, хлопали в ладоши, свистели... Теперь Саксену и Элиссе приходилось разговаривать очень громко, чтобы слышать друг друга сквозь шум.

— Вот если он положит конец преследованиям своих подданных, это будет славно! — крикнула девушка.

Ее услышал не только Саксен. Люди закивали, соглашаясь.

— Чего ему стоит отменить закон, который позволяет мерзавцам вроде Гота вытворять все, что заблагорассудится? — продолжала она. — Почему они могут искалечить или убить человека только за то, что он отличается от других? Эти люди даже не могут получить убежища!

Элисса заметила, что стоящие вокруг люди поддерживают ее, и продолжала:

— Только представь: вдруг какому-нибудь Готу придет в голову, что человек не может ходить по канату! А если ходит, то это волшебство! В лучшем случае, он добьется того, чтобы вашу труппу разогнали, а в худшем — прикажет всех вас перерезать. Скажи, разве хороший король такое допустит?

Хватит, надо остановиться. Элисса поняла это раньше, чем Соррель, которая стояла рядом, коснулась ее руки. К вящему облегчению, Саксен решил пойти на попятный.

— Конечно, ты права. Я тоже не понимаю, зачем нужен этот закон.

«Будем надеяться, что после смерти Гота его шайку распустят», — добавил он мысленно.

«Тогда я тоже скажу, что наш король — славный человек, — Элисса улыбнулась, показывая, что не злится, но не могла удержаться и добавила: — а до тех пор я его презираю».

Настроение у нее было хуже некуда. Момент, которого она так боялась, наступил. Надо прощаться с цирком, который несколько месяцев был ей домом, с Саксеном... а она не знает, как это сделать. Соррель сказала, что расставание состоится этим утром. Их цель — Карембош, всего полдня пешком от Илдагарта... целая вечность. Элисса знала: даже если цирк будет выступать в городе несколько недель, они с Саксеном больше не увидятся.

— Ну, девочка моя, — деловито сказала Соррель, прерывая поток ее грустных размышлений, — нам пора. Долгие проводы — лишние слезы.

Соррель огляделась, разом одарив всех улыбкой, и начала прощаться. Обнимала одних — тех, кого узнала ближе, благодарила за доброту других... Элиссе стало дурно. Держась изо всех сил, она пыталась следовать ее примеру. Их пожитки уже навьючили на Кетая. Ослик прядал ушами, словно отмахиваясь от шума и запахов Беббертона.

Однако люди, словно ничего не замечая, тепло обнимали девушку, а Церис наконец-то набрался смелости и чмокнул ее в щеку. Саксена видно не было, но Элисса знала и так: он стоит где-то в задних рядах, рядом с Гретой, и широко улыбается. Его голос то и дело звучал у нее в голове, подбадривая, убеждая не трусить.

Наконец, очередь дошла и до семейства Фоксов. Они стояли тихо и лишь переглядывались, словно не зная, что сказать. Элисса отвела глаза. Если она встретится взглядом с Саксеном...

— До свидания, Орис.

Она крепко прижала к себе мальчика. Милт шагнул к ней, наклонился, чтобы обнять ее первым, и Элисса, повинаясь какому-то странному зову, поцеловала его в щеку.

— Спасибо за доброту, Милт.

Удивительно, но этот поцелуй оказался для нее куда большей неожиданностью, чем для Милта. А ведь он буквально ооготворил ее... Милт робко улыбнулся.

Младшие радостно визжали, когда Соррель и Элисса обнимали их. Грете досталось много теплых слов- если бы не ее доброта, когда им некуда было преклонить голову...

Наследок Элисса тепло обняла женщину. Она ожидала чего угодно. И снова неожиданность: во время этого прощания Грета держалась чопорно, что было на нее не похоже.

Они попрощались со всеми. Кроме одного человека.

Деваться было некуда. Элисса подняла глаза и встретила взглядом с Саксеном. Как бы ей хотелось возненавидеть эту широкую улыбку, эту бесчувственность! Он же знает, чего ей стоит это прощание! Так пусть ничего не говорит, хотя бы мысленно, подумала Элисса, опуская перед ним воображаемую штормку.

Соррель поспешила заполнить паузу.

— Саксен, ты наш спаситель. Мы с Элиссой...

— Не надо, — он поднял ладонь, прерывая ее.- Не нужно. Он склонился, заключил ее в свои медвежьи объятия... и вдруг выпрямился во весь рост. Соррель взвизгнула. При виде своей наставницы, которая препотешно болтает ногами в воздухе, умоляя клука поставить ее на землю, Элисса сломалась. Решимость покинула ее. Она проклинала свои глаза за предательство, но слезы уже текли и текли. Когда Саксен отпустил Соррель и повернулся к ней, она рыдала.

— Клянусь Светом, девочка... - охнул он.- Это еще что такое?

— Хватит, Элисса, — проворчала Соррель, направляясь к коновязи, где стоял Кетай. — Знаешь, как говорят? Уходя — уходи.

Саксен посмотрел ей в спину и снова повернулся к Элиссе.

— Почему ты плачешь?

Краем глаза девушка заметила на лице Греты ухмылку, и это привело ее в чувство. Она шмыгнула носом, откашлялась и шагнула вслед за Соррелью.

— Мне грустно, вот и все. Мне будет вас всех очень не хватать.

Соррель как раз собиралась забраться в седло, и Элисса бросилась ей помогать. Она справится. Точно справится. Подхватив Кетая под уздцы, она решительно зашагала вперед-потом остановилась... Надо еще раз помахать им. Саксен все еще широко улыбался. Он был высокий и красивый, а в глазах плясали лукавые искорки. Заставив себя не глядеть в его сторону, Элисса улыбнулась — всем, кроме него.

— Эй! А меня не обнимешь? — он жестом комедианта прижал руки к своей могучей груди, и все семейство расхохоталось.

Это было последней каплей. Бросив поводья, Элисса подбежала к Саксену и набросилась на него с кулаками. Сейчас она ему задаст! Но клук, продолжая смеяться, поймал ее руки, осторожно завел за спину и держал, пока ее ярость не угасла и она не прекратила сопротивляться. Элисса тяжело дышала, по щекам текли слезы, а губы Саксена щекотали ей ухо.

— Я еду с тобой, — прошептал он и отпустил ее.

— Что?!

— Что слышала. Я же послан к тебе — помнишь?

Да, она слышала... но это не укладывалось в голову. Спасибо Церису — он привел ее в чувство.

— Это правда. Он отказался от работы в цирке. Он скавал, что должен офтатъфя с тобой.

Хохотали все. Соррель, которой надоело ждать, слезла с осла, чтобы выяснить, что случилось. Только бы Саксен не начал набиваться им в провожатые... Она всей душой надеялась, что этого не произойдет. Но когда травница посмотрела на Саксена, потом на Элиссу... Объяснения были излишни.

— Он сказал, что поедет с нами, — сообщила Элисса, хотя сама в это не верила.

— С твоего разрешения, Соррель?

Саксен в упор смотрел на старую женщину, и она знала: эти учтивые слова — лишь дань уважению. Он очень далек от того, чтобы просить.

— Ну, Саксен... Я просто потрясена. Мы направляемся в Карембош, и я представить себе не могу, что нас там ждет — а тем более с мужчиной-попугчиком. Хм-м-м... я не уверена, что мы можем...

— Вот когда доберемся, тогда и будем ломать голову. Можно, я хотя бы провожу вас до ворот Академии?

Соррель прищурилась.

— Ты знаешь про Карембош?

Еще бы. Попутешествуйте с мое по Королевству — и вы непременно о нем услышите. И сказки, и правду.

Ох, не зря она беспокоилась по поводу его намерений... Это было написано на лице Соррели. И именно она задала вопрос, который не решалась задать Элисса.

— А Грета и дети? Ты не можешь их бросить.

— Обойдемся, — усмехнулась Грета, но в ее голосе — о чудо. — не было ни злобы, ни презрения. — Здесь есть кому о нас позаботиться.

Ее улыбка стала лукавой. Такого поворота Элисса от нее не ожидала.

— Я ничего этого не понимаю! — крикнула она. Церис не мог сдержаться.

— Грета выходит вамуж за Воррофа. Он уже много лет ее любит!

— Это правда, — подтвердила Грета, заметив неверящий взгляд Элиссы. — Зоррос не раз делал мне предложение, но до сих пор я ему отказывала, потому что не могла изменить... покойному мужу.

Она вздохнула.

— Детям нужен отец. Негоже заставлять Саксена жить чужой жизнью. В конце концов, Льюис сам решил рискнуть, хотя знал, чем это грозит. Мы его потеряли. Никто в этом не виноват. Саксен наконец-то нашел то, что искал... и я не могу его за это упрекнуть: ты настоящая красавица. Поэтому я решила принять предложение Зорроса. Дети его обожают, так что все остались довольны.

Грета улыбалась. Элисса не верила своим глазам...

— А ваш номер?

— Если твой муж — владелец цирка, он не даст тебе выступать нигде, кроме постели, — Грета подмигнула. — Может, Милт и Орис останутся на арене. Малышам пока придется посидеть на скамейках — если все пойдет так, как я думаю.

Зоррос протолкался вперед и обнял будущую супругу.

— Как я понимаю, вам уже обо всем сообщили. Не желаете нас поздравить?

— Ох, простите! — воскликнула Элисса. Это сон. Сейчас он закончится, и она проснется. И рядом будет только старушка со своим осликом, длинная пустая дорога... и приют, готовый принять усталых путников.

До Карембоша оставалось несколько миль, которые показались на удивление короткими. Соррель ехала на Кетая, Саксен с Элиссой быстро шагали рядом. Время летело незаметно; трудно было ожидать, что эта часть поездки окажется богатой событиями. Однако окрестности радовали глаз своей красотой, а вдаль, на горизонте, черной щеткой вставала стена Великого Леса.

Соррель решила смириться с присутствием Саксена. Он говорит, что много странствовал? Значит, он должен знать, что в Карембоше мужчинам не место. Как бы то ни было, а этот вопрос можно будет решить — в этом Соррель не сомневалась. Однако вскоре она пришла к неожиданному выводу. Это же просто благословение — то, что он остался с ними. Элисса до сих пор сама не своя от радости. Добрый знак. Приспособиться к новому укладу обычно бывает нелегко, но девочка в Академии явно приживется.

Соррель объяснила Элиссе, что Академия — место священное и на какое-то время станет для них надежным убежищем. Если девушке там понравится, она может стать послушницей, но это зависит только от ее желания. Кроме того, Элисса узнала о камне под названием «архалит» и что происходит, когда женщина принимает решение его носить. Соррель снова убедилась, что не зря считала девочку умницей — она все поняла и даже торжественно пообещала, что подумает о такой возможности, когда немного поживет в Академии. А для начала надо отдохнуть и восстановить силы... Все верно. Позади у них долгий путь. Уединенная жизнь пойдет девочке на пользу, но одиночество ей не грозит. Сверстницы, скорее всего, тепло примут ее. Так что Элисса сможет начать новую жизнь.

Вскоре по обеим сторонам дороги поднялись стены, за которыми зеленели сады. До Академии оставалось совсем немного.

Кетай услужливо остановился, позволяя Соррели обратиться к своим спутникам.

— Ворота уже недалеко, — проговорила старушка. — Как вы посмотрите на то, чтобы я поехала вперед и сообщила о нас? Вы подойдете, когда тени станут длиннее.

Она могла просто сказать «оставайтесь здесь и ждите» и не дожидаться, пока они кивнут в ответ. Соррель легонько стукнула Кетая пятками, и ослик, которому в кои-то веки не потребовалось повторного приглашения, затрусил по дороге, поднимая клубы легкой пыли.

Саксен с Элиссой подошли к живой изгороди. День был сплым; после прогулки по пыльной дороге их лица словно покрылись сверкающей пудрой. Элисса вытерла лоб платком и огляделась.

— Как думаешь, хозяева не станут возражать, если мы немножко полакомимся сливами?

Она задала этот вопрос просто ради приличия, так как уже перелезала через изгородь по приступочкам.

— Ну, возразят — и что? — отозвался Саксен, забираясь следом. Это приключение его забавляло.

— Ты будешь очень скучать по ним — верно, Саксен?

Элисса наконец-то осмелилась спросить о том, что ее давно беспокоило. Саксен жевал сливу, сок стекал у него по подбородку и капал на грудь.

— По детишкам? Конечно. Но Грета поступила мудро, и Зоррос ее любит, в этом можно не сомневаться. Он будет о них по-настоящему заботиться, особенно о маленьких. Зачем брату их покойного отца путаться под ногами?

— О, только не надо! — она запустила в него сливовой косточкой. — Я уверена, тебя они всегда будут помнить.

— Может быть. Однако меня беспокоят старшие мальчики. У Милта и Ориса трудный возраст, им нужна твердая рука. Нужен отец, который не пожалеет времени, чтобы учить их мудрости. Не уверен, что Зоррос станет этим заниматься, — Саксен покачал головой. — Мне пришлось пригрозить им поркой, чтобы они не вздумали за нами увязаться.

Такого Элисса не ожидала.

— А если они все-таки...

— Так они и сделают, можешь не сомневаться, — он фыркнул. — Иначе их сердца будут разбиты, и они умрут, не выдержав разлуки с прекрасной Элиссой.

Девушка грустно улыбнулась.

— И как они это сделают?

— Любовь — жестокая госпожа. Она заставляет человека совершать такое, на что бы он в жизни не отважился. Например, мальчики могут, не долго думая, украсть повозку и отправиться за нами следом. В какой стороне находится Карембош, они знают по нашим прошлым путешествиям.

Но Элисса не хотела больше думать ни о мальчиках, ни о том, что они потеряли человека, которого любили, как отца.

— Пойдем? — спросила она.

— Э-э-э... позволь мне пойти первому, Элисса.

— Нет! Почему? Мы пойдем вместе.

— Считаю это чутьем вкупе с человеческим опытом. Я просто хочу убедиться, что все в порядке. Обещаю, я быстро. По крайней мере, постараюсь побыстрее. Просто осмотрюсь, и все. А ты пока собери еще немного фруктов.

Девушка прищурилась.

— Твоя подруга Лисс тебя о чем-то предупреждала? — она почувствовала, как у нее по спине пробежал холодок.

— Ну... не совсем так. Просто она кое о чем напонила, и я решил, что осторожность не помешает. Сущие пустяки, — он встал. — Но в одиночку мне будет спокойнее, я чувствую себя увереннее. Вот и все.

— Ладно. Но я буду считать мгновения до твоего возвращения. Раз, два, три, четыре...

Саксен перелез через ограду и побежал по дороге.

Девушка поднялась и медленно зашагала между деревьями. Длинная, высокая стена из розоватого камня тянулась куда-то вдаль, насколько хватало глаз, вдоль всего сада и за его пределы. Скорее всего, эта стена окружала Академию.

Соррель мало рассказывала об Академии — может быть, потому что Элисса не проявляла должного любопытства. Старушка обещала, что там они наконец-то найдут пристанище, а остальное ей было почти безразлично. Правда, оставался еще вопрос с архалитом. Пока все шло к тому, что Элисса готова стать послушницей. Конечно, это означает, что в ее жизни больше никогда не будет мужчины. Но для нее существовал лишь один мужчина, и он ушел из ее жизни навсегда. Зато у нее будет возможность многому научиться, узнать о своих способностях... Элиссе нравилось об этом размышлять. Соррель говорила, что в Академии есть чудесная огромная библиотека, а также архив с древними пергаменами и книгами. При одной мысли об этом Элиссе бросало в жар. Там она сможет

забыться и... будем надеяться, воспоминания о Торе покроются пылью, которую она будет сдувать со старых свитков.

Она еще раз посмотрела на ровные ряды розоватого камня. А ведь до ворот можно добраться куда быстрее. Достаточно пересечь луг и взобраться на стену. Сколько можно ждать?... Нет, она дала Саксену слово, а обещания надо выполнять. Чтобы скоротать время, девушка залезла на грушевое дерево и принялась собирать фрукты. Это занятие и впрямь отвлекло ее. Наслаждаясь спокойствием, она вполголоса напевала какую-то песенку. Мысли витали далеко-далеко, и Элисса не услышала, как где-то с топотом промчались лошади.

Наконец девушка распахнула груши по карманам и направилась к воротам. Она была счастлива. У Саксена было предостаточно времени убедиться, что все в порядке. Чего он боялся? Гот мертв. А кто еще может угрожать ей, кроме главы Инквизиции? Нет, хватит саму себя запугивать! Отбросив все страхи, Элисса зашагала вдоль стены, в сторону дороги.

Пройдя примерно полмили, она остановилась. Перед ней, у самой стены, стояло огромное старое дерево. Казалось, оно выросло здесь как раз для того, чтобы можно было перебраться через стену... Ох, и разозлится же Соррель, когда увидит, каким путем она проникла в Академию!

Но тут ее ушей коснулся звук мужских голосов. Крестьяне? Или того хуже — садовники? Подобрав свою легкую юбку — Соррель почему-то настаивала, чтобы ее воспитанница носила хлопок, — Элисса полезла на дерево. Ничего сложного: раньше им с Тором нравилось так забавляться.

Ее переполняла радость. Для них с Соррелью начинается совершенно новая жизнь. Наконец-то они нашли пристанище... и Саксен будет рядом... Надо надеяться, ему разрешат поселиться где-нибудь недалеко от Академии — а может, даже наймут на работу. Никогда за последние годы у нее еще не было так легко на душе. И почти не тянет к Тору... Воспоминания о нем возвращались все реже, боль понемногу притуплялась. Теперь она представлялась Элиссе твердым блестящим камушком, застрявшим в сердце. Вот и славно, пусть лежит, а она время от времени будет проверять, не делся ли он куда-нибудь... Последнее время такие проверки случались все реже и реже, а попытки мысленно поговорить с Тором прекратились совсем. Какой в них смысл, если все равно не встречаешь ничего, кроме пустоты, густой и холодной, как разочарование?

Еще чуть-чуть... И вот Элисса уже стояла на стене и посмотрела вниз.

Нет, не может быть. Голова пошла кругом, сердце замерло, но не от высоты, а при виде того, что происходило на широком дворе перед воротами — там, где стена раздваивалась, точно розовая река, огибающая остров. Во дворе стояли лошади и люди с пурпурными лентами поперек груди — все мужчины, человек десять. Напротив, на парапете, испуганно жались друг к другу женщины; среди них была и Соррель, ее лицо исказила боль.

А в центре двора на коленях стоял человек. Лохмотья, которые еще недавно были одеждой, и золотые волосы слиплись от крови. Саксен. На его прекрасном теле уже не осталось живого места. Инквизиторы били его дубинками, но он все не падал.

Элисса завизжала, каменные стены откликнулись эхом. Саксен с трудом поднял голову и посмотрел на нее. На месте сверкающих фиолетовых глаз зияли дыры, из которых вытекала густая черная жидкость, не похожая на кровь.

Но голос, который прорвал пелену ужаса и зазвучал в голове у Элиссы, был прежним — красивым и ровным.

«Я знаю, что ты здесь. Успокойся, моя девочка. Пожалуйста, прошу тебя, спасайся. Из всех сил, какие у тебя есть. Ты можешь жертвовать любым из нас. Но спаси свою жизнь».

Но это был еще не конец. Другой голос, который Элисса ненавидела больше всего на свете, огласил двор. Голос, который знало все Королевство, который невозможно было спутать ни с чем — неестественно высокий, точно женский.

Он. Это был он — стоял у стены и плотоядно ухмылялся.

— А, вот ты где, Элисса! Мы тебя ждали. А пока тебя не было, немножко поразвлеклись с твоим дружкой. Он имел наглость тарашиться на меня, поэтому пришлось

выколоть его мерзкие гляделки. Жаль, что он не кричал — тогда бы ты прибежала к нему на помощь. Он только стонал, корчил из себя героя... Скучно с ним, право. Но с тобой, я уверен, нам будет веселее! — и Гот рассмеялся, точно молодая девица.

Элисса покачнулась и едва успела ухватиться за ветки. Этого не может быть... Гот мертв!

Саксен попытался встать, но инквизиторы, которые на миг отвлеклись, возобновили избиение. Дубинки снова и снова опускались на его спину. Клук не издавал ни звука, но вновь согнулся и больше не шевелился.

«Саксен, не надо... — взмолилась Элисса. Слезы градом текли по щекам, и она уже чувствовала соль на губах. — Побереги силы, ты должен спастись».

Ответ прозвучал чуть слышно. Это был даже не шепот — скорее шелест, словно ветер срывал слова с губ.

«Я должен защищать тебя до последнего вздоха... Даже ценой жизни».

«Только пошевелись... Я спущусь вниз, и пусть делает со мной, что хочет! — выпалила Элисса. — Клянусь!»

Еще один знакомый голос: Соррель в гневе призывала все кары на голову Гота. Услышав ее, инквизиторы снова остановились... Хоть какая-то передышка.

— Будь я неладен! — взвизгнул Гот. — Опять эта старая потаскуха! Я-то надеялся, что ты сгорела во Фрэгглшеме, треклятая перечница! Почему никто из вас не умирает, когда я того хочу?

Инквизиторы захохотали. Гот наслаждался. Он все-таки сумел загнать свою жертву в ловушку. Глупая девчонка, куда ей деваться? И как она попадет в Святилище — единственное место, где власть Инквизиции не имеет силы?

Академия Карембоша — особое место. Так повелось с незапамятных времен, и никому из королей и в голову не приходило отменять древний указ, защищающий тех, кто нашел убежище в ее стенах. Ее окружала тайна. Даже Гот не смел нарушать закон Карембоша. Но этого и не требовалось. Элисса не успела пересечь спасительную границу. И пусть ее глупая бабка исходит на крик — она внутри, а ее внучка снаружи, и их великан-защитник повержен к его ногам, избит до полусмерти. Можно не сомневаться: еще немного — и девчонка будет у него в руках... Но Инквизитор уже наслаждался. Конечно, им никогда не расплатиться за то, что они сотворили с ним той ночью. Но с этой девкой он поквитается сполна.

В следующий миг вновь произошло нечто такое, что казалось невозможным. Во дворе появились Милт и Орис. Саксен был прав — а может быть, просто знал: они и в самом деле украли повозку. И отправились следом за человеком, который — боги свидетели — был для них настоящим отцом. Мальчики просто не могли его покинуть.

Она видела, как их сияющие улыбки словно задуло ветром, как они в ужасе отпрянули и прижались друг к другу. Она кричала, призывая их спастись, пока не поздно. Но при виде избитого, истекающего кровью Саксена мальчики застыли на месте, не зная, куда деваться и что делать.

— Милт, Орис! — кричала Элисса, захлебываясь слезами. — Бегите!

«Мальчишки здесь?» — голос Саксена, слабый от боли, снова зазвучал у нее в голове. Клук чуть заметно повернулся в сторону въезда во двор.

«Здесь! Вот глупыши!»

«Элисса, послушай меня, -говорить ему становилось все труднее.

— Времени у тебя почти нет. Заберись на это дерево как можно выше».

«О чем ты говоришь?»

Гот уже указывал кнутом на мальчиков и что-то приказывал одному из своих подручных, но она не слышала.

«Поднимайся немедленно, чтоб тебе пусто было!» — заорал Саксен. Одному Свету известно, каких усилий это ему стоило. Она думала, что больше не услышит его голоса. Но...

— «Полет»! Исполняем «Полет», ребятки! Сделайте это, мои любимые. Покажите им

настоящее искусство!

Элисса кричала от страха и отчаяния. Она поняла, чего хочет Саксен. Это ее последняя надежда. Но за ее спасение заплатят жизнью трое славных ребят, которых она любит всей душой... Времени на раздумья не оставалось. Карабкаясь все выше и выше, она видела, как мальчики, повинувшись команде Саксена, сплели руки и выходят в центр двора.

— Что затеяли эти недоумки? — крикнул Инквизитор.

Послышался шум, ворота Академии распахнулись, и во двор вылетел Кетай. Казалось, осел взбесился. Он прыгал, словно ему под хвост попала шлея, орал дурным голосом и бил копытами все, что оказывалось поблизости. Четверо подручных Гота оказались на земле прежде, чем поняли, что происходит. Остальные, включая самого Инквизитора, попятились к стене — от греха подальше.

«Давай, Элисса, — прошептал Саксен. — Лети. Лети, девочка. Не дай мне пережить второй провал».

Связь прервалась. Элисса заставила себя ни о чем не думать, зажмурилась, почувствовала, как вокруг нее собирается Зелень — и сама не заметила, как прыгнула. Волшебная сила брызнула из нее во все стороны, словно прорвало фонтан. Кувыркаясь, Элисса летела вниз, где ее уже ждали Милт и Орис. Казалось, полет длится целую вечность. Кетай ревел и метался по двору, разгоняя инквизиторов. Потом раздался вопль Гота — это кричал человек, который не верит своим глазам. Через миг Элисса приземлилась на сплетенные руки мальчишек и тут же взлетела снова, словно на батуте. Вряд ли они смогли бы забросить ее на парашют, но вокруг нее кипела Зелень. Еще кувырок — и девушку подхватили женские руки.

Ничего подобного девушке пережить не доводилось. Ее переполняли страх и сила. Удар был силен, и Элисса едва не лишилась чувств. Но она была в безопасности. Она лежала во дворе Святилища, и сок раздавленных груш расплывался по ее платью, точно кровь.

Прежде, чем кто-либо успел опомниться, Кетай подбежал к воротам. Одна створка распахнулась, точно от могучего сквозняка, а через миг громко хлопнула, но осел уже был внутри.

Мальчишки, словно очнувшись от этого звука, расхохотались. Они уже поняли, что совершили — в тот самый миг, когда Элисса летела над парашютом. Но Соррель следила за разъяренным Инквизитором, и к горлу подступала дурнота. Гот обезумел от гнева. Схватив дубинку, он набросился на Саксена и бил его до тех пор, пока клук не рухнул в пыль, неподвижный, как изломанная кукла. Казалось, кровь сочится из всех пор его кожи.

Гот подождал немного, но циркач не шевелился. И тогда Инквизитор посмотрел на мальчиков и выкрикнул отвратительный приказ.

Семь стрел просвистели в воздухе и пронзили их насквозь. Четыре достались Милту, три попали в Ориса. Мальчики упали друг на друга. Их руки все еще были сплетены, лица сияли гордостью и восторгом.

Гот запрокинул голову и посмотрел на парашют.

— Я человек терпеливый, Элисса! — казалось, Инквизитор повредился в рассудке.

Элисса не слышала его. Она уже исчезла в Зелени — в самом потаенном убежище, какое у нее было.

Глава 16

Путешествие Тора

— Почему так скоро?

Девушка поигрывала ремнем, который стягивал брюки Тора, и вид у нее был весьма обиженный.

— Меня ждут во Дворце, — Тор нежно поцеловал ее. — Я должен приступить к своим обязанностям.

Она скорчила недовольную гримаску.

— У тебя здесь тоже кое-какие обязанности, лекарь.

— Кассандра, имей совесть!

Он продолжал застегивать черные стеклянные пуговицы на своей белой рубашке без ворота — по этой одежде лекарей и составителей снадобий узнавали издалека. Однако ловкие пальчики Кассандры расстегивали их одну за другой, и не менее проворно.

— А ну прекрати! — прикрикнул на нее Тор. — Скоро мы снова будем вместе, моя сладкая. Но сейчас мне пора.

Тор оглядел комнату в поисках вещей, которые они разбросали по всей комнате во время своих ночных развлечений. Первой на глаза попала черная безрукавка.

— Ты всегда так говоришь! — жалобно заныла девушка. — И каждый раз я должна ждать, ждать, а ты сначала заглянешь к Доротее, или к Шалли... а еще Бетси мне сказала, что ты обещался Сиси Битей. Я убью тебя, если ты переспшишь с Сиси!

Тор рассмеялся, нашел свою шляпу, чмокнул Кассандру в щечку, а потом игриво, но нежно потискал ее грудь.

— Тебя я люблю больше всех, Касси. Не забывай Она вырвалась и запустила ему вслед подушкой.

— Ты, как всегда, неотразима! — обернувшись, Тор подмигнул девушке, захлопнул за собой дверь и побежал вниз по лестнице, прыгая через две ступеньки. Девушки — полуодетые, полураздетые и почти голые — прощались с ним, и каждая напоминала, что следующая ночь его развлечений в городе принадлежит ей.

Выйдя из заведения госпожи Грейс, Тор поморщился: яркий солнечный свет резал глаза. Через миг ему на плечо бесшумно опустился крупный сокол. Никто не обратил на это внимания — горожане уже привыкли, что молодой лекарь всюду появляется со своей великолепной птицей.

«Девушки девушками, но Меркуду не понравится, если ты опоздаешь во дворец к обходу».

Голос сокола раздавался у Тора в голове. Птица как ни в чем не бывало чистила перышки, однако в ее тоне звучал укор. Ц-ц-ц, как нехорошо!

Тор уже успел прославиться своими успехами у женщин. Впрочем, эта слава ему совершенно не вредила — более того, вызывала бурный восторг у королевской стражи. После той памятной ночи с Эйрин он понял, сколько удовольствия могут доставить друг другу мужчина и женщина. Он не скупился ни на деньги, ни на нежность, и девушки из местных заведений изнывали от ревности к той, с кем он проводил ночь. Вежливый, ласковый, учтивый, он сводил их с ума — особенно сейчас, когда его красота стала по-настоящему мужской. Такой клиент сам по себе был наградой.

Темные густые волосы Тора отросли, черты лица стали тверже и тоньше. Но первое, что замечал каждый — это глаза удивительного темно-голубого цвета, такого глубокого, что брала оторопь. Однако их взгляд не угрожал и не пугал. Эти глаза были постоянно готовы улыбнуться, а искренний, заразительный смех мог растопить любое сердце.

Когда-то Тор был застенчив, но за последние годы у него прибавилось уверенности. Его осанка стала горделивой; кроме того, он постоянно упражнялся вместе со стражниками под руководством Кайруса. Мускулы у него окрепли, плечи и грудь стали шире — соразмерно его высокому росту.

Столь же блестяще шло обучение у Меркуда, и юноша уже успел прослыть одним из лучших лекарей Королевства. Теперь, если заболел кто-то из придворных, Тора приглашали первым; кроме того, именно ему поручали осматривать короля и королеву. В делах ремесла Тор слушался только своего наставника — а тот молча признавал, что способности молодого человека порой превосходят его собственные. Люди говорили, что Облегчающий Страдания оказался хорошим учителем... и лишь сам Меркуд знал правду. Он почти ничему не учил Тора. Юноша сам развивал свой дар, пользовался им смело, дерзко, то и дело удивляя и пугая своего наставника и заставляя его опасаться разоблачения.

Клут продолжал чистить перышки и что-то говорить, но мысли Тора уже устремились в

ином направлении. Щурясь на солнце, он вспоминал Элиссу. Интересно, что бы она сказала, узнав о его успехах? Он непременно найдет ее, рано или поздно. Тор знал: со многими женщинами ему было хорошо, многие его любили — но ни одна с ней не сравнится.

Он думал о ней всю дорогу. Клут отчитывал юношу, напоминая о делах, обязанностях и прочих подобных вещах, но Тор его почти не слушал.

Юноша снова чувствовал смутное беспокойство, которое появилось вскоре после Праздника Первого Листа. Жизнь прекрасна, уверял себя Тор, тревожиться не о чем... Но беспокойство не исчезало. С тем же успехом можно было лечить доводами разума больной зуб.

«Клут, — перебил он, — тебе никогда не приходило в голову, что мы выглядим несколько странно? Ты представляешь, что думают люди, когда я разгуливаю по городу с охотничьим соколом на плече?»

Клут моргнул.

«Представляю. Они думают, что ты выглядишь бесподобно. Если разобраться, как раз благодаря мне женщины падают к твоим ногам. Мужчина с соколом на плече кажется... как бы это сказать... слегка опасным... в общем, это настраивает их на нужный лад».

Тор скорчил гримасу.

«Я не шучу», — он мог бы и не говорить: это было очевидно.

«Я обещал сообщить тебе, если Лисс снова явится мне. Но вот уже пять лет ничего не происходит. С тех пор, как мы сбосновались во Дворце, я ее ни разу не слышал. Поверь: если она снова даст мне поручение, ты узнаешь об этом немедленно».

Меряя широким шагом мостовую, Тор вскоре достиг кварталов, где обитают добропорядочные горожане. Каждый, кто попадался навстречу, считал своим долгом приветствовать придворного лекаря. Тор кивал в ответ, улыбался, махал рукой... Но мысли его были далеко.

«Как думаешь, что она мне готовит?» — в голосе юноши звучала тревога.

«Другой бы на твоём месте жил да радовался, — с укоризной проговорил сокол. — А ты все воспринимаешь как должное. Ладно, я не буду говорить о тех благах, которыми ты пользуешься. Ты нравишься мужчинам, женщины сходят по тебе с ума... Думаю, даже наша королева в тебя немного влюблена. У тебя есть дело, которым ты занимаешься, и ты не просто хорошо его делаешь, ты — лучший. Чего тебе еще желать?»

Тор дал волю возмущению.

«Я хочу знать все! Об этой Лисс, о тебе, об этой силе, которая творит что хочет, об Элиссе... Ты можешь сказать, где Элисса? Почему я не слышу ее, как раньше? Или предполагается, что я должен ее просто забыть? Это часть общего замысла?»

«Ах, значит, теперь мы вспомнили. Я думал, что этот вопрос закрыт, мой мальчик. Ты выбрал свой путь, а Элисса — свой. Ты уже пять лет как уехал из Гладкого Луга. Или ты считаешь, что она не попытается тебя найти, даже если захочет? Почему бы ей, на худой конец, не черкнуть тебе пару строчек? Может, хватит пилить опилки?»

Некоторое время Тор раздумывал над словами Клута, заодно пытаясь успокоиться. Потом заметил на другой стороне улицы мать с ребенком и помахал им. Не так давно он спас этого мальчика, когда тот умирал от зеленой лихорадки. Болезнь считалась неизлечимой, и несколько дней в городе только и говорили, что о чудесном исцелении. Но никто не знал, что ребенку помогли не снадобья, которые давал ему молодой лекарь. Тор нарушил обещание, данное учителю, и воспользовался волшебством. Горожане были не так далеки от истины, когда называли это чудом.

Меркуд несколько дней кипел от злости и не удостоивал провинившегося ученика даже взглядом. Когда же разговор, наконец, состоялся, Тор возблагодарил строителей Дворца наравне с богами. Западная башня была устроена так, что из нее не доносилось ни звука. Впрочем, вскоре юноша начал опасаться, что его учителя слышно даже в Восточном крыле. Меркуд был сам не свой и ругался на чем Свет стоит. Никогда, ни при каких обстоятельствах, Тор не должен прибегать к волшебству для лечения людей.

К его величайшему удивлению, молодой человек спокойно, но твердо ответил, что впредь будет пользоваться своими способностями, как пожелает и когда пожелает. И тут между ними словно что-то оборвалось. Тор понял, что отныне полностью предоставлен самому себе. Но это и к лучшему. Опека Меркуда становилась в тягость. Старик шагу ступить не дает. Пора жить своим умом.

Вот зачем бояться Инквизиции, если Гот не в состоянии его разоблачить? Если нельзя пользоваться волшебством, чтобы помогать людям, какой в нем толк? Ах да, еще Клут. Тор уже привык к тому, что его друг теперь обитает в теле птицы. Но если даже кому-нибудь рассказать — кто поверит, что красавец сокол когда-то был полоумным калекой?

Кайрус — вот кто. Юноша сокрушенно вздохнул. С тех пор, как он спас прайм-офицера в Сердце Лесов, они ни разу не обсуждали подробности этого происшествия. Кайрус, друг и союзник. Именно он убедил Тора учиться искусству боя. Воины дворцовой стражи ежедневно упражнялись на мечах, причем Кайрус гонял гвардейцев, не жалея ни их, ни себя. Тор принял его приглашение. Во имя Света, зачем ему это понадобилось? Со своим даром он без особого труда отразит любое нападение.

Куда важнее было другое: Кайрус рассказал ему все, что знал о женщинах, научил разбираться в винах... но главное — воспитывал в нем верность и уважение к королю. Этот человек, правая рука Его величества, стал Тору чем-то вроде старшего брата, но юноша понял это только сейчас. Они сближались понемногу, и все происходило как бы само собой.

Что же касается Клута... С того мгновенья, как Тор с соколом на плече явился в Сердце Лесов, чтобы спасти Кайруса от страшной смерти, между ним и прайм-офицером установилось что-то вроде негласного уговора. Кайрус даже наврал королю... Почему?

И кто такая Лисс? Почему она послала к нему Клута? От кого она защищает Тора? Эти вопросы постоянно крутились у него в голове... а время от времени и на языке — как сейчас, например.

В этот миг Тор сообразил, что Клут уже некоторое время молчит, ожидая его объяснений.

«Просто я люблю Элиссу, Клут. Знаешь, я оглядываюсь назад — и почти верю, что Меркуд нарочно разлучил нас. Я ее даже не чувствую... — Тор поднял руку и провел кончиками пальцев по гладким перышкам сокола. — Я хочу ее найти».

Ответом ему был сокрушенный вздох.

«И я тоже кое-чего хочу. Уехать отсюда хоть ненадолго. Понять, для чего я живу. Чего я должен добиться. Я хочу поговорить с Лисс, хочу, чтобы Великий Лес снова поговорил со мной... а еще я хочу съесть хотя бы одну печенку Гуди Батт!»

Даже в такие минуты Клут находил в себе силы пошутить. Но оба знали, что шутка далась ему нелегко.

Тор одиноко шагал по прохладным коридорам Дворца и размышлял — о том, как наконец-то смог выговориться, и о странной решимости, которую почувствовал после беседы с Клутом. Сегодня ему почему-то не хотелось работать. Весь день исцелять страшные недуги: кто-то рассадил локоть, упражняясь с мечом, кто-то растянул лодыжку, у кого-то болят зубы... Обычные проблемы обитателей Дворца.

Он как раз размышлял о шишке на пальце у одного из придворных и очень любопытном карбункуле, который вскочил на шее уважаемой Пегги Уэлтсит — сегодня, наверно, им уже можно будет заняться, — когда из-за поворота вылетел конопатый юноша с соломенными волосами.

— Почтенный! — завопил он издали. Тор заметил, что паренек бледен как полотно и едва переводит дух.

— Привет, Пигон. Что за спешка?

Порой у Тора возникало желание присесть на корточки, чтобы не смотреть на людей сверху вниз. За эти годы он еще вытянулся и иногда чувствовал себя неловко из-за своего роста.

— Ох, почтенный... мы вас давно ищем! Королева...

Тор до сих пор не мог привыкнуть к этому обращению, но на этот раз пропустил его мимо ушей. Королеву он осматривал только вчера, и у нее все было в порядке.

— Она заболела? — спросил он, склонив голову набок.

— Да, сударь.

— Что-то скверное?

— Да, сударь, — Пигон тяжело вздохнул. — Кажется, ей очень-очень плохо... сударь.

— Спасибо, дружок. Она у себя?

Едва дождавшись утвердительного кивка, Тор бегом бросился по коридору. Паж уже слишком запыхался и почти сразу отстал, но дорогу в королевские покои Тор нашел бы не только с завязанными глазами, но даже двигаясь задом наперед. Он знал, как добраться туда из любой части дворца. Вскоре Тор уже оказался в восточном крыле и, прыгая через три ступеньки, взлетел по каменной лестнице. На церемонии и доклады времени не оставалось; впрочем, стража знала, что придворного лекаря должно пропускать в любой час дня и ночи, не задавая лишних вопросов. Пробегая мимо гвардейцев, Тор кожей почувствовал их облегчение.

В прихожей он наткнулся на двух камеристок. При виде столь бесцеремонного вторжения в покои Ее величества на их осунувшихся личиках отразилась целая гамма чувств, но одного взгляда лекаря оказалось достаточно, чтобы пресечь любые протесты. Одна из дам наманикюренным пальчиком указала на дверь опочивальни.

Тор вошел и тут же увидел королеву. Как всегда, она выглядела спокойной, но юноша никогда не видел, чтобы она была так бледна. Ее губы казались бескровными и кремово-белыми, в точности как ее шелковая сорочка.

Найрия лежала на большой кровати, украшенной позолотой, закрыв глаза. Ее супруг, все еще одетый для верховой прогулки, судорожно теребил вышитый полог. Рослый, широкоплечий, Лорис выглядел точно площадная статуя, которую непонятно зачем притащили в тесный альков. Но достаточно было взглянуть на его бледное, искаженное горем лицо, чтобы даже у самого черствого человека пропало желание смеяться.

Королева была при смерти. Чтобы это понять, не было нужды прибегать к волшебству. Вокруг толпились придворные; среди них юноша заметил Инквизитора Гота. Гот в роли духовника... Да, это было бы смешно, если бы не было так грустно. Инквизитор ненавидел королеву — это знали все. Возможно, его подобоострастная мина могла кого-то обмануть, но только не Тора и не саму Найрию. Вряд ли он явился пожелать Ее величеству скорейшего выздоровления, подумал молодой лекарь.

Он увидел, что Кайрус что-то вполголоса объясняет королю. Потом Лорис кивнул, и прайм-офицер отошел в дальнюю часть комнаты.

Меркуд стоял у большого окна с витражами, откуда открывался вид на живописную долину, в центре которой стоял Тал. Казалось, больше всего придворного лекаря интересуют густые леса на горах. Но его гордо расправленные плечи сегодня поникли. Он скорее почувствовал, чем услышал, появление ученика, поднял голову, и Тор заметил, как Меркуд покусывает нижнюю губу. Одно из двух: либо старик злится, либо в отчаянии... скорее всего, и то, и другое.

Когда Тор вошел, в комнате воцарилась тишина.

— Тор, мальчик... — голос короля прозвучал неожиданно громко. — Ты наша последняя...

Лорис осекся. Он был не в силах говорить. Меркуд быстро шагнул к алькову и что-то шепнул ему на ухо. Король вздрогнул, выпрямился и прочистил горло.

— Да, конечно... Прошу вас, господа. Предоставим нашим лекарям возможность спокойно поработать.

Он кивком указал на дверь, но это было лишнее: Кайрус уже распахнул ее и пропускал придворных в соседнюю комнату.

— Мы подождем снаружи, — проговорил Лорис и бросил короткий взгляд в сторону

Меркуда. Старик кивнул. За все это время королева так и не открыла глаз и едва дышала.

Придворные следом за королем покидали опочивальню. Гот не удержался, обернулся на пороге и с победоносной ухмылкой посмотрел на Тора. Глава Инквизиции и ученик лекаря ненавидели друг друга и не делали из этого секрета, хотя до открытых стычек пока не доходило.

— Мы не заставим вас ждать, Гот, — съязвил Тор. Он заметил, как Кайрус поднял одну бровь, а это было неспроста.

— «Инквизитор Гот», если угодно.

Его голос был таким же холодным, как взгляд, а лицо дергалось сильнее обычного.

Тор решил изобразить мудрость и не стал продолжать перепалку. Он тихо притворил двери и повернулся к Меркуду.

— Мы искали тебя несколько часов, Тор, — старик говорил негромко, но не скрывал возмущения.

— Меня нашел Клут, сударь.

— Твой сокол? — фыркнул Меркуд. — И ему хватило ума?

«Хватило, только ты вряд ли об этом узнаешь», — подумал Тор. Впрочем, он не сердился на старого лекаря. Как можно злиться на человека, которому ты стольким обязан! Дело было не только в благодарности: он по-настоящему любил старика. Просто сейчас Меркуд настолько взбудоражен, что воздух трещит, так что лучше соблюдать осторожность. В конце концов, Тор действительно проштрафился. Но... не хватало еще, чтобы Меркуд решил, будто смог пробудить в нем чувство вины! Тор напустил на себя строгость и подошел к кровати.

— Расскажи все, что тебе известно.

Его твердость и спокойствие произвели должное впечатление. Меркуд вздохнул.

— Мне нечего сказать. У нее слабое сердце, ты сам знаешь... Возможно, Кайрус расскажет лучше — он там был.

Тор оглянулся. Прайм-офицер по-прежнему стоял в стороне, но, встретив взгляд своего молодого друга, откашлялся и заговорил — четко, строго, словно на докладе. Он не сдвинулся с места, однако можно было без труда разобрать каждое слово:

— Их величества отправились на конную прогулку. Во время прогулки ничего особенного не произошло. Они уже возвращались домой и остановились, чтобы выпить вина, когда Ее величество сообщила, что чувствует слабость. Его величество вспомнил, что она употребила фразу «мне нечем дышать». Это продолжалось недолго, и мы продолжили путь, но вскоре снова пришлось остановиться: Ее величеству стало дурно. Я посоветовал Его величеству и еще кое-кому из придворных, которые участвовали в прогулке, остаться с ней. Король послушался моего совета. А я поручил своим людям найти тебя... или почтенного Меркуда.

Кайрус смолк, и Тор покосился на своего учителя. Едва войдя в опочивальню, он отметил, что старик сам не свой но почти не удивился. Меркуд очень любит королеву — а кто ее не любит? Но что если старик... Эта мысль была дикой нелепой и противоречила здравому смыслу. Меркуд влюблен в Найрию. Почему бы и нет? Она была изящна, обаятельна красива... Была. Тор одернул себя. Рано ее хоронить. Юноша положил руку на плечо учителю.

— И что было дальше? Меркуд покачал головой.

— К тому времени, как я туда добрался, Найрия уже лишилась чувств, и я ничего не мог сделать. Теперь она лежит здесь... такая прекрасная... и умирает.

Он быстро отвернулся.

— Мы не дадим ей умереть, Меркуд... Обещаю.

Голос старика, который зазвучал у него в голове, дрожал от волнения — достаточная причина, чтобы не позволить Кайрусу услышать продолжение разговора.

«Как ты можешь такое обещать, мальчик? Мы не способны воскрешать мертвых... и даже умирающих».

Тор сделал глубокий вдох и показал на королеву.

— Вы позволите? — спросил он вслух.

Старик кивнул. Он выглядел усталым и, казалось, смирился с неизбежным.

«Все, что в наших силах... ради Лориса».

— Мне уйти? — Кайрус шагнул к двери.

Когда оба лекаря покачали головами, он молча отпустил ручку и вернулся в свой угол.

— Мы потеряли ее, Тор, — грустно проговорил Меркуд.

— Меркуд, уважа... Сядьте, пожалуйста. Дайте мне несколько минут.

Голос Тора был исполнен почтения. Сейчас надо быть особенно деликатным. Меркуд обучал его на протяжении пяти лет, но то, что он собирался сделать, потрясет старика.

Тор склонился над королевой. Его ладони заскользили над ее телом, не касаясь его. Потом окружающий мир исчез. Меркуд и Кайрус, придворные за дверьми, дворец, краски, звуки... Он слышал, видел и чувствовал только Найрию.

Меркуд был прав. Все дело в сердце. В одном из кровеносных сосудов образовался комок и закупорил его. И теперь Найрия умрет. В худшем случае ей останется несколько часов, в лучшем — день или два. Тор видел злополучный сгусток, чувствовал слабеющий пульс: сердце тщетно пыталось протолкнуть кровь через преграду. Он почти ловил обрывки мыслей умирающей — спутанных, бессвязных, полных страха. А затем Цвета закипели в нем и полностью захватили его — яркие в своей первозданной чистоте, которой не теряли даже в смещении, неизменно различимые... И его пылающие ладони коснулись груди королевы.

Меркуд и Кайрус звали Тора, но он не слышал. Для него больше не существовало ничего, кроме Найрии и Цветов, которые текли в нее через его руки. Вот они образовали вокруг ее задышающегося сердца радужный клубок... Юноше стало нечем дышать: его собственное сердце стало биться с ее в такт, слабо и неровно.

Это продолжалось лишь несколько мгновений. Медленно, но верно молодость и сила брали свое. Тор вздохнул и почувствовал, как учащается пульс, оживляя сердце королевы. Оно словно не желало отставать, пульсируя сильнее и чаще — удар за ударом, толчок за толчком. Вокруг яростно кипели Цвета, исправляя то, чего не могла исправить природа.

Склонившись над королевой, он беззвучно раскачивался взад и вперед. Потрясенный, очарованный, Меркуд наблюдал за ним. Воистину, безумная смелость. Лекарь не мог наблюдать за работой Цветов, но чувствовал силу Тора. Нет, не просто чувствовал — он был ослеплен, оглушен... Юноша выплескивал ее, не скупясь, а таинственный источник все не иссякал.

Он не ошибся, выбрав Тора. Мальчик — Триедин. Каким образом это получилось, к чему приведет? Это выше его разума. Но теперь он, Меркуд, может быть спокоен: его задача почти выполнена.

Лекарь снова попытался окликнуть юношу, но тот словно ничего не слышал. Прикоснувшись к плечу Тора, Меркуд охнул от неожиданности и отдернул руку. Тело юноши казалось раскаленным, как печка. За всю свою долгую — очень долгую — жизнь Меркуд по прозвищу Облегчающий Страдания не встречал ничего подобного.

Снаружи послышались встревоженные голоса. Потом в дверь негромко постучали, и кто-то — кажется, Лорис — полушепотом задал вопрос. Меркуд не ответил — он попросту не разобрал ни слова, и человек спросил снова, но более настойчиво.

К нему присоединились другие. Стук стал громче, и вскоре в дверь уже молотили кулаками.

— Меркуд! — полный отчаяния голос короля прорвался сквозь грохот. — Во имя Света, что вы там делаете?

Лекарь почувствовал себя беспомощным. Кайрус уже шагнул вперед, чтобы открыть, но Меркуд покачал головой. Гот не должен ничего видеть. Слава Свету, прайм-офицер уже никогда не примет сторону Инквизиции. Тору удалось обзавестись верным другом, который любит его не меньше, чем сам Меркуд. Каким образом? Должно быть, это так и останется тайной. Лекарь мог только догадываться, что на самом деле произошло в Сердце Лесов. Он

снова покачал головой. Воздух в комнате стал плотным и только что не трещал. Здесь творилось могучее волшебство- Меркуд чувствовал это, но не понимал. Возгласы возмущения за дверьми сменились гневными воплями.

— Осталось совсем немного, Ваше величество! Меркуд хотел произнести это спокойно, но не смог. Даже самый наивный человек понял бы, что дело нечисто.

— Будьте вы прокляты! — Лорис пнул дверь ногой. — Немедленно открывайте!

— Стража! — завизжал Гот, срывая голос от ярости. Это не сулило ничего хорошего.

Высокие двойные двери застонали — похоже, гвардейцы пытались их выломать. Меркуд увидел, как по косяку бегут трещины, потом трещины ошестинились щепками... Еще немного, и люди ворвутся в опочивальню. Кайрус кричал гвардейцам, приказывая остановиться, но это было бесполезно. Он сам учил их безоговорочно повиноваться приказам короля.

Меркуду оставалось последнее: он бросил Тору нить мысленной связи и в отчаянии воззвал к нему. В следующий миг пол ушел у него из-под ног. Вокруг неистовствовала радужная буря. Внезапно старик осознал, насколько он слаб перед лицом этой неведомой мощи. Нет, был в его жизни один-единственный раз, когда ему довелось прикоснуться к подобной силе. Ошеломленный, он отпрянул, нить лопнула, и лекарь упал в кресло.

Когда дверь, наконец, уступила усилиям стражников и придворные во главе с королем и Инквизитором ворвались в опочивальню королевы, Тор уже выпрямился. Меркуд почувствовал, как волшебство исчезает, словно утренний туман.

— Вы ублюдки! — Лорис был уже не в силах говорить вежливо — даже со своим лучшим другом и его учеником, которым так восхищался.

— Ваше величество! — перебил Кайрус.

Все, кто находился в комнате, обернулись. Ресницы королевы задрожали. Потом она открыла глаза. Ее взгляд был ясным и светлым, как обычно. На щеках снова играл легкий румянец, губы тронула улыбка.

— Лорис... любовь моя... Что здесь происходит? — ее голос дрогнул, потом окреп. — Привет, Кайрус. Меркуд, мой старый друг? И Тор...

Стражники преклонили колени. Камеристки прикрыли рты, чтобы не закричать, потом подобрали юбки и сделали то же самое. Меркуд привстал... и внезапно ощутил, насколько устал от этой долгой, странной жизни.

— Добро пожаловать назад, Ваше величество, — прошептал он. Чувства сменяли друг друга, словно волны в море. Усталость схлынула, его наполнило облегчение. Потом он понял, что ненавидит себя... за то, что любит Тора, вернувшего жизнь этой женщине... а еще больше он ненавидел ярость, которую испытал, когда мальчик ослушался его приказа...

Тор уже пришел в себя и стоял на коленях рядом с Кайрусом, который смотрел на него, почти не скрывая любопытства. Только Гот, вопреки правилам, остался на ногах. Судорожные подергивания стирали с его лица выражение, но глаза горели гневом. Эта женщина жива! Мало того: кажется, она чувствует себя куда лучше, чем прежде.

Лорис опомнился первым. Он обнял супругу и крепка прижал ее к себе. Как и большинство остальных, Его величество все еще не мог поверить в это чудо.

Добравшись до покоев Меркуда, Тор упал в кресло. Здесь было тихо и покойно. В западном крыле Дворца никто не жил, и Меркуду это нравилось. Какое-то время юноша сидел, прикрыв лицо руками, потом запрокинул голову, и теперь его взгляд лениво скользил по рядам бутылочек из темного стекла, толстостенных баночек и коробков, чье содержимое было столь же таинственно, как и назначение. Их теснили пыльные тубы со свитками и тяжелые тома, посвященные древним рецептам траволечения. Полки тянулись вдоль каждой стены. Но для Тора здесь секретов не было. Он изучил все книги и знал все снадобья.

Мало кто отваживался заглядывать в западное крыло. А вход в покои придворного лекаря был открыт лишь для нескольких человек — например, для короля и королевы. Однако даже они не знали о книгах, которые Меркуд хранил отдельно от других. Эти книги были написаны несколько сотен лет назад и посвящены иному искусству. Искусству Силы,

которое ныне чаще называли волшебством.

За пять лет обучения Тору удалось лишь одним глазком взглянуть на эти рукописи. Меркуд скрывал свои способности не менее старательно, чем дар своего ученика.

Как он устал... Бессонная ночь в объятьях Кассандры, затем исцеление королевы...

Окно с шумом распахнулось. В другой раз Тор вздрогнул бы от неожиданности, но сейчас он знал, что предвещает этот звук. Послышалось хлопанье крыльев; Клут во всей своей красе опустился на подоконник, отряхнулся и посмотрел на друга янтарным глазом.

Юноша смущенно улыбнулся одним уголком рта.

«Ты слышал, Клут?»

Сокол издал звук, похожий на прищелкивание языком. Так он выражал раздражение — раздражение взрослого, чей ребенок в десятый раз повторяет одну и ту же ошибку.

«Мне не нужно слышать. Я чувствовал».

«Правда? — Тор был искренне удивлен, услышав эту новость. — А я не чувствовал, что ты рядом».

«Неужели? Возможно, ты был слишком занят. Представляю, каких усилий стоит вернуть к жизни королеву».

«Не надо, Клут. Ты еще будешь меня учить! Будто мне мало...»

«А как ты думаешь, Тор? Надеешься, что Гот это просто так оставит? Весь дворец гудит. Все знали, что она умирает. Король уже не чаял увидеть ее в живых. Даже старик смирился. И что тебя дернуло?»

Сокол прыгал по подоконнику, словно не мог усидеть на месте. Тор совершил чудо... и величайшую глупость, какую только можно. И как теперь ему выкручиваться?

«Гот уже не первый год на тебя поглядывает. А теперь ты дал ему повод, чтобы...»

«Что? Обвинить меня в применении волшебства? А чем он докажет? У него нет доказательств — нет и быть не может! Его дурацкий булыжник даже не мигает, что бы я ни делал и как бы ему этого ни хотелось. Сколько раз повторять — и тебе, и Меркуду: мне его бояться нечего».

Клут вздохнул.

«Ладно. Успокойся. Я знаю, что ты прав. Но тебе угрожает опасность. Я чувствую это. Он придумает, как причинить тебе боль, Тор. Я просто знаю. Так что лучше следи за тем, что творится у тебя за спиной. В любом случае... Как она?»

«Королева?»

«Нет, Пегги Уэлтсит и ее карбункул! Как ты думаешь, о ком я спрашиваю?»

Они рассмеялись, и тут в комнату вошел Меркуд.

— А, как я погляжу, птица снова нашла тебя, Тор. У нее это великолепно получается.

Тор уже решил, что не позволит Меркуду себя разозлить. Безусловно, старик мечтает устроить ему разнос за все, что произошло этим утром... так что лучше помолчать. Клут, который понимал, когда его присутствие становится нежелательным, подпрыгнул, расправил крылья и устремился в сторону королевских садов, за которыми темнел лес.

— Похоже, птичка понимает человеческий язык лучше некоторых, — раздраженно буркнул Меркуд, протягивая юноше чашку. — Вот. Выпей.

— Что это? — Тор брезгливо поморщился. Настой пах отвратительно.

— Огласить список ингредиентов? Или достаточно сказать, что это снадобье, которое облегчает последствия бессонницы и переутомления... в том числе полового?

Тор снова сделал вид, что пропустил шпильку мимо ушей, и одним духом осушил чашу. Крапива, шпорник и немного фиалкового корня, отметил он про себя. Меркуд хорошо его обучил.

— Спасибо,-пробормотал он, ставя чашку на подоконник.

— Ну-с, молодой человек... — начал Меркуд, усаживаясь за свой стол.

Тор моргнул и уставился в окно, но лекарь не отставал. Давай обсудим то, что ты сегодня сделал.

— Вылечил умирающую женщину.

— Я хочу знать, каким образом.

— Я сам не знаю.

— Следовательно, ты уже не первый раз проделываешь подобные вещи. Точно-точно, припоминаю. Мальчик... с зеленой лихорадкой. Тогда ты действовал так же?

Тор изменил положение. Ему стало неудобно.

— Примерно так.

А еще раньше были Клут и Кайрус. Но о них — никому и никогда.

— И ты можешь вдохнуть жизнь в мертвого? — в тоне Меркуда причудливо мешались насмешка и благоговение.

— Я никогда не пробовал, сударь.

Прежде, чем Меркуд успел сказать что-то еще, Тор встал. Этим спорам пора положить конец.

— Мне кажется, вы должны быть счастливы. Я же знаю, как вы любите Лориса и Найрию... Я думал, все будут счастливы.

Это был неправильный ход. Теперь у Меркуда был повод дать волю гневу — именно этого лекарь и ждал. И, разумеется, воспользовался случаем.

— Счастливы узнать, что во Дворце есть Чувствующий? Счастливы, потому что теперь будет кого пытаться, клеймить? Счастливы, что смогут отправить тебя на исправительные работы куда-нибудь в глушь? Чтобы ты доживал там остаток своей жизни — изувеченный, жалкий, никому не нужный?!

Меркуд вышел из себя. Он мерил комнату шагами, и гневные слова вылетали им в такт у него изо рта вместе с брызгами слюны.

— Я запретил тебе использовать свой дар для лечения больных! Я запретил тебе вообще пользоваться им где-либо вне этих четырех стен! Или я ошибаюсь? — он не стал дожидаться ответа Тора. — Я запретил тебе делать вещи, которые могут привлечь внимание этого мясника Гота и его тупых вырожденков. Он же только и думает, как тебя сцапать! Он тебя ненавидит, Тор. Не надо быть Чувствующим, чтобы это понять! Ненавидит! И эту ненависть можно резать ножом и подавать на блюде, не разогревая! А если он решит, что не может добраться до тебя — возьмется за тех, кто тебя любит. Ты подумал о своих родителях? О своих друзьях? О своей птице, будь она неладна? Об Элиссе?

На этот раз ошибку допустил Меркуд. Он увидел, как Тор напрягся, но было уже поздно.

— И я запрещаю тебе проводить ночи напролет в борделях старик ткнул костлявым пальцем в сторону учениям — Ты больше никогда не опоздаешь на обход, потому что никогда не покинешь Дворец без моего ведома. И, повторяю: я запрещаю тебе пользоваться волшебством... и вообще проявлять неповиновение!

Да, он совершил ошибку — ужасную ошибку. Встретив обезоруживающий взгляд темно-голубых глаз Тора, Меркуд убедился в этом окончательно. И в голосе, который прозвучал ему в ответ, был такой холод, что у лекаря заledenела кровь в жилах.

— Вы больше ничего мне не запретите. Никогда. Юноша как будто стал ростом в милу и повзрослел на десять лет, а лицо окаменело.

— Я уезжаю, сударь.

— Я тебе запрещаю! — рявкнул Меркуд.

— А как ты меня остановишь, старик? — слова Тора падали, словно льдинки.

— Если понадобится, я посажу тебя под замок!

Ничего смешнее нельзя было придумать, но Меркуд хватался за последнюю соломинку. Нет, бесполезно. Он слишком сильно оттолкнул мальчика. Не надо было приплетать сюда Элису.

Тор звонко щелкнул пальцами и стал невидимым. Потом щелчок раздался у Меркуда в голове, и голос Тора прошелестел:

«И как они меня найдут?»

Меркуд был снова потрясен. С какой легкостью мальчик это проделал! Тех, кому

удавалось стать невидимыми, можно было пересчитать по пальцам, и они учились этому не одну жизнь. Ему и в голову не могло прийти, что его ученик достиг такого мастерства. Но лекарь тут же взял себя в руки.

— Я чувствую тебя, Тор. Ты забываешь, что я тоже Чувствующий.

«Боюсь, вы плохо чувствуете», — на этот раз Тор не смог сдержать злость. И выставил «щит». С помощью этой уловки он мог скрыть свое присутствие от кого угодно. Меркуда охватил ужас, по коже пробежал озноб. Он ощупывал пространство, но Тор словно растворился в воздухе. Это было все равно что тыкать тростью в туман. Сначала Меркуд растерялся, потом начал злиться. Абсурд! Он, Меркуд — самый сильный из ныне живущих Чувствующих... До сих пор сомневаться в этом не приходилось. Боги не только наградили его могучим даром, но и помогли этому дару развиваться. И вот теперь собственный ученик выставляет его дураком.

В этот миг юноша появился. На его лице было написано такое изумление, что становилось ясно: он сам от себя такого не ожидал. Он попробовал это впервые — и у него получилось! Однако замешательство длилось лишь миг. Тор шагнул к дверям.

Все еще дрожа, Меркуд протянул руку и схватил его за плечо. То, что произошло, потрясло лекаря до глубины души. Он не должен потерять этого мальчика, иначе...

— Тор, я... пожалуйста... — его переполняли отчаяние и усталость. — Прости. Я не имел права так с тобой разговаривать. Прости, сынок... Просто я очень боюсь за тебя.

Тор обернулся. Он зря так поступил со стариком. Помнится, Элисса говорила: «Выставляя свой дар напоказ, ты получишь только печаль». Его лицо смягчилось, он накрыл руку Меркуда своей ладонью. Лед таял.

— Меркуд, я тоже люблю тебя, — его голос был теплым, как летний дождь. — Но мне надо уехать. Я должен побольше узнать о том, кто я такой и какова моя истинная цель. Благодаря тебе я пользуюсь благами, которые многим недоступны. Но я сердцем чувствую, что создан для чего-то другого. Я знаю, у тебя от меня много секретов. Я чувствую, что ты не случайно меня нашел — почему?

Лекарь чудом сдержался, чтобы не закричать. Ему рано раскрывать эту тайну. Время еще не пришло.

— Это уже давно меня беспокоит, — Тор нахмурился, — только я все не знал, как об этом поговорить. У меня такое чувство, словно ты давно искал меня, а потом нашел. Ты отнял меня у родителей... возможно, и у Элиссы... Потом заставил приехать сюда, сделал из меня лекаря... Но ведь это еще не все, верно?

Меркуд вырвал ладонь из-под руки Тора, отшатнулся и скрестил руки на груди, словно защищаясь. Пальцы впились в предплечья, точно когти хищной птицы в насест. Он ничего не расскажет... пока.

— Ты очень высокого мнения о себе, мальчик, если думаешь, что я всю свою жизнь только и делал, что тебя искал. — его голос стал невыразительным.

— Тогда почему ты до сих пор не брал учеников?

— В этом не было нужды. Но теперь... боюсь, мне осталось недолго. Годы уходят, и пришло время подготовить смену. Тор задумался. Похоже на правду.

— А Элисса?

— Что «Элисса»?

— Где она?

— С чего ты взял, что я знаю? — спросил Меркуд, стараясь не встречаться взглядом с учеником.

— Но ведь ты знаешь?

— Нет, — солгал старик, всем своим видом показывая, что не собирается больше ничего объяснять.

Тор пристально посмотрел на него, затем снова заговорил, спокойно, словно обсуждал завтрашний обход.

— Что ж, мое решение остается неизменным. Я уезжаю отсюда... сегодня.

— Но почему?

— Из-за всего этого, Меркуд, — Тор медленно обвел рукой комнату. — Ты хочешь сказать, что я рожден для того, чтобы быть лекарем? Нет, и теперь я это знаю. У меня это хорошо получается — лечить людей. Потому что у меня хороший учитель. Ты утверждаешь, что я высокого мнения о себе — это не так. Я слишком долго сомневался в себе и своих способностях. Я не доверял своей силе. Я слишком долго боялся ее. А теперь я хочу знать, какова моя судьба. У меня есть предназначение. Я чувствую.

Наконец-то это сказано. Тору показалось, что с плеч свалился тяжкий груз. То, что он носил в себе, то, что беспокоило его и грызло изнутри, наконец-то обрело форму слова — и слово сказано, выпущено наружу. Судьба, предназначение.

Меркуд сел. Он был в панике, голова шла кругом. Как исправить то, что он сам натворил? Ему нужно хоть немного времени на размышления... а времени нет. Тор уходит. И все замыслы, над которыми он столько бился, вот-вот рухнут.

— Тор, ты не мог бы принести мне вина?.. Пожалуйста. Тор словно очнулся и посмотрел на своего учителя. Внезапно старик показался ему таким беспомощным.

Юноша вышел в соседнюю комнату. В распоряжении Меркуда было несколько драгоценных мгновений. Его живой ум прилежно и торопливо перебирал одну идею за другой. Потом во тьме блеснул свет. Да, из этого может кое-что получиться...

В этот миг перед ним появился кубок, и Меркуд, приняв его дрожащей рукой, начал медленно пить. Некоторое время Тор наблюдал за учителем, потом смущенно спросил, что еще может для него сделать.

Вот он, шанс. Только не упустить!

— Кажется, я не ел со вчерашнего утра, — Меркуд почувствовал себя лучше, но старательно изображал слабость. — Еще немного — и у меня случится голодный обморок. Да еще все эти тревобления, в моем-то возрасте...

И чуть не выронил кубок.

Тор снова почувствовал себя юным учеником, который готов выполнить любое желание наставника. Да, пришло время расставаться, надо выбирать свой путь, свою судьбу... но он по-прежнему любил Меркуда и беспокоился о нем.

— Сходить на кухню, чего-нибудь принести?

— Да, мой мальчик. Прости, но придется тебя попросить. Небольшую тарелку супа... или что там еще есть у поварихи.

Тор ушел. Едва дверь за ним закрылась, Меркуд вскочил и принялся расхаживать по комнате. Новый замысел почти созрел. Наконец, старик протянул нить мысленной связи, умело замаскировал ее и тут же почувствовал отклик.

«Все пошло гораздо быстрее, чем мы ожидали. Мальчик уезжает сегодня».

«Что?! Ты с ума сошел, старик?»

«Пока нет, любовь моя, — Меркуд постарался, чтобы его голос прозвучал в голове собеседницы как можно мягче. — Как девочка?»

«Прелестна... Теперь уже не девочка, а женщина, — он почти чувствовал любовь и теплоту, с которой произносились эти слова. — Что я могу тебе сказать? Она усердно учится. Она способна, отличается прилежанием. Очень красива. Правда, держится несколько отчужденно. Но у нее есть близкая подруга, тоже послушница».

«Как ты думаешь, мы можем сделать так, чтобы все вышло как задумано?»

Меркуд сомневается. Впервые за столько лет!

«Конечно. Теперь все в руках богов»

Этот спокойный уверенный тон давался ей нелегко. До сих пор она лишь выполняла указания Меркуда. И вот он озадачен, не уверен в том, каким будет конец ужасного путешествия, которое началось давным-давно... Это внушало большие опасения.

«Наверно, ты права,- лекарь непроизвольно вздрогнул — А что клук?»

«Он не меняется. Все такой же преданный и верный».

«Он нам не помешает?»

«Я этого не допущу, — с вызовом ответила она. — Все зашло слишком далеко».

На лестнице слышались шаги.

«Время, любовь моя. Поговорим позже».

Он прервал связь в тот миг, когда Тор отрыл дверь, держа в руках поднос, накрытый салфеткой. А вот кого Меркуд не ожидал, так это повариху, которая ворвалась следом.

— Что тут происходит, старик? — от ее голоса только что не звенели склянки на полках.

Повариха считала, что еда — лучшее средство от всех недугов, от насморка до ломоты в костях. Надо только подобрать правильное блюдо и правильно его приготовить. И те, кому довелось хоть раз отведать ее стряпню — к их числу относился и Меркуд — были склонны с этим согласиться. Во всяком случае, запах ее легендарного куриного бульона пробудил бы жажду жизни даже в покойнике. Именно этот восхитительный аромат разливался сейчас по покоям Меркуда. Тор бережно опустил поднос на столик. Легкий пар проникал сквозь тонкую ткань салфетки, к нему примешивалось божественное благоухание свежего хлеба... Прежде, чем лекарь успел выразить свое восхищение, повариха напустилась на старика — она была единственным на свете человеком, кому это могло сойти с рук.

— Чтоб все было съедено, старый пень! А узнаю, что ты опять не обедал — все кости тебе поварешкой пересчитаю!

Она бросила ему салфетку на колени, подобрала юбку и исчезла за дверью.

Какое-то время было слышно, как толстуха пыхтит, спускаясь по узким каменным ступеням. Тор фыркнул Меркуд улыбнулся, но сдержал смешок.

— Она тебе кого-то напоминает, Тор?

— Мою маму!

— Но она великолепна, правда?

Во дворе оглушительно хлопнула дверь — это повариха покидала башню. Меркуд представил, как эта повелительница кухонного царства широким шагом пересекает двор, покрикивая на мальчиков-пажей и разгоняя кур.

— И что бы мы без нее делали? — добавил он почтительно.

— Советую тебе поторопиться с едой, иначе бури не избежать.

— Тор... Ты побудешь со мной, пока я ем? Мне нужно кое-что тебе сказать.

Если бы Тор посмотрел на свои камни — которые Меркуд когда-то назвал Камнями Ордольта — то заметил бы, как они наполняются радужным сиянием.

И понял бы, что это предупреждение.

Меркуду не хотелось есть, но он сделал вид, будто умирает от голода. Тор облегчил ему задачу — отказаться от куриного бульона придворной поварихи было просто невозможно. Для себя Тор прихватил немного орехов и вяленых фруктов и теперь грыз их, чтобы составить старику компанию.

— Ты когда-нибудь слышал об Илдагарте, Тор?

— Да. Ее величество говорила мне, что шпалеры и полог, что висят у нее в опочивальне, вышивали мастера из Илдагарта. Говорят, тамошние художники и ремесленники славятся на все Королевство.

— Очень хорошо, — Меркуд проглотил еще ложку супа и кивнул. Он снова был учителем, а Тор — учеником. — А о Карембоше, что недалеко от Илдагарта?

— Нет, сударь.

Меркуд откусил кусочек хлеба и не спеша прожевал. Восхитительно. Просто восхитительно.

— Карембош — нечто вроде монастыря. Лучшего слова не подберешь. Много сотен лет он служит прибежищем для женщин, у которых обнаружилась склонность к волшебству. Как раз для этого его и основали — чтобы защищать женщин-Чувствующих от преследований Инквизиции. Конечно, большинству женщин, отмеченных этим даром, никогда не добраться до его стен, где их ждут покой и защита. Гот и его свора отслеживают их и убивают, как делали все поколения Инквизиторов задолго до него. Однако некоторым

все-таки удастся спастись... и вот что странно. Стоит такой женщине оказаться в Карембоше — и ее окружают уважением и почетом, каким пользуются лишь священники и праведники. С ней ничего не происходит, она ничем не отличается от других Чувствующих. Но так повелось. Наш король, который смотрит на клеймение Чувствующих сквозь пальцы, позволит женщине из Карембоша сидеть за своим столом.

— Но тогда почему они еще не сбежали туда, все до единой?

Тора охватило жгучее любопытство. Воистину, никогда не знаешь, чего ждать от старика! Меркуд кивнул.

— Да, вопрос напрашивается сам собой. Но до Карембоша добраться очень нелегко. Он расположен далеко на северо-западе Королевства. Женщины понимают это, и многие предпочитают жить как прежде и скрывать свой дар. К тому же не всякая захочет стать затворницей. Женщине хочется выйти замуж, родить детей.... Вот так, столетиями, Инквизиция добивается того, что Чувствующих становится меньше и меньше. Да и те по большей части владеют лишь тем, что мы называем «стихийным даром», а не тем Искусством, которое некогда почиталось и передавалось из поколения в поколение.

— Тем, которым владею я?

— Скорее всего. Насколько я помню, ни один из твоих родителей не обладает подобным даром?

Внезапно Меркуда охватил ужас. Неужели он упустил из виду столь важный момент? Но не похоже, чтобы кто-то из Гинтов...

— Нет,- быстро ответил Тор. Следуя совету отца, он никогда и никому не говорил, как появился в их семье. И для Меркуда, и для всех остальных он был сыном Джиона и Аилсы Гинт. Родным сыном.

— Значит, это просто благословение богов, Торкин.

Учитель и ученик многозначительно переглянулись. Ныне назвать дар Чувствующего «благословением» можно было только в насмешку.

— Но почему этих женщин почитают, защищают? Вы же сами сказали: они такие же Чувствующие, как...

— Я не случайно назвал Карембош монастырем. Эти женщины учатся и учат других, лечат травами — надо сказать, в это они достигли немалых успехов,- и передают знания общинам и лекарям. Они служат земле — лучше не скажешь.

Но им не разрешается ни выходить замуж, ни даже заводить любовников. Это очень печально. Представь себе: женщина, совсем юная, приходит в Карембош, чтобы спастись от гонений... Зачастую она даже представить себе не может, от чего отказывается ради безопасности.

— А что будет, если ее застанут с мужчиной?

— Оба будут распяты на кресте и побиты камнями. Голос Меркуда внезапно стал сиплым. Похоже, старик снова что-то недоговаривал. Тор улыбнулся:

— Я бы не стал рисковать.

— Они сделали свой выбор и должны подчиняться правилам, — Меркуд не ответил на его улыбку. — В Карембоше не поклоняются богам, но точно так же отказываются от мирской жизни, как в любом другом монастыре.

Тор сунул в рот последний орех и медленно кивнул.

— Хорошо, я понял. Но зачем вы мне это рассказываете?

— Потому что нам с тобой предстояло отправиться в Карембош.

— Что?! — Тор резко выпрямился.

— Да, мальчик мой... — Меркуд кивнул. — Каждые десять лет в Карембоше проводятся особые празднования. Это великолепное событие. Обычно его посещают члены королевской фамилии... но в этом году об этом не может быть и речи. Мне повезло — меня приглашают с тех пор, как я стал служить королю.

Губы старика тронула тонкая улыбка. Если бы мальчик знал, какому...

— А когда начнутся эти празднества? — спросил Тор. Меркуд надул щеки, выдохнул и

пощипал себя за бороду.

— Так... давай посчитаем... В следующее полнолуние. И обычно они длятся несколько дней. Но не все приезжают к открытию.

— И в честь чего праздник?

— Думаю, в честь того, что они все еще живы, — бросил Меркуд. — Неудачная шутка... На самом деле, истинное значение этого праздника давно забыто, а обычай остался. Более того, большинство северян считают его очень важным.

— И вы хотели поехать туда со мной?

— Да. Я подумал, что тебе это будет интересно. Это особое событие, и мало кому из людей выпадает возможность его посетить... — он выдержал глубокомысленную паузу.

Тор выглядел несчастным.

— Но вот что я тебе скажу, мой мальчик...

Лекарь просиял, словно ему в голову только что пришла блестящая мысль.

Он расставляет своему ученику ловушку — и при этом улыбается и шутит. Если бы Меркуду сказали, что он на такое способен, он бы не поверил. Ему вообще не нравилась эта затея. Он предпочел бы откусить собственный язык, чтобы не впутывать этого ни в чем не повинного паренька в жуткую паутину обмана, которую сплел пять лет назад, и в которой тот застревал все сильнее.

— Возможно, я чего-то не понимаю, но... На самом деле, я даже благодарен тебе за то, что ты так горячо мне возражал. Возможно, я слишком многое тебе запрещал... но только потому, что люблю тебя, мальчик мой. Ты для меня как сын... — он улыбнулся. — Нет, скорее, как внук.

Тор передернул плечами. Он начинал чувствовать себя неловко.

— Я ничего от тебя не скрываю, Тор. Все, чего я хочу — это чтобы ты стал лучшим. Самым лучшим. У тебя удивительный дар. Ты хочешь знать, что тебе уготовано? Я знаю об этом не больше твоего. Но надеюсь, что всегда смогу защитить тебя... и не допущу, чтобы твой дар был растрочен впустую. А если ты попадешь в руки Гота и его мясников, именно это и произойдет.

— Но Гот не может почувствовать, когда я творю волшебство! И никто не может, кроме вас... ну, может быть, таких, как вы. Так чего вам бояться?

Конечно, мальчик прав. Если бы Гот мог представить, что происходит прямо перед его мерзким носом... При одной мысли об этом у Меркуда поднималось настроение.

— У Гота есть власть, Тор. Ее достаточно, чтобы убить тебя, а потом задавать вопросы. Он тебя ненавидит. Ему немного нужно, чтобы придумать причину и разделаться с тобой.

И тут Тор расхохотался. Он смеялся громко, открыто и искренне. Меркуд был потрясен.

— Вы хотите сказать, что ему под силу со мной тягаться?! — в этом вопросе не было высокомерия — этим пороком он вообще не страдал — только искреннее удивление. — Как он сможет удерживать меня, пока будет убивать?

Он снова прав, подумал старик.

— Ты забыл, что я сказал тебе, Тор. Ему не понадобится тебя убивать. Необязательно бить того, кому хочешь причинить боль. Можно ударить того, кто ему дорог.

Тор кивнул. Конечно. Гот — человек без чести и совести. Он не колеблясь уничтожит любого, чтобы расквитаться с ненавистным лекарем. Например, Кайруса.

— Еще один повод уехать, — пробормотал юноша.

— «Уехать», а не «сбежать»! — Меркуд возвысил голос. — Или ты хочешь вылететь отсюда, громко хлопнув дверью, чтобы о тебе больше никто и никогда не слышал? А как же люди, которые разделяли с тобой жизнь, которые беспокоятся о тебе?

Тор смутился.

— А что вы предлагаете?

— Отправляйся в Карембош. От лица Их величеств... и от лица придворного лекаря.

— Один?! — только и смог вымолвить юноша. Он был потрясен настолько, что

потерял дар речи.

В этот миг за окном послышалось хлопанье крыльев. Опять эта птица... Меркуд брезгливо поморщился.

— Как я понимаю, твой сокол нас внимательно слушает. И не сомневаюсь, что он за тобой увяжется. Но, если не считать сокола... да, ты едешь один.

— Я даже не знаю, что сказать.

— Вот ничего и не говори. Ты просто едешь туда вместо меня. Ты получишь лошадь, еду и деньги. И помни, ты представляешь королевскую фамилию. Надеюсь, ты понимаешь, какая это честь.

— Я не подведу, сударь.

Тору хотелось обнять старика. Кто мог знать, что в течение какого-то часа весь мир перевернется дважды?

Но Меркуд опередил юношу. Он протянул руки, взял ладони Тора в свои и крепко сжал их.

— Я хочу, чтобы ты дал слово, что не забудешь мое предупреждение. Помни, очень хорошо помни: женщин Карембоша недаром называют «Неприкосновенными».

Лекарь говорил шепотом, и ясно было, что он не шутит. Тор кивнул, но Меркуд еще сильнее сжал его пальцы.

— Тор, это очень важно. О тебе сложилось определенное мнение. Я знаю, как ты любишь женщин. Мужчина не имеет коснуться даже волоса на голове женщины из Карембоша. Иначе конец обоим — и мужчине, и женщине.

Меркуд замолчал, потом строго посмотрел на Тора, словно хотел впечатать ему в память каждое слово:

— Они не станут долго думать. Они просто покарают виновных.

— Ты сказал, я услышал. Обещаю, что буду вести себя безупречно.

Старик отпустил его, тепло улыбнулся и отвел глаза. Сеть расставлена, приманка зовет добычу. Какая низость... У него не было сил даже взглянуть в глаза мальчику, по которому уже звонил поминальный колокол.

Это не даст мне покоя, подумал Меркуд. Ни сегодня, ни в следующие дни.

Глава 17 Сердце Лесов

Прошло пять дней с тех пор, как стены Тала исчезли за горизонтом. Местность изменилась. Богатые виноградники юга остались позади, сменившись скалистыми холмами, обычными для северной части страны.

Тор был полон надежд. Он не жалел, что покинул дворец. Лишь одно омрачало его: он так и не попрощался со своим другом Кайрусом. Эта тучка на сияющем небе то и дело заслоняла солнце... но, в конце концов, молодому лекарю удалось себя успокоить. Кайрус получит его записку и все поймет.

Впрочем, Клут был иного мнения.

«А чего ты хотел, Клут? Чтобы я ждал шестрика, когда он вернется в город? Никто не знает, как долго его не будет».

«Он такого не заслужил», — настаивал сокол.

Это был уже не первый раунд их спора, но все они заканчивались одинаково. Клут обрывал связь и на какое-то время улетал прочь. На самом деле, спорить было не о чем: Тор был согласен с другом, но просто не представлял, как поступить иначе. После разговора с Меркудом у него не оставалось выбора. Он должен ехать. К тому же старик торопил: к четверику — четвертому дню — следующего месяца молодому лекарю следовало прибыть в Илдагарт.

Его размышления прервал пронзительный крик сокола. Клут кружил высоко в небе, и Тор с благоговейным восторгом следил как птица зависает, а потом вдруг складывает крылья

и падает... нет, не падает, а мчится все быстрее и быстрее, точно арбалетный болт.

Наверно, увидел зайца... При этой мысли Тор ощутил прилив тошноты. Он все еще не мог спокойно думать о том, как его друг разрывает добычу и пожирает еще теплое мясо. Позволив лошади самой шагать по узкой тропе, он снова погрузился в раздумья.

Конечно, королева Найрия все поняла. Тор помнил, какими глазами она смотрела на него, когда они прощались... И лекарь, и его подопечная понимали, что причин для беспокойства нет и быть не может, однако Найрия старательно изображала больную. Служанки укутали ее в толстую шаль. А как она опиралась на руку короля и тяжело дышала, словно встать с постели стоило ей невероятных усилий! Однако ее глаза говорили иное.

— Постарайся вернуться побыстрее, Торкин Гинт.

Она протянула руку для поцелуя. Тор опустился на одно колено... и не смог удержаться, чтобы не послать легкую любовную искорку — в тот миг, когда его губы коснулись ее кожи. И королева это почувствовала. Ее глаза вспыхнули: она узнала прикосновение волшебства.

— Ваше величество, — он снова низко поклонился, не смея встретиться с ней взглядом. Но Найрия больше не сказала ни слова.

Лорис тоже прятал глаза — но причина была иной. Он страдал. Во имя Света, что могло спасти его жену, кроме волшебства? Она уже умирала! И король понимал это. Он любил Найрию и только поэтому сделал вид, что ничего не случилось. Поступок, который шел вразрез со всем, за что он стоял, во что верил... Но как можно было допустить, чтобы погибла женщина, которая ему дороже жизни? Вот почему он позволил исцелить ее — с помощью дара, от которого он очищал свою землю, за который в его королевстве пытали, клеймили и убивали... При мысли об этом Тора выворачивало.

Лорис — благородный человек и мудрый правитель... в голове не укладывается. Но король доказывал это снова и снова — даже за то короткое время, в течение которого Тор жил во Дворце. Столько сострадания к подданным, столько любви к Королевству... Если бы только у него хватило смелости расправиться с Готом и своим необоснованным страхом перед Чувствующими! Тем не менее, это было еще одной причиной, вынуждающей Тору покинуть столицу. Лицемерие королевского двора было невыносимо.

Сколько народу собралось, чтобы проводить его, пожелать доброго пути! В глубине души Тор сомневался, что снова увидит кого-нибудь из них. Он был совершенно не уверен, — что вернется... но не хотел лишать людей веры и надежды.

Потому что все они были его добрыми друзьями. От юных пажей до ветеранов, которые не отправились с Кайрусом в рейд на юг Королевства и теперь полушутя салютуют Тору. Тогда он с легкой гордостью понял, что знает в лицо всех обитателей Дворца. За пять лет, которые он провел в Тале, каждый из них хоть раз обращался к нему за помощью. Вездесущая повариха не преминула напомнить юноше, что таких проводов удостаивались разве что король с королевой. Королевские проводы... Похоже, здесь его действительно полюбили.

А вот Инквизитора Гота Тор не хотел бы видеть даже на своих похоронах.

Однако не стоило упускать его из виду. Гот стоял неподалеку от короля, его лицо искажала обычная ухмылка, похожая на гримасу. Да, вот кто будет счастлив, если Торкин Гинт никогда не вернется. Скорее всего, глава Инквизиции пришел сюда лишь с одной целью — воотчую убедиться в том, что ненавистный лекарь покинул столицу. Интересно, как Готу пришлось вести о выздоровлении королевы? Он знал, что она смертельно больна, что ей осталось недолго. Но одно дело — обвинить в использовании волшебства какую-нибудь крестьянку, и совсем другое — любимца всех придворных и самого короля. Такое обвинение требует веских доказательств, а где их взять? Оскал Инквизитора стал шире, и Тор знал, что это означает: «погоди, я еще сведу с тобой счеты». Долго же ему придется ждать. Но Инквизитор будет ждать, пока не дожидется... Он очень терпелив.

Наконец, Тор обнял Меркуда. Они любили друг друга, как отец и сын. Но в жизни любой семьи наступает момент, когда отцу и сыну необходимо расстаться.

Тор выехал за городские ворота. Некоторое время вслед ему еще неслись крики провожающих. Но вот его догнал Клут, описал дугу, едва не задев Тора крылом. Юноша услышал в голове его мягкий смех и засмеялся в ответ, а потом пустил Тимару — годовалую кобылку, подарок короля, — галопом и гнал ее до тех пор, пока стены Тала не исчезли вдали. Кругом расстилались поля. Наконец-то он по-настоящему вырвался из столицы.

Здесь Тор опустил поводья. Несколько лет назад Кайрус научил его, как править лошастью, не занимая рук — легкими толчками, сжимая колени. Сунув руку за пазуху, Тор достал небольшой мешочек, который вручил ему Джион Гинт... и вздрогнул от неожиданности. Камни Ордолта, которые все это время оставались темными и безжизненными, снова светились, переливаясь всеми цветами радуги.

Он не понимал, что происходит, но научился доверять чутью. Камни, которые оставили ему родители — настоящие родители- единственное, что связывает его с прошлым. И Тор почему-то знал, что им следует доверять.

Три дня спустя Тор прибыл в Сэддлуорт — маленький городок, где снял скромную комнатку в трактире «Конь и ягненок». Сокол решил остаться в ближайшем лесу.

«Кстати, — голос Клута раздался как раз в тот момент, когда юноша, сидя за столом, с наслаждением поедая жаркое, — а как ты намерен объяснять Кайрусу, почему уехал, не попрощавшись с ним должным образом?»

«А почему ты спрашиваешь?» — осведомился Тор, не переставая жевать.

«О... просто я думаю, что тебе может представиться такая возможность».

В этот миг дверь распахнулась настежь, и в трактир, мрачный как туча, ворвался Кайрус. От неожиданности Тор качнулся и чуть не упал навзничь вместе со стулом... но, к счастью, он сидел у стены.

Похоже, Кайрусу пришлось немало времени провести в седле. Офицер выглядел усталым, его одежда, обычно такая опрятная, запыхалась, а серые глаза метали молнии.

— Ну и в чем дело? — осведомился он. Тон, которым был задан этот вопрос, не предвещал ничего доброго.

Отговорки были бесполезны: того, кто довел Кайруса до подобного состояния, могла спасти только честность. Тор был ошарашен, однако сумел сохранить самообладание. Для начала он тщательно прожевал кусок мяса, который мгновение назад сунул в рот. Это позволило выиграть немного времени и собраться с мыслями.

— Не желаешь присоединиться? — смущенно пробормотал он.

Прайм-офицер не ответил. В трактире стало тихо: назревала стычка, и посетители ждали, чем кончится дело.

Тор откашлялся, поднял кружку, подзывая слугу, и молча показал ему два пальца, что означало: «две кружки эля, пожалуйста, и побыстрее». Ответом был кивок, полный понимания. Этот простой жест гостеприимства немного разрядил обстановку. Трапезную снова наполнил привычный гул голосов.

Однако Кайрус не изменился в лице, и Тор, который вздохнул было с облегчением, опасливо покосился на друга. Неудивительно, если уважаемый прайм-офицер вмажет ему как следует, не тратя время на разговоры. Похоже, он очень зол.

— Я должен был это сделать, Кайрус. На самом деле я сам не вполне это понимаю, но... жизнь во Дворце больше не...

Он запнулся, подбирая слова.

— ... В общем, мне там тесно.

Скорее всего, Кайрус все-таки не станет драться. А вот крик поднимет непременно — хотя бы для того, чтобы дать выход гневу. Тор поднял руку, предупреждая вспышку.

— Нет, подожди, — в его голосе появилась настойчивость. — Я попробую объяснить... И пожалуйста, сядь и выпей со мной эля. Выглядишь ты ужасно.

Служанка звучно поставила на стол две кружки, Тор сунул ей несколько монет. Кайрус опустился на соседний стул с таким видом, словно делал огромное одолжение. Тор уже знал, что Клут сидит на дереве возле трактира.

«Все в порядке, Тор?»

«Не уверен. Кайрус требует объяснений».

«Ну что ж, удачи».

Кайрус залпом осушил полкружки- его явно мучила жажда- и несколько мгновений пристально смотрел на Тора, который сидел напротив. Юноша приготовился к худшему.

— Твой отъезд как-то связан с тем, что случилось в Сердце Лесов — с тобой, мной и соколом?

Этого Тор не ожидал. Он моргнул. Этому Кайрусу было достаточно: вопрос попал в точку.

— Мы никогда не говорили о том, что там на самом деле произошло, Гинт, — продолжал он, — но сейчас, думаю, время пришло. Тебе так не кажется?

— С чего ты злишься? — выдавил Тор.

В следующий миг ему показалось, что Кайрус перемахнет через стол и бросится на него. Прайм-офицера трясло от ярости.

— Потому что в Тале ты не просто небо копишь! — выпалил он. — Моим людям нужно, чтобы ты постоянно был рядом. Ты кое-как научился держать в руках клинок и... Чтоб тебе пусто было! Ты даже не удосужился что-то объяснить — просто черкнул пару слов на клочке пергамента! Во имя Света! С какой стати ты вдруг все бросаешь и несешься как ненормальный через все Королевство? Ради того, чтобы попрыгать на каком-то дурацком маскараде, который устраивают непонятно с какой целью?

Он выпалил все это на одном дыхании.

— Это не так, — тихо ответил Тор. Несколько посетителей, привлеченных воплями Кайруса, снова обернулись, и под их взглядами юноша чувствовал себя неловко. — Ты не просто расстроен, ты боишься за меня... то есть, боишься, что меня не будет рядом.

«Осторожно, Тор», — предупредил Клут.

— Идем! — Кайрус вскочил, с грохотом опрокинув стул. Зрители охнули и разинули рты.

— Давайте не будем ссориться на ночь глядя, уважаемые! — подал голос трактирщик.

— Все, идем! Живо! — заорал Кайрус, не обращая на него внимания.

«Ну, по крайней мере, он повысил голос,- заметил Клут. — Вот когда Кайрус говорит тихо, с ним лучше не связываться — согласен?»

Клут закашлялся, и Тор кожей почувствовал, что его друг смутился. В самом деле, для подобных обсуждений момент был выбран немного неудачно.

Повторного приглашения не требовалось. Он встал и робко поплелся за прайм-офицером. Несколько человек тут же шагнули к дверям, преграждая Кайрусу путь. Тор был тронут. Эти крестьяне видят их впервые в жизни — и все же пытаются спасти его шкуру! Должно быть, со стороны все выглядело довольно скверно. Однако Клут прав: не бойся Кайруса кричащего, бойся Кайруса молчащего.

Почти в ту же секунду его догадка подтвердилась. Вместо того, чтобы пререкаться, Кайрус молча распахнул плащ. При виде формы прайм-офицера крестьяне расступились, а двое даже забормотали извинения.

— Все в порядке, — сказал Кайрус. — Мы друзья.

Смех и грех. Однако во Дворце о норове прайм-офицера ходили легенды, и Тор не испытывал ни малейшего желания попасть своему другу под горячую руку. Конечно, у него был козырь- волшебство, которым можно воспользоваться в любой момент... но зачем прилюдно унижать своего друга?

— Подержи! — приказал Кайрус, бросая свой плащ одному из крестьян, и тот подхватил его, даже не задумываясь. Остальные молча наблюдали, как прайм-офицер широким шагом выходит из трактира, а за ним, спотыкаясь, бредет молодой человек одного с ним роста.

Едва оказавшись снаружи, Кайрус развернулся на каблуках, посмотрел на Тора и заговорил.

— Ты совершенно прав: я боюсь, — он больше не кричал, но от этого было не легче. — Думаешь, я не знаю, что ты лечишь людей с помощью волшебства? Или я, по-твоему, такой же болван, как Инквизитор Гот? И считаю, что если есть волшебный перстень, то и мозги не нужны? Клянусь Светом! Возможно, его камушек по какой-то причине молчит. Но ты забываешь, дружок, что тогда, в лесу, ты коснулся меня. И с тех пор я чувствую твое волшебство!

— Правда?

Тор осекся, но было уже поздно.

— Истинная правда, — глаза у Кайруса горели.

— Почему ты ничего не говорил раньше?

— А зачем? Твой дар спас мне жизнь. Если бы не ты, я был бы мертв. И королева тоже. Но мы живы, и это говорит само за себя. Живы — потому что ты решил, что мы должны жить!

Кайрус тряхнул головой, словно задувая злость в своих глазах, и опустился на кучу сена. Он выглядел так, словно только что проиграл поединок. Клут, которого до сих пор было не видно, подлетел и устроился на плече Тора.

«А теперь слушай, мой мальчик. Это важно».

Интересно, откуда Клут это знает. Однако стоило Кайрусу говорить вновь, и этот вопрос вылетел у него из головы.

— Мне начали сниться сны, Тор. Женщина, чей голос я слышал в лесу... та, которая говорила, что ты придешь и спасешь меня... Ну, она мне снова явилась.

— Лисс... — выдохнул Тор.

— Она самая. Она и сообщила, что ты уезжаешь из Тала и отправляешься в долгое путешествие. Когда я вернулся, во Дворце только и говорили, что о твоём отъезде... — Кайрус снова встал и сделал два шага. Теперь он стоял прямо перед Тором и явно хотел сказать ему что-то важное, но, похоже, никак не решался. — И как я должен это понимать?

Но Тор был озадачен не меньше.

— Я тебе кое-что скажу, Кайрус. Знаешь, за сколько мы доехали до Великого Леса, чтобы тебя спасти? За ночь. Я знаю, добраться из Хаттена до Бревиса за одну ночь невозможно. Но у нас получилось.

— Ты имеешь в виду себя и эту птицу. Тору стало не по себе, но он кивнул.

Внезапно во взгляде Кайруса что-то неувлимо изменилось. Точно так же он смотрел на Тора пять лет назад, в «Пустом кубке». Только однажды... но этот знаменитый всевидящий взгляд, о котором ходили легенды среди королевской стражи, Тор запомнил навсегда.

— Мальчик мой, я простой мечемашец, но даже последнего из людей не стоит недооценивать. Тебя не смутило, что во время нашей первой встречи ты упомянул имя калеки, который был за ухо прибит к столбу?

Юноша недоуменно помотал головой.

— Тогда я назвал его полоумным, — напомнил Кайрус, — а ты сказал, что его зовут Клут. Я не стал заострять на этом внимание, а просто позволил тебе продолжать говорить.

Тор опустил глаза. Надо же было так попасться! Он сам не заметил, как проговорился.

«Скажи ему, Тор».

Что?! Тор не мог поверить своим ушам.

«Сейчас не время играть в игры!» — возмутилась птица.

Кайрус не слышал этого, но внимательно смотрел на Тора.

— Скажи честно, парень. Этот сокол и есть калека, над которым измывался Корлин?

— Да, — пробормотал Тор.

— Чтоб мне пусто было! — прайм-офицер хлопнул в ладоши и захохотал, точно одержимый. — Я так и знал! Выходит, ты превратил его в птицу?

Тор с несчастным видом покачал головой.

— Нет. Это произошло в Сердце Лесов... перед тем, как мы тебя нашли.

— А каким образом?

Кайрус обошел Тора кругом, удивленно разглядывая Кнута. Птица не возражала — наоборот, поворачивалась то одним, то другим боком и даже приподняла крылья, позволяя любоваться своим великолепным оперением.

— Как только мы прибыли в Великий Лес, он... изменился, — добавил Тор.

Прайм-офицер перевел взгляд на него, и улыбка исчезла.

— А та женщина — Лисс? С ней это как-то связано?

— Связано, — Тор кивнул. — Только я знаю не больше тебя. Это все началось в Хаттене. Если честно, я был в борделе...

— Я от тебя такого не ожидал! — с шутливым негодованием воскликнул Кайрус. Но Тор пропустил шпильку мимо ушей.

— Внезапно я услышал у себя в голове голос Клута. Клут кричал, что ты в беде, поэтому надо бросать все и мчаться в Бревис.

— Тебе позволили зайти в бордель с охотничьим соколом?!

— М-м-м... нет... — Тор сделал глубокий вдох. — Клут может со мной разговаривать... ну... как бы это объяснить... Он обращается ко мне мысленно, и я слышу его голос у себя в голове.

— И отвечаешь ему точно так же.

Это не было вопросом, но Тор кивнул. Кайрус вздохнул и развел руками. .

— Значит, с Лисс ты не сталкивался?

— Нет. Мне она не являлась ни разу. Я никогда не видел ее во сне и даже не слышал. Она являлась только Клуту.... ну, и тебе.

Он уже отметил, что у Кайруса были весьма размытые представления о том, что может быть, а чего не может быть никогда. Он принял как должное Клута, волшебство, обмен мыслями, даже Лисс — и держался так, словно слушал доклад одного из своих подчиненных. Удивительный человек. Даже тон у него изменился, став спокойным и деловитым; офицер прохаживался взад и вперед, точно у себя в кабинете.

— Хорошо. А почему ты сбежал из Дворца?

Тор почувствовал облегчение. Наконец-то можно было поговорить с кем-то, кому доверяешь.

— Ты знаешь, как я отношусь к нашей Инквизиции. Конечно, ты говорил, что Готу и его шайке не в чем меня обвинить. На одних подозрениях обвинения не построишь. Так что я хорошо защищен.

Тор смолк и запустил пальцы в волосы. Сейчас он сам немного запутался. Еще несколько дней назад все казалось таким ясным...

— Король догадывается, что я пользуюсь Искусством Силы, но делает вид, что ничего не происходит. Ему так выгодно. А я не могу больше находиться рядом и терпеть эту ложь. Королева... сам понимаешь, она тоже это чувствует. Мы с ней об этом не говорили, но я знаю: будь ее воля, она бы мигом разогнала Инквизицию, а самого Гота отправила на костер — за все его бесчинства. Когда-то Инквизиция от чего-то защищала, но это давно в прошлом, а король все еще боится призраков и цепляется за старые законы, которые пора отменить. Вот тебе одна причина. Другая... Думаю, ты знаешь. Меркуд знает, что я Чувствующий и лечу больных с помощью волшебства. И боится, что в один прекрасный день меня поймут за руку. В общем, мы много всего друг другу наговорили... нежного и доброго. И я сказал ему, что не желаю больше здесь оставаться. Тогда он мне и предложил — съездить, развеяться и побольше узнать об истории Королевства. Наверно, он думает так: я пойму, для чего создавалась Инквизиция, и сразу всем все прощу... ну, или хотя бы стану более осторожным. Надеется на мое благоразумие... Кажется, Кайруса это не убедило.

— И ради этого он отправил тебя в Илдагарт?

Тор задумался над этим вопросом. В глубине души он подозревал, что придумал не самое лучшее оправдание.

— Вообще-то это неплохая идея. Смена обстановки мне не повредит. К тому же я хочу

вернуться в Сердце Лесов и попытаться побольше узнать о Лисс. Мне почему-то кажется, что все завязано именно на нее.

Кайрус кивнул.

— Согласен целиком и полностью. Именно поэтому я еду с тобой.

— Что? — Тор был потрясен.

— Что слышал. Кстати, идея принадлежит Лисс, так что даже не пытайся спорить. Побереги силы. В этом я ничем не отличаюсь от твоего сокола: она говорит, а мы делаем. И вообще, я скакал за тобой шесть дней подряд и чуть не загнал лошадь! Просто для того, чтобы отправиться назад с чем пришел?

— Но как ты мог уехать? — пролепетал Тор. — Как во Дворце обойдутся без тебя?

— Если вы успели заметить, юноша, я уже уехал. И если без тебя во Дворце обойдутся, то без меня тоже. На самом деле, мне ничего не понятно. И самая непонятная часть всего этого — ты, Торкин Гинт. Единственное, что я уразумел — что мы с тобой связаны, опять-таки, непонятно как. И еще я знаю, что должен сопровождать тебя в этом странном путешествии, — он посмотрел в ярко-голубые глаза Тора. — Давай не будем спорить. Давай просто примем это как должное. Ладно... я отлучусь на минутку, хорошо?

Кайрус развернулся и решительно зашагал прочь. Тор посмотрел на Клута, потом сокрушенно вздохнул. Он окончательно запутался.

«Ну, и что ты об этом думаешь?»

«Я не думаю, Тор, я делаю. Кайрус прав. Если Лисс ему сказала — значит, думать нечего. Все решения за нас принимает она».

«Но как это понимать?»

«Не задавай мне вопросов, на которые у меня нет ответов. Кайрус прав: мы трое каким-то образом связаны — это единственное, что нам известно. По крайней мере, нам с тобой. И еще — что мы должны выполнять волю Лисс. Какой у нас выбор?»

Тор обдумал эти слова.

«Ты прав. Но знаешь, над чем я очень много размышляю с тех пор, как мы уехали из столицы? Я не ожидал, что Меркуд так легко сдастся. Стоило мне чуть-чуть нажать — и он уступил. Думаю, он знает больше, чем говорит».

С этим Клут был согласен. И сам Меркуд, и его цели вызывали у него большие подозрения.

Ночь была отдана отдыху. Наутро двое всадников и птица продолжали путь на север.

Через несколько часов Клут подлетел и приземлился Тору на запястье.

— Что-то не так? — небрежно бросил Кайрус. Тор покачал головой, однако это означало скорее «не знаю», чем «нет». Обычно Клут никогда не садился ему на руку.

Некоторое время сокол сидел неподвижно, потом покосился на Тора желтым глазом.

«Я не сказал тебе раньше, потому что хотел все обдумать. Прошлой ночью мне явилась Лисс».

Тор рывком натянул поводья, и Тимара покорно остановилась.

— Ну вот, я же говорил, — заметил Кайрус, останавливая коня.

— Прошлой ночью Лисс нанесла Клуту визит. И он только сейчас решил об этом сообщить.

— И? — кажется, эта новость Кайруса не слишком удивила.

«Мы ждем», — мысленно напомнил соколу Тор. Птица сделала вид, что не придавала значения его тону.

«В нескольких милях к западу отсюда начинается Великий Лес. Лисс хочет, чтобы мы направились туда».

«И, разумеется, не предоставила никаких объяснений — как всегда», — фыркнул Тор.

«Хорошо, что ты мне напомнил. Она надеется, что мы не станем возражать против небольшого пира на опушке в ее обществе».

Прежде, чем Тор ответил, сокол взлетел. Глядя ему вслед, Тор почувствовал, как горят

щеки.

— А теперь вслух, пожалуйста, — ничего не выражающим тоном произнес Кайрус.

— Насколько я понял, наша общая знакомая желает чтобы мы свернули на запад, пока не доберемся до границы Великого Леса.

— И?

— Все. Больше ничего не известно.

На его лице появилось беспокойство... и не только беспокойство. Это заставило Кайруса воздержаться от дальнейших расспросов.

— Отлично, — сказал он. — Кажется, я знаю, куда ехать. Примерно в трех или четырех милях отсюда Лес начинает понемногу отступать к западу, а потом граница резко поворачивает обратно. Если поторопимся, к вечеру будем на месте.

Кайрус говорил как истинный воин — спокойно и по делу. И Тор был ему за это благодарен.

Ехать оставалось несколько часов, и Великий Лес еще не успел показаться впереди, но все трое уже ощутили его странное притяжение. Как ни странно, сильнее всего это чувствовал Кайрус. По мере того, как маленький отряд начал огибать границу Леса, офицер становился все более молчаливым, а позже, когда день сменился вечерней прохладой, окончательно замкнулся в себе. Тор забеспокоился. Они решили выполнить требование Лисс, однако обоих терзали мрачные сомнения: их таинственные похождения могли закончиться чем угодно. До недавнего времени Кайрус развлекал спутников, пересказывая дворцовые сплетни. Однако сейчас прайм-офицер молчал, и это было явно не к добру.

«Что будем делать?» — спросил Тор, обращаясь к Клуту.

«Думаю, пока заезжать в Лес не стоит. Лисс ясно сказала, что за место нам надо найти. Это совсем близко, я чувствую».

«Но как ты узнаешь?»

«Верь мне. Она нам его покажет».

Клут опустил на плечо Тора. Весь день он кружил где-то далеко, на большой высоте. Теперь он вернулся, и Тор был вынужден признать, что чувствует себя куда спокойней.

«Сейчас я бы предложил разбить лагерь, переночевать, а утром осмотреться. Кайрус ведет себя странно, а темнота играет с людьми нехорошие шутки. Это место заколдовано — не хватало только, чтобы кто-нибудь из нас повредился в уме».

Тор кивнул.

— Верно, — произнес он вслух довольно весело, надеясь вывести Кайруса из задумчивости. — Пойду соберу немного хвороста.

«А я слетаю за ужином! — крикнул Клут, уже кружа над деревьями. — Смотрите в оба!»

Некоторое время юноша занимал себя тем, что разводил костер. Но Лес как будто обступал его, почти звал... В первый раз Тор ощутил его силу в день чудесного превращения Клута. Но тогда эта мощь вызывала тревогу. Сейчас он чувствовал, что Лес его защищает.

Тор покосился на Кайруса. Казалось, те нехитрые действия, которые совершает путник на привале, за годы походной жизни настолько вошли в плоть и кровь прайм-офицера, что тело двигается само, позволяя мыслям витать где-то далеко отсюда.

Наконец путники расположились у костра. Огонь трещал, согревая их. Жуя вяленое мясо и хлеб с сыром, Тор мурлыкал себе под нос старинную песню, которую часто пела его мать. От этих звуков становилось уютно, меньше тревожили несмолкающие зовы Леса... равно как и странное молчание Кайруса. Голос у Тора был довольно приятным. Продолжая напевать, юноша готовил себе ложе... а когда обернулся, чтобы пожелать Кайрису доброй ночи, с удивлением увидел, как по щекам офицера текут слезы. Тор смолк.

— Это была любимая песня моей жены, — пояснил Кайрус.

— Прости, я...

— Не надо. Не извиняйся. Это было так здорово — снова ее услышать. Наверно, в

первые годы я просто выталкивал этот напев из памяти, выталкивал... пока не забыл совсем.

— Ты до сих пор тоскуешь по ней, Кайрус?

— Очень сильно. Каждый день.

— И у тебя больше никого не было?

Услышав собственный вопрос, Тор был готов вырвать себе язык. Это же все равно, что резать по живому...

— У меня было много женщин — как и у тебя Они мне нравятся — как и тебе. Но все они для меня как гости. Нет я больше ни с кем и никогда не хочу делить свою жизнь. Познав истинную любовь, не станешь тратить время, чтобы искать ее снова.

В его голосе не было сожаления — только смирение. Тор покачал головой.

— Наверное, это ужасно... если так любишь...

— Все остальное — это не любовь. А ты любил по-настоящему, Тор?

— Один раз... Но я ее потерял.

— Она умерла? — потрясенно пробормотал Кайрус.

— Нет! Ну... я думаю, она жива. Кстати, вот еще одна причина, почему я уехал из Дворца. Почему-то у меня такое чувство, что я смогу ее найти, если очень постараюсь... — Тор пожал плечами и протянул Кайрусу бурдюк с вином.

— Ну что ж... — офицер отсалютовал своему спутнику, словно держал в руках изысканный кубок, и наконец-то улыбнулся. — За потерянные души и возвращение любви.

Такой момент не стоило упускать.

— Кайрус, можно тебя спросить... — он надеялся, что удачно выбрал время для вопроса. — Что сегодня произошло? Почему ты весь ушел в себя — да так, что не дозовешься?

Прайм-офицер глубоко вздохнул и вытянулся на одеяле, затем повернулся на бок — словно для того, чтобы не видеть неровную стену леса, которая темнела вдали.

— А ты не чувствуешь?

— Чего?

— Наверно, это только у меня, — сонно пробормотал Кайрус. От тепла и усталости его совсем разморило.

— Что ты почувствовал?

Где-то внутри зашевелился ледяной страх, и Тор непроизвольно протянул руки к беззаботно пляшущим язычкам пламени.

— Знаешь, мне вдруг стало очень грустно. Невыносимо грустно. Как будто вся печаль, вся тоска, которую я сдерживал все эти годы, вдруг обрушилась на меня... а потом схлынула.

— Как вода?

— Вот именно. Я очистился. Теперь я не чувствую ничего, кроме страстного желания снова войти в Лес, и это меня пугает. Я догадываюсь, что это может значить... и боюсь этого.

Тор поворочался, устраиваясь поудобнее.

— А вот Клут рад, что вернулся, — сказал он, словно это могло утешить Кайруса.

— Это еще не все, — отозвался прайм-офицер. — У меня такое чувство, что это... судьба.

С тех пор, как прайм-офицера видели во Дворце в последний раз, минуло восемь дней. Херек привык к переменам в настроении своего командира и чувствовал, когда его стоит оставить в покое. Кайрус был сложным человеком; порой мог на несколько дней погрузиться в мысли о прошлом... хотя чаще думал о настоящем. Он всегда предпочитал подумать, прежде чем принимать решения. Сейчас ему, скорее всего, просто опять понадобилось побыть в одиночестве. Хереку даже в голову не пришло о чем-то расспрашивать. В конце концов, кто он такой, чтобы требовать отчета от прайм-офицера?

Первой новостью, которую они услышали по возвращении с юга, стало известие об отъезде Торкина Гинта. Ученик лекаря покинул Дворец, чтобы представлять королевскую

чету на знаменитых празднествах в Карембоше. Обычно туда ездил Меркуд, но сейчас ему нездоровилось.

Кому еще заменить учителя, кроме его ученика? Однако Кайрус воспринял эту новость как-то странно. Он стал угрюм и молчалив. Воины «Щита» знали не понаслышке, что в такие дни ему лучше не попадаться. Через два дня Кайрус сообщил Хереку, что должен съездить на север по личному делу и приказал на время его отсутствия принять на себя командование. Но прошло уж восемь дней, никаких вестей не приходило, и Херек начал волноваться. Он вспомнил, что во время рейда Кайрус едва держался на ногах. Он жаловался, что плохо спит, говорил о каких-то снах... Тогда Херек не придавал этому особого значения. А зря: с Кайрусом явно было что-то неладно.

Может, прайм-офицер решил взять небольшой отпуск? Но отношение к службе было хорошо известно: он непременно предупредил бы своего заместителя. Нет, это было совершенно не похоже на Кайруса — просто исчезнуть, не оставив никаких объяснений. И тем не менее... Он взял коня, немного еды — явно не рассчитывая на долгое путешествие — и уехал. Но самое главное, никому и в голову не могло прийти, что Кайрус покинет, не уведомив в должном порядке Его величество.

Словом, у Херека было предостаточно причин для беспокойства. Вот почему на восьмой день отсутствия Кайруса он попросил аудиенции у короля.

Офицеру пришлось подождать в приемной. Первым его разумеется, встретил Дрейк — обнюхал сапоги Херека, а потом чинно зашагал рядом и замер, когда Херек остановился чтобы поклониться королю.

— Доброе утро, Херек, — Лорис кивнул. — Рад тебя приветствовать. Хочешь выпить? Я как раз подумал о кружке холодного эля...

— Нет, спасибо, Ваше величество... Я при исполнении.

— Правильно. Молодец. Итак, ты хотел со мной поговорить?

— Так точно, Ваше величество, — он вытянулся так, словно хотел отдать честь.

— Ох, Херек... — король встал и подвинул ему стул. — Садись, сделай одолжение... Вольно!

Херек предпочел бы постоять, но когда предлагает король... Он послушно опустился на стул, и пес тут же улегся ему на ноги. Это было не просто неудобно... это было отвратительно. Офицер прочистил горло, чтобы скрыть неловкость.

— Так... — король поставил подпись на каком-то пергаменте и снова поднял глаза. — Чем я могу помочь?

— Не мне, Ваше величество. Прайм-офицеру Кайрусу. Лорис выпрямился.

— Кайрус? Что с ним случилось?

А стоило ли вообще это затевать? Херек представил, как Кайрус неожиданно-негаданно возвращается, входит в этот кабинет... А он клохчет, как старая наседка над единственным яйцом! Можно представить, что Кайрус скажет по этому поводу. Капитан снова откашлялся и встретил недоуменный взгляд короля.

— Ну, что ты молчишь? Что тебя беспокоит? Что с Кайрусом?

— Он уехал, Ваше величество.

— Куда? Почему?

— В том-то все и дело, Ваше величество. Я не знаю. Король опустил перо.

— Ты хочешь сказать, что он исчез? Опять?

— Да... м-м-м... не совсем...

Херек окончательно смешался и затеребил воротник камзола. Пес лежал у него на ногах, жаркий, точно огромная грелка. Нет, в самом деле... не стоило.

— Все не совсем так, Ваше величество... Он уехал один. Сказал — по личным делам.

— Давно?

— Восемь дней назад, Ваше величество. Это на него не похоже — понимаете? Уехать, никому не сообщив, где его искать, не оставив никаких посланий...

— Согласен, — король потеребил свою короткую бородку. — Раньше он всегда

сообщал мне, если собирался отправиться за пределы Дворца. Я понимаю твою тревогу.

Прежде, чем Херек успел ответить, секретарь сообщил о приходе Инквизитора Гота.

Офицер хотел встать и покинуть комнату, но король жестом остановил его. Впрочем, Дрейк все равно лежал у него на ногах и не шевелился — только заворчал, недовольный тем, что его беспокоили.

— Пригласи его, — сказал Лорис секретарю.

Прямо с порога Гот подобострастно поклонился королю, а Херека приветствовал коротким кивком. Офицер не ответил. Он глубоко презирал Инквизитора и с наслаждением наблюдал, как Дрейк, наконец-то поднявшись, обнюхивает его промежность.

— Мой государь, — пробормотал Гот, отталкивая тяжелую морду пса и изо всех сил стараясь скрыть гримасу возмущения. Скорее всего, Дрейк тоже не получил особого удовольствия: исполнив свой долг, он отошел в сторону и снова лег.

— Здравствуй, Гот. Что-то ты сегодня рано.

— Я помешал, Ваше величество? Мне зайти позже?

— Нет, зачем? Раз уж ты здесь... У нас с уважаемым Херексом только что состоялся прелюбопытный разговор. Кажется, прайм-офицер Кайрус исчез.

Глазки Инквизитора, крошечные и темные, как у свиньи, совершенно непроницаемые, сверлили Херека.

— О боги! За одну неделю мы лишились двоих. Сначала Гинта, теперь прайм-офицера... Может, они сейчас вместе?

Лорис встал, подошел к окну, и Херек с удовольствием позволил себе подняться.

— Это маловероятно, Гот, — произнес король.

— Но Гинт и Кайрус очень близки... — возразил Инквизитор. — Или были близки... И, похоже, обзавелись милой привычкой: исчезать по одному, а потом друг друга находить.

Король улыбнулся шутке.

— Хорошо. Гинт отправился в Илдагарт, а оттуда поедет в Карембош. А Кайрус... — он задумчиво посмотрел на Херека, — куда, ты сказал, он собирался?

Чего-чего, а откровенничать в присутствии Гота Херек не собирался.

— На север, Ваше величество.

— Так... на север... — протянул Инквизитор, словно размышляя сам с собой. — Но можно ли уехать севернее Карембоша, Ваше величество?

Король покачал головой.

— Ему незачем туда ехать, Гот! Но... согласен, это странно. Спасибо, что поставил меня в известность, Херек. Если в ближайшие два дня мы не получим известий, отправь на север несколько человек, пусть разберутся, в чем там дело.

— Как пожелаете, Ваше величество.

Капитан поклонился. Он уже был готов вздохнуть с облегчением, когда снова вмешался Гот:

— В этом нет необходимости, мой король. Скоро я сам отправляюсь на север. Мои подчиненные с удовольствием займутся поисками прайм-офицера. Я лично расспрошу местных жителей... думаю, они будут счастливы нам помочь.

Он одарил Херека медовой улыбкой, в которой офицер без труда почувствовал привкус злорадства.

В отличие от них обоих, король был искренне рад.

— Ну, вот и все, Херек.

Пробормотав сквозь зубы благодарность, Херек поклонился и вышел. Кайрус ему этого не простит. Остается лишь молиться, чтобы прайм-офицер вернулся прежде, чем Гот объявит о его розыске.

Ночь была прохладной, а от костра остались лишь угли, которые давали мало тепла и еще меньше света. Кайрус и Тор давно погрузились в глубокий сон без сновидений. Не спал лишь Клут — сидя на дереве, он развлекался, наблюдая, как в траве деловито и

беспорядочно снует крошечная полевка. Внезапно внимание птицы привлекло движение у кромки Леса. Чудеса начались.

«Тор!»

Казалось, зов уходит в пелену густого тумана. Сорвавшись с ветки, Клут захлопал крыльями и пронзительно закричал. Кайрус проснулся мгновенно и вскочил, дико озираясь по сторонам.

— Какого...

Он не договорил, пораженный тем, что предстало его глазам.

Тор, еще полусонный, откинул одеяла, поднялся... и все трое заворуженно следили, как узкая тропинка, которая тянется от края Великого Леса к их лагерю, превращается в поток света.

Тору вспомнилось чудесное преображение Клута: его друг лежит, а бог лесов окропляет его золотыми каплями. Сейчас юноша снова видел их, но на фоне чернильного занавеса ночи это было стократ прекраснее. А потом из Сердца Лесов вышел сам Дармуд Корил. Он стоял, вытянув руки, и с кончиков его пальцев медленно срывались золотые капли. Воздух был наполнен шелестом и шорохом — точно отраженный эхом шум травы, по которой пробегает ветер.

— Небесные звуки... — выдохнул Тор.

— И такие родные, — задумчиво отозвался Кайрус. «Мы должны идти по тропе, Тор», — голос Клута был тих и дрожал от благоговения. Кайрус уже шагнул вперед, его взгляд был отрешенным и глубоким. Чувствуя, как коготки Клута царапают кожу, Тор догнал Кайруса и опустил руку ему на плечо. Откуда-то он знал, что в Сердце Лесов они должны войти как одно целое.

Но никто из них не знал, чего ждать. Единственное, что понял Тор — каждая частица его тела чувствовала это — что их окружает самое сильное волшебство, какое только возможно в этом мире. Казалось, кожу покалывает, а все тело наполняется звоном. Однажды он уже испытал подобное — перед тем, как потерять друга.

Тор отбросил эту мысль и сосредоточился на волшебстве. Оно обладало ни на что не похожим цветом, вкусом и запахом, и их было необходимо запомнить.

Золотые капли со звоном падали в траву. Дармуд Корил возвышался впереди, похожий на старое дерево и такой же огромный. Его одежда переливалась всеми оттенками зеленого и бурого — цветов леса, — но было ясно, что пятна лишь покрывают ее, как патина. Длинная борода почти касалась мохового ковра, на котором он стоял. И в бороде, и в длинных серебряных волосах бога то и дело вспыхивали раскрывались невиданные цветы. Очарованные, Тор и Кайрус шагнули под полог Великого Леса и, не сговариваясь, преклонили колени.

Дармуд Корил протянул руку и погладил Клута.

— Ты снова дома, Клут. Наши сердца полны радости. Голос бога был глубоким и низким. Потом Тор почувствовал, как рука Дармуда Корила легла ему на плечо.

— Добро пожаловать назад, Друг Лесов.

Тор заставил себя поднять голову. Изумрудные глаза бога смотрели прямо на него, и этот взгляд был исполнен бесконечной доброты.

— Спасибо, — только и смог прошептать юноша. «Среди нас ты всегда в безопасности».

Слова Дармуда Корила упали в его сознание, словно осенний лист. Чувства настолько переполняли юношу, что хотелось плакать. Казалось, между ним и богом открылся просторный коридор. Стоит только оттолкнуться — и, отделившись от себя, поплывешь вперед, к свету... Тор подавил в себе это желание и лишь запомнил ощущение — чтобы никогда не забыть.

Теперь пришел черед Кайруса, и Тор почувствовал, как воина пробирает дрожь.

— О... Кайрус. В Сердце Лесов праздник — твоя жизнь и твой дух возвращаются к нам. Ты слышишь Небесные Огни? Они поют для тебя, Кит Кайрус. Они приветствуют тебя

— ты дома.

Голос бога лесов звучал тепло и искренне. Но Тор ощутил волну светлой грусти, которая прокатилась от Дармуда Корила к коленопреклоненному воину... и снова увидел, как по щекам Кайруса катятся слезы.

— Тихо, тихо, — успокаивал его бог. — Ты дома и в безопасности, сын мой.

Что это значит? Ни Тор, ни Клут не знали ответа на этот вопрос, но каждый чувствовал, что происходит что-то крайне важное. Позже Тор будет проклинать свою глупость, а Клут — убеждать его, что такого поворота никто не мог ожидать. Пока же все трое растворились в любви Великого Леса. Им было светло, радостно, они были в безопасности.

Никто из них не заметил, как погрузился в глубокий сон. А когда они проснулись...

Тор и Кайрус потрясенно взирали на угощение, разложенное на поляне, и почти не слушали Клута, который как ни в чем не бывало излагал им законы Леса.

«Еду и все остальное нам предоставят, — после каждой фразы он замолкал, чтобы Тор повторил его слова Кайрусу. — Мы не должны убивать обитателей леса или рвать плоды с деревьев и кустов. Мы не имеем права ловить рыбу в ручьях и жечь хворост».

— А кто предоставит нам еду и дрова? — спросил Тор.

«Лес».

Тор повернулся к Кайрусу, но тот лишь отмахнулся.

— Я догадываюсь. Пусть говорит дальше. Клут важно распушил перья.

«А теперь познакомьтесь с Солианой, уважаемые».

Огромная волчица бесшумно и грациозно вышла на опушку. Ее серебристый мех словно тронула изморозь, а глаза... Таких глаз у волков не бывает: блестящие, черные, они казались бездонными. Один прыжок — и она уже стояла рядом. Кайрус и Тор доверяли Клуту, однако рука прайм-офицера привычно потянулась к мечу... и сорвалась в пустоту. Меч исчез вместе с ножнами.

И тут волчица заговорила — со всеми тремя разом.

Тор и Клут привыкли общаться мысленно, однако для Кайруса это было внове. В первый миг ему показалось, что голову разрезает ледяной клинок. Офицер судорожно вздохнул.

«Я буду вашей проводницей, — голос у волчицы был низким и бархатным. — Вместе мы пересечем Лес, а через несколько дней выйдем из него — в одном дневном переходе от цели твоего пути, Торкии».

«Но это невозможно. Даже верхом до Илдагарта меньше чем за четыре дня не добраться!»

Если бы волчица умела улыбаться, то непременно бы улыбнулась. Однако в ее умных глазах мелькнуло что-то вроде усмешки.

«В Сердце Лесов не нужны лошади, а расстояния измеряются иначе. Верь мне, Торкин. Я проведу тебя, и ты попадешь куда пожелаешь — быстрее, чем на лучших лошадях и по самым лучшим дорогам».

Тор кивнул. Он уже знал, что должен доверять волшебству Леса. К тому же Солиана ему уже нравилась. Правда, путешествовать в компании волчицы... да еще такой крупной...

— Значит, вот как вы разговариваете друг с другом?! Возглас прайм-офицера заставил Тора улыбнуться.

— А можно я попробую? — спросил Кайрус, обращаясь к волчице.

«Должна предупредить тебя, что разговаривать мысленно можно лишь с теми, с кем тебя связывают какие-то узы, — ее голос зашелестел у него в голове. — Ты ни с кем не связан, Кит Кайрус. Однако Сердце нашего Леса — особое место, здесь царит волшебство. Можешь попытаться».

Кайрус поблагодарил волчицу поклоном и крепко зажмурился. Потом скривился, точно от боли. Тор рассмеялся.

— Смейся-смейся, засранец, — беззлобно проворчал Кайрус. — Знал бы ты, как это раздражает — когда все вокруг болтают, а ты знаешь, но не слышишь.

— А вот Клут, кажется, тебя услышал.

Кайрус прекратил свои мучения и вопросительно посмотрел на Тора.

— Клут говорит: ты хотел сказать, насколько легче было бы воевать, если бы командир мог мысленно разговаривать со своими солдатами.

У офицера отвисла челюсть.

— Откуда он знает? Ты вправду меня слышал, сокол? Тор пожал плечами.

— Он говорит, что просто угадал.

«Поешьте как следует, — раздался у него в голове голос волчицы. — Сегодня нас ждет долгое путешествие, но спешить мы не будем».

«А как быть с вещами, Солиана? Взять только то, что можно унести на себе — или...»

«Спасибо, что напомнил, Торкин. Я чуть не забыла. Просто оставьте все здесь. О ваших вещах позаботятся, а вам ничего не требуется. Лес будет кормить, омыwać, согревать вас и предоставлять вам отдых. Он ваш хозяин, а вы его гости».

Она заметила, что Кайрус пытается что-то сказать.

«О лошадях тоже не беспокойся, Торкин. Как только мы достигнем северной границы Леса, он вернет их вам».

Похоже, мнение остальных волчицу не интересовало, и Кайруса это коробило. А может быть, не стоит обращать внимание на такие мелочи? Они теперь заодно, так что не стоит ссориться. Голодный желудок уже напоминал о себе, и Кайрус решил не ломать голову над странностями ситуации.

Хворост и растопка уже лежали на опушке аккуратной кучкой, и он развел костерок, а Тор приготовил рыбу. Потом они поели сочных ягод, которых прежде никогда не видели, и подсушенных орехов, запивая густой жидкостью цвета свежего масла — по словам Солианы, молоком гургона.

Лучше не задавать лишних вопросов, — заметил Кайрус.

— На вкус ничего, — вытирая губы, ответил Тор. — А кто такой гургон, как ты думаешь?

«И думать не надо, — вмешался Клут. Он только что отведал свежего мяса, которое оставили специально для него, и теперь чистил клюв, с наслаждением наблюдая, как Тор поеживается. — Мне, например, досталась соня... Вкуснятина!»

«Объедки можете не убирать», — сообщила Солиана.

«Знаю, знаю, — перебил Тор. — Лес сам обо всем позаботится — верно?»

И услышал у себя в голове ее мягкий, негромкий смех, от которого теплоело на душе.

В итоге к началу путешествия настроение у всех было прекрасным. Клут кружил среди ветвей, умудряясь не задеть даже листа, Тор и Кайрус широко шагали по едва заметной тропке, а рядом неторопливо трусил Солиана. В дороге разговоры завязываются сами собой. Волчица поведала спутникам о своей жизни в лесу, а Кайрус впервые услышал, что Тору довелось пережить с тех пор, как он стал свидетелем расправы над Чувствующей у Твиффордской Переправы.

По мере продвижения на север дни становились холоднее, и все говорило о том, что зима уже не за горами. Однако здесь, под сенью Великого леса, время словно остановилось. Кайрус и Тор с удивлением поняли, что могут обойтись без теплой одежды. Даже бабочки, которые давно пропали в южных провинциях, весело порхали среди кустарника. День казался бесконечным. Казалось, закат где-то задержался, забыв о своих обязанностях, а потом, спохватившись, поспешно задернул шторы ночи, оставив лес погруженным в раздумья по поводу столь странного поведения.

«Это место подойдет для ночлега?» — вежливо спросила Солиана.

Кайрус обернулся. Под высоким деревом была аккуратно разложена еда. Он фыркнул и, совершенно потрясенный, покачал головой.

— Передай почтенной волчице, что место бесподобное. И скажи ей спасибо.

Перевода не потребовалось. Солиана пожелала спутникам доброй ночи — правда, слышали ее лишь Тор и Клут, — потом кивнула и исчезла в зарослях. Кайрус снова занялся

костром, а Тор стал разглядывать еду, приготовленную им для ужина.

Удивительно, но здесь можно было спать без одеял и покрывал: сухой мох оказался лучше всякой постели. После ужина Клут задремал, сунув голову под крыло. Кайрус и Тор некоторое время беседовали, потом юноша согласился спеть. Баллада, которую он выбрал, повествовала о мужчине, который влюблялся во всех встречных женщин, и изобиловала пикантными подробностями. Кайрус развеселился, и Тор был рад снова услышать его смех.

Вскоре оба крепко спали.

Второй день прошел в точности как первый. Пробуждение, завтрак; потом появилась Солиана. Ничего особенного не происходило, и путники просто наслаждались тишиной и покоем. Ничего особенного... вот только тропка, по которой волчица вела их на север, как будто возникала сама собой. Словно кто-то невидимый шел впереди, указывая им дорогу.

Как и накануне, они не чувствовали усталости даже к вечеру, а настроение было великолепное. Наконец они уснули под защитой деревьев.

Однако этой ночью оба видели сны.

Глава 18

История Орлака

Тор спал, когда почувствовал присутствие Лисс. Наконец-то... Это не вызвало ни потрясения, ни удивления — просто радость. У него накопилось много вопросов, которые надо было ей задать.

Нет, присутствие было не первым, что Тор ощутил. Сначала он понял, что Камни Ордолта — они по-прежнему висели в мешочке у него на шее — снова ослепительно сияют и переливаются. И еще было ощущение мощи. Невиданной мощи.

«Здравствуй, Лисс».

«А ты, оказывается, меня знаешь, — голос был нежным и легким, как падающие снежинки. — Какая приятная неожиданность».

«Я ждал тебя», — Тор сам удивился своему спокойствию.

«Мне жаль, что мы так долго не могли познакомиться, Тор».

Ему понравилось, что она назвала его Тором.

«Ты меня просветишь, Лисс?»

«Насколько смогу, — она легко вздохнула. — Задавай вопросы, Торкин Гинт».

«Ты давно меня знаешь?»

«Всю твою жизнь. Я знала тебя еще до твоего рождения».

Возражения напрашивались сами собой, но Тор решил повременить с ними.

«Люди, которые меня вырастили- Джион и Аилса Гинт, — только опекуны, а не настоящие родители».

«Это вопрос?» — мягко уточнила она. Тор смутился. Ладно, попробуем по-другому.

«Как зовут моих настоящих родителей?»

«Твоего отца зовут Дарганот, а твою мать — Эвагора».

«Они Чувствующие?»

«Конечно!»

Судя по ее тону, он сморозил глупость.

«Мне говорили, что они умерли. Это правда?»

«Нет, — голос Лисс стал серьезным, — они живы».

Эта новость ошеломила Тора. Настолько, что он решил сменить тему разговора.

«Но они всегда любили тебя», -добавила она.

«А Элисса жива?»

«Жива! — кажется, этот вопрос обрадовал Лисс — судя по воодушевлению, с которым она ответила. — Она стала настоящей красавицей».

«Она хоть иногда думает обо мне?»

Эти слова вырвались у него против воли.

«Раньше и дня не проходило, чтобы она не думала о тебе. Теперь это случается редко. Она не хочет мучиться. Ее жизнь изменилась».

«Значит, она любит другого?»

Даже мысль об этом была невыносима. А ведь прошло целых пять лет!

«Я этого не говорила. После тебя Элисса не любила ни одного человека. Однако она счастлива».

«Я могу ее найти? Ты мне поможешь?»

«На оба вопроса я отвечу „да“, Тор. Но мы должны кое-что рассказать друг другу — прежде, чем ты проснешься».

Конечно, Лисс права. Ему необходимо еще очень многое у нее узнать, а кто поручится, что они снова смогут поговорить в ближайшее время — если это вообще когда-нибудь произойдет? Не стоит терять время зря.

«Почему я такой... особенный, Лисс?»

«Все люди особенные, Тор».

Тьфу, болван! Надо же было такое ляпнуть!

«Хорошо, Лисс. Мне суждено совершить нечто особенное?»

«Несомненно».

«А ты скажешь мне, что именно?»

«Пусть это пока будет твой последний вопрос, мальчик мой. Позволь мне на него не отвечать — вместо этого я тебе кое-что покажу».

Несомненно, сон продолжался. Однако Тор почувствовал порыв ветра, вокруг закружился туман, и он вздрогнул — не столько от неожиданности, сколько от холода. И вдруг туман рассеялся, и Тор понял, что находится во дворце. Такой роскоши и великолепия ему еще не доводилось видеть. Он гулял по мраморным коридорам, любовался просторными залами и покоем. Дворец поражал красотой и великолепием — не только убранства, но и людей, которые в нем обитали. Однако... Тор все видел, но ничего не слышал.

Он оказался в одном из покоев. Из множества стрельчатых окон лился свет, заставляя сверкать изысканную мозаику на полу, потолок поддерживали высокие мраморные колонны. На ложе, вся утопая в сиянии, лежала женщина, которая только что разрешилась от бремени. Ребенок голосил, его золотые волосики казались спутанными лучиками солнца. Женщина тоже плакала — от радости, уже забыв боль родов: она держала на руках сына, воплощение всех ее чаяний. Потом дверь распахнулась, и в покои вбежал рослый мужчина. Повитухи, которые еще не успели омыть роженицу, поспешно укрыли ее простыней, опустили перед ним на колени и склонили головы.

У него были темные вьющиеся волосы и яркие голубые глаза. Он склонился над постелью, гладил соломенные волосы женщины, бережно держал новорожденного за крохотную ручку, и его прекрасное лицо сияло от гордости.

Внезапно Тор оказался снаружи. Он увидел, как герольды раздувают щеки, трубя в рожки, но по-прежнему не слышал ни звука. На площади толпился народ. Мужчина с ребенком на руках и женщина вышли на балкон. Похоже, прошло несколько дней: мальчик немного подрос. Люди внизу открывали рты, выкрикивая неслышные приветствия, беззвучно хлопали в ладоши. Тор заметил, что на лицах родителей появляется напряжение, которое все труднее скрыть радостной улыбкой. Слишком много людей хотели увидеть ребенка.

Наверно, это король с королевой, догадался Тор. Жили они долго, и не было у них детей... и наконец-то королева родила наследника. Неудивительно, что все так взволнованы

«Верно», — шепот Лисс был первым звуком, который нарушил тишину.

Он увидел, как королева плачет и что-то объясняет мужу, а тот кивает.

Потом картина изменилась. Супруги гуляли в прекрасном, залитом солнцем лесу. Удивительно, но царственную чету никто не сопровождал... и они были счастливы оказаться наедине друг с другом и ребенком. Мальчик заметно подрос; мать качала его на руках, а он гулил, улыбался и тянулся к ней ручонками.

Впереди открылась поляна — настолько прекрасная, что перед ней бледнела красота леса. Король и королева остановились. Было видно, что они удивлены, удивление переросло в любопытство... по крайней мере, король этого не скрывал. Его жена словно смутилась и что-то произнесла. Кажется, ее терзали опасения.

Тор жалел, что не может слышать их разговора, но продолжал наблюдать. Через поляну протекал ручей, его вода сверкала так, что глазам было больно. Цветы грациозно покачивали головками, приветствуя легкий ветерок. Тор знал множество растений, но такие, наверно, существовали только в снах. И запах у них должен быть восхитительный — такой сильный, что голова идет кругом...

Король нежно взял королеву за руку и повел на поляну. Осторожно, хотел крикнуть Тор, не ходите туда! И тут что-то легкое коснулось его, точно перо в темноте — легкое, едва ощутимое касание, которое длится ровно миг и только затем осознается. Однако юноша опомнился.

«Я показываю тебе то, что происходило давно, Тор».

«Зачем?»

«Не „зачем“, а „почему“. Потому что ты должен это знать».

«Но как...»

«Тихо. Смотри», — в шепоте Лисс появились нотки настойчивости.

Семейство расположилось на поляне, отец усадил мальчика между колен. Только сейчас Тор с удивлением заметил, как они непохожи. Неужели это сын своего отца, его плоть и кровь?! Голову ребенка покрывали мягкие золотые локоны, а глаза были темно-лиловыми, как фиалки. Король же был голубоглазым, а его волосы казались почти черными.

«Сейчас случится что-то скверное, Лисс!»

Лисс не отозвалась. Тору захотелось отвести глаза, но он с замирающим сердцем следил за королем и королевой. Вот она прилегла, глядя куда-то вдаль... Король уже задремал, и вскоре глаза его супруги тоже смежил сон.

Теперь Тор следил только за ребенком, который, ползая по поляне, собирал цветы. Мальчик был очарователен. Каким красавцем он вырастет, подумал Тор. Неудивительно, что родители так им гордятся. Настоящий принц, наследник престола... что бы это ни было за королевство.

Тор так и не понял, чья рука появилась из тени за спиной ребенка. Мальчик ничего не замечал — он был слишком увлечен своим делом. Однако мать внезапно проснулась, вскрикнула, разбудив мужа, в ужасе огляделась... Увидев, как мать обернулась, мальчик заулыбался, протянул ей три цветка с яркими лепестками... и тут невидимый похититель схватил ребенка. Мгновение — и маленький принц исчез в сером тумане, который клубился в дыре.

И тут же Тор каким-то образом оказался по другую сторону туманной завесы. Охваченный ужасом, он наблюдал, как похитители — полу-люди, полу-звери — с мальчиком на руках выбежали из небольшой рощицы и помчались по пыльной дороге, хихикая и подбадривая друг друга.

Но прежде, чем туман превратился в непроницаемую стену, юноша успел в последний раз увидеть безутешных родителей. Королева упала на колени, прекрасное лицо короля исказила гримаса боли.

Когда Тор обернулся, он обнаружил, что местность изменилась. Очевидно, воры проделали долгий путь и успели сменить одежду. Один из них осторожно положил завернутого в одеяло ребенка под куст, и оба вбежали в какую-то таверну. Суда по всему, они были здесь впервые, но никто не обратил на них внимания. Похитители торопливо выпили по кружке эля, затем один показал на человека, который сидел за столом и, похоже, дремал -либо был мертвецки пьян. Его сообщник улыбнулся, они подошли к человеку за столом и что-то спросили, а потом подсели к нему. Скорее всего, они спросили у него разрешения присоединиться, а молчание, как водится сочли знаком согласия.

Юноша пригляделся. В этом человеке было что-то неуловимо знакомым. Но что?

Мужчина наблюдал за непрошеными соседями вполглаза; похоже, они не вызывали у него особого любопытства. Осунувшийся, погруженный в себя, этот человек, похоже, пришел в трактир заливать горе вином.

Однако вскоре он присоединился к беседе. Тор заметил, как в его взгляде загорается интерес. Потом все трое торопливо огляделись, хозяин столика стукнул кулаком о кулак одного из похитителей. Этот жест был в ходу вот уже много сотен лет и означал взаимное согласие.

Похоже, здесь воры и знакомый незнакомец заключили какую-то сделку.

Все трое вышли наружу, в темноту, и, озираясь по сторонам, направились к кустам, где лежал ребенок. Приняв сверток, человек откинул край одеяла, и Тор заметил, как на его лице расцветает улыбка. Очень знакомая улыбка. Но где он мог ее видеть?

Пока юноша ломал над этим голову, человек порылся в карманах, достал кошелек и бросил его одному из похитителей. Тот поймал его на лету, и оба быстро исчезли.

Человек, который заключил с ними сделку, зашел в какой-то дом, где его встретила женщина. Она прикрыла рукой рот, чтобы приглушить возглас, мужчина что-то быстро проговорил и передал ребенка ей.

Он казался Тору все более знакомым. Нет, они точно где-то встречались, более того — знают друг друга... Тем временем мужчина и женщина — несомненно, супруги — любовались ребенком, целовали его. В точности как настоящие родители, которых Тор видел на поляне чуть раньше.

Потом картина подернулась туманом, видение исчезло. Тор снова почувствовал присутствие Лисс. Но теперь ему отчаянно хотелось узнать, что случилось с ребенком.

«Ты правильно догадался, Тор. Мальчик — принц. Но не просто принц. Он — сын Сонма».

«Сын богов?» — воскликнул Тор, не веря своим ушам. «Да, — ответила Лисс. — Есть такое странное место, как Поляна. Она сама выбирает, когда, где, и кому из Сонма явиться. Это место волшебное, и время от времени оно приходит в соприкосновение с другими мирами. Сонм предостерегает: никто и никогда не должен позволить заманить себя на Поляну. Король следовало знать... и он знал».

«Значит, сын богов... Почему боги не спасли своего сына, Лисс?»

«Боги обладают огромным могуществом. Если кто-то из покинет один мир и проникнет в другой, равновесие сил в обоих мирах нарушится, и они рухнут».

«Но ведь ребенка перенесли из одного мира в другой. А где же разрушения, о которых ты говоришь?»

Лисс вздохнула.

«Разрушения были, и немалые... Но это случилось не сразу. Младенец еще не осознает своей силы — да и сила у него не слишком велика. Поэтому, попав в соседний мир, он почти ничего не изменил... почти ничего. А вот если бы король или королева попытались что-то предпринять, их мир давно лежал бы в развалинах... и твой тоже».

«А воры? Они проникли сквозь границу миров, чтобы выкрасть мальчика...»

«А, Мусорщики... Этот народец жил тем, что подбирал отбросы в разных мирах. Своей земли у них не было, они постоянно перемещались с места на место. Мелкие воришки. Сейчас они уже вымерли».

«И что случилось с мальчиком?»

Теперь вздох Лисс был полон печали.

«Он вырос, не зная о своем происхождении. Впрочем, его новые родители тоже этого не знали. Но решили не говорить ему, что он не их сын».

«Он был Чувствующим?»

«Он был волшебником, причем очень могущественным. К счастью, его приемные родители тоже обладали даром — особенно талантлив был отец. Имей в виду: это были времена небывалого согласия и терпимости. Чувствующие мирно жили рядом с обычными людьми. В те времена не было Инквизиции».

Мир без Инквизиции... Тор с трудом мог себе такое представить.

«Мальчик вырос вспыльчивым и гневливым, — Лисс заговорила быстрее, словно торопясь закончить рассказ, — но никто не мог понять, почему это произошло. Родители решили, что лучшим местом для него станет Академия в Златокамне — сегодня это селение известно как Карембош. Его приняли послушником, а учить его стал Старший Чародей Джороми. Год или два прошли спокойно. Но потом принцу стало скучно. Сила, которая жила в нем, не находила себе применения. Он даже не представлял, насколько она велика... а когда понял, стал пользоваться ею, чтобы сеять раздор в Академии, нарушать спокойствие и порядок. Никто не мог ему противостоять. Юноша становился все более непредсказуемым и опасным. И тогда Старейшины приняли решение: объединить свои силы и запрудить этот могучий, неистовый поток. Они понимали, насколько это опасно. Никто и никогда еще не делал такого — в этом просто не было необходимости. Но Старейшины обратились к древнему знанию, чтобы Связать юношу. Им нужна была передышка. Тогда они смогли бы придумать, что делать дальше. Однако молодой послушник каким-то образом раскрыл их замысел. И злоба, которая копилась в нем все эти годы, обрушилась на Голдстоун».

«Он сровнял город с землей?!» — открой Тор глаза, они горели бы благоговейным ужасом.

«И в один миг убил более двух тысяч человек, — грустно ответила Лисс. — Я слишком долго рассказываю эту историю, Тор. Позволь мне побыстрее закончить. Я посетила человека, который стал мальчику приемным отцом, и открыла ему правду. Был миг, когда я об этом пожалела: это открытие чуть не убило его. Еще бы: узнать, что ты воспитывал принца, сына богов, который был похищен и доставлен сюда, в мир смертных... Мы придумали план — рискованный, дерзкий. Отец заманил сына в местечко под названием Рьюн, недалеко от руин Голдстоуна. Там находятся Врата — одно из немногих мест, где можно напрямую общаться с Сонмом. Отец рассказал юноше его историю и настоял, чтобы тот поговорил со своими настоящими родителями. Принц еще не знал, что его обманули и никакого разговора не будет. Связь разумов была установлена, но вместо этого Сонм, используя настоящего отца юноши, Связал свое дитя. Столь крепкие и мощные пути не создавались еще никогда. Никогда не забуду его крик отчаяния — когда он понял, что происходит».

«А он не мог просто...»

«Вернуться?» — подсказала Лисс. «Да».

Ответом был печальный вздох.

«Как я уже объясняла, путешествие между мирами грозит страшными бедствиями. Сонм предпочел наложить на принца самые могучие чары, какие только можно вообразить. В каком-то смысле они защищали мальчика».

«Лисс... — Тор озабоченно нахмурился. — А ты кто такая?»

И почувствовал, как она улыбается.

«Я странствую по мирам, Тор. Я не принадлежу Сонму... но и не вхожу в число людей. В некотором смысле меня можно назвать Хранительницей. Я помогаю поддерживать равновесие миров».

И не только, хотел сказать Тор. Она слишком тщательно подбирала слова.

«Я выбрала десять стражей, — продолжала Лисс, — по одному от каждого из народов, населявших в то время Четыре Королевства. Этих людей стали называть Паладинами. Им вручили клеть, сотканную из света, в которой был заключен молодой чародей, и поручили доставить ее в тайное место».

«Ты хочешь сказать, что принц все еще жив?»

«Конечно. И Паладины все еще стерегут его. Но их силы на исходе. Вот уже много сотен лет принц испытывает на прочность чары Сонма и терпение своих тюремщиков. И медленно, но верно выигрывает эту битву. Он не знает жалости. Он черпает силы в собственной ненависти и отчаянии. Оба отца — родной и приемный — предали его, и он жаждет возмездия».

Тор сглотнул.

«Он освободится и...»

«Да. Он вернется в Таллино́р, чтобы завершить задуманное».

«Но для чего ты мне все это рассказываешь, Лисс?» - Тор тяжело дышал, его охватила паника.

«Потому что ты должен остановить его, Торкин Гинт. Только ты».

Он не видел ее, но знал, что она удаляется.

«Подожди! — закричал он. — Как его зовут?»

«В твоём мире он известен как Орлак».

Ее образ задержался где-то на грани осознания. Тор просыпался.

«Лисс... пожалуйста... Скажи, как звали его приемного отца? Я должен его знать».

Шепот, едва уловимый, донесся откуда-то издалека:

«Его зовут Меркуд».

И Тор проснулся.

Кайрусу тоже снился сон. И ему тоже явилась Лисс.

«Скоро за тобой придет Солиана, мой храбрый воин». — она говорила нежно, словно любовница, но Кайруса охватила печаль.

«Я должен следовать за ней?»

«Таково твоё предназначение».

«Я бы предпочел остаться с Тором».

«Нет, Кайрус. Ваше время истекло. Отныне ваши пути расходятся. Тебя ждет куда более важная задача. Это великий дар, который не каждому дано заслужить».

«Я боюсь, Лисс. Я много раз смотрел в лицо смерти, но сейчас она меня страшит».

«Твоя судьба — не смерть, Друг Леса. Ты проживешь долго. Лес принимает тебя как своего. Он любит тебя. Ты был сильным, искренним и выстоял — во имя всех Паладинов. Теперь вас осталось лишь трое. Скоро Орлак вырвется на свободу, нам надо многое успеть прежде, чем это произойдет. И главная роль отводится тебе».

Кайрус не понимал, о чем она говорит. Однако при слове «Паладин» в памяти что-то мелькнуло.

«Лисс... — он с удивлением услышал в своем голосе страх. — Кто я такой?»

«Ты — один из Паладинов. Защитник, страж». Кайрус оглядел поляну. Тор лежал на земле, свернувшись клубочком, и спал. Вокруг все было знакомо — даже Солиана, которая молча стояла рядом и дружелюбно смотрела на него.

«Ты присоединишься ко мне?»

Мягкий ровный голос волчицы вернул ему спокойствие. «До свидания, Кайрус», — произнесла Лисс. Он хотел что-то спросить- что-то очень важное... и забыл. Когда Солиана заговорила, это вылетело у него из головы. Он просто последовал за своей проводницей, едва ощущая ногами мягкую лесную подстилку. Солиана молча бежала впереди, на расстоянии пары шагов. Потом Кайрус догнал волчицу и опустил руку ей на холку, погрузив пальцы в густой серебристый мех. Кажется, она ничего не имела против.

Тропа вилась, возникая прямо под ногами, и скоро Кайрус понял, что оказался довольно далеко от поляны. Может быть, Клут заметит, как они ушли? Нет. Стоило Кайрусу подумать об этом — и он уже знал: не стоит даже надеяться.

Но тут тропа кончилась. словно в полусне, Кайрус вышел на опушку... и невольно перевел дух. Воздух благоухал. Казалось, тысяча цветов разом раскрыли венчики, приветствуя его.

Над опушкой нависал густой полог из ветвей и лоз. Среди них танцевали, перемигиваясь, Небесные Огни, и в воздухе плыл тихий певучий звон. А в центре этого хоровода стоял сам Дармуд Корил. Здесь же собрались обитатели Леса — волшебные создания, которым предстояло стать свидетелями удивительного события.

Кайрус почувствовал, как тело наполняется покоем. Сердце билось ровно, дыхание

стало глубже. Внезапно он понял, что давно не спит. С удивлением он посмотрел на свою руку, на пальцы, погруженные в мех Солианы... потом встретил умиротворенный взгляд волчицы, и тревога окончательно покинула воина.

«Добро пожаловать в нашу семью, Кайрус».

Голоса звучали у него в голове — это говорили чудесные звери, которые окружали лесного бога. Кайрус почувствовал, как по щекам текут слезы радости. Он дома. Наконец-то дома.

Дармуд Корил терпеливо ждал. Когда же Кайрус набрался смелости и посмотрел в эти глаза, исполненные любви и доброты, страха больше не было — лишь воодушевление и восторг. Кайрус улыбнулся, и лесной бог ответил ему улыбкой.

«Ты пролил кровь среди нас, Кит Кайрус, — Дармуд Корил говорил тихо, но внятно. — Ты — брат всех лесных созданий, и богиня Лисс избрала тебя хранителем».

Стало очень тихо. Смолкла даже песня Небесных Огней, ни один лист не шелохнулся на ветру.

«Хранителем чего, Всемогущий?» — спросил Кайрус и нахмурился.

«Хранителем кого, — мягко поправил бог. — Со временем ты узнаешь больше, сын мой. Сейчас тебе достаточно знать, что ты избран. Ты дорог нам. Отныне Сердце Лесов защищает тебя... — Дармуд Корил повернулся к своей свите: — Откройте ему свои сердца, дети мои».

Огни вспыхнули, взметнулись — выше и ярче, чем прежде, — и ночь снова наполнилась их перезвоном. Хоровод лесных созданий стал плотнее. По-прежнему крепко держась за холку Солианы, Кайрус шагнул к ним. Он принял приглашение, вошел в Круг Сердца Лесов и слился с ним.

«Ах, Солиана... вот почему ты говорила о путешествии только с Тором... Потому что мое путешествие заканчивайся здесь».

Это была его последняя мысль. Жаль, что никто ее не услышал, потому что Кайрус ни с кем не был связан... пока.

Тор проснулся, как от толчка. Он помнил все, что Лисс показывала ему во сне... и то, что она сказала о Меркуде. Последнее воспоминание заставило его похолодеть. Нет, не может быть. Он помотал головой, потом понял, что это бесполезно. Лисс незачем его обманывать.

Клут слетел откуда-то сверху и уселся перед ним на землю. Птица выглядела взъерошенной.

«Кайрус ушел».

Тор огляделся.

«В смысле — „ушел“?»

«Ушел. Отправился прочь. Удалился. Его больше здесь нет».

«Куда он ушел?»

«Тор... если бы я знал, то не стал бы с самого рассвета летать над лесом. Кайруса с нами больше нет».

«Это смешно! — юноша вскочил, чувствуя, что закипает. — Зачем ему куда-то уходить? Почему он ушел, не сказав нам ни слова? Куда он мог пойти?»

«Я сам сотню раз задавал себе эти вопросы».

Сокол действительно не мог поверить в то, что случилось этой ночью. Он был уверен, что не сомкнул глаз, а если и задремал, то ненадолго. И с его-то острым слухом! Он должен был проснуться от малейшего шороха.

Тор отбросил с лица волосы и беспомощно огляделся, словно это могло вернуть Кайруса.

Но Кайрус не вернулся. Зато на опушке появилась Солиана.

«Прошу тебя, Тор, не тревожься, — она, как всегда, начинала отвечать прежде, чем он обрушивал на нее град вопросов — Киту Кайрусу ничто не угрожает. Он там, где должен

находиться».

«И где это он должен находиться?» — ехидно осведомился Клут, не обращая внимания на возмущенные взгляды своего друга.

«Его место в Сердце Лесов, друг Клут. Этой ночью мы открыли ему двери своего гостеприимства».

Тор до крови прикусил губу. Он потерял еще одного друга, позволил Лисс забрать его... Болван!!! Это было ясно с самого начала! Небесные Огни... слова приветствия, с которыми к ним обратился Дармуд Корил...

«Постой, Солиана... ты хочешь сказать, что Кайрус останется здесь? И дальше с нами не пойдет?»

«Именно так».

«Но почему?» — Тор почувствовал, как его охватывает нетерпеливая дрожь.

«Потому что это необходимо. Потому что его избрала Лисс. Потому что именно так Дармуд Корил принимает тех, кого считает частью Сердца Лесов... — в ее голосе послышалось сожаление. — Потому что такова его судьба».

«Кайрус говорил об этом, когда мы входили в лес, — сказал Тор, обращаясь к Клуту — он знал, что волчица их не слышит. — Он боялся. Помнишь, как он говорил о судьбе?»

Клут перелетел на плечо Тора. Касаясь друг друга, они чувствовали себя безопаснее.

«Значит, мы должны идти дальше. Если Лисс избрала для него такой путь — значит, это часть сложного замысла, которую она плетет».

«Как ты можешь настолько верить ей, Клут?» — Тор покосился на Солиану, но волчица ждала, ничем не выдавая нетерпения.

«Потому что верю. Я был полоумным калекой, недочеловеком. А она превратила меня в сокола. Я верю в волшебство Сердца Лесов. Лес предоставляет нам убежище и дарит любовь. Я верю ему. Если Сердце Лесов принимает Лисс, нам нечего ее бояться. Мы должны доверять ей... И мы знаем, что Кайрус в безопасности».

«Возможно, вы хотите поесть,- вежливо заговорила волчица, указав взглядом на угощение, разложенное на листьях. — А затем мы должны продолжать путь. Это последний день, когда мы путешествуем вместе. Сегодня вечером мы придем в Илдагарт».

Глава 19 Ксантия

Покидая трапезную Академии, Элисса обогнала Ксантию. Во время обеда здесь всегда становилось слишком шумно, так что лучше было уединиться в библиотеке.

— Возвращаешься в свой склеп, Элисса? Подальше от солнышка?

Девушка обернулась. Во имя Света, как ей это надоело! Ксантия и ее сообщницы снова взялись ее дразнить... Как же, дело к обеду, а день еще не испорчен!

Элисса до сих пор не могла понять, когда и из-за чего их дружбе пришел конец. Все говорили, что они словно созданы под пару друг другу: Элисса — сдержанная, зеленоглазая, золотоволосая... и Ксантия — порывистая, смуглая, с волосами цвета воронова крыла. Обе выросли настоящими красавицами. Но их дружба исчезла вместе с той угловатостью, которая отличает девочек-подростков от взрослых женщин.

Они были ровесницами. Пять лет назад, когда Элисса столь впечатляющим образом появилась в стенах Академии, У Ксантии не было ни одной подруги. Озлобленная, одинокая, она тяжело сходилась со сверстницами и выплескивала обиду во вспышках гнева. В то осеннее утро большинство женщин покинули Академию и гуляли по Илдагарту. По уставу, раз в месяц, в восьмерик, на восьмой день от новолуния — послушницам позволялось съездить в город за покупками, и мало кто отказывался от такой возможности. Однако Ксантию приглашали редко: ее нрав был слишком известен. Девушечки хотели насладиться свободой и знали, что она непременно испортит им удовольствие. А бродить по рынкам в одиночестве пока другие веселятся... Вот почему Ксантия предпочитала оставаться в

Карембоше.

И вот почему в тот день она одной из первых услышала шум и первой поднялась на крышу. Там уже стояла незнакомая старушка, которая пару часов назад заходила к Старейшине Айрис. Незнакомка была встревожена и сбивчиво рассказывала что-то про свою внучку Элиссу, которая осталась за стенами Академии и попала в ловушку.

Остальные женщины прибежали слишком поздно, чтобы увести Ксантию и помешать ей увидеть отвратительную сцену, которая разыгралась у ворот. Юная послушница видела, как инквизиторы и их урод-предводитель, не обращая внимания на яростную брань незнакомки, издеваются над беспомощным пленником. Позже Ксантия узнала, что несчастного звали Саксен Фокс и он был акробатом знаменитого цирка Зорроса. Вместе со старушкой и ее внучкой Саксен бежал от инквизиторов и сопровождал женщин в Карембош.

За годы, проведенные в Академии, Ксантия не раз слышала упреки в равнодушии, а некоторые даже называли ее бессердечной — правда, обычно это говорилось за глаза. На самом деле она ненавидела свою жизнь. Как в тюрьме: каждый день одно и то же, ничего не меняется, ничего не происходит... Поэтому она с каким-то нездоровым оживлением следила, как пытаются Саксена. Она отметила, что циркач почти не издавал звуков и лишь изредка глухо рычал, как зверь. Потом у нее на глазах застрелили двух мальчиков, которые появились во дворе. Ксантия еще долго помнила их странные улыбки, которые явно были вызваны не только удивлением... хотя прыжок Элиссы казался настоящим чудом. Эти улыбки словно приклеились к их мертвым лицам — Ксантия видела это, когда тела перенесли во двор Академии.

Старейшины и послушницы еще долго не могли оправиться от потрясения. Но хуже всего пришлось Элиссе. Шли недели, а она все сидела неподвижно, глядя прямо перед собой остекленевшими глазами, не слышала, когда с ней разговаривали, не обращала внимания на прикосновения. Она не могла даже есть: приходилось заталкивать ей в рот бульон и жидкую кашку. Ксантия, очарованная незнакомцами, не сомневалась: Элисса осталась жива лишь благодаря стараниям Соррели — той самой старушки, которую поначалу сочли ее бабушкой.

И лишь когда клук, которого инквизиторы оставили у ворот Академии, посчитав мертвым, приковылял в крошечную комнату Элиссы, к девушке начали возвращаться чувства. Правда, поначалу она только дрожала и целыми часами плакала.

Ксантия немедленно попросила разрешения помогать гостям, и Старейшины согласились. Юная послушница наконец-то проявила участие к другим людям и интересовалась кем-то, кроме себя самой. Тем временем Ксантия наблюдала за клуком и Элиссой. Между ними как будто была натянута невидимая нить: никто из них не произносил ни слова, однако они несомненно общались. Послушницу одолевало любопытство.

Саксен выжил лишь благодаря неустанным заботам Соррели и Старейшин. Однако инквизиторы жестоко искалечили его, выкололи глаза, а язык вырвали и бросили бродячим собакам. Кажется, в его теле не осталось ни одной целой кости. Руки и ноги срослись неудачно и напоминали кривые сучья. Бывший циркач едва двигался, а его спина... Даже Ксантия понимала, что Саксен никогда не сможет ходить прямо... а ведь он еще молод!.. Говорить клук тоже не мог и только изредка кряхтел, но предпочитал вообще не издавать звуков, только пожимал плечами, кивал или качал головой. Ксантия заметила, что он обожает Элиссу... Нет, скорее поклоняется ей. Это была еще одна загадка, которую девушке очень хотелось разгадать.

Недели шли за неделями. Миновала осень, наступила зима, а странная троица не выражала желания покинуть Академию. Все шло к тому, чтобы Элисса стала послушницей. Из разговоров с Соррелью Старейшины уже знали, что девушка обладает даром Чувствующей, а значит, только в стенах Академии может чувствовать себя в безопасности.

Это было щедрое предложение. Однако Соррель поставила условие: Саксену позволят остаться в Карембоше. Разумеется, в саму Академию вход мужчинам был запрещен, но карембош — это не только Академия. Клук ухаживал за животными, выполнял мелкие поручения. Спал он на сеновале, есть старался в одиночестве, в одном из маленьких

двориков, что во множестве окружали главное здание.

Ксантия снова посмотрела вслед Элиссе. Если бы не ее упорство, эта златовласка так и сидела бы в своей раковине. Может быть, Саксен помог своей богине сохранить рассудок... Но никто иная, как она, Ксантия, вернула ей присутствие духа. Теперь, пять лет спустя, трудно поверить, что это все то же робкое создание. Лишь иногда напоминают о себе шрамы, которые остались у нее в душе. Так, Элисса отказывалась говорить о своем прошлом, а при одном имени Инквизитора Гота застывала, словно превращалась в статую.

— Мне надо закончить работу в архивах, Ксантия.

Все-таки ответила! В любом случае, Ксантия не собиралась так легко отпускать свою жертву. Тем более, когда вокруг столько зрителей- молодых послушниц, на которых следует произвести впечатление.

— Элисса, у тебя с головой все в порядке? Ты слышала, что говорила Старейшина Мей? Со дня на день здесь будет гость из Тала. И не королева Найрия — ты слышала? Она заболела, поэтому не приедет. И король тоже не приедет, а он такой милый...

— Если честно, меня это не интересует,- ответила Элисса.

Ксантия пихнула в бок одну из своих подружек.

— Ах, какие мы правильные. Нам же запрещено касаться мужчин... Но мы все равно созданы из плоти и крови. И нам никто не помешает испытывать...

Она замолчала, подыскивая подходящее выражение, но пауза получилась весьма выразительной.

— ... плотское влечение.

Последние слова Ксантия произнесла с совершенно неопишуемой миной, к вящему восторгу зрительниц. Девушки хором рассмеялись.

Элисса сделала над собой усилие. Она не хотела читать мораль или изображать снисходительность, однако последнее время в разговоре с Ксантией неизменно чувствовала себя Хорошей Девочкой.

— Ты играешь с огнем и знаешь это. Зачем мучиться из-за того, чем тебе никогда не позволят насладиться?

Ксантия сделала вид, что пропустила замечание мимо ушей. Она улыбнулась своим подружкам, и Элисса словно увидела прежнюю, некогда обожаемую Ксантию.

— Обычно к нам присылают старого лекаря, из которого уже песочек сыпется. Но я знаю, что на этот раз приедет не он. Я выясняла. Так что... Только представь: молодой, высокий, красивый до безумия... Ах! — Ксантия закатила глаза.

— Или толстый коротышка, которому хорошо за тридцати — фыркнула одна из послушниц. — У которого одышка и изо рта плохо пахнет.

На этот раз Элисса не выдержала и улыбнулась. В любом случае, надо уходить. Если Ксантия решила ее задеть, то непременно добьется своего. Так что лучше не дожидаться.

Ксантия трагически скрестила руки на груди.

— О нет. Только не в этот раз. Я отказываюсь в это верить.

— А о чем вообще разговор? — спросила другая девушка.

— Да о том, что нам всего раз в десять лет выпадает возможность потанцевать с мужчинами, глупенькая! На время празднеств мы получаем послабление! А наша Элисса...

«Ну вот, начинается».

— ... такая красotka, что перед ней никто не сможет устоять. Элисса с презрением посмотрела на Ксантию.

— Думай побольше о работе, а о мужчинах поменьше. Или ты забыла, кто мы такие?

Она тут же пожалела о том, что сказала.

— Как я могу об этом забыть, Элисса? Мне жаль, что меня вообще сюда привезли. Лучше бы я попыталась счастья и померилась силами с Инквизитором Готом!

Элисса всегда следила за своим лицом. Но сейчас Ксантия увидела, как оно становится ледяным — прежде, чем ее золотоволосая подруга развернулась и скрылась в коридоре. Ксантия пожала плечами. Отлично. Ей все-таки удалось поддеть эту гордячку.

У Ксантии были все основания считать себя пленницей. Она не боялась Гота, хотя знала, что сделали инквизиторы с ее собственной матерью, которая была Чувствующей. Найти бы этих деревенских доброхотов, которые передали ее, Ксантию, в руки Старейшин Академии... Ох, она соберет все крохи своих сил и разделается с ними! Этот гнев до сих пор кипел в ее сердце. Здесь, в Академии, все было ненавистно — и эти показное благочестие, и строгие порядки, и отношение к мужчинам, противное человеческой природе... и прежде всего — невозможность пользоваться своим даром. В отличие от большинства женщин Ксантия оказалась в Карембоше не по доброй воле. Девушка знала, что гораздо сильнее матеря и будь у нее выбор, предпочла бы свободу.

Она коснулась архалитового диска, который блестел у нее на переносице. Только бы от него избавиться... Но как? Ксантия постоянно ломала над этим голову, но все без толку. Чего она только не пробовала! Порой она, как маленькая девочка яростно, до крови раздирала кожу ногтями, пытаясь содрать ненавистный камень. И каждый раз Старейшины торжественно напоминали ей, что архалит прикрепляется лишь ко лбу Чувствующих и остается там навечно.

— Нет в Королевстве ни грубой силы, ни волшебства, что поможет снять этот камень, дитя мое, — твердила Старейшина Айрис. — Считай его частью себя.

Но Ксантия не могла так считать. Она не желала быть послушницей, и со временем это превратилось в навязчивую идею.

Однако двенадцать месяцев назад умерла Хелен, и вскоре весь монастырь узнал, что новую Старейшину выберут из числа старших послушниц. Ксантия не верила своим ушам. Она провела в Академии семнадцать зим, и ни разу за это время здесь не выбирали Старейшин. Да, это ее шанс. Наконец-то она сможет сбросить оковы. Наконец-то сможет добиться хоть какого-то подобия свободы, положения, власти... А может быть, даже права путешествовать по Королевству.

Ксантия грезила наяву. Она- Главная Старейшина... Да, вот к чему стоит стремиться. Эта мысль настолько захватила ее, что ни о чем другом думать было просто невозможно. Вскоре девушка убедила себя, что подходит на этот пост лучше, чем кто бы то ни было. Она провела в Академии дольше остальных послушниц, она очень умна — это признавали даже ее недруги. А главное, она выбрала для исследований тему, за которую никто не желал браться. Ксантия изучала Темное Искусство. Это была ее вотчина. Никто так не разбирался в природе этих сил, никто не знал их историю так хорошо, как Ксантия. Ее заметки о Темном Искусстве успели прославиться едва ли не на все Королевство.

И вдруг... Это было как гром среди ясного неба — в буквальном смысле слова. Однажды, солнечным весенним утром, Ксантия решила пройти через сад, вместо того, чтобы обойти его. Здесь она случайно услышала, как две самые уважаемые Старейшины обсуждают каждую из четырех девушек, которых прочили на пост Старейшины. К отчаянию Ксантии, обе собеседницы решительно поддерживали Элиссу. Ксантия знала, какой вес их голоса имеют в Круге Старейшин. Если они проголосуют за Элиссу, ее шансы значительно сократятся. А Главная Старейшина в восторге от Элиссы, и это куда хуже.

Этого было достаточно, чтобы к концу весны Ксантия превратилась из лучшей подруги Элиссы в ее самую яростную противницу. Сначала это проявлялось в приступах дурного настроения, однако Элисса, неизменно терпимая, мирилась с ними. Но к началу лета трещина между ними стала глубже. Казалось, Ксантию раздражало все, что напоминало об их прежней дружбе.

В последнее время Ксантия стала действовать по-другому: она старалась выставить свою соперницу перед остальными послушницами в неприглядном свете. Пока из этого ничего не вышло: к Элиссе как будто не липла никакая грязь. И лишь однажды ее терпение лопнуло. Она обвинила Ксантию в обмане, клевете... и узнала, что страдает мнительностью и болезненным самомнением.

В этот миг Элисса поняла, что их дружбе пришел конец. С этим оставалось лишь смириться. Вот уже три месяца она старалась пореже сталкиваться с бывшей подругой, а при

встрече держалась холодно и вежливо. Ксантия же пользовалась любой возможностью, чтобы задеть ее.

Последний раз случай представился ей сегодня утром.

Ксантии совершенно не нравились младшие послушницы, которые постоянно увивались за ней. Но благодаря этой парочке остальным могло показаться, что Ксантия пользуется любовью и поддержкой; к тому же они очень вовремя начинали хихикать. Однако сейчас их щебет становился утомительным, и она попросила девочек удалиться. Свою роль они сыграли.

Она бесцельно бродила по коридорам Академии. Взгляд девушки скользил по великолепным фрескам, но она словно ничего не замечала: мысли унесли ее очень далеко от Карембоша. Очнулась Ксантия лишь в зале, который служил вестиюлем Академии. Посетитель, который впервые попадал сюда, не мог остаться равнодушным к этим величественным мраморным сводам. Однако Ксантия провела здесь почти всю жизнь, и у нее, что называется, замылился глаз.

Ее внимание привлек Саксен, который ковылял по двору, направляясь к воротам. Вот глупый, все равно ничего не увидит... Что ему там понадобилось? Может быть, привезли еду? Но сегодня не тот день; к тому же товары обычно доставляют к задним воротам. Вот Саксен открывает глазок и прикладывает к нему ухо. Конечно, ему только и осталось, что слушать... Некоторое время клук постоял неподвижно, затем распахнул небольшое окошко, и чья-то рука просунула снаружи пергаментный свиток. Он не был запечатан и легко развернулся.

Зрение у Ксантии было великолепное, поэтому она успела заметить королевский герб на большой восковой печати. Затем пальцы Саксена заскользили по воску, читая рисунок.

— Во имя Света! — прошептала девушка. — Он здесь. Крук отпер ворота и застыл в почти раболепном поклоне, пропуская внутрь высокого молодого человека, который вел под уздцы лошадь. Потом метнулся вперед, на удивление ловко подхватил повод, вернул пергамент и указал пальцем прямо на Ксантию — во всяком случае, ей так показалось. Смущенная, девушка поспешила укрыться за одной из колонн, поддерживающих свод. И тут же украдкой выглянула снова.

У нее перехватило дыхание.

Пара самых изумительных темно-голубых глаз, какие ей только доводилось видеть, пристально изучали затененный угол зала, где она стояла. Неужели ее молитвы услышаны? Да, вот она — долгожданная возможность насладиться обществом мужчины. В следующий раз такая удача выпадет только десять лет спустя. К тому времени она состарится, ей будет почти тридцать.

Но сегодня она свой шанс не упустит.

И плевать на устав. Ксантия сделала глубокий вдох, одернула платье и вышла из своего укрытия.

— Добрый день, сударь. Добро пожаловать в Академию. А теперь реверанс. Как хорошо, что платье послушницы словно нарочно придумано, чтобы подчеркивать стройность фигуры. И вдвойне хорошо, что именно сегодня Ксантия не заплела волосы. Гость остановился.

— А-а... значит, это вы. Мне показалось, что в зале кто-то есть. Спасибо... э-э-э?

— Меня зовут Ксантия. Простите, что вас не встречают — обычно представителям королевской фамилии оказывают более радушный прием. Но мы не ждали вас так скоро.

Она улыбнулась, создав короткую паузу в разговоре, и окинула его взглядом, словно стараясь запечатлеть в памяти.

Тора это позабавило. Интересно, откуда она знает... Он хотел спросить, но сбился с мысли. Как давно ему не доводилось видеть таких красавиц! Ну, конечно, не с тех пор, как он расстался с Эйрин... Следующей была мысль об Элиссе. Но как устоять перед таким искушением? Тор наслаждался, хотя предостережение Меркуда все еще навязчиво звучало у него в ушах. Девушка вежливо ждала.

— Да... я добрался немного быстрее, чем ожидал. Надеюсь, это не создаст неудобств, Ксантия?

Даже его голос оказался восхитительным.

— Никаких. Наоборот: немного приятного разнообразия жизни местных обитателей не помешает.

Она откровенно кокетничала — и с удовольствием наблюдала, как у него загораются глаза.

— Меня зовут Торкин Гинт. Я младший придворный лекарь и имею честь представлять королевскую...

Шум полных нетерпения голосов прервал их беседу. Сюда спешили Старейшины Айрис, Мей и Эллин, что было весьма некстати.

Ксантия поклонилась и густо покраснела.

— Послушница Ксантия! — пристыдила ее Старейшина Айрис.

Ксантия не сомневалась, что позже, наедине, старуха обрушит на нее потоки праведного гнева. Пару мгновений она разглядывала мраморную прожилку у себя под ногами, потом украдкой покосилась на главу Академии. Да, на период Праздника действуют определенные послабления, но даже с учетом любых послаблений ее поведение было недопустимым. И непонятно, что больше потрясло Старейшин — появление именитого гостя или столь вопиющее пренебрежение правилами. Молодой лекарь разрядил напряжение, учтиво поклонившись женщинам.

— Приветствую вас, Старейшины... Я- младший придворный лекарь Торкин Гинт. Я приехал сюда по поручению и от имени Их величеств короля Лориса и королевы Найрии и присутствую здесь вместо Старшего лекаря Меркуда, который неважно себя чувствует и не отважился совершить столь долгое путешествие... Прошу простить за столь раннее появление... — похоже, эту официальную тарабарщину он выучил заранее, потому что продолжал более живым тоном. — Наверно, я что-то неправильно понял. Тот слепец, привратник ничего мне не сказал, только показал пальцем... и я подумал что мне следует ждать здесь...

Тор выдержал паузу. Его широкая улыбка заставила дрогнуть не только поджатые губы Старейшин. Однако дамы сумели сдержаться.

— ... А эта любезная девушка — Ксантия — проходила мимо и очень вежливо меня приветствовала. Как я понимаю, она собиралась сразу идти за вами, а я задержал ее своими расспросами о местных красотах...

Он обвел рукой зал и под прикрытием этого жеста незаметно подмигнул Ксантии.

Девушка заставила себя дышать ровно. Только бы ничего не испортить... Но он подмигнул! Она его обожала.

— ... Может быть, Ксантии позволят показать мне Академию и ее окрестности, пока я нахожусь здесь? Я имею в виду — то, что дозволено видеть посторонним.

Ксантии пришлось сжать зубы, чтобы маску смирения не смыло волной смятенных чувств. Этого не может быть! Ясно, что Старейшины не откажут в такой просьбе — по крайней мере, в открытую. Тем временем Тор Гинт поцеловал руку каждой из пожилых дам, как того требовал этикет, и торжественно вручил Старейшине Айрис пергаментный свиток с посланием от короля.

— Почтенный Гинт, — голос Старейшины звучал строго, но Ксантия уже знала, что гроза миновала. — Мы рады, что вы добрались благополучно и что вас ничто не задержало. Как себя чувствует Ее величество?

— Я осматривал ее незадолго до отъезда. Она уже выздоравливает...

Он выжидающе смолк. Взгляд его широко раскрытых голубых глаз мог обезоружить кого угодно.

— Это добрая весть, — женщина попыталась улыбнуться. — А как наш дорогой друг, лекарь Меркуд?

— Ему тоже гораздо лучше, Старейшина Айрис. Он недавно болел и все еще слаб, но

опасность уже миновала. Конечно, он весьма сожалеет, что не может праздновать вместе с нами...

— Нам будет его не хватать,- вставила Старейшина Мей.

Тору все-таки удалось растопить лед. Ксантия была просто счастлива — еще и потому, что о ней самой забыли — по крайней мере, на время. Старейшина Эллин, которая отличалась относительно легким нравом, уже улыбалась.

— Саксен забрал ваши вещи, почтенный?

— Конечно, благодарю вас. Вы позволите немного освежиться с дороги? Я скоро к вам присоединюсь, расскажу вам все новости и передам подарки от Меркуда.

Лекарь и Старейшины снова поклонились друг другу, затем Старейшина Айрис повернулась к Ксантии:

— Проводи нашего гостя в его покои.

Удивленная, счастливая, девушка поспешно поклонилась.

— И, Ксантия...

Она обернулась и отметила, что лицо Старейшины снова стало строгим.

— Да, Старейшина Айрис?

— Час досуга почти закончился. Пожалуйста, после того, как проводишь почтенного лекаря, немедленно возвращайся к своим обязанностям.

Нотки, которые звучали в ее голосе, были слишком знакомы Ксантии. Они служили предупреждением: в ближайшее время распорядок желательно не нарушать.

— Спасибо, — пробормотала Ксантия, убедившись, что Старейшины не слышат.

— Не стоит благодарности. А они всегда такие веселые?

— Я вас не понимаю... У Старейшины Айрис сегодня прекрасное настроение, — она рассмеялась. — А насчет того, чтобы я стала вашим проводником — это тоже шутка?

— Конечно, нет! Но я сомневаюсь, что эти сестры из ордена радости нам разрешат.

Ксантии пришлось скрыть восторг, в который ее привела эта бесцеремонность. Она всю жизнь считала Старейшин занудами. О да, этот Торкин Гинт восхитителен, как глоток свежего воздуха! И она позаботится о том, чтобы надышаться им вволю.

Для начала Ксантия выбрала самую длинную дорогу к маленькому домику недалеко от конюшен, где еще несколько недель назад все было готово к приему гостя.

— Уже пришли? — спросил Гинт.

Звучала ли в его чудном голосе хоть тень сожаления? Позже Ксантия снова и снова вспоминала его слова, пытаясь это понять.

— Надеюсь, вам тут будет уютно, почтенный, — она распахнула дверь и вошла первой.

Вскоре приковылял Саксен. Тор чувствовал, что не в силах оторвать взгляд от его пустых глазниц. Где несчастный мог получить такие страшные раны? Саксен кивком указал на седельные выюки Тора, которые уже стояли в комнате, и исчез в конюшне.

— Да, этот человек слов на ветер не бросает, — заметил Тор.

— Ему нечего бросать — он немой. Инквизитор Гот выколол ему глаза и вырезал язык... и это еще не все, что этот изверг с ним сотворил, — Ксантия заметила, насколько эти слова потрясли молодого лекаря. — Вы, конечно, знаете Инквизитора?

— Предпочел бы не знать, — холодно ответил Тор. — Простите, что затронул эту тему.

— О, все было гораздо хуже. Долго рассказывать... Простите, но с меня сдерут кожу, если я не вернусь на занятия.

— Спасибо, Ксантия. Приятно было познакомиться. Надеюсь, мы еще сможем поболтать, и ты расскажешь мне историю Саксена...

Тор взял руку девушки и легко коснулся ее губами. Ксантия почувствовала, как по коже пробегает дрожь.

«Осторожно, Тор», — прозвучал в голове юноши голос Клута — сокол сидел на крыше Академии.

«Ох, птичка... лети и поищи себе другую добычу».

«Не стоит играть с огнем, — предупредил Клут. — Но ты прав: пожалуй, полечу

поохотиться — я проголодался. А вот тебе в этих местах охотиться не стоит!»

И прежде, чем Тор ответил, оборвал связь.

О да, они непременно поболтают, что бы ни говорили Старейшины! При этой мысли Ксантия покраснела. Девушка нарочно сделала крюк, чтобы пройти под окнами кабинета Старейшины Айрис: пусть видит, что она одна и спешит снова приняться за дела.

Однако ее неумолимо тянуло обратно. Только бы увидеть этого Гинта — хоть одним глазком! Некоторое время девушка беспомощно бродила по коридорам Академии... и вдруг замерла. Лекарь стоял у колодца, обнаженный по пояс, вода блестящими ручейками текла по лицу и капала с мокрых волос. Конечно, он не мог видеть Ксантию. Она укрылась за ближайшей колонной и, чувствуя себя в безопасности, любовалась его стройным мускулистым торсом.

Ксантия ошибалась: Тор знал, что она наблюдает за ним. Он улыбнулся, словно подумал о чем-то приятном, потянулся, потом помотал головой, чтобы отряхнуть волосы. Пусть смотрит в свое удовольствие. И какая жалость, что когда-нибудь эта очаровательная юная послушница превратится в желчную старуху... наподобие той троицы, что встречала его сегодня.

Не смея больше задерживаться, Ксантия покинула свое укрытие и на цыпочках удалилась. Тор скорее почувствовал, чем услышал, как она уходит. Какая красавица... Наверно, ровесница Элиссы. Не слишком надеясь на успех после стольких лет молчания, Тор снова послал мысленный зов. И снова почувствовал вязкую пустоту. Однако на этот раз пустота как будто стала не такой плотной. Тор замер и повторил попытку. Да, несомненно. Густой туман начинал понемногу рассеиваться, хотя солнце еще не выглянуло.

Тор почувствовал, как сердце бьется чаще. Лисс сказала ему, что Элисса жива, и обещала помочь найти ее. Может, это и есть начало. И Элисса где-то рядом.

Вопреки надеждам Ксантии, Элисса не разозлилась. Она была просто выбита из колеи. Одного имени Инквизитора Гота было достаточно, чтобы лишить ее присутствия духа. Недели, которые последовали за тем кошмаром у ворот Академии, не отложились в памяти, а если и отложились... Саксен, страдающий под пытками, мальчики... Нет, лучше об этом не вспоминать. Даже сейчас.

Первые недели она плавала в Зелени и не хотела покидать свое убежище. Каково же было потрясение, когда она услышала Саксена. Клук искал ее, пытался до нее докричаться... Но ведь его убили! Как он может с ней разговаривать? Сначала Элисса решила, что ей чудится, однако устремилась на зов... потом открыла глаза и увидела подтверждение своей догадке. Саксен Фокс был жив.

Он очень изменился. Но черные провалы на месте сияющих фиолетовых глаз не пугали Элиссу, а изломанные очертания некогда прекрасного тела не оскорбляли ее взгляда. Когда клук обращался к ней мысленно, его голос звучал совсем как прежде, и этого было достаточно. А объятия его искалеченных рук возвращали ей спокойствие.

Что же касается Ксантии... Поначалу Элисса не осознавала ее присутствия, хотя позже поняла: эта девушка, похоже, с первых дней находилась рядом — всегда внимательная и даже готовая помочь. С Саксеном и Соррелью можно было разговаривать мысленно... пока несколько лет назад она не лишилась этой возможности, став послушницей.

Соррель подтвердила, что Старейшины приняли. Они знают, что Элисса — Чувствующая, и предложили ей защиту. Потом была церемония. Девушку вызвали в главный зал Академии, где собрались все насельники¹ Карембоша. После короткой речи Старейшина Айрис взяла с зеленой подушечки красивый зеленый кружок и прижала его ко лбу Элиссандры, где он и оставался по сей день. Теперь она стала полноправным обитателем

¹ Послушник или монах, постоянно живущий в монастыре и подчиняющийся его уставу. (Прим. ред.)

Карембоша, Неприкосновенной, и могла чувствовать себя в безопасности.

Ксантия заполнила эту пустоту, став ее подругой. Живая, с легким нравом, она снова научила Элиссу смеяться. Девушки быстро сблизились, однако даже ей Элисса никогда не рассказывала о своем прошлом. Надо было начать все сначала. Ей нравилась спокойная жизнь Академии. А вскоре выяснилось, что никто не справляется с работой в архивах лучше, чем Элисса.

— После Старейшины Ами у нас таких не было, — заметила однажды Старейшина Айрис. — Это не просто талант, это призвание.

Наверно, она была права. В окружении книг Элисса чувствовала, как душу наполняет мир, и проводила за чтением целые дни. Но это было не единственным, что она открыла для себя в библиотеке. Недавно девушка совершенно случайно обнаружила небольшую потайную дверцу, о существовании которой, похоже, никто не знал. Скорее всего, просто потому, что здесь уже давно не наводили порядок. В самом деле, это была непростая задача: Элиссе потребовался почти год упорной работы, прежде чем она сюда добралась... она подозревала, что примерно столько же уйдет на то, чтобы завершить задуманное. Передвигать книжные полки ей помогал Саксен. И вот однажды, заглянув за очередной стеллаж, Элисса заметила, что одна из каменных плит в полу лежит неплотно, и ее можно отодвинуть.

Ничего необычного под ней не обнаружилось — только пара очень старых пыльных томов. Но для Элиссы это было настоящее сокровище. Остальные послушницы надеялись, что в тайнике окажутся драгоценные камни или что-нибудь в этом роде, и были разочарованы. Что же до Старейшин, то они ожидали увидеть, например, полуистлевший остов, а потому вздохнули с облегчением. Книги же поступили в распоряжение Элиссы.

— Какое-то странное наречие... никогда с таким не сталкивалась, — заметила Эллин, пролистав их — а она была, вероятно, самой образованной из Старейшин.

Элисса тоже впервые видела подобные письмена, однако с удивлением обнаружила, что понимает все, что написано в таинственных книгах. Каким образом, почему? Это была еще одна загадка.

Она как раз дочитала первый из манускриптов, когда звон колокола оповестил о начале обеда. Только это и заставило ее покинуть подземелье, где располагалась библиотека. Не то чтобы Элисса проголодалась... но Соррель взяла с нее слово, что она будет каждый день ходить на обед — не столько ради самого обеда, сколько для того, чтобы пообщаться с другими девушками. Старушка считала это очень важным. Однако с тех пор, как начались ссоры с Ксантией, пребывание в трапезной превратилось для Элиссы в пытку. Девушка тяжело переживала их разлад. Что случилось, из-за чего? Элисса снова и снова перебирала в памяти все, что произошло до этого. Почему Ксантия вдруг так изменилась, почему стала нападать на нее?

Элисса вернулась в библиотеку, но злость все еще не прошла. Ксантия помянула при ней Инквизитора Гота... После такого уже не до чтения — хотя книга лежала на столе, а обложка в кожаном переплете так и просилась, чтобы ее открыли. Первый из манускриптов оказался настоящим откровением. Элисса убедилась, что древнее предание о чародее по имени Орлак, который несколько сотен лет назад принес в эти места смерть и разрушение — не выдумка. Какой ужас... Пожалуй, пока не стоит никому об этом рассказывать.

В конце концов, она отложила книгу и решила заняться переводом свитков для Старейшины Эллин... когда почувствовала мягкое, тянущее прикосновение к своему сознанию. Не может быть. Это ошибка. Вот уже пять лет она не могла не то что установить мысленную связь, но даже почувствовать, когда кто-то пытается к ней обратиться. Последним ее разговором стало прощание с Саксеном.

Элисса нахмурилась. Однако ощущение появилось снова — очень знакомое, хотя и смутное. Если бы не глубокая сосредоточенность, она бы просто ничего не заметила. Кто-то явно пытался до нее достучаться. Девушка задумчиво коснулась переносицы. Архалитовый диск никуда не исчез. О каком обмене мыслями можно говорить после того, как его

прилепили ей на лоб? Элисса покачала головой. Ей просто почудилось — здесь так тихо...

Однако странное ощущение напомнило ей о Торе. Интересно, чем он сейчас занимается? Может быть, это он пытается с ней связаться?.. И тут же Элисса одернула себя. Тор — просто воспоминание... воспоминание, в которое не стоит погружаться. Они больше никогда не увидятся.

Сделав над собой усилие, Элисса развернула свои пергаменты и занялась переводом.

— Послушница Ксантия очень впечатлительна. В Карем-боше ей никогда не было... скажем так, уютно.

Тор услышал предупреждение, скрытое в этих словах.

— А разве женщины остаются в Академии не по доброй воле? — спросил он, чтобы сменить тему разговора.

— Не всегда, почтенный. Например, Ксантия оказалась здесь ребенком четырех лун от роду. Ее мать, Чувствующую, заклеили, а односельчане боялись за девочку и привезли ее в Академию.

— Понимаю...

— Подождите, я не закончила. Когда Ксантия немного выросла и поняла, что может не рассчитывать на свободу, она взбунтовалась, и этот бунт не прекращается до сих пор. Никто из послушниц не выражает столько недовольства, как Ксантия. Из нее могла бы получиться великолепная Старейшина — но, к сожалению, никогда не получится. При том, что она очень умна, прекрасно разбирается в Темном Искусстве... Хотя мы, конечно, никогда не прибегаем к этим знаниям, — быстро добавила Старейшина. — Ксантия хорошо понимает, по каким причинам человек может пасть жертвой тьмы.

— Однако взялась именно за эту тему? — у Тора разыгралось любопытство.

— О да. Она знает все древние заклинания и заговоры, которые давно вышли из употребления. Но ей тоже запрещено их применять. Наша задача — просто изучать историю. Работу Ксантии трудно переоценить. Она не потеряет значения для Таллинора еще много сотен лет.

— Конечно, — Тор кивнул, потягивая чай с лимоном, и мельком оглядел прелестную комнату, где они сидели. — Я немного побродил по Академии, Старейшина Айрис. Это просто потрясающе. Искренне надеюсь, что мне будет позволено увидеть больше... но, насколько я понимаю, ходить по этим великолепным залам в одиночку посторонним запрещено. Мне нужна провожатая.

— Я позволю Ксантии стать вашей провожатой, почтенный Гинт, — в голосе Старейшины снова появились ледяные нотки, — поскольку понимаю, что именно этого вы и добиваетесь. Не могу вас осуждать. Полагаю, одна мысль о променаде в обществе какой-нибудь пожилой Старейшины превращает его из удовольствия в скучную обязанность...

Она подняла руку, пресекая его возражения.

— Ксантии это тоже пойдет на пользу. До Празднеств осталось три дня, и я рада, что вы проведете это время среди нас, посветив его осмотру Карембоша. Осмелюсь лишь напомнить о правилах, которые здесь действуют.

— Простите, что перебиваю вас, Старейшина Айрис. Почтенный Меркуд не жалел сил, чтобы втолковать мне, на чем стоит Академия и какие правила обеспечивают насельникам особое положение и... неприкосновенность.

Тор приблизился к ней, и на его лице не было даже тени насмешки.

— Я приехал сюда учиться. Я никоим образом не собираюсь добиваться, чтобы ради меня изменяли порядки, принятые для всех. И тем паче не собираюсь их нарушать. Я понимаю ваши опасения, но... Поверьте, Старейшина, у меня на уме только наука.

Айрис глубокомысленно кивнула.

— Я дам Ксантии соответствующие указания. Думаю, для нее это будет ценный опыт. И, надеюсь, вы воспользуетесь возможностью пообщаться со всеми Старейшинами. Вы

увидите, своими глазами, почтенный: Академия — это удивительное место.

— Спасибо, — пылко ответил Тор. — Мне будет что рассказать во Дворце.

— И непременно посетите наши архивы. Там вы сможете узнать много любопытных вещей. Скажите Ксантии, чтобы она представила вас нашему архивариусу... — Старейшина грустно улыбнулась. — Сама она вам этого не предложит. Скоро у нас выборы Старейшины. Ксантия боится, что выберут девушку, которая работает в архиве, а не ее. Должна сказать, я очень разочарована. До сих пор они так славно дружили...

На этом аудиенция была закончена. Тор был счастлив покинуть аудиторию: сварливая старуха подвергла его настоящему допросу. Но уже через несколько минут все забылось: на главном дворе Тора ждала Ксантия.

— Доброе утро, почтенный Гинт.

Наверно, все мужчины заглядываются на такую красавицу! Сегодня девушка искусно заплела свои блестящие темные волосы — словно для того, чтобы подчеркнуть совершенный овал лица. Сейчас, при ярком солнечном свете, Тор отметил, что оливковая смуглота лишь оттеняет белизну ровных зубов, а глаза сияют еще ярче, чем вчера.

И еще его позабавило то, как она его разглядывает.

— Простите? Ксантия рассмеялась.

— Я спросила: как вам такое удалось?

— Сестры Скорби не устояли перед моим обаянием.

— Позвольте усомниться. Старейшины не поймут, что имеют дело с мужским обаянием. Даже если оно подойдет к ним и укусит за...

— О, Старейшина Мэй! — Тор поклонился пожилой женщине, которая пересекала двор. Девушка стояла к ней спиной и не заметила, как та появилась. — Ксантия как раз рассказывает о вашем исследовании целебных трав. Блестящая работа!

Старейшина расцвела. Тор тут же получил приглашение посетить ее покои, от которого «не посмел отказаться», и взглядом показал Ксантии, что ей следует быть осторожней.

Это утро показалось Ксантии слишком коротким. Он был просто великолепен, этот Торкин Гинт — или Тор, как он предложил себя называть. Остроумный, образованный, знающий толк в шутке... Как с ним интересно! Прогулка по залам Академии стала подлинным наслаждением. К тому же познания Ксантии явно произвели на него впечатление.

Но тут, к ее досаде, зазвенел обеденный колокол.

— Ты к нам присоединишься? — Ксантия подарила Тору соблазнительную улыбку. — Я хочу показать тебя другим послушникам.

— Какое искушение... Старейшина Айрис как раз настаивала, чтобы я встретился с вашим архивариусом. Как я понимаю, она может рассказать какие-то захватывающие истории?

Улыбка сошла с лица Ксантии, и он это заметил.

— Впрочем... Должен тебя успокоить: у меня будет еще не одна возможность это сделать. Спасибо за приглашение, но сегодня я буду обедать у себя. Мне нужно отправить несколько писем в Тал. Как я понимаю, в ближайшее время мы будем очень заняты. А письма ждать не могут.

Пожалуй, это будет разумно, подумал Тор. Старейшина Айрис наверняка обедает в трапезной. Она спишет его отсутствие на счет нежелания слишком сближаться с Ксантией и успокоится.

С нетерпением жду тебя после обеда, — добавил он напоследок.

Тор уже подходил к своему домику, когда ему на плечо опустился Клут.

«И сколько священных правил ты успел нарушить за утро?»

«Ни одного».

«Лиха беда начало», — проворчал сокол, ероша перья.

В комнате горел камин. Скорее всего, это постарался Саксен; он же оставил на столе поднос с едой. Рядом с тарелками лежала записка от Старейшины Айрис — с выражением

надежды, что уважаемый лекарь получил удовольствие от утренней экскурсии, и пожеланием приятного аппетита. Тор улыбнулся. О да, это было мудрое решение — обедать в одиночестве.

Едва Тор прибыл в Академию, Соррель немедленно оповестила об этом Меркуда. Старик был потрясен. Неужели его ученик уже успел пересечь пол-Королевства?! Может быть, она что-то перепутала?

Соррель раздраженно фыркнула.

«Я ничего не путаю. Его зовут Торкин Гинт, верно?»

«Да-да, именно так. Но я не понимаю... Чтобы преодолеть такое расстояние, нужно не меньше семи-восьми дней. Перебраться через горы...»

«Могу сказать тебе только одно: он здесь. И если я что-то понимаю, встреча, которую ты так старательно готовил, произойдет завтра».

«Кто с ним?»

«Никого», — ответила она ядовито.

«Ни птицы, ни воина?»

«Знаешь, Меркуд, тебе нужно отдохнуть. Птица, говоришь? Нет с ним никакой птицы. Он приехал один, без сопровождающих».

«Странно...»

Связь прервалась.

Глава 20

Жестокое пробуждение

Элиссе не спалось. После церемонии посвящения она жила в Академии на тех же правах, что и остальные послушницы, а поэтому переселилась в комнату, которую делила с Ксантией и еще двумя девушками. Теперь, слушая медленное, глубокое дыхание соседок, она завидовала их покою.

Что-то тревожило ее.

Ее разум напоминал напуганную птичку в клетке, безостановочно перепархивающую с одной жердочки на другую. Книги из тайника... Странное ощущение, которое возникло сегодня днем... Остановить это кружение было невозможно. А теперь, в тишине ночи, пришла новая мучительная мысль. Тор. Элиссе раздражало это беспокойное порхание — особенно сейчас, когда ее соседки так мирно спали. Она сбросила покрывала. Воздух в комнате показался ледяным. Накинув рубашку, а сверху свободную мантию, которую носили все послушницы, девушка обулась и на цыпочках вышла из комнаты.

Элисса любила тишину и не боялась темноты. Петляя по переходам, ведущим в подполье, она думала о второй книге из тайника. И вдруг... Мысли спутались. В окне маленького домика, расположенного у конюшни, дрожал огонек свечи.

Она остановилась. Интересно, кто там сейчас? Саксен? Нет, он спит на сеновале. Ах да, конечно... придворный лекарь, который сегодня приехал из Тала. Как она могла забыть — после того, как Ксантия с таким восторгом описывала его удивительную красоту, чарующий голос, темно-голубые глаза... А обаяние, а манеры, а блестящее остроумие... За обедом она не умолкала, и Элисса была рада сбежать при первой же возможности, чтобы только не слышать этот треск.

Девушка поплотнее закуталась в свою мантию и стала смотреть на мерцающий квадрат золотого света. Потом в окне мелькнула тень, и Элисса невольно вздрогнула. Через миг свечу задули. А ведь профиль высокого незнакомца вполне мог бы принадлежать Торкину Гинту. Или у нее просто разыгралось воображение? Девушка не сводила глаз с темного окна. Что за ерунда! Конечно, это не Тор. Просто в эти дни она слишком много думает о нем.

— Возьми себя в руки, Элисса, — шепнула девушка и побежала вниз по винтовой лестнице, ведущей в библиотеку.

В подземелье тускло горели светильники, которые, казалось, располагались на стенах как попало. Старейшины следили, чтобы огонь в них не гас, и Элисса была от души благодарна за эту заботу. Здесь, глубоко в недрах огромного здания Академии, было еще прохладнее, чем наверху, и слабо, но приятно пахло землей.

Элисса зажгла две свечи и отнесла их к своему любимому креслу в нише, укрытой от посторонних глаз высокими полками и старинным книжным шкафом. Как хорошо, что накануне она не забрала с собой плед! Разложив книги, девушка закуталась в него, поудобнее устроилась в кресле и зевнула. Ее наконец-то начала одолевать дремота... Нет, поздно.

Она снова открыла книгу — вторую книгу из тайника... и поняла, что снова не в состоянии читать. Интересно, кому понадобилось их прятать? Положим, история Орлака — просто страшная сказка для маленьких детей, которую сочинили, чтобы рассказывать на ночь у очага. Тогда почему кто-то в древности — а в том, что книга древняя, не может быть никаких сомнений — не пожалел сил, чтобы записать ее? Если же повесть о похищенном боге — правда... Это достаточно веская причина, чтобы спрятать рукопись.

Скорее всего, именно так оно и есть. Кто-то из насельников древнего Престола Учености позаботился о том, чтобы описание этих ужасных событий дошло до будущих поколений. Достаточный повод для беспокойства... И не единственный.

Если верить книге, приемным отцом мальчика-бога Орлака стал некий Меркуд. Неужели просто совпадение?

До сих пор Элисса слышала только об одном человеке с таким именем. Придворный лекарь, который недаром носил прозвище «Облегчающий Страдания», всеми почитаемый мудрец. Человек, который отнял у нее Тора. Какая нелепица... Возможно, она выдает желаемое за действительное, основываясь на одном лишь совпадении, и все же... Имя «Меркуд» — довольно редкое. Если не сказать больше! Элисса много лет изучала летописи и хроники, но это имя встретилось ей впервые.

Нет, это не случайность. Некий Меркуд становится приемным отцом Орлака. А несколько сотен лет спустя придворный лекарь Меркуд разыскивает юношу-Чувствующего, чей дар не в состоянии обнаружить инквизиторы.

Прошло много лет, прежде чем Элисса это узнала. В тот роковой день, в день Танца Цветов в Мятном Доле, он был просто стариком, который почему-то напугал Тора. Но почему Тор испугался? И каким образом старик его нашел? Но это еще полбеды. Орлак пришел в Королевство несколько сотен лет назад. Получается, его приемный отец, смертный человек, до сих пор жив? Невозможно!

Однако едва она задала себе этот вопрос, ответ стал очевиден.

Почему бы и нет? Они с Тором успешно скрывали свой дар от тех, кто посвятил себя поиску Чувствующих. Так неужели человек более одаренный не сможет овладеть волшебством, которое поможет ему вчетверо продлить свою жизнь?

Медленно, но верно Элисса сживалась со своей догадкой. Меркуд по прозвищу «Облегчающий Страдания» — приемный отец Орлака. Выходит, он прожил столько лет лишь для того, чтобы найти Тора? Зачем Тор понадобился Меркуду? Неужели...

Возможно. Сила его дара порой удивляла даже Элиссу.

Девушка пристроилась поудобнее и стала вспоминать детали, которые от нее ускользнули. Человека, который написал эту странную книгу, звали Нанак. Мужчина. Но явно не простой писарь. Такой красивый почерк, такая рассудительность, такие яркие и точные описания... Нет, конечно, нет. Выходит, этот Нанак — один из Мастеров? Она может заблуждаться... но хотелось бы верить, что это так.

Нанак рассказывал, как родители привели в Голдстоун — так некогда назывался город, стоящий на месте Карембоша — очень одаренного юношу... Кстати, имя отца мальчика — «Меркуд» — он упоминает лишь в середине повести. Столь могучего дара Академия еще не знала. Это было настоящее открытие, и Нанак не жалел красок, описывая восторг Мастеров. Юноше предстояло стать великим волшебником, и на него возлагали большие надежды.

Хватило двух лет, чтобы его дар полностью раскрылся.

О внешности Орлака было сказано немного — «юноша был хорош собой». Странно, но Элисса почему-то этому верила. Также Нанак писал, что «нрава он был злобного», и приводил тому весьма убедительные доказательства. Юношу переполняли негодование и горечь, хотя никаких явных причин для этого не было.

Элисса вспомнила, насколько краток был Нанак, подводя итог событиям, которые привели к падению Орлака. Также, не вдаваясь в подробности, он сообщил, что «весь Голдстоун был потрясен», когда юноша бросил вызов Мастерам, узнав об их намерении Связать его. Затем следовало подробное, полное скорби описание разрушения великого Престола Учености. Сила Орлака была действительно велика: в несколько мгновений цветущий город превратился в руины. Уничтожив «в порыве гнева» более двух тысяч человек, Орлак скрылся в городских подземельях, которые по какой-то причине уцелели, и провел там много дней.

Не все Мастера погибли. Выжившие призвали родителей юноши и узнали, что Орлак — приемный, проданный им Мусорщиками. Вот когда Нанак в первый и единственный раз упомянул, что отца юноши звали Меркудом. Имя матери он указать забыл, а может быть, не счел нужным. Первая книга заканчивалась на том, что Мастера велели Меркуду узнать правду о рождении приемного сына.

Элисса потеряла глаза. Как хочется спать... а вторая книга лежала на столе, и она еще не прочитала ни строчки.

Страшные сказки редко бывают длинными. Для того, чтобы пересказывать их, не надо быть ни искусным писцом, ни тем более Мастером, сведущим в Искусстве Силы. Они передаются изустно, от родителей к детям, и подробности то прирастают к ним, то исчезают. Но здесь все иначе. Нет, это не сказка и не предание. Это рассказ о том, что произошло на самом деле, несколько сотен лет назад. Тогда Академия была настоящим Престолом Знаний, а Голдстоун — процветающим городом. Не исключено, что сам Нанак и спрятал свои рукописи. Но почему? Чего или кого он боялся? Может быть, самого Орлака?

Что же касается старого Меркуда... Что ему нужно от Торкина, кроме дара, которым он обладает? Интересно знать, какие замыслы вынашивает этот старик. Чего он хочет? Ах да, конечно. Ведь его приемный сын тоже был Чувствующим. Но все пошло прахом. Орлак Связан...

Так вот зачем Меркуд сотни лет ходит по земле.

Может быть, он хочет использовать мощь Тора, чтобы освободить Орлака? Элисса поерзала в кресле, почти не замечая, что ее мысли ходят по кругу... вернее, по спирали, уводящей в глубины сна.

Ей снилась серебристая волчица, приглашавшая ее в лес.

«Прости, что побеспокоил тебя в столь поздний час, любовь моя».

В голосе Меркуда Соррель услышала напряжение.

«С тобой все в порядке, Меркуд?»

«Просто устал».

Похоже, так оно и было. Соррель почувствовала, что раздражение исчезает.

«Дело близится к завершению, дорогой?»

«Знаешь... я чувствую, что осталось совсем немного. Тор и Элисса скоро встретятся. Не представляю, что будет потом, но что бы ни случилось, ты должна оставаться рядом с Элиссой и следовать за ней».

«А ты, любовь моя?»

«О, я подожду. Ты будешь моими глазами, а я буду ждать от тебя новостей».

Его было невозможно слушать без содрогания.

«Меркуд, прошло столько времени. Я увижу тебя... когда-нибудь?»

«Не могу сказать, Соррель. Но я тебя очень люблю. И тоже надеюсь, что снова увижу твою очаровательную улыбку».

Судя по его тону, надежда была очень слабой.

«Празднества начнутся через два дня».

«Имей в виду, в Карембош может приехать Гот».

«Что?!»- казалось, невидимая нить, натянутая между ними, тревожно зазвенела.

«Не бойся. Кто предупрежден, тот вооружен. Прими необходимые меры предосторожности. Но не показывай девочке, что боишься. Она должна сама принять решение, а угроза со стороны Гота — даже призрак этой угрозы — может повлиять на ее выбор. Я не представляю, куда все это ведет. Теперь нам остается только доверять этим детям и надеяться, что они не совершат ошибки».

«Но, Меркуд... они же ничего не знают. Они не знают, кто такой Тор. А какова роль Элиссы, не знаем даже мы».

«Совершенно верно. И это еще один повод доверять им и силам, которые их направляют. Мы должны это сделать, Соррель. Просто должны. У меня больше нет ни замыслов, ни идей... Теперь все в руках Тора. Он должен показать, кто он такой, на что способен и почему его сюда прислали». «А если он — не Тот Самый?» «Он — Тот Самый. И помни. Я предупредил». И Меркуд прервал связь.

На следующее утро Ксантия проснулась рано и уделила немало времени своему туалету. Впрочем, Элисса ее явно опередила. Девушка с раздражением отметила, что постель ее соперницы не заправлена и уже остыла. Ох, да она вообще не ложилась!

За завтраком Элисса не появилась... ладно, это в порядке вещей. К тому времени Ксантия могла думать лишь о новой встрече с молодым лекарем. Сегодня ей придется уступить настояниям Старейшины Айрис и представить ему Элиссу. Что ж, это будет даже забавно — показать ей красавца, который всех так очаровал.

Как обычно, Ксантия покидала трапезную в одиночестве. Послушницы сбивались стайками и щебетали, но она не участвовала в их разговорах. Сейчас это было очень кстати: Ксантии хотелось побыть наедине со своими мыслями. Она уже представляла себе во всех подробностях, как покинет стены Академии и отправится куда-нибудь с Торкином Гинтом. Но решится ли он на такой шаг? И всему виной этот проклятый камушек, это клеймо Неприкосновенной! Оно поднимает ее на такую высоту, что даже придворный лекарь ей не ровня. Но какая разница, полюбит ее Тор или нет? Довольно и того, что он будет рядом.

Тут Ксантия увидела Старейшину Айрис. Она хотела притвориться, что не заметила старушку, но уловка не удалась.

— Доброе утро, Ксантия.

— Старейшина Айрис... — девушка почтительно поклонилась, как того требовали правила Академии. — Надеюсь, что вы хорошо спали?

— Как сурок. А ты?

— Благодарю вас, прекрасно, — Ксантия отметила, что Старейшина чуть приподняла брови, но решила не придавать этому значения.

— Я слышала, что вчера ты показала нашему уважаемому гостю учебные залы, и он остался очень доволен. А что ты наметила на сегодня, дитя?

Такое обращение было трудно пропустить мимо ушей. Ксантия почувствовала, что закипает, но сдержалась и сохранила вид смирения.

— С вашего разрешения, Старейшина Айрис... я хочу отвести почтенного Гинта в архив.

— Прекрасная мысль, Ксантия. Я уверена, что вам с Эяиссой удастся его увлечь.

И снова вежливость, окрашенная иронией. Однако и на этот раз девушка не подала виду, что раздражена.

— ...А позже — опять-таки, с вашего разрешения — я хотела бы взять одну из повозок и показать почтенному лекарю Илдагарт.

— Я об этом подумаю. Но узнай, свободен ли Саксен после полудня, и сможет ли он отвезти нашего гостя в город.

— Уже бегу, — сладким голосом пропела Ксантия. Кажется, ей удалось скрыть усмешку.

Саксен складывал дрова в две корзины, навьюченные на Кетая. Последние дни заметно похолодало, и здание Академии пора было протапливать. Окликнув немого, Ксантия повторяла свой вопрос до тех пор, пока не убедилась, что его молчаливый кивок в самом деле означает готовность выполнить ее просьбу. Об остальном можно было не беспокоиться. Два старых осла — двуногий и четвероногий — столько раз проделали путь до Илдагарта и обратно, что смогут найти дорогу даже вслепую.

— Вот и славно,- произнесла Ксантия. Кажется, все снова встало на свои места.

Теперь Старейшина Айрис непременно разрешит ей... Ох! Покинуть Академию и провести несколько часов с Тором, не опасаясь бдительного взгляда Старейшин! О большем она и мечтать не могла... пока.

Дожидаясь ее, лекарь стоял в зале, под аркой, и болтал с младшими послушницами. Вернее, болтал в основном он, а девочки только хихикали, как это свойственно глупышкам в их возрасте. Ксантия почувствовала укол ревности. Она заметила, как Тор широко улыбнулся, что-то шепнул, и вся стайка восторженно завизжала. Похоже, он все-таки заметил Ксантию, потому что учтиво поклонился всем сразу, потом быстро обернулся и изобразил удивление. Ксантия заставила себя улыбнуться.

— А ты пользуешься большим успехом у наших девочек, как я погляжу.

— Они — само очарование, — его улыбка обезоруживала. — Честь Академии.

— Несомненно.

Нет, сейчас не время для сцен ревности. Хотя... Она не ожидала, что это будет столь невыносимо — желать прикосновения этого человека. Или думать о том, чтобы делить его с другими женщинами. Делить даже на мгновение, даже с десятилетними девчонками... Ксантия взяла себя в руки. Потом повесила на лицо сияющую улыбку и задала вопрос:

— Как ты спал?

— На удивление крепко, благодарю тебя.

Лицо девушки залила краска: она представила, как он лежит обнаженным в постели... Пожалуй, стоит сменить тему.

— Знаешь, одна из Старейшин во время завтрака заикнулась, что видела утром великолепного сокола. Он кружил над Академией.

— Правда?

— Конечно! Ты бы видел, как у нее глаза горели! В этих местах соколов не видели уже несколько десятков лет.

— Это мой сокол, — улыбнулся Тор.

В первый момент Ксантия не поверила и решила, что Тор решил ее разыграть.

— Ты шутишь!

— Клянусь. И лучшего сокола во всем Таллиноре не сыщешь.

— Он ручной?

— Конечно. Тебе надо непременно с ним познакомиться.

Ксантия наслаждалась этой легкомысленной болтовней. После того, как целую вечность ей приходилось прятать свои чувства за семью замками...

— О, официальное представление! Значит, твоя птица умеет разговаривать? — она кивком указала на вход в коридор, по которому им предстояло идти.

— Конечно,- он подмигнул и взял ее под руку. — Но только со мной.

Никогда в жизни Ксантия не испытывала такого трепета. Казалось бы, простой жест вежливости... но от этого нежного прикосновения ей словно хмель ударил в голову — второй раз за несколько мгновений. Перед глазами поплыло... Это было новое, совершенно незнакомое ощущение. Ксантия не смела заговорить, опасаясь, что волшебство развеется. Но Тор сам нарушил молчание.

— Так какие у нас планы на сегодня, мой прекрасный проводник?

Он отпустил ее руку, заметив приближение Старейшин. Разочарованию Ксантии не

было предела. Как она наслаждалась его прикосновением!

— Я хочу сводить тебя в нашу библиотеку, которая находится в склепе. И познакомить тебя с нашим архивариусом.

— А, точно... Говорят, это удивительная женщина.

Ксантия не ответила. Лучше промолчать, чем потом жалеть о сказанном... а ей придется пожалеть, если ее слова достигнут ушей Старейшин.

— Старейшина Айрис сказала, — Тор словно не замечал ее смятения, — что ваша хранительница архивов — дама не только весьма ученая, но и очень красивая...

Ксантия неохотно кивнула и пригласила его свернуть налево, в новое ответвление коридора, которое вело в подземелье. Воистину, смертоносное сочетание, — раздался у нее за спиной голос Тора.

Книги соскользнули у Элиссы с колен, с грохотом свалились на каменный пол и разбудили ее. Сна как не бывало. Во имя Света! Так она всю ночь провела в подземелье! Сколько же сейчас времени? Вечный полумрак библиотеки не позволял ответить на этот вопрос, и Элисса посмотрела на свечи на столе. Обе сгорели до основания. Если бы не светильники, масло в которых, кажется, никогда не иссякало, она оказалась бы в полной темноте. Желудок деликатно напоминал о пропущенном завтраке, но это было еще полбеды. Куда больше Элиссу беспокоило, что ее отсутствие на завтраке заметили Ксантия, Соррель-а главное, Старейшина Айрис. Глава Академии считала, что все послушницы и Старейшины должны хотя бы раз в день собираться за одним столом.

Она потеряла глаза и попыталась привести в порядок растрепанные волосы. Теперь придется тайком пробираться к себе в комнату — обходными путями, выбирая самые пустые коридоры. Так что лучше не задерживаться.

Девушка наклонилась, чтобы поднять упавшие книги... и вдруг замерла. Откуда-то доносились приглушенные голоса. Элисса прислушалась. Ошибки нет: кто-то спускается по лестнице, ведущей в подземелье.

И один из голосов принадлежал Ксантии. Как неловко вышло... Элисса не боялась, что Старейшины застанут ее здесь, но Ксантия непременно постарается сделать из этого историю и предать ее огласке. Вот только что ей понадобилось в архиве? Ведь Ксантия терпеть не может подземелий. Наверно, притащила с собой на буксире кого-нибудь из послушниц... Поэтому Элисса не стала торопиться. Она подняла книги с пола, сложила на столе и собиралась вернуться в свой укромный уголок, чтобы сложить плед, когда поняла, что неожиданные гости уже близко.

— Добрый день!

— Один момент! — крикнула она из-за стеллажей.

— Ты где?

— Здесь, — ответила Элисса, появляясь у них за спиной... и с удивлением уставилась на очень высокого молодого человека, который стоял рядом с Ксантией.

Оба разом обернулись. В тот же миг сияющая улыбка гостя погасла. Улыбка, знакомая до боли, до безумия. И столь же знакомые ярко-голубые глаза, которые изумленно расширились.

Впрочем, Ксантия этого не заметила. Зато обратила внимание, что ее соперница, которая всегда отличалась безупречной опрятностью, сейчас несколько растрепана.

— Во имя Света! — она натянуто рассмеялась. Впрочем, смущение Элиссы ее и в самом деле порадовало. — Только не говори, что ты снова заснула над книгами! Позволь представить тебе...

— Торкина Гинта, — закончила Элисса. Замечательно. Нет, эту встречу Ксантия задумывала совсем иначе.

— Правильно догадалась, — она постаралась не выдать раздражения. — Почтенный Гинт, это...

— Элиссандра Квин, — тихо произнес он.

Ксантия тупо посмотрела на него, потом на Элиссу, потом снова на Тора... Пауза затягивалась.

— Так вы знакомы?

Тор кивнул, не в силах отвести взгляд от Элиссы. Во имя Света, как она похорошела! Даже сейчас, с растрепанными волосами, с алым пятном на щеке — похоже, спала, положив голову на подлокотник кресла, — в одеянии послушницы, которое ей совершенно не к лицу... Она была еще прекрасней, чем в его воспоминаниях.

Элисса опомнилась первой. Она шагнула вперед и поклонилась, как требовали приличия, но боялась поднять глаза, чтобы не встретить упорный взгляд васильковых глаз.

— Простите, почтенный Гинт... Все так неожиданно. Я засиделась за работой допоздна и не заметила, как уснула... Пожалуйста, подождите немного... я приведу себя в порядок... — она быстро повернулась к Ксантии. — Сейчас вернусь.

И бросилась вверх по каменным ступеням — так быстро, как только позволяли длинные полы мантии. В один проход, из него в другой... Ее гнала паника: не важно, куда — главное, убежать подальше... И Элисса почти не удивилась, когда оказалась у конюшни. Едва переводя дух — но не от бега, а от потрясения — она упала в каком-то углу, боясь только одного: что Тор следует за ней.

Девушка чуть не закричала, заметив в полумраке человека. Ей следовало бы узнать Саксена по походке. Но сейчас весь мир стал неузнаваемым.

Элисса закончила умывание и надела повседневное платье. В ее косы уже были аккуратно заплетены ленты. Этот привычный ритуал должен был бы вернуть присутствие духа, но Элиссе стало только хуже.

Теперь она знала: именно Тора она видела прошлой ночью. Да, несомненно. И именно Тор пытался заговорить с ней мысленно, когда она сидела в библиотеке. Смятение, гнев, страх... их брожение, их назревающий мятеж лишил Элиссу последних сил.

Голос девочки-послушницы вернул ее к реальности. Старейшина Айрис ждала Элиссу в своей студии.

Во дворе Элисса снова столкнулась с Саксеном. Приблизившись, клук сунул ей в руку клочок пергамента, сжал ее пальцы и быстро заковылял прочь. Девушка остановилась, хотела окликнуть ... но передумала. Она прочтет записку позже, когда будет время. Тем более что юная послушница произнесла слово «немедленно», а такие слова в Академии попусту не говорились.

Однако Элисса напрасно беспокоилась: в студии ее ожидал теплый прием. Старейшина Айрис любила девушку за искреннюю преданность Академии. Что ни говори, а сомнений быть не может: Элисса станет Старейшиной гораздо раньше остальных послушниц. Из нее получится великолепная наставница, пример для младших. Достаточно посмотреть, как она кланяется. Почтительно, но в то же время — сколько достоинства! В ней есть что-то... Старейшина попыталась подобрать подходящее слово. Что-то царственное. Да, лучше не скажешь.

— Проходи, девочка моя, садись. Ты хорошо себя чувствуешь? За завтраком я тебя не видела.

— Все в порядке, Старейшина Айрис. Простите, я просто...

— Снова заснула в библиотеке? — старушка лукаво улыбнулась.

Элисса кивнула. Интересно, откуда она знает?

— Как я понимаю, ты уже встретилась с нашим почтенным гостем. И оказалось, что вы с ним старые знакомые, верно? Мы очень мало знаем о твоём прошлом, но у меня нет ни малейшего желания устраивать тебе допрос. Правда, уважаемый лекарь недавно ко мне заглянул.

— Ох... По правде сказать, я так смутилась, что сразу сбежала... — Элисса постаралась произнести это так небрежно, как только можно. — И что он сказал?

— На самом деле — почти ничего. Он упомянул, что вы с ним выросли в соседних

деревнях. Ты на одном берегу, он- на другом. Его деревня называлась Гладкий Луг, твоя — Пустошная Топь...

Старейшина Айрис рассмеялась. Вот уж чего Элисса от нее не ожидала!

— Почтенный Гинт сказал, что ты частенько над ним подшучивала, когда вы были детьми...

Девушка заставила себя изобразить нечто вроде светлой улыбки.

— ... Думаю, вам есть о чем вспомнить, о чем поговорить.

— Старейшина Айрис, — перебила Элисса. — Мы с Тором не виделись много лет, а из того, что было в детстве, я почти ничего не помню. Я его-то еле узнала.

— Не скромничай. Ни у кого в Академии нет такой памяти, как у тебя. Не сомневаюсь, ты помнишь все до мельчайших подробностей.

Элисса покраснела.

— Откровенно говоря, я не ожидала, что Ксантия приведет... нашего гостя... в архив, — она снова улыбнулась, все еще надеясь скрыть свои чувства. — И меня это не слишком обрадовало. Я только что проснулась... Я вас подвела, Старейшина Айрис?

— Вовсе нет, моя дорогая. По правде сказать, ты помогла мне разрешить одну щекотливую ситуацию... Давай-ка выпьем чаю, и я тебе все объясню.

Травяной чай с печеньем! Это само по себе восхитительно — а кроме того, позволит потянуть время и немного подумать. Элисса не спеша разлила чай по кружкам, села и сделала несколько глотков. Старейшина слишком наблюдательна, чтобы ее можно было обмануть, и все же...

— Ксантия ясно дала понять, что намерена развлекать почтенного Гинта все время, пока он будет находиться в Академии. Ты почти все время проводишь в архиве и, как я понимаю, не слышала новостей. Но наш гость приехал почти на три дня раньше, чем ожидалось, и я совершенно не представляла, что он будет делать все это время. Почтенный захотел, чтобы мы показали ему Академию... и выбрал себе в провожатые Ксантию, хотя я, откровенно говоря, была против.

Элисса поперхнулась.

— Да, вот именно, — Старейшина очень внимательно посмотрела на нее, словно прочитав ее мысли. — Я без труда могу назвать причину, по которой Ксантия это подстроила. И не сомневаюсь, что почтенный лекарь наслаждается ее обществом. Такая красавица — даром что Неприкосновенная...

Сунув в рот кусочек печенья, Элисса принялась жевать. В это время ее разум не менее усердно трудился над тем, что она только что услышала. Да, Старейшина Айрис отнюдь не глупа.

— Как бы то ни было, лекарь Гинт уверяет, что прибыл сюда только ради того, чтобы расширять свои познания. И знаешь, Элисса, с чем он приходил сегодня? Это удивительно: он попросил меня немедленно освободить Ксантию от возложенных на нее обязанностей по его сопровождению...

Заметив, как у девушки округлились глаза, Старейшина Айрис кивнула.

— Поразительное совпадение, не правда ли? Он встречает подругу детства — и тут же теряет интерес к послушнице, которая его поначалу так очаровала...- она подняла руку, пресекая возражения. — Все хорошо, Элисса. Нет ничего необычного в том, что мужчины нами восхищаются — более того, это в порядке вещей. Но мы, Неприкосновенные, всегда должны помнить: этим все и должно ограничиваться.

Элисса кивнула.

— Я всегда уважала правила Академии, Старейшина Айрис, — покорно сказала она.

— А вот насчет Ксантии я не уверена. Слава богам, что твой друг лекарь достаточно умен, чтобы понять: она начинает проявлять к нему слишком... скажем так, слишком горячий интерес. Это может неблагоприятно отразиться на его будущем. Стоит ли удивляться, что он хочет избежать неприятностей?

— Поэтому он и попросил, чтобы я сопровождала его, пока он находится в Академии?

Ей было все труднее изображать спокойствие.

— Да, моя дорогая. Твоя проникательность меня восхищает. И это лучший выбор, какой только можно сделать. На тебя всегда можно положиться. Ты знаешь, что такое долг, и никогда не принимаешь поспешных решений.

Девушка поспешила поставить чашку на стол, чтобы та не выскользнула у нее из рук. Старейшина Айрис предпочитала пользоваться сервизом из лучшего илдагартского фарфора, и уничтожить такую ценную вещь было бы, по меньшей мере, неосмотрительно.

— Но, Старейшина Айрис, я должна перевести несколько пергаментов... — она ухватила за эту мысль, как утопающий за соломинку. — Может, послушница Шелли...

— Ох, Элисса, прекрати! Ты незаменима на своем месте, и я первая это признаю. Но даже такая старая перечница, как я, понимает: как бы ты ни любила свою работу, иногда нужно делать перерывы... хотя бы ненадолго. Ты трудишься очень много и очень старательно. Надеюсь, ты не дашь мне повода тебя принуждать. В конце концов, отнесись к этому как к еще одному поручению... я почти уверена, что оно будет приятным. Завтра вечером все закончится. Неужели за это время библиотека рухнет?

«Не библиотека, — подумала Элисса. — Моя жизнь».

— И что мне делать? Чего бы вы хотели?

— Спасибо, Элисса. Я знала, что могу на тебя рассчитывать. Сегодня во второй половине дня Саксен сможет отвезти вас в Илдагарт. Ксантия предлагала показать нашему гостю улицы города, где будут проходить Празднества. Это очень неплохая мысль. К тому же прогулка получится долгой... Я бы не хотела, чтобы вы торопились. Оставайтесь в городе до темноты. Я полностью тебе доверяю.

Элиссандра подняла глаза и с тревогой посмотрела на нее.

— Саксен все время будет с нами?

— Конечно.

— А Ксантия?

Старейшина Айрис встала, показывая, что аудиенция окончена, и шагнула к двери.

— А Ксантию оставь мне.

* * *

Ксантия сидела на кровати и ждала, когда Элисса вернется. Она уже заметила, что ее соперница поспешно сунула в свою холщовую сумку кое-какие вещи. Готовится к прогулке по Илдагарту...

Ее ревность заполнила всю комнату, вытеснив воздух... и это было невыносимо.

— Ксантия... у нас занятия. Почему ты не в аудитории?

— Не смей говорить со мной таким тоном! — девушка стукнула кулаком по подушке.
— Кажется, ты пока не Старейшина! И в Илдагарт ты едешь не слишком часто!

— И ты тоже. Я не говорю, что знаю про город больше твоего. Но постараюсь справиться.

Лицо Ксантии побелело от гнева.

— Знаешь, почему Старейшина Айрис так со мной поступила? Нарочно, чтобы меня унижить! Ты же у нее любимица. Представляю, как ты счастлива. Надо же, поедешь с ним в город...

— Прекрати, Ксантия! Ведешь себя, как ребенок. Думаешь, я напрашивалась? Думаешь, я в восторге от того, что мне придется это делать? С чего ты взяла?

— Откуда мне знать, что у тебя на уме? — Ксантия криво усмехнулась. — Ты же у нас такая скрытная. А интересно было бы знать, что у вас там с лекарем Гинтом...

— Я скажу тебе один раз и больше повторять не буду. Я родом из тех же мест, что и Тор. В детстве мы иногда встречались. Вот и все.

— Но я ничего не могу с собой поделаться, Элисса! Меньше всего Ксантия хотела

делиться своими чувствами с этой презренной гордячкой. Но слова хлынули потоком.

— Я люблю его. Я хочу его. Я должна быть с ним. Элиссе стало дурно- непонятно, почему. Из-за того, что Ксантия сходит с ума по Тору? Или потому, что она сама...

— Ксантия, у тебя на лбу маленький зеленый камушек. Он называется архалит. Хочу тебе напомнить, что это не украшение. Это твой знак. Ты — Неприкосновенная. И будешь Неприкосновенной до самой смерти, — голос Элиссy стал ледяным. — Ты никогда не познаешь мужской любви. Никогда не окажешься в объятьях мужчины.

Ксантия ни разу не видела, чтобы Элисса проявляла какие-то чувства — с тех пор, как та узнала, что Саксен выжил после пыток. Но этот холодный тон скрывал что-то иное.

— А тебе и архалита не нужно, чтобы быть Неприкосновенной, Элисса! Ты же холодна, как сама смерть, и только ее объятия примешь с радостью! Ты не знаешь, что это такое — страстно желать прикосновения мужчины. Боюсь, что Гот не просто избил твоего ручного песика и вырвал ему язык. Он и с тобой кое-что сотворил.

Элиссандра была настолько потрясена, что у нее перехватило дыхание. Но Ксантия еще не закончила.

— О да! Я же слышу, как ты разговариваешь во сне. Я не так глупа, как ты думаешь. Это чудовище было единственным мужчиной, который к тебе прикасался! Надо же, какая прелесть! — она хрипло рассмеялась, но в этом смехе слышалось рыдание. — Ну давай, приступай к своим обязанностям. Беги к своему дружку. Будь самоуверенной, холодной — ведь от тебя этого ожидают, верно? Пусть Тор поломает голову: как получилось, что ему навязали тебя. А я буду вспоминать, как он целовал мне руку, как он на меня смотрел — страстно, с сожалением... Завтра вечером начнутся Празднества, а потом будет ночь, когда кое-какие запреты снимаются. У меня будет достаточно времени, чтобы повеселиться с твоим другом детства. Мы будем ласкать друг друга — пусть все думают, что мы просто танцуем. А я буду вспоминать, как я тебя ненавижу.

Она провела кончиками пальцев по своей щеке. Отчаяние и любовь, которые Элисса годами прятала в себе, внезапно вырвались на волю.

— Ксантия...

Ее бывшая подруга повернулась и победно сверкнула глазами.

— Это не Старейшина Айрис решила освободить тебя от обязанностей. Наверное, я просто забыла тебе сказать: человек, которого ты так любишь и без которого не можешь жить — и который, если верить твоим словам, сходит по тебе с ума — сам попросил Старейшину Айрис сделать так, чтобы ты больше не сопровождала его во время пребывания в Академии. Он играл с тобой, Ксантия. А ты такая... впечатлительная. Ты сделала именно то, чего он от тебя ждал — подпала под его очарование. А теперь он над тобой смеется. Да, еще, Ксантия... Это не Старейшина Айрис меня выбрала, и я ее ни о чем не просила. Почтенный Гинт сам предложил, чтобы она назначила меня его сопровождающей.

Смуглое лицо Ксантии потемнело, словно грозовая туча. До сих пор у Элиссy был только один враг — Инквизитор Гот. Теперь появился еще один.

— Я тебя ненавижу, Элисса.

Больше Ксантии ничего не пришло в голову. Элисса даже не оглянулась.

— Закрой за собой дверь, Ксантия, — сказала она.

Глава 21

Акзабба Вейсуит

Элисса заметила его рядом с повозкой. Он что-то сказал Саксену, и у того затряслись плечи — впервые за много лет клук смеялся. Да, Тор — само очарование, сама любезность...

Отступив в тень, она продолжала наблюдать. Руки дрожали, и их пришлось сунуть в карманы. Тотчас в пальцы, словно живой, скользнул клочок пергамента. Записка Саксена... Как ему удастся писать вслепую? Элисса огляделась, чтобы убедиться в отсутствии посторонних глаз. Да, никого. Теперь можно развернуть записку.

«Помнишь, я сказал тебе, что не предназначен тебе? Что есть другой? Я говорил, что он когда-нибудь появится. Он здесь. Следуй за ним. Верь в него. Он — Тот Самый».

Элисса трижды перечитала записку. Во имя Света, о чем идет речь? Да, она очень хорошо помнит: они с Саксеном ехали по Лесу, она хотела его поцеловать, а он не позволил. Но...

Но она подумает об этом позже. Девушка поспешно спрятала записку и вышла на двор, освещенный тусклым предзимним солнцем. Краем глаза она по-прежнему разглядывала мужчин, стоящих у повозки. Один — искалеченный, сутулый, преждевременно постаревший; человек, из которого пытались выломать жизнь. Второй — в самом расцвете сил, прекрасный, как бог, которого на время одолжили этому миру, уверенный в себе... несомненно, пользующийся успехом у женщин и расположением мужчин.

Тор оглянулся, выпрямился во весь свой великолепный рост, помахал Элиссе... и тут же сник, словно его смутило собственное воодушевление. Пожалуй, это понравилось ей больше всего. Да, не такой уж ты самоуверенный, Торкин Гинт. И тебя все еще можно вывести из равновесия.

Поравнявшись с ними, Элисса первым делом обернулась кклуку.

— Спасибо за помощь, Саксен.

Тот передернул плечами. Теперь можно было обратить внимание на Тора. Главное, чтобы он не понял, почему она так часто дышит.

— Еще раз здравствуйте, почтенный Гинт.

Он поймал ее взгляд и удержал — слишком надолго, чтобы она могла чувствовать себя уютно. Элисса опустила глаза и кивком указала на повозку.

— Едем?

— Только если ты будешь называть меня «Тор», а не «почтенный».

Элисса послушно кивнула.

Мужчины подали ей руки. Она оперлась на мозолистую ладонь Саксена и легко забралась внутрь, на заднюю скамейку, Тор влез следом. Саксен, примостившись на облучке, прикрикнул на лошадей, и повозка покатила к воротам, которые уже открывали две Старейшины. Еще немного — и Академия осталась позади. Лошади рысцой бежали по дороге, а справа и слева, за стенами, чернела ажурная сеть облетевших садов.

Не сдержавшись, Тор взял Элиссу за руку, но девушка вырвалась.

— Пожалуйста, не надо...

Чувства, которые она увидела в его глазах, пугали. Для вящей безопасности Элисса сунула руку в карман и тут же наткнулась на пергамент.

«Он — Тот Самый».

Пауза затягивалась, и от этого становилось неловко.

Внезапно Тор посмотрел куда-то вверх. В следующий миг на скамейку опустился красавец сокол. Саксен, кажется, не обратил на птицу никакого внимания. Но Элисса невольно вскрикнула от неожиданности и заметила, как Тор улыбается.

«Ты как раз вовремя, Клут».

«Я понял, что тебя пора спасти, — мысленно ответил сокол. — Не торопи ее, Тор. Она еще не знает тебя взрослым. Она помнит только мальчика».

Острые коготки птицы царапали скамью. Птица склонила голову набок, и Элисса почувствовала, что ее очень внимательно разглядывают. Тор снова обернулся. Похоже, от взгляда этих голубых глаз спасения не будет.

— Клут, — с улыбкой произнес он, — хочу представить тебе женщину, о которой я тебе рассказывал. Это Элисса.

Сокол потоптался на скамейке, глядя на Элиссу то одним глазом, то другим. Что за чудеса? Тор легко толкнул ее в бок, деликатно кашлянул и осторожно указал на сокола. Да, придется вспомнить правила хорошего тона. К тому же вид этого пернатого красавца вызывал странное чувство, напоминающее благоговейный трепет.

— Э-э-э... как поживаешь, Клут?- она снова повернулась к Тору. — Это твой ястреб?

— Сокол, — поправил он. — Клут очень обижается, когда его называют ястребом.
— Правда? — у Элиссy заблестели глаза. — И он, конечно, понимает, о чем я говорю.
— Каждое слово. Поэтому веди себя прилично. Элисса снова посмотрела на птицу.
— В таком случае, Клут... ты самый красивый сокол, какого я когда-либо видела.
И с радостью увидела, как птица кивнула головой.

— Он говорит, что у тебя прекрасный вкус, — перевел Тор и с наслаждением услышал, как она смеется. В этот миг Саксен, которого совершенно не беспокоило соседство хищной птицы, указал на небольшой ручей, мимо которого они проезжали.

— Согласен, — Тор кивнул. — Почему бы нам ненадолго не остановиться?

Элисса недовольно поморщилась. Почему так скоро?! Но Тор погрозил ей пальцем.

— Тебе поручено меня сопровождать. А я хочу остановиться здесь и насладиться красотой окрестностей Илдагарты.

Саксен жестами показал, что останется с лошадьми, и Тор с Элиссой молча направились к ручью. Теперь, оставшись наедине друг с другом, они чувствовали себя более уютно. Клут полетел вперед в небольшую рощу, и Элисса восхищенно следила за его величавым полетом.

— Расскажи мне про Клута, — попросила спа, когда они сели на мягкую траву.

Несколько мгновений она наблюдала за лицом своего друга, на котором отражался весь ход внутренней борьбы. Наконец Тор вздохнул.

— С чего начать?

— Ну... например, с того, что произошло после Танца Цветов, — она говорила мягко, но не могла скрыть боль.

И он рассказал. Все... вернее, почти все. Как Меркуд догадался, что они общаются мысленно. Как отец отдал ему Камни, как выяснилось, что люди, которых он, Тор, считал своими родителями — вовсе не его родители. Как он понял, что должен последовать за Меркудом в Тал. Рассказал и о своей поездке в Пустотную Топь — когда он хотел принести свои извинения, предложить Элиссе стать его женой и отправиться вместе с ним в столицу, но обнаружил, что она уехала. Ни записки, ни объяснений... почему, куда... За разговором Тор запускал пальцы себе в волосы и то и дело расчесывал их, точно гребнем. Старая милая привычка, которую Элисса хорошо помнила. Он рассказал, как одиноко ему было без нее, сколько раз за все это время он взывал к ней — всякий раз безуспешно. Но он никогда не терял надежды...

В этот миг Элисса взяла его за руку. Тор вздрогнул: казалось, через ее пальцы хлынул живой ток, который наполнил его силой.

Он продолжал рассказывать. Как случайно увидел калеку, которого огульно обвинили и подвергли издевательствам, и как он, Тор, внезапно услышал у себя в голове его голос. Когда Тор сказал, как звали несчастного, Элисса быстро вскинула глаза и посмотрела на сокола, который сидел неподалеку на ветке и чистил перышки, старательно делая вид, что его ничто не интересует. Однако Тор знал, что это представление предназначено для Элиссy. Разумеется, она не могла слышать его возмущенное «прекрати кокетничать, Клут!». Однако сокол перестал прихорашиваться, недоуменно покосился на юношу, а потом расправил мощные крылья и непринужденно потянулся. Элисса рассмеялась. Она поняла: Клут хочет, чтобы она оценила его прекрасную широкую грудь.

Впрочем, ее смех скоро стих. Тор рассказал, как стражники изувечили Клута. Потом поведал о прайм-офицере Кайрусе и докторе Фрейберге. О муравье, который справлялся с тараканом, и о том, как ему удалось исцелить своего нового друга. О Паладинах Тор по-прежнему знал очень немного, но поделился с Элиссой всем, что было известно. Однако про Эйрян и про то, как его выбрали Королем Моря, он рассказывать не стал. Как-нибудь в другой раз... Как можно рассказывать о ночи в объятьях другой женщины, когда Элисса поглаживает его руку?

Повествование подобно реке: когда тает лед, течение набирает силу. Тор рассказал, как среди ночи скакал в Бревис; как Клут превратился в сокола; как они нашли Кайруса

прибитым к дереву и вызволили его. А потом — о том, как его представили королю и королеве; об ученичестве у Меркуда; о том, как живут люди во Дворце... И о том, как желание найти ее, Элиссу, становилось все сильнее, пока не превратилось в настоящую одержимость.

Ее слезы упали ему на запястье... и Тор понял, что Элисса стиснула его ладонь обеими руками.

Для того, чтобы пересказать события последних пяти лет, много времени не потребовалось. Подробно Тор остановился лишь на исцелении королевы Найрии, за которой последовала ссора с Меркудом. Он поделился с Элиссой своими подозрениями относительно старика, рассказал об исчезновении прайм-офицера в Сердце Лесов, о Дармуде Корице и Лисе. Но когда он захотел поведать ей о странном сне, который показала ему невидимая женщина, что-то его остановило. Позже, позже... Вместо этого он пристально поглядел на Элиссу:

— Ты мне веришь?

Ее взгляд, казалось, был устремлен не в его глаза — куда-то глубже.

— Каждому твоему слову, Тор. Саксен тоже рассказывал мне про женщину, которая являлась ему в снах. И тоже называл ее Лисе. Она и привела его ко мне.

Тор кивнул.

— Само собой. Он — твой защитник.

Для нее это не было столь очевидно. Но прежде, чем она успела возразить, Тор спросил:

— Ты простишь меня за Мине...

Ледяная ладошка запечатала его губы. Не стоило даже пытаться продолжать. Но ответ он получил — молчаливый кивок.

— А Ксантия? — тихо спросила она и отвела руку.

— Ксантия? — это имя показалось словом из незнакомого языка. — Она — ничто, Элисса... помрачение.

— Правда? Несколько лет мы были лучшими друзьями. Но в последнее время она предпочитает считать меня своим врагом.

— Из-за меня?

— Нет. Все гораздо сложнее. То, что ее терзает — это не только ревность к тебе. Скоро выборы новой Старейшины, и Ксантия считает, что это место — ее по праву. Вообще-то, на него прочат еще двух девушек. Но Ксантия решила, что именно я ей угрожаю.

Она не стала вдаваться в подробности, но Тор догадался: против Элиussy ни у кого из этой троицы нет шансов. Впрочем, свои догадки он предпочел оставить при себе.

— Это еще полбеды. Но теперь Ксантия влюбилась. В тебя. И ничего не желает слушать. Она и так меня ненавидит, а тут получается, что я отбила у нее мужчину, которого она знает всего несколько часов, но уже обожает. Тор, Ксантия считает нас любовниками!

— Ну, так давай не будем ее разочаровывать, — он улыбнулся. — Пусть ваша ссора будет не напрасной.

Это был более чем прозрачный намек. Элисса видела, как вспыхнули его васильковые глаза.

Потом Тор отпрянул, бросил быстрый взгляд на сокола и скорчил гримасу. Похоже, Клут что-то ему сказал.

— Тор... — осторожно начала Элисса. — Как бы тебе объяснить... Я не вполне понимаю, в чем дело, но в последнее время мне постоянно приходится напоминать людям, что означает архалит у меня на лбу.

— А, эта штука?

Легкое прикосновение — и камешек отскочил и беззвучно упал в складки ее юбок. Элисса непроизвольно сжала колени.

У нее не было слов. Тор явно веселился. Он взял камушек двумя пальцами, повертел, посмотрел на свет... Травяно-зеленые грани ярко искрились, ловя и отражая тусклые лучи

солнца.

«Добро пожаловать назад», — прозвучал у нее в голове голос. Потом Тор небрежно сунул камушек в карман и наклонился, чтобы поцеловать Элиссу.

Онемевшая, безгласная, она не сопротивлялась, но и не ответила на поцелуй. Сейчас ей казалось, что все эти годы она видела и слышала мир сквозь тонкую кисею. Но едва она освободилась от архалита, все цвета, запахи и звуки как будто стали ярче. Интересно, что произойдет, если попробовать что-нибудь на вкус? .

Тор отстранился и посмотрел на нее. Сколько времени он мечтал об этом... Даже если мечтал только он один... Неважно.

«Саксен!» — мысленно крикнула Элисса.

Клук прибежал — так быстро, как может бежать хромым слепец. Его изуродованное лицо, обычно непроницаемое, как маска, снова оживо.

«Ты вернулась!» — его глубокий голос был исполнен волнения. Как ей не доставало этих звуков, которые может слышать только она сама! — «Но как?»

«Это сделал Тор».

Саксен улыбнулся. Это был лишь призрак его прежней ослепительной улыбки, но все же...

«Это потому, что он — Тот Самый».

Дорога до Илдагарта заняла добрых полдня. Саксен не гнал лошадей: бесценной паре, которую он сопровождал, требовалось много времени, чтобы обо всем поговорить. Слишком много было не сказано за эти годы.

— Теперь твоя очередь.

Элисса лукаво посмотрела на Тора. Чтобы этим лукавством купить себе хоть пару мгновений, прежде чем заново пережить все, в чем она пыталась себе отказать эти годы.

— Мне больно вспоминать об этом, Тор.

Далекie горные хребты отливали багрянцем. А сколько оттенков у блекнувшей травы! Элисса могла поклясться, что чувствует легкий аромат лаванды, долетающий со склонов. Гор снова взял ее за руку и нежно поцеловал ладонь.

«Расскажи мне», — мысленно попросил он.

И она рассказала — ничего не упуская и не смягчая красок. Она рассказывала, как летала в цирке с Саксеном Фоксом, и Тор улыбался. Потом его лицо потемнело, когда услышал о злодеяниях Гота. Она поведала о пытке, которой подверг ее Инквизитор, и в глазах Тора зарницами засверкали отчаяние и ненависть.

Ее голос дрогнул и сломался. Длинные пальцы Тора коснулись ее щеки, и девушка почувствовала, что у него дрожат руки. Возможно, именно это помогло ей собраться с силами и продолжать свою повесть. В конце концов, самое страшное он уже слышал... Но вот Элисса заговорила о том, как погибли Милт и Орис, как был изувечен Саксен, повторила последние слова Инквизитора... и почувствовала, как мускулы Тора каменеют.

Когда рассказ был закончен, оба долго молчали. Наконец Тор кивнул.

— Я понимаю, почему ты сделала такой выбор. Академия... Знаешь, я готов восхищаться этим камушком. Он тебя защищает... А вот я не смог.

— Не надо, Тор. Кто мог знать, что такое случится? Ты забываешь: это был мой выбор. Это я приняла решение уехать с Соррелью, а не ты. Я сама в ответе за свою жизнь.

Она забыла пересказать сон, который видела, плавая в Зелени, когда Гот лишил ее девственности. Но сейчас на это не было времени. Обратившись к ней мысленно, Саксен сообщил, что они почти прибыли.

Надо будет непременно рассказать Тору о похищенном ребенке и книгах, которые она обнаружила в подземелье Академии. Возможно, он тоже что-то знает. И сможет объяснить, как это связано с Меркудом... Элисса сжала его руку.

— Пойдем. Давай сделаем так, чтобы этот день был счастливым.

Обычно Тор радовался возможности увидеть новый город — особенно такой древний, с

богатой историей, как Ил-дагарт. Но сейчас его вниманием владела только Элисса. Движения ее рук и звуки ее голоса очаровывали его больше, чем великолепные дома и царственные руины, напоминающие об еще более пышном великолепии.

Если рассказы и легенды о прошлом Илдагарта были правдивы, город так и не оправился от разрушений, которые учинил Орлак. Всюду можно было увидеть следы былой красоты. Странно, но казалось, будто развалины не рассыпаются, а прорастают из-под земли. Вокруг них встал новый город, но останки старого, пережившие мятежного волшебника, пытались сопротивляться иному, более грозному разрушителю — времени.

Горожане не останавливали взгляд ни на изысканных мраморных колоннах, ни на кусках мозаичных полов, которые то там, то здесь заменяли мостовую, ни на каменной резьбе, прекрасной до боли. Новое общество, которое теперь населяло самую древнюю, самую впечатляющую часть города, жило торговлей. Интересы этих людей были весьма приземленными... а порой и низменными. Однако приезжие не могли не восхищаться несравненным великолепием Илдагарта, его пустых, полуразрушенных зданий. Казалось, стоит только зайти в любое из них — и услышишь призрачный шепот ушедших столетий.

Впрочем, в эти дни в городе звучали иные голоса. Со всех концов Таллинора и из-за его пределов, из Четырех Королевств, стекались гости — ибо мало кто не слышал о Празднествах Кзаббы. Это слово означало «смерть», хотя настроение, которое царило в эти дни в Илдагарте, трудно было назвать похоронным. Сейчас ритуал праздника воспроизводил легенду об Орлаке, но обычай появился задолго до того, как юноша-колдун разрушил город. Однако изначальный смысл праздника давно стерся из памяти людей. Меркуд был прав: Празднества Кзаббы давно выродились в веселый маскарад, размах которого поражал воображение. На три дня и три ночи город превращался в живое тело, в жилах которого текла кипучая, ничем не сдерживаемая радость.

В главную ночь — ночь Празднества — никто не выходил из дома без маски. Легенда гласила: если ты скроешь лицо Смерть не узнает тебя. Люди надевали маски мертвецов — а также зверей, птиц и совершенно немыслимых тварей которых могло создать лишь буйное человеческое воображение однако было одиннадцать масок, появление которых считалось обязательным. Никто даже не пытался найти этому объяснение, а на вопросы любопытных ответ был один: «Так принято». Создание этих масок поручалось лучшим мастерам Королевства, а право надеть одну из них считалось большой честью.

Одна из масок изображала Смерть в образе прекрасного мужчины. Считалось, что она олицетворяет Орлака, а оставшиеся десять — древнейшие народы Таллинора. По крайней мере, так утверждали ученые. Это могло быть истиной, могло быть еще одной догадкой... Какая разница? Для нынешнего поколения Празднества Кзаббы были просто еще одним поводом повеселиться, а древние легенды лишь добавляли празднику загадочности и блеска.

Элисса знала, что ученые правы. Десять древних народов, десять Паладинов... Еще один кусочек картинка-загадки встал на место.

Она водила Тора по улицам, которые ей чем-то запомнились. За годы, проведенные в Академии, Элиссе нечасто доводилось выбираться в город. Но Тор слушал ее с наслаждением. Он упивался звуком ее ровного голоса, смотрел, как шевелятся ее губы. Медовая прядка выбилась у нее из косы, и она играла ею — совсем как в детстве. Он завороченно следил за движением ее тонких пальцев с гладкими розоватыми ногтями, похожими на дольки миндаля, и это занимало его куда больше, чем вся история Илдагарта.

Вскоре они оказались на улице, известной своими «забегаловками» — так Элисса называла крошечные трактирчики, где вместо пива и вин подавали всевозможные травяные чаи, а также восхитительный напиток под названием «забуб» — крепкий, густой и сладкий, от которого кружилась голова. Его готовили только в Илдагарте. Грех побывать здесь и не отведать забуба — так сказала Элисса.

Тор слушал, как она делает заказ на наречии уличных торговцев севера. Да, у нее редкие способности к языкам.

— Как я понимаю, ты еще не бывала на Празднествах Кзаббы, — он решил говорить

вслух.

Элисса кивнула и нахмурилась.

— Ни разу... Как думаешь, с Саксеном все в порядке?.. А Клут?

— Клут сам о себе позаботится, — улыбнулся Тор. — Он не любит город — его раздражают толпы. Но он недалеко, к тому же мы можем разговаривать мысленно.

— К нас с Саксеном было так же, — девушка вздохнула — Пока я не носила архалит.

— О Саксене тоже не беспокойся. Он человек разумный и останется с лошадьми на окраине города.

— Я думаю о том, что Гот грозился меня найти. Мне дважды удалось спастись, но на третий раз он меня уничтожит.

Она заметила, как на скулах у Тора заиграли желваки.

— Он тебя и пальцем не тронет, Элисса. Я тебе обещаю. Этот изверг... Он заплатит за все, что с тобой сделал.

Элисса собиралась что-то ответить. Но им уже несли напитки... и Тор услышал у себя в голове ее голос:

«Это дело прошлого. Пусть остается в прошлом».

Тор так и не понял, кому предназначалась благодарная улыбка — ему или юной служанке, которая поставила на стол две дымящихся кружки. Элисса взяла одну из них и чокнулась с Тором.

— Забуб подадут горячим, чтобы согреться в холодный зимний день. Будь осторожен, а то обожжешься.

Напиток и впрямь словно только что сняли с огня. Тор осторожно подул на кружку, потом сделал небольшой глоток, по привычке определяя состав на вкус. Чудо... травы, масса пряностей — и все это сдобрено чем-то хмельным.

— М-м-м... — на его лице было написано такое удовольствие, что Элисса рассмеялась. — Так что ты думаешь об этом маскараде?

— Я о нем особо не думаю, Тор. По правде говоря, я предпочитаю другое празднество — жизнь.

— Скорее, выживание, — мягко поправил он. — «Кзабба» — илдагартское слово?

— Да, только очень древнее. Этот говор исчез лет сто назад, а то и больше...

Она осеклась и замерла, не донеся кружку до рта. Потом между ее бровей появилась едва заметная морщинка.

— Будешь рот разевать — муха влетит, — сообщил Тор. Это была любимая поговорка матушки Аилсы.

— Тор...

Да, я все еще здесь... Ловлю каждое твое слово.

— Оно означает не «смерть».

— Ты о чем?

— Кзабба... праздник... Это слово означает не просто «смерть».

— Да неужели? — Тор растерялся. По правде сказать, он думал о том, что губы у Элиссы должны быть сладкими от забуба.

— - Послушай... — в ее голосе звучала тревога. — Это очень важно. Мне попались две старинные книги... я нашла их в подземелье Академии, в тайнике. Только не говори, что их кто-то забыл. Их там нарочно спрятали.

Тор кивнул. Искушение поддразнить ее было велико. Нет, похоже, дело действительно серьезное. Поэтому он постарался не смеяться.

— Я прочитала одну из этих книг. Насколько я понимаю, это хроника того, что случилось в Карембоше — вернее, в Голдстоуне, — и писал ее один из Мастеров. Он называет себя Нанакон. Книга довольно толстая, я не буду пересказывать... Но если в двух словах, это история похищенного мальчика. Не обычного мальчика. Сына богов.

Она заметила, как Тор изменился в лице. Он медленно сглотнул и опустил кружку на стол — почти беззвучно.

— Продолжай, — от его беззаботности не осталось и следа.

— Его украли у Сонма и продали людям...

— ... Мусорщики.

Теперь пришла очередь Элиссы. Она поставила кружку и побледнела.

— Так ты знаешь?

— Пожалуйста, продолжай,- бодро пробормотал он, стараясь не встречаться с девушкой взглядом.

— Я...хотела рассказать тебе это раньше. Когда Гот насиловал меня, я ушла в Зелень, чтобы... не чувствовать, как он... и... Я не знаю, как это назвать. Сон, видение... Я видела родителей с ребенком. Они были такие красивые... гуляли в лесу, на чудесной поляне. А потом ребенка похитили. И родители ничего не сделали, чтобы его спасти. Просто смотрели, как воры убегают...

— Рассказывай, — голос Тора стал сдавленным.

— А больше рассказывать нечего. Я очнулась. Остальное я знаю из книги. Мальчик вырос среди людей, но не знал, кто он на самом деле. Его приемные родители тоже не знали, хотя были Чувствующими. У мальчика обнаружился удивительный дар, и они отдали его учиться в Академию. Но Мастера увидели, что он сильнее их всех вместе взятых, и это их напугало.

Она смолкла. Перед глазами Тора вновь проплывали картины сна, который он видел в лесу.

— И тогда они придумали, как Связать молодого волшебника, — проговорил юноша. — Но тот узнал об их планах и разрушил Голдстоун вместе с Престолом Знаний. Погибло две тысячи человек... Теперь на месте этого города стоит Илдагарт, а на месте Престола Знаний — Карембош, Академия.

Элисса с сомнением покачала головой.

— А теперь объясни, откуда ты это знаешь.

— Во сне увидел, — он потер лицо руками.

— Я прочитала только первую книгу, — Элисса заговорила быстро, словно боясь сбиться с мысли. — Она написана на том самом древнем языке. Меня ему не учили, но я понимаю каждое слово. Никто не понимает, а я понимаю. Почему? И откуда я знаю, что истинное название Празднеств — не «Кзабба», а «Акзабба Вейсзуит»?

Тор молча покачал головой. Кто бы объяснил...

— «Кзабба» в переводе с древнего илдагартского — «Смерть». Вернее, так считается. Но это искаженное слово более древнего языка — того самого, на котором написаны книги. Не «Кзабба», а «Акзабба»... вернее «Акзабба Вейсзуит». Это означает «Смерть бога»...- Элисса всплеснула руками, словно эта мысль только что пришла ей в голову. — А что тебе еще приснилось?

Тор почувствовал, как по спине пробежал холодок. Но отступать было поздно. И он рассказал.

Когда рассказ был окончен, в «забегаловке» стало очень тихо.

— Эта Лисс, про которую ты говорил.... — Элисса несмело подняла глаза. — Она считает, что он жив и вернется? И что ты должен его остановить? Что за чушь?

— Это не чушь. Его зовут Орлак.

Элиссе показалось, что у нее немеют ноги. Тор говорит правду.

— Но самого скверного я еще не сказал,- он осушил кружку. — Угадай, как зовут его приемного отца?

— Тут и гадать нечего — это написано в книге. Меркуд.

— Тебе это имя ни о чем не говорит?

— Но Тор... получается, что твоему учителю не сто лет, не двести, а гораздо больше...

Во имя Света... пусть это будет достаточно сильным доводом, чтобы сделать дальнейший разговор бессмысленным.

— Почему бы и нет? Это еще не самое дикое, с чем мне довелось столкнуться — да и

тебе, как я понимаю, тоже. Нас окружает могучее волшебство, оно протекает сквозь нас. Инквизиторы могут лишь догадаться, что мы — Чувствующие. А вот Меркуд нас нашел. Похоже, на него все и завязано. Я голову даю на отсечение: именно он все подстроил — чтобы ты уехала из Пустошной Топи. Он догадывался, что я попытаюсь взять тебя с собой в Тал.

Тор сосредоточенно нахмурился, словно усилием воли пытался стянуть в одну точку все мысли, которые в течение всех этих лет бродили на границах его разума.

— Его не устраивает, что ты со мной. Он знает, что ты тоже Чувствующая, которую не могут уличить инквизиторы. Ты слишком ценна, чтобы не принимать тебя в расчет. Может быть, ты не поверишь... но я уверен: это он сделал так, что мы не могли общаться мысленно! Постой... — его осенило. — Элисса... а почему ты уехала? Что заставило тебя уйти с женщиной, которую ты никогда раньше не видела?

Это был хороший вопрос.

— После Танца Цветов я надеялась, что ты... ну, ты сам знаешь...

Разумеется, он прекрасно знал, что она имеет в виду.

— Ты так меня напугал... — Элисса вздохнула. — Ты говорил так резко, так сердито... А Соррель была очень добра ко мне. Мне было одиноко, я не знала, что думать... Особенно в первый день. Но сейчас... наверно, мне надо было просто вырасти, чтобы это понять. Соррель нарочно подвела разговор к твоему отъезду. Да, теперь я знаю: она сказала, что ты уехал, а ты был еще дома. Думаю, она хотела, чтобы я на тебя разозлилась. Не знаю... Зачем ей еще было врать?

— Вот именно! Спорю на все золото Илдагарта: Меркуд плетет какую-то хитрую паутину, а Соррель — его сообщница. Элисса, если наш Меркуд — это тот самый Меркуд, приемный отец Орлака, то почему бы ей...

— Тор, пожалуйста... Она пять лет была моей защитницей. Она поддерживала меня, выхаживала, помогала мне.

— Конечно! А что ей еще оставалось? Такова ее задача. Я вполне допускаю, что она искренне полюбила тебя. Но за всем этим стоит Меркуд. Ее муж. С чего я это взял? А я тебе скажу: она — приемная мать Орлака. Они с самого начала были заодно. Они играли нами, как куклами, и сделали все, чтобы мы не встретились.

Еще одна догадка. Но в голосе Тора не было и намека на радость. Элисса чувствовала себя опустошенной. Да, Соррель слишком легко вошла в ее жизнь. Она появилась слишком вовремя — когда Элисса страдала, не в силах найти опору и цель в жизни. И сейчас ей было больно именно потому, что догадка Тора оказалась верной. Еще один кусок картинки-загадки замер на весу... а потом встал на место. Она почти услышала щелчок.

Меркуд и Соррель — приемные родители Орлака. Они — кукловоды, которые работают сообща, чтобы направить ход событий в нужное русло.

— Ты сам решил ехать на север, когда покинул Тал? — осторожно спросила Элисса. Морщинка озабоченности у нее на переносице так и не исчезла.

— Нет, это Меркуд предложил.

— Значит, теперь если следовать твоим рассуждениям... они задумали нас соединить. Они знали, что мы должны снова встретиться... Но зачем?

Возможно, Тор что-то ответил, однако Элисса уже не слышала. Все ее внимание было приковано к окну, спиной к которому он сидел, почти загораживая его своими широкими плечами. Холод пробрал ее до костей, хотя в кабачке было тепло. Там, за окном, мелькнула пурпурная лента. Последний раз она видела такую пять лет назад, в тот день, когда попала в Академию... а до этого — в Фрэгглшемском Доле, где у нее украли нечто немыслимо ценное. Если тебя ограбили, можно заставить вора вернуть похищенное — вопрос лишь в том, каких усилий это будет стоить. Но есть вещи, которые вернуть невозможно. Одну из таких вещей украл у нее человек, которого она ненавидела больше всего на свете. Теперь этот человек шел по улице Илдагарта — по той самой улице, где находился их кабачок, и в то самое время, когда они с Тором сидели здесь, потягивали забуб и собирали

головоломку...

Некоторое время Тор следил за тем, как недоумение на ее лице сменяется ужасом, потом осторожно обернулся — и сразу понял все. Ярость вспыхнула и погасла: привычка быстро брать себя в руки появилась у него в ту ночь, когда он почувствовал, как угасает жизнь Клута. Именно тогда он впервые изгнал страх, а на смену страху пришла сила — его собственная сила, которая поднималась откуда-то изнутри. С тех пор Тор не раз прибегал к этой уловке. Сейчас спокойствие было необходимо: страх притягивал врага.

«Смотри на меня, Элисса».

Она с трудом отвела глаза от страшного пурпурного пятна за окном и доверчиво посмотрела ему в глаза.

«Накинь капюшон на голову, чтобы волос было не видно. И не смотри в его сторону. Ни в коем случае».

Затем Тор окликнул Клута. События приняли неожиданный оборот. Убедившись, что сокол кружит над городом, он снова обратился к Элиссе.

«Позови Саксена. Скажи, что возвращаешься. Пусть подготовит лошадей — так, чтобы можно было сразу сесть в повозку и гнать что есть духу к Академии».

Девушка повиновалась немедленно: ее взгляд ненадолго затуманился и стал отстраненным.

«Хорошо. А теперь, любовь моя... прости, но я вынужден это сделать ради твоего спасения».

Тор сунул руку в карман и достал бледно-зеленый арха-литовый кружок. В это мгновение Клут, который кружил над домами, забеспокоился.

«Он примерно в сорока шагах от тебя, Тор. Болтает с каким-то лавочником. На тебя не смотрит».

Тор прижал архалит ко лбу Элиссы, и камень приклеился, словно ничего не происходило. Краски и звуки снова потускнели, она больше не слышала ни Саксена, ни Тора. Она была отрезана от всего мира. Паника накатила ледяной волной. Словно в тумане, Элисса почувствовала — или, скорее, осознала, — что Тор берет ее под руку, помогая встать... Это прикосновение придало ей сил. Сильные, широкие ладони легли ей на плечи, заставляя повернуться в нужную сторону... и тут же соскользнули. Не стоило привлекать внимание.

— Иди быстро, но ни в коем случае не беги. Ты должна пройти мимо Гота... — юноша заметил, как ее передернуло. — И возвращайся к телеге, Саксен ждет. Это самый короткий путь. Гот тебя не заметит — я его отвлеку. Обещаю, с тобой все будет хорошо.

Не верит. Это видно по глазам, в которых сейчас нет ничего, кроме ужаса. Но это сейчас. Она всегда была смелой и сделает все, как надо.

«Клут?»

«Гот занят — торгуется из-за какой-то безделушки. Сейчас или никогда, друзья мои».

— Я люблю тебя, Элисса, — нежно шепнул Тор, и тут же его голос изменился: — Уходи сейчас. Уходи немедленно.

То же самое он говорил в Мятном Доле. Только тогда был солнечный летний день, зеленый луг, а в повозку была запряжена Сударыня. Снова надо уходить. Позади остается тот, которого она любит, впереди ждет тот, которого она ненавидит.

Тор притаился и стал наблюдать. Надо дождаться, пока Элисса пройдет мимо Инквизитора- тогда можно считать, что ей ничто не угрожает. Теперь молодой лекарь хорошо видел Гота: тот действительно о чем-то спорил с владельцем лавки.

Это просто свинство! Что еще можно сказать, когда клеймение срывается по одной единственной причине — из-за того, что рядом не оказалось никого из твоих помощников? Все, что оставалось Готу — это дать выход злости в споре с неряхой-лавочником, который живет тем, что вытягивает из людей честно заработанные деньги.

Краем глаза Инквизитор заметил, как в толпе мелькнуло одеяние послушницы

Академии. Девушка быстро прошла мимо, однако глаз у Гота был наметай. Под этой мешковатой мантией скрывается прелестная фигурка... Лица он не разглядел: послушница смотрела в другую сторону. Вскоре она скрылась из виду, и Гот притворился, что слушает продолжение байки о восьми голодных ртах и старушке-матери.

Внезапно лавочник смолк и удивленно уставился куда-то вверх. Гот проследил за его взглядом. Высоко в небе кружил сокол. Возле лавочки уже собралась толпа. Люди восхищенно следили за птицей: в этих местах соколов не видели уже много лет.

Готу хватило мгновения, чтобы свести все воедино. Вот уже несколько недель он шел по следу этого мальчишки-лекаря. В Сэддлуорте след оборвался. Инквизитор надеялся нагнать добычу на одном из перевалов в южных отрогах Роркфельских гор -- это была единственная дорога на северо-запад. Однако лекарь как будто растворился в воздухе. И вот сейчас... Да, это тот самый сокол, которого Гинт все время таскает с собой. Никаких сомнений. А значит, мальчишка тоже здесь. Гот бросил на прилавок вещицу, из-за которой торговался, и огляделся.

Наблюдательность, которую Инквизитор оттачивал годами, снова сослужила ему услугу. И горожане, и приезжие смотрели на птицу — все, за исключением послушницы. Гот отмстил, что она не просто спешит — она изо всех сил старается не привлекать к себе внимания.

Пожалуй, стоило положиться на чутье, которое никогда еще не подводило. «Следуй за ней» — вот что оно подсказывало. Да, добыча рядом. Но не следует спускать глаз с этой хрупкой фигурки, закутанной в мантию. Единственная насельница Карембоша, которая постарается избежать с ним встречи — Элиссандра Квин. Одно маленькое «но», признался себе Гот, продираясь сквозь толпу людей, возбужденно указывающих пальцами вверх. Элиссандра Квин не может быть послушницей. Уж он-то может отличить Чувствующую от обычной женщины. Возможно, она просто переделалась послушницей. Или это вообще не она. Но он все равно последует за этой женщиной. Да, женщин Академии защищает королевский указ, но плевать он хотел на все указы. Если нужно, он придумает, как их обойти.

Она приведет его к мальчишке. И когда он до него доберется... то снова увидит, как дрожит от страха Элиссандра Квин.

Тор выбежал на улицу, и внутри у него все перевернулось. Гот должен был заметить его... Но поздно. Инквизитор удалялся, преследуя Элиссу.

«Новизна — залог успеха, — сообщил Клут. — А таких, как я, здесь еще не видели... Думаю, мне стоит последить за Элиссой. Надо убедиться, что она без помех добралась до окраины».

Тор быстро нагнал Инквизитора, но старался оставаться незамеченным, благо на улицах былолюдно. Он прятался за повозками, колоннами, забегал в лавочки... Как было бы здорово — обратиться к Элиссе мысленно, сказать, чтобы она успокоилась... Увы, это было невозможно. А Элисса даже не пыталась скрываться. Она бежала.

Все бы ничего, но на свою беду, Элисса обернулась. Непонятно, кого она ожидала увидеть, но Гот был уже в пятидесяти шагах от нее — достаточно близко, чтобы девушка увидела его отвратительное лицо. Он гонится за ней... Элисса сбросила плащ с капюшоном, который сковывал ее движения, и бегом припустила по улице. Золотистые волосы рассыпались по плечам.

— О, так это ты, Элисса! — воскликнул Гот. — Скоро мы снова будем вместе!

И побежал следом.

Инквизитор был невысок ростом, но силы и выносливости ему было не занимать. Забыв об осторожности, Тор бросился было за ними, но скоро понял: еще миг — и Гот догонит Элиссу. Надо было срочно что-то делать... Но что? Как и Элисса, Инквизитор защищен архалитом, так что нанести удар не удастся. Быстрее, быстрее...

Вот оно! Какой-то человек ведет к конюшне двух лошадей... Когда Гот поравнялся с

ним, Тор представил, что бьет обеих длинным хлыстом. Как и следовало ожидать, лошади шарахнулись, храпя от боли, и с диким ржанием взвились на дыбы. Одна вырвала поводья из рук ошарашенного конюха, другая заплясала и начала лягаться.

Гот не успел увернуться. Копыто только задело его плечо, но этого оказалось достаточно. Инквизитор упал. Несколько человек тут же бросились к нему, чтобы помочь встать. Шипя от злости, он оттолкнул их. Лицо исказила гримаса — но не боли, а ярости: добыча уходила прямо из рук. Хрупкая фигурка исчезла за углом и больше не появлялась.

Элисса слышала, как ржут лошади, слышала крики, но больше не оборачивалась. Она просто бежала сломя голову, чтобы как можно скорее оказаться на окраине, где ее ждал Саксен. Лишь на миг девушка взглянула вверх — и, вопреки ужасу, почувствовала радость: там, в небе над городом, кружил Клут. Она уже успела полюбить красавца сокола и даже осмелилась помахать ему рукой.

«С Элиссой все будет в порядке, — зазвучал в голове у Тора голос Клута. — Тебе тоже стоит возвращаться в Академию. Гот знает, что ты здесь. Он меня видел».

«Думаю, он пойдет в конюшни, чтобы взять лошадь. Ты уверен, что с Эдиссой ничего не случится?»

«Саксен только что подобрал ее, и они во весь дух несутся домой. Отвлеки Гота еще ненадолго».

Думать, думать, шептал себе Тор, направляясь обратно к конюшням.

«Вспомни заклинание Наведения облика, — подсказал сокол. — Меркуд говорил, что оно удавалось не всем Мастерам. Я знаю, ты никогда не пробовал, но сейчас как раз подходящий случай».

Воистину, это было озарение, луч света во тьме.

«Я люблю тебя, Клут».

«Что бы ты без меня делал?»

И птица оборвала нить связи. " Это было действительно сложное заклинание — такое же сложное, как и знаменитая Походка тени. Кое-кто подозревал, что создание двойника, который может самостоятельно двигаться, возможно, но не более того. Такое не удавалось даже великому Мастеру Джороми, с его могучим даром и богатыми знаниями. Но сейчас, глядя, как Гот исчезает в конюшне, Тор думал о другом. Он сосредоточился и почувствовал, как вокруг собираются Цвета, а три Камня, лежащие в мешочке на груди, мерно бьются, словно живое сердце, и поют, дрожа от переполняющей их силы — его и своей собственной.

Лишь на миг Тор пожалел, что не знает их истинного предназначения. Затем сосредоточил внимание на человеке, который оказался справа, и прошептал заклинание.

Гот появился снова, похлопывая по бедру кнутом: в мыслях он, наверно, уже гнал своего скакуна по дороге к Карембош. Потом замер, его пороссячьи глазки быстро и внимательно оглядели прохожих. Внезапно в толпе мелькнул знакомый профиль. Высокий молодой человек поймал взгляд Инквизитора, поспешно отвернулся и исчез в одной из боковых улочек.

Искореженные губы Гота выгнула злорадная усмешка.

— А, вот и ты, Гинт!

Однако стоило Готу свернуть в проулок, как торжество сменилось недоумением. Лекаря и след простыл. Впрочем, нет худа без добра. Инквизитор понял, что попал на знаменитый Илдагартский базар, безумный лабиринт улочек, переулков и просто проходов между рядами самодельных лавок и лотков, для вящей важности увенчанных пестрыми тентами.

Здесь можно было купить все, что угодно — от горячих пирожков до сапог и конской сбруи.

Некоторое время Гот пристально глядел по сторонам... Вот он! С кем-то разговаривает... а теперь идет вперед, укрываясь за навесами. Гот устремился за лекарем.

Но тот снова исчез. Гот раздраженно постукивал по бедру кнутовищем. Этот мальчишка просто водит его за нос! Стоп... да нет, вот же он, передает какой-то женщине

поднос. Что за ерунда? Говорит с женщиной, потом заходит в лавку...

К тому времени, как Гот оказался внутри, там уже никого не было — только владелец и женщина, которая торговалась с ним из-за цены на рис.

Ярость застилала глаза Инквизитору, он почти обезумел. Он найдет этого лекаришку, который осмелился над ним издеваться! Он найдет его сейчас, немедленно! И заставит его расплатиться за каждый год, за каждый день, в течение которых тот уходил от кары! За всех женщин, которые обожали Тора, которые падали к его ногам. Да, это надо сделать именно сейчас, когда никто не вступится за наглого юнца — ни старый пень Меркуд, ни король, ни этот надменный прайм-офицер...

Весь дрожа от гнева, Гот выбежал из лавки... и налетел прямо на Тора. Невинно улыбаясь, молодой лекарь протягивал ему апельсин, разрезанный на четыре части.

Какая из капель, стекающая по пористой оранжевой коже, переполнила чашу терпения Инквизитора?

— Хватит шутить, — злобно прошипел он.

Торкин сделал вид, что не узнал Инквизитора. Старательно подражая илдагартскому говору, он предлагал попробовать фрукты.

Это окончательно взбесило Гота. Не помня себя от ярости, он хлестнул юношу по лицу кнутом, потом набросился на него с кулаками... Он разорвет мальчишку на части. Хватит и того, что эта девка снова ускользнула от него. Так какая разница, на ком выместить гнев? Гот чувствовал, как его пытаются оттащить от лекаря, но ярость придавала ему сил. Страхнув руки, которые вцеплялись в него, Инквизитор вырвался и принялся колотить Тора головой о брусчатку.

Он слышал смех и с запозданием понял, что смеется сам. Конечно, во Дворце с него потребуют объяснений. Но он все объяснит.

Наконец, Гота оторвали от его жертвы. На камнях лежала девочка-подросток. Она не шевелилась, ее кровь смешалась с соком раздавленных апельсинов.

Что за бессмыслица... Куда подевался Гинт? Ярость Гота иссякла, осталась лишь пустота.

Люди вокруг перешептывались. Однако для большинства потрясение было слишком велико, и они не могли вымолвить ни слова. Многие знали эту девочку с рождения. Но никто никогда не слышал, чтобы она проявляла какие-то особые способности. Так почему Инквизитор Гот забил ее до смерти?

Тору повезло: ему не довелось увидеть, к чему привела его затея. Убедившись, что замысел удался, он поспешил прочь. Гот принимал за него сначала одного человека, затем другого... Так могло продолжаться до бесконечности: стоило человеку, на которого было наложено заклинание, к кому-то прикоснуться — и тот становился двойником Тора, правда, лишь в глазах Инквизитора, — а освобожденный принимал свой истинный облик. Люди, сами того не желая, заставляли Гота гоняться за призраком, уводя Инквизитора все дальше от цели. Сам Тор в это время петлял по улочкам Илдагарта, спотыкаясь на крупной брусчатке. Вскоре он уже оказался на окраине и, не выбирая дороги, прямо по полям, побежал к Академии.

Но были глаза, которые видели все, от начала и до конца.

Клут мог, конечно, рассказать об этом своему другу. Он мог даже заставить Тора увидеть, как люди один за другим принимали его облик, и чем это закончилось... Нет. Он сам посоветовал Тору воспользоваться заклинанием. Так пусть вина за гибель девочки ляжет на него. Он будет в одиночку нести эту ношу.

Первый же вздох Нанака, прозвучавший в голове Меркуда, был полон отчаяния.

«Праведница Арабелла пала».

Лицо Меркуда сморщилось, как от боли.

«Слишком скоро. Этого не может быть».

«Это так».

«Она что-нибудь сказала?»

«Нет. Просто обратилась ко мне мысленно и сообщила, что ее время пришло».

«И исчезла, как другие?»

«Да».

Меркуд мерил шагами свой кабинет. Нанак молчал.

«Значит, она где-то появится, друг мой. Она возродится снова. Это мы выяснили. Закончилась жизнь тюремщицы Орлака. Началась жизнь защитницы Триединого».

Ответа не было. Связь прервалась.

Глава 22

Убежище

Тор вернулся в Академию, поспешно привел себя в порядок и отправился на поиски Элиссy. Однако первой ему встретилась Ксантия.

— Как вы рано, почтенный Гинт! Я думала, даже Элисса сможет развлекать вас немного дольше.

У Тора не было никакого настроения с ней о чем либо разговаривать.

— Ты знаешь, где она?

— Прости, не знаю, — она шагнула к нему и как бы невзначай коснулась кончиками пальцев его запястья. — Но если хочешь, я покажу тебе то, что она не успела.

Намек был более чем прозрачным.

— Думаю, я сам ее найду, — вежливо ответил Тор и пошел прочь.

— С нетерпением жду танцев этим вечером, Торкин!

Он сделал вид, что не слышал. Мыслями он уже был в подземелье.

Догадка оказалась верна. Элисса находилась в архиве. Она выглядела спокойной, но щеки пылали. Тор устремился к ней и наткнулся на предостерегающий взгляд. В библиотеке находилось еще несколько послушниц.

— С тобой все в порядке? — вопреки всему, Тор попытался ее обнять. Элисса кивнула и отвела его руки.

— Ты давно вернулся? — ее голос звучал так ровно, что сглаживалось даже значение слов. Ответ был очевиден. — А как наш общий друг?

— Сбился со следа, — прошептал молодой лекарь, глядя, как бьется жилка у нее на виске. Какую же власть имеет над ней Гот! — Нам надо поговорить, Элисса.

— Не сейчас. Не здесь. Встретимся у фонтана. После обеда надо будет устроить тебе прогулку по нашим садам. Скоро приду.

Ее терзало предчувствие беды. И дело было не только в появлении Инквизитора Гота. Хотя попробуй сохранить присутствие духа, когда за тобой гонится это чудовище! Но сейчас в ее жизнь вернулся еще один человек — полная противоположность страшному Инквизитору. И вместе с ним воскресло все, что Элисса давно считала погибшим. Каким-то образом она убедила себя, что жизни послушницы при Академии — необходимо и достаточно. Оказывается, все совсем не так. Ей как будто передались чувства Ксантии — во всяком случае, она начала ее понимать. Она тоже хотела быть с Тором. Но вчерашний день вернуть нельзя. Она вспомнила свои злые слова, обращенные к Ксантии. Теперь они казались пустыми. Ей самой требовался совет.

Она стала Неприкосновенной. Архалитовый диск на лбу защищает ее от Гота, но обрекает до конца жизни скрывать любовь к Тору. И, тем не менее, Саксен убеждает ее, что Тор — именно тот, за кем она должна следовать... В смятении Элисса бродила по коридорам Академии. И лишь увидев во дворе Саксена, который чинил повозку, поняла, что на самом деле искала именно его. И что в руках у нее книги Нанака.

— Сохрани их для меня, Саксен, — сказала она, еще не вполне понимая, зачем это делает.

Не один Гот обладал внутренним чутьем и прислушивался к нему. Спрячь книги, говорил Элиссе внутренний голос. Но где-нибудь недалеко... Саксен понял ее. Он кивнул, взял у нее тяжелые фолианты и сунул их под попону, которая валялась в повозке.

Ей предстояло обсудить с Тором немало неприятных открытий, и от этого настроение тоже не становилось лучше. Ох... наверно, он уже ее ждет!

— Осторожно,- предупредил юноша, едва она появилась. — у Старейшин повсюду глаза и уши.

Тор и Элисса бродили по дорожкам. Девушка рассказывала ему о том, как появились сады Карембоша, о растениях, которые там выращивают, о целебных снадобьях — тех, что готовят здесь с давних пор, и придуманных уже в бытность ЭлиССы послушницей. Но не только.

— Как ты это сделал?

— Маленькая хитрость.

— ...шалак используется для лечения самых разных недугов... Он вернется. Он будет здесь ночью, когда я беззащитна.

— Значит, не показывайся.

— ... истолочь в пасту, затем ее разогреть... Я обязана. Это часть церемонии... Но только очень осторожно.

Тор отбросил с лица прядь.

— Послушай. Сегодня к тебе в комнату принесут маску. Постарайся, чтобы ее увидела Ксантия. И чтобы она увидела, как ты ее надеваешь, перед тем как покинуть спальню.

— ... подходит при любых внутренних болях, но особенно хорошо помогает от желудочных спазмов. А вот этот, с маленькими розовыми цветками — мы называем его «эполетка»... я уже договорилась о маске.

Тор кивнул в сторону скамейки, и они сели.

— Ты должна надеть ту, что тебе принесут.

— Что за маска?

— Маска лисы, — ответил он. — А я буду кабаном.

— Очень подходит, — Элисса не удержалась и улыбнулась, но улыбка получилась грустной. Девушка торопливо встала и нарочито громко стала рассказывать о травах.

— Элисса, у нас мало времени, — напомнил Тор.

Она остановилась и обменялась парой фраз с двумя Старейшинами, которых Тор раньше не встречал.

— Как вам наш знаменитый забуб, лекарь Гинт? — спросила одна из Старейшин.

— Просто восторг.

Женщины вежливо кивнули и пошли дальше.

— Что ты имел в виду? — спросила Элисса. — Когда ты уезжаешь?

— Этой ночью.

— А-а...

Элисса попыталась что-то ответить, чтобы скрыть потрясение, по в голову ничего не приходило.

— Я еду не один, — быстро проговорил Тор. — На этот раз ты поедешь со мной.

Она резко обернулась, и Тор прижал палец к губам.

— Теперь для тебя здесь небезопасно. Ты стала Неприкосновенной, но мы все равно предназначены друг другу. Даже Меркуд этого хочет. Давай не будем его разочаровывать. Я уже все придумал.

Мимо прошла стайка послушниц. Одна из них сделала реверанс, приветствуя именитого гостя. Тор и Элисса заставили себя вежливо улыбнуться.

— Просто надень лисью маску и делай то, что я скажу и когда скажу.

— А Саксен?

— Поедет с нами. И Соррель тоже. Они оба тесно связаны со всеми этими загадками, в которых мы пытаемся разобраться. Сегодня, после обеда, я поговорю с Соррелью.

Предоставь это мне. О чем бы тебя ни спрашивали, изображай святое неведение. И — непременно убедись, что Ксантия видела, как ты надеваешь маску.

— Я поняла.

— Я люблю тебя, Элисса.

Эти слова, произнесенные тихим шепотом, вернули ее к жизни.

— Я тебя тоже, — ответила она.

Готу потребовалась вся его изворотливость, чтобы выпутаться: он оказался в крайне неприятном положении. На его счастье, небольшой отряд инквизиторов наконец-то добрался до Илдагарта. Разумеется, все они в один голос подтвердили, что девочка-бродяжка, убитая Готом, была Чувствующей — просто ее дар до сих пор не проявлялся. Ухватившись за эту подсказку, Гот сообщил отцам города, что девочка пыталась навести на него чары. Он беспокоился лишь об окружающих... Конечно, он готов извиниться за то, что был вынужден прибегнуть к столь жестоким мерам.

Ее мать была в отчаянии. Будь ее воля, она растерзала бы Инквизитора. Градоначальник деликатно объяснил ей, что не сможет добиться наказания, однако намекнул Готу, что женщину необходимо успокоить. В конце концов, она потеряла ребенка.

Гот даже в лучшие времена не испытывал жалости к бродягам. Сидя в кабинете ратуши, он слушал, как градоначальник распинается перед ним, потягивал забуб и с каждым мгновением все больше убеждался, что все сделал правильно. Одной бродячей воровкой меньше. Само собой, не стоит высказывать подобные соображения вслух, но отрицать их справедливость бессмысленно. И многие люди с восторгом поддержали бы его.

— Само собой, эта женщина получит возмещение, — с благодушием в голосе произнес он. — Семья у них очень большая?

— Если не ошибаюсь, семеро детей. Ну... теперь шесть, — градоначальник явно чувствовал себя неуютно. — Отца нет... насколько я помню, еще двое стариков.

Как он и подозревал! Целое гнездо грязных вороватых крыс! Гот почувствовал, как губы сами кривятся в ухмылке, и с некоторым усилием сдержался. Не стоит етоль явно высказывать свои истинные чувства.

— Почтенный Джори... как вы смотрите на то, если сегодня вечером к ним заглянет кое-кто из моих людей? Они вручат матери тугой кошелек, выразят искреннее сочувствие и объяснят, что заставило меня так поступить. Вообще-то, такое у нас не в ходу — учитывая, что девочка была Чувствующей. Но я готов признать свою вину. Вместо положенной церемонии клеймения... вы понимаете.

Он был сама учтивость. По правде сказать, градоначальник не стал бы переживать из-за семейства нищих попрошаек. Они были неизбежным злом, с которым приходилось мириться. Во время Празднеств город наводняли целые орды бездомных. Одни надеялись подзаработать, другие — просто пожить за счет беспечности более обеспеченных гостей Илдагарта и местных жителей. Кое-кто из них приносил определенную пользу, но... Градоначальник хотел одного: чтобы по окончании Празднеств Кзаббы все они, все до единого, убирались прочь. Скорее всего, после истории с убийством девочки так и произойдет. Он кивнул.

— Думаю, этого будет достаточно. Благодарю вас за терпение и понимание, Инквизитор.

Гот отмахнулся с таким видом, словно это было меньшее, что он мог сделать при сложившихся обстоятельствах, и подозвал одного из своих подчиненных.

— Пошли от моего имени два ящика «Морриета» в дом почтенного Джори, — произнес он тем нарочито приглушенным голосом, каким комедианты изображают шепот, и сунул инквизитору кошель с монетами. — Это тоже ему... И еще, — он чуть возвысил голос, поскольку его подручный уже направился к двери, — попроси Руса зайти сюда.

Рус не заставил себя ждать. Гот поднялся, вытащил из кармана еще один кошель, большой и явно увесистый, и встряхнул, чтобы градоначальник услышал звон монет.

— Передай это семье девочки, Рус, — громко произнес он и с удовольствием отметил, что отцы города благостно кивают, а затем отворачиваются, чтобы обсудить между собой другие вопросы. Лишь Рус пристально смотрел на своего начальника. Он знал, что приказ прозвучит именно сейчас.

— Шестеро детей, мать, двое стариков... Очевидно, они живут где-то на окраине города вместе с другим бродячим сбродом. Если нам повезет, Рус... сейчас они вполне могут стоять внизу и ждать конца совещания.

Рус кивнул и направился к выходу. Он уже понял, что от него требуется.

— Да, Рус... матушка у них ничего. Твои ребята могут немного повеселиться. Только не слишком шумите и приберите за собой.

Рус мрачно улыбнулся.

— И следа не останется, сударь. А кошелек я верну, только чуть позже.

— Спасибо, Рус.

Элисса сидела как на иголках. Тор не успел объяснить, что он задумал, но она уже знала: он прав. Отныне безопасная жизнь для нее закончилась. Гот не оставил ей выбора. Единственная надежда — на то, что они с Тором сумеют скрыться. Единственная ниточка, за которую можно ухватиться... но такая тонкая. Она, Элисса, отмечена особо, а Тор слишком известен среди именитых жителей Королевства. Да, не так-то это легко — исчезнуть.

Однако письмо Саксена подтверждает правоту Тора. Клук утверждал, что послан защищать Элиссу — и защищает ее до сих пор. Теперь он говорит, что ей надо следовать за Тором. Значит, она приняла верное решение, даже если сейчас кажется, что на этом пути ждут опасности. Книги... странный сон Тора... то, что она видела в Зелени... Все это — части какого-то грандиозного замысла. И еще... ей страшно. Слишком страшно, чтобы расстаться с Тором.

Слава Свету, за весь остаток дня Элисса так и не столкнулась с Ксантией. Однако устав Академии требовал, чтобы послушница отчиталась перед Главной Старейшиной о выполненном поручении. Это оказалось несложно. Свое раннее возвращение девушка объяснила тем, что накануне празднеств в городе слишком много народу, чтобы спокойно любоваться достопримечательностями. Заметив, что Старейшина Айрис спокойно приняла это объяснение, Элисса рассказала, что показала почтенному Гинту сады, после чего они расстались. Почтенный сказал, что ему надо написать несколько писем в столицу и подготовиться к отъезду. Когда он собирается уезжать? Завтра утром. Так что сегодня его лучше не беспокоить.

— А кто-нибудь позаботился, чтобы у него была маска? — озабоченно спросила Старейшина Айрис.

— Все уже готово.

Элисса откланялась и вернулась в архив — свое обычное убежище. Здесь ее и нашла Соррель. Сейчас это было лучшее место для уединенной беседы.

— Сегодня ко мне приходил Гинт... — начала Соррель. Отлично. Не стоит ходить вокруг да около.

— Он рассказал тебе про Гота?

— Да. Как тебе удалось скрыться?

— Я просто бежала во весь дух. Да... — Элисса внезапно оробела, — что еще сказал Тор?

— Сама знаешь, — Соррель села и внимательно посмотрела на девушку. — Ты уверена?

— Уверена. Помнишь тот день в Пустошной Топи? Ты спросила, от кого я бегу.

Старушка кивнула.

— Как вчерашний ужин. И что?

— Я бежала от него.

— Я поняла.

Соррель нахмурилась. Сначала разлучать эту пару, потом добиваться их воссоединения... Как-то это неправильно.

— Так это он — юный писарь из Гладкого Луга, который уехал в столицу?

Элисса удрученно кивнула. Больше всего ей хотелось сорваться и накричать на свою наставницу. Тор предположил, что Соррель — приемная мать Орлака. Если это в самом деле так, то все сходится. Элисса вспомнила первый разговор с Соррелью. Невинные вопросы, вскользь брошенные фразы... Все это служило какой-то цели. Ее якобы случайное появление... То, что она отвезла ее сюда и оставалась рядом... Все было подстроено заранее. Единственное, чего не могла предвидеть Соррель — это появления Саксена. Вот почему она поначалу держалась с ним так холодно.

Но Соррель ей нужна. Если Тор прав, то Меркуд общается с этой женщиной напрямую, жена она ему или нет. И она все еще может быть их проводником. Соррель — Чувствующая, причем дар ее исключительно силен. Скорее всего, она сообщает Меркуду о каждом ее шаге с тех пор, как они покинули Пустошную Топь. Вот почему старому лекарю удалось в нужный момент вывести на сцену Тора... Элиссе стало дурно.

— Ты хорошо себя чувствуешь, дорогая? — спросила Соррель.

«Подыграй ей. Притворись, что ничего не знаешь».

— Со мной все в порядке... просто... стоит мне вспомнить про Гота, и у меня начинают дрожать колени. Тор что-то задумал, но ничего мне не рассказал.

Старушка кивнула. Похоже, с Тором она уже успела переговорить.

— Он собрался бежать — сегодня ночью, во время маскарада. Саксен готовит повозку. Мальчик постарался, чтобы все было просто и без затей — насколько возможно. Темно, вокруг суета, суматоха — кто обратит внимание на старую телегу, которая выехала из задних ворот? Вот и все.

Конечно, все просто. Но Элисса была не так глупа.

— А куда мы поедem?

— Ну... — Соррель вздохнула. — Тор считает: если мы дооеремся до Леса, то будем в безопасности.

В этом старушка явно сомневалась, но не подавала виду.

— Соррель... а тебе на самом деле не все равно?

— Ослепи меня Свет, девочка моя! Что за чушь! Как тебе в голову пришло?

Кажется, Соррель и в самом деле была потрясена. Элисса пожалела о своей несдержанности.

— О, не знаю... Извини, я не хотела тебя обидеть. Я просто чувствую, что над нами нависла угроза.

— Имей в виду, Элисса, — серьезно сказала Соррель. — Если будет нужно, я отдам за тебя жизнь. Возможно, мне придется это сделать в самое ближайшее время.

На севере, в начале зимы, темнеет быстро и рано. Льдистое дыхание холода обещает снегопады — но пока это лишь обещание. Сегодня ночью снега не будет — зима повременит с визитом, чтобы не погасить веселое пламя костров, горящих повсюду от Илдагарта до Карембоша, и факелов, что освещают главную дорогу между городом и Академией.

Инквизитор Гот, которого теперь сопровождало два десятка всадников, не мог дожждаться этой ночи. Одна мысль о том, как он будет вжиматься в тело ЭлиССы, такое нежное и податливое, наполняла его невыносимо сладкой мукой. Это было выше понимания. Каким образом эта женщина завладела его помыслами? Да, женщина. Ее тело налилось и обещало многое. Инквизитор предвкушал куда более острые ощущения, чем до встречи в городе.

А пока все происходило именно так, как он задумал. С бродягами разобрались без лишнего шума, а тяжелый кошелек вернулся к нему в карман. Гот вдыхал прозрачный ледяной воздух Илдагарта и чувствовал себя неуязвимым.

Город веселился. Он был огромным сердцем, которое билось в такт музыке.

Инквизитор коснулся пальцами своей маски и ухмыльнулся. Маска демона. Его собственное лицо не столь уродливо... но вызывает у людей куда больше страха. Почему-то ему вспомнился прайм-офицер Кайрус. Вот еще одна загадка: куда он подевался? Но Гот недолго ломал над этим голову. В толпе мелькнула золотоволосая головка.

На женщине была маска кошки. Элисса? Вряд ли. Элисса не станет танцевать прямо на улице, смеяться, хлопать в ладоши... Нет. Она будет до последнего мгновения отсиживаться в Карембоше. Но в конце кенцов ей придется покинуть свое убежище. И тогда-Возможно, заодно у него в руках окажется и Торкин Гиит. Эта мысль согревала. Знаменитый ученик знаменитого Меркуда — в его власти... Ему не потребуется много времени, чтобы стереть надменную усмешку с физиономии молодого лекаря. Как все славно получилось: женщина, которую он больше всего желает, и мужчина, которого он больше всего ненавидит, оказались в одно и то же время, в одном и том же месте... Инквизитор уже поздравлял себя. Точность его расчета была безупречна.

В то время как Гот дрожал, предвкушая наслаждение, Элиссе тоже бросало в дрожь — но причина была иной. Весь вечер ее мрачная подавленность сменялась приступами страха, словно она чувствовала, о чем думает Инквизитор. Тогда она ощупывала архалитовый диск у себя на лбу. Странно, но этот простой ритуал вызывал ощущение защищенности и придавал сил.

Она снова посмотрела на маску лисы, которая лежала на кровати. Элисса уже облачилась в одеяние сочно-малинового цвета, которое послушницы Академии по обычаю надевали раз в десять лет, на Кзаббу. Теперь она догадалась, что означает этот цвет. Кровь десятков Мастеров Голдстоуна, которую в тот страшный день пролил разъяренный юноша-бог. Еще пару дней назад ей такое и в голову бы не пришло. Да, Нанак писал правду.

Ладони стали влажными. Выдержка начинала ей изменять. Девушка вытерла руки о край мантии. Ткань была плотной и толстой. Спокойно, спокойно, уговаривала себя Элисса. Остальные послушницы уже покинули Академию и отправились на праздник. Зачем упускать возможность потанцевать... а может быть, даже немного пококетничать с мужчинами?

Потом она вспомнила о Ксантии. Словно услышав ее мысль, девушка вошла. Повисла неловкая пауза. Помня наказ Тора, Элисса потянулась к маске лисы.

— В самом деле, Элисса, — фыркнула Ксантия. — Я-то думала, ты приготовишь что-нибудь более изысканное.

— Мне нравятся лисы, — парировала Элисса. — Они красивые и очень умные.

— Интересно... Большинство людей считают их просто хищниками. А некоторые говорят, что от лис один вред, — голосок у Ксантии стал сладким, как патока. — Они такие хитрые... Лучше сделать так, чтобы лиса и носа не могла высунуть из норы. Чтобы неповадно было таскать чужое. Так что... Извини, я была не права. Эта маска тебе очень подходит.

Сама Ксантия надела маску красивой девушки с наруганными щеками и полными красными губами. К маске прилагался пышный парик соломенного цвета. Надев маску, Ксантия покрутилась между кроватей, точно в танце.

— Ты ничего не хочешь сказать о моей маске?

Нет, на эту удочку она не клюнет. Однако сходство маски с ней самой было очевидно. Какая же она дура, эта Ксантия! Но у Элиссы не было настроения продолжать спор, и она вздохнула с облегчением, когда в спальню заглянули две послушницы помладше: девушки хотели знать, готова ли Ксантия. При виде маски они рассмеялись.

— «Добродетельная Девственница»! Ох, Ксантия, ну ты и выдумщица! Но получилось здорово.

Выпрямив спину и опустив на лицо маску, Элисса шагнула к двери.

— Пойдемте, девочки, — она старалась говорить спокойно и дружелюбно. — Не стоит пропускать праздник.

На улице уже стемнело, ночь обещала быть холодной. Элисса произвольно

огляделась в поисках Гота. Ксантия тоже озиралась, но ее интересовал другой человек.

— Вот он, — сказала она, указывая в сторону одной из жаровен, что стояла в углу главного двора. В самом деле, там, в окружении стайки возбужденных юных послушниц, стоял Тор — маска кабана не сделала его неузнаваемым.

— Я искала другого человека, — с холодком в голосе ответила Элисса.

— Вот и славно. В таком случае, ты не станешь возражать, если я выполню свое обещание и поболтаю с твоим другом.

Терпение Элиссы лопнуло, но голос оставался спокойным и ровным:

— Делай, что хочешь, Ксантия. Я от тебя устала. Ксантия небрежно махнула рукой, но о ее истинных чувствах догадаться было невозможно: маска Добродетельной Девственницы могла лишь невинно улыбаться. Элисса быстро зашагала в другую сторону. Главные ворота Академии были распахнуты настежь. Лишь раз в десять лет они открывались, впуская всех желающих — горожан и приезжих, праздных зевак и странников, проделавших ради этого случая долгий путь. Горели костры, вокруг них с бешеным притопом кружились пары, отплясывая стремительный клеффинго. Разгоряченные, яростные, шумные танцоры били в ладоши в такт треску дробы барабанчиков и хрустальному перезвону цимбал.

У Элиссы оставалось еще немного времени. Скоро наступит миг, когда присутствие на празднике станет для нее обязательным. Стараясь не привлекать к себе внимания, она высматривала Гота и его подручных. Присоединившись к какой-то шумной компании, но стараясь не оказаться в самой гуще, она получила возможность незаметно наблюдать за всем, что происходит вокруг. В том числе и с Тором.

Высокий, широкоплечий, он возвышался над толпой, и один его вид заставлял сердце Элиссы биться чаще. Девушка горестно улыбнулась под лисьей маской. Могла ли она вообразить, что когда-нибудь захочет хотя бы прикоснуться к мужчине? Став старше и мудрее, она поняла, что к Саксену ее тянуло совершенно по иным причинам. Ей хотелось избавиться от мучительных переживаний. Тогда она была такой юной, неопытной, напуганной. То, что люди называют «близостью», при первой встрече явилось ей в самом уродливом своем облике. Возможно, Саксен казался ей воплощением безопасности.

Странно, что он так горячо поощряет ее отношения с Тором — более того, хочет, чтобы они не прекращались, и его записка — тому свидетельство. Записка... Скорее всего, ее по просьбе Саксена писал кто-то из Илдагарта. Что известно Саксену, но не известно ей?

Девушка перебирала в уме все, что произошло за последнее время. Если их с Тором воссоединение — работа Меркуда и Соррели, совершенно ясно, что они ожидают какого-то вполне определенного результата. Они рассчитывают, что между нею и Тором что-то произойдет. А если Меркуд и Соррель — только марионетки в руках какой-то волшебной силы? В конце концов, Лисс направляет жизнь Саксена с самого его детства... Так стоит ли считать Тора своей судьбой?

А Клут? Элисса догадывалась, что сокол является для Тора примерно тем же, чем Саксен — для нее самой: защитник, присланный, чтобы оберегать его. Что еще могло превратить человека в птицу, если не какое-то могучее волшебство?

Ее размышления нарушил некто в маске волка, улыбающегося до ушей. Волк приглашал ее танцевать, а в ночь Кзаббы отказываться от приглашения запрещено. Элисса позволила отвести себя к одной из жаровен и вскоре закружилась в вихре неистовой пляски теней. Ее кавалер, пытаясь перекричать гомон, сообщил, что у него есть своя лавка на Илдагардском базаре. Он торгует сладостями. Похоже, это было сказано лишь с тем, чтобы возвыситься в собственных глазах. Маска волка ухмылялась, Элисса вежливо улыбалась в ответ. Волк, лиса... Настоящие хищники носят на груди пурпурные ленты.

Но эти звери пока не появлялись. Элисса станцевала еще два тура клеффинго. Страх не покидал ее, но ничего страшного не происходило. Наконец освободившись, она бросилась обратно к воротам, в тень... и тут кто-то схватил ее сзади за талию. Чудом сдержав вопль ужаса, девушка обернулась и увидела над собой маску кабана.

— Как насчет танца вокруг костров? — спросил Тор. Элисса с облегчением выдохнула

и рассмеялась, но тут появилась Добродетельная Девственница, и чудо развеялось.

— Как я вижу, нынче вы уже обнимаетесь?

В голосе Ксантии звенела ненависть — по крайней мере, так показалось Элиссе, которая хорошо знала эти нотки. Во имя Света, что случилось? Кажется, еще вчера они были подругами!

— Привет, Ксантия, — Тор был сама любезность. — Как вечер?

— Вы обещали мне танец, почтенный Свин, — последнее слово прозвучало, как оскорбление.

— Танцуйте сколько душе угодно, — бросила Элисса. — Мне все равно. Я устала и хочу пить. Где-то здесь была простая ключевая вода.

К ее удивлению, Тор не стал возражать.

— Извини, Элисса. Но такой девушке нельзя отказать, — сказал он, пустив в ход все свое обаяние.

Элисса заметила, как глаза в прорезях маски округлились. Да она не верит своим ушам... Ксантия, всегда такая смелая и напористая, вдруг сникла и оробела. Элисса отвернулась, чтобы не сказать что-нибудь такое, о чем в дальнейшем пожалеет.

— Очень рада, Тор, — проворковала Ксантия.

— Взаимно, — голос Тора был слаще меда. — Встретимся вон у той жаровни, у ворот. Я достану своей провожатой кружку воды и тут же вернусь к тебе. Если поспешишь, то займешь для нас хорошее место. Я предпочитаю танцевать клеффинго в первых рядах. Думаю, ты тоже?

Лицо Ксантии по-прежнему скрывала маска, но можно было разглядеть, как девушка прищурилась.

— Конечно. Значит, сразу вернешься?

— Клянусь. Только исполню долг вежливости. Не хочу разочаровать моего короля.

Ксантии ничего не оставалось, кроме как идти к воротам. Но едва она, передернув хрупкими плечиками, отвернулась, Тор схватил Элиссу за локоть и усадил в тени на старый пенек, который оказался рядом.

— Жди здесь.

Через миг он уже стоял возле длинных столов с кувшином воды. В Академии был свой колодец, и вода из него славилась удивительной чистотой.

Вернулся Тор и в самом деле быстро и вручил Элиссе кружку. Прежде, чем девушка поняла, что происходит, маска соскользнула на затылок, пальцы Тора коснулись ее переносицы, и мир наполнился красками, звуками и запахами. Сняв архалит, Тор снова закрыл Элиссе лицо — прежде, чем она успела сказать хоть слово. Никто ничего не заметил. Ловкости Тору было не занимать, к тому же он встал так, чтобы его широкие плечи заслоняли девушку от чужих глаз.

«Вот так лучше — верно?»

Элисса наслаждалась знакомым чувством соприкосновения разумов, и для нее было неважно, что Тор удалялся, даже не оглядываясь.

«Никто ничего не заподозрит: маска скрывает истину. Держись как ни в чем не бывало и не обрывай нить. Нам надо будет время от времени переговариваться».

«Давай быстрее, — отозвалась Элисса. — Танцуй и помни, кому ты обещан».

Однако ее радость была уже омрачена: в толпе мелькнула пурпурная шелковая лента. Это был не Гот, но Инквизитор мог находиться где-то рядом.

«Вижу. Не бойся, Гота здесь нет. Постарайся сохранять спокойствие, любовь моя. Если будешь делать то, что тебе несвойственно, на тебя станут обращать внимание, а нам это совсем не нужно».

Элисса увидела, как Тор приобнял Ксантию и что-то сказал ей. Девушка засмеялась, кокетливо склонила голову набок. Загрохотали барабаны, приглашая пары встать в ряд. Вот и отлично, с некоторым злорадством подумала Элисса. В таком шуме не поболтаешь. Словно в ответ на эти мысли, у нее в голове снова зазвучал голос Тора.

«Пока я ублажаю Ксантию, под любым предлогом спустись в подземелье. Поторопись. В тайнике, где ты нашла книги, лежит маска. Я сдвинул камни, так что никто ничего не знает. Отправляйся немедленно».

Это означало, что нельзя терять ни мгновенья. Элисса бросилась к дверям Академии, но, едва переступила порог, налетела на Старейшину Айрис. Если бы не маска, старушка бы увидела, как лицо Элиссы исказилось от ужаса.

— Элисса, дорогая? Это ты? Ох, точно... Куда ты, девочка? Скоро начнется церемония. Девушка не растерялась.

— Я помню, Старейшина Айрис, — спокойно ответила она. — Поэтому и тороплюсь. У меня в маске что-то колет... так больно, что сил нет. Но во время Празднеств ходить без маски нельзя — вы сами говорили... Я только забегу к себе в комнату, поправлю, что смогу, и тут же вернусь.

Старушка кивнула.

— Хорошо. Только не задерживайся.

Ей даже в голову не пришло заподозрить обман, подумала Элисса. Главная Старейшина всегда была о ней самого лучшего мнения... Через миг старушка уже скрылась за дверью, а Элисса бросилась бежать по коридору, словно спасала свою жизнь.

Маска, которая обнаружилась в тайнике, изображала упыря, что удивило Элиссу. Но еще большей неожиданностью оказался цвет парика, умело приделанного к личине. Элисса ожидала, что он будет цвета воронова крыла — ведь у нее самой светлые волосы. Однако парик был темно-русый и выглядел так, словно обладательнице этой блеклой гривки совершенно нет дела до собственной внешности. «Оберни косу вокруг головы и закрепи заколками», — гласила записка Тора, в которую эти самые заколки были завернуты. Тут же лежало малиновое платье, явно предназначенное для девушки крупной и рослой. Тор сообщал, что нарочно выбрал такое, и велел не слишком туго затягивать пояс. В довершение всех бед Элиссе предстояло надеть башмаки на немыслимо высоком каблуке. Ничего подобного она в жизни не видела. Башмаки оказались ей малы — настолько, что в них было просто невозможно ходить.

«Ты готова? — раздался у нее в голове голос Тора. — У меня уже голова идет кругом. Сколько мне еще скакать вокруг этого несчастного костра!»

«О чем ты думал, когда выбирал для меня этот наряд?»

«О твоей прелестной головке, которая все еще сидит на твоей стройной шейке. О том, как она прижимается к моему плечу. И о том, как я целую тебя и радуюсь, что тебе больше ничто не угрожает».

«Я не смогу ходить на этих каблуках!»

«Сможешь. И дай мне слово, что будешь ходить уверенно. Помни: Гот ищет невысокую худенькую девушку с золотыми волосами. А не дылду, которая нарядилась упырем и не удосужилась даже расчесать свои космы. Кстати, они настоящие. Я выложил за них целое состояние!»

Шутка облегчила ее страдания, но лишь отчасти. Элиссе казалось, что ладони становятся мокрыми, словно она только что вымыла руки. Каким-то образом она умудрилась засунуть ненужные вещи в тайник и даже водрузить на место плиту. Откуда взялись силы? Этого Элисса не знала. Говорят, в состоянии сильного потрясения люди проделывают и не такое. Но, во имя Света... Поднимаясь по лестнице, ведущей из подземелья, девушка думала, как пережить этот дикий маскарад.

Тор только что сообщил Ксантии, что она великолепно танцует клеффинго, когда у него в голове неожиданно раздался голос Клута.

«Гот нагрянет с минуты на минуту».

Тор чувствовал, что его друг сильно обеспокоен. Птица с самого начала утверждала, что такой план мог придумать только сумасшедший, хотя сам Тор считал его простым, но дерзким.

«Саксен готов?»

«Да. Соррель с ним. И осел тоже».

Это была весьма непростая задача: мысленно говорить одно, а вслух другое. Тор как раз любезно предлагал Ксантии вина — это был повод отойти в другой конец двора. Однако последнее слово, произнесенное Клутом, выбило его из колеи.

«Осел?!»

«Да. Такая маленькая скотинка, что-то наподобие лошади, только ростом поменьше и с длинными ушами. Орет громко и мерзко».

Тор насторожился. Клут выбрал не лучшее время для острот.

— Да, Ксантия... так я пошел?

Не дожидаясь ответа, Тор зашагал прочь.

«Я знаю, что такое осел, — рявкнул он. — Но что он там делает? Из-за него нам придется плестись еле-еле».

«Понятия не имею. Не уверен, что ты обратил на это внимание, Тор, но Саксен — человек со странностями. Возможно, этот осел ему чем-то дорог. Но пока твой великий замысел только начинает претворяться в жизнь, тебя это должно беспокоить меньше всего. Так я думаю».

И Клут прервал связь.

Через миг красавец сокол взлетел над деревьями и начал описывать круги над Академией. Но краем глаза Тор заметил еще кое-что. Вернее, кое-кого.

«Выглядишь чудесно, — прошептал он, мысленно обращаясь к Элиссе, но не глядя в ее сторону. — Достойное пополнение в рядах старых дев Мятного Дола».

Вместо ответа он получил укол под ребра. Впервые за столько лет! Это была коронная шутка Элиссы. Тор глухо ойкнул и поспешил закашляться, делая вид, что вино попало не в то горло.

«Становишься старым и ленивым, Тор? Ты должен был почувствовать, что я тебя стукну».

Скорчив гримасу, Тор признал поражение и отправился к терпеливо поджидающей его Ксантии.

— Выпьем, почтенный? — негромко спросила она, принимая кружку.

— Конечно... только чуть позже. Мне нужно переговорить со Старейшиной Айрис — она меня ищет. Извини, Ксантия. Скоро вернусь.

Девушка покорно кивнула, и Тор обратился в бегство. Еще миг — и Гот со своей сворой подойдет к воротам.

Лошади из королевской конюшни, гордость Таллинора, были вышколены на славу, и их редко приходилось стреноживать. Спешившись, инквизиторы просто бросили поводья: они знали, что лошади будут спокойно пастись на обочине и ждать седоков, но никуда не уйдут.

Стоило Готу появиться, веселье стихло. Слишком многие видели, как он разделался с девочкой-бродяжкой, а те, кто не видел, тот слышал об этом отвратительном деянии.

Гот улыбнулся. Жаль, что маска демона не может улыбаться. Он обожал портить людям настроение. Через миг музыканты несмело заиграли снова, горожане и гости заставили себя вернуться к прежнему времяпрепровождению. А к воротам, навстречу Инквизитору, вышла Старейшина Айрис в маске вола. Удачный выбор, подумала Глава Академии, пристально глядя на его пурпурную ленту.

— Приветствую вас, Инквизитор. Не могу запретить вам присоединиться к нашему празднику... хотя очень бы хотела.

Проклятая ведьма, подумал Гот, вежливо кланаясь.

— Однако я вправе запретить вам и вашим подчиненным войти в эти ворота, — сурово продолжала Старейшина. — Во время вашего последнего посещения Академии вы оставили после себя несколько трупов. Я слышала о девочке, которую вы убили сегодня днем. Мне жаль, что в ваших холодных глазах я не вижу ни раскаяния, ни угрызений совести.

«И не надейся, старая шлюха».

— Поверьте, почтенная, — проговорил он. — Мои люди, как и я сам, приехали сюда с единственной целью — насладиться праздником. Уверяю, сразу после главной церемонии мы сразу уедем.

— Хорошо, — ответила Старейшина Айрис. — В таком случае, оставайтесь за воротами.

— Но я хотел бы попросить вас еще об одной услуге, — как ни в чем не бывало, продолжал Гот.

— Что еще?

— Здесь находится мой друг. Насколько я понимаю, почтенный Гинт представляет здесь Их величеств. Не откажите в любезности, попросите его выйти ко мне. Но, Старейшина Айрис... не говорите ему, что я здесь. Пусть это будет для него неожиданностью.

В этот миг из-за спины Старейшины вышла женщина в малиновом одеянии. На ней была маска Добродетельной Девственницы.

— Он в маске кабана, Инквизитор. Я найду его, если пожелаете.

Появление этого человека, чья жестокость была известна всему Королевству, радовало Ксантию. Она знала, что связывает его с Элиссой.

Старейшина Айрис обернулась. Ксантия могла благодарить богов за то, что не видела ее лица. Но отступить было поздно. Такой случай нанести Элиссе удар...

— Да, еще, Инквизитор Гот,- Ксантия мило улыбнулась. — Если вы заодно ищете Элиссу... На ней надета маска лисы.

— Ксантия! — громко и с укоризной в голосе воскликнула Старейшина Айрис. — Попридержи язык, девочка!

— Элисса... — это имя сорвалось с багровых губ чуть слышным шепотом. Казалось, Гот пробовал его на вкус, как дорогое вино, но не удержал.

Если бы не эта старуха, упрямая, как вол... Ксантия могла поздравить себя. До сих пор прошлое Элиссы было покрыто завесой тайны, но теперь эта завеса начинала понемногу раздвигаться. Ксантия была почти уверена: еще до рассвета она узнает все. И тогда Элиссе конец. Эта мысль грела ей душу. Наконец-то будут сорваны все покровы лжи, за которыми эта гордячка прячет свое истинное лицо! Несомненно, ей есть что скрывать. Само собой, это станет известно не только Ксантии, но и всей Академии. О, она позаботится о том, чтобы Элисса никогда не стала Старейшиной!

Резкий окрик Старейшины Айрис прервал ее мечты.

— Оставь нас наедине, Ксантия. Тебе надо готовиться к церемонии. По окончании которой ты сразу вернешься в свою комнату и будешь ждать, пока я тебя не позову, — она церемонно и вежливо поклонилась Инквизитору. — Простите, сударь.

— Ничего страшного, — с поклоном ответил Гот.

Едва женщины удалились, он приказал своим подчиненным найти всех, кто носит кабанью или лисью маску. Он уже заметил, что таких людей немало. Однако его добычу ни с кем не спутаешь. И тут не помогут никакие маски: прежде, чем взойдет солнце, эти двое будут у него в руках.

Воспользовавшись тем, что Старейшина Айрис отчитывала Ксантию, Тор скрылся. С минуты на минуту должна была начаться церемония. Молодой лекарь заметил Элиссу, которая притаилась позади толпы. Пока этого достаточно. Следуя примеру своей возлюбленной, Тор отошел туда, где потемнее — у него не было ни малейшего желания попадаться на глаза Ксантии, которая скоро начнет его искать. Однако теперь у нее связаны руки: почтенная Айрис строго приказала Ксантии держаться рядом с одной из Старейшин, а та явно не позволит провинившейся послушнице вольничать. Возмущение Ксантии можно было чувствовать кожей. Тор усмехнулся. Одно сражение выиграно. Правда, это не означает победы в войне, но...

Старейшины и главные герои представления готовились к главной церемонии

Празднеств. Во дворе стало тесно от сотен гостей, через знаменитые ворота Карембоша в обе стороны тек людской поток. Прекрасно, отметил про себя Тор. Пожалуй, они с Элиссой смогут под шумок затесаться в гущу толпы и выбраться наружу.

Что же касается Гота и его помощников... Инквизиторы бродили по двору, заглядывали под маски кабанов и лис. Тор похвалил себя за удачный выбор: эти маски попадались куда чаще других.

Сам Гот не участвовал в этом унижительном занятии, подчиненные для того и существуют, чтобы брать на себя черную работу. Однако сквозь прорези маски было видно, как бегает его глаза. Время от времени взгляд Инквизитора останавливался на высоких темноволосых мужчинах и молодых женщинах с золотистыми волосами. Нет, все не то... Свою добычу он заметит сразу. Скорее всего, Элисса догадалась, что ее узнают по волосам, так что лучше проверять и темноволосых женщин. Вот что она не скроет, так это свое тело. Он прикоснулся к ней и помнит каждую округлость. За эти годы Элисса не выросла, хотя и стала более женственной. Он же видел ее сегодня.

Послушниц вызывали одну за другой. Вставая рядами, они представляли сцены из древнего сказания — сказания о том, как погибли великие Чувствующие, Мастера Голдстоуна. Гота это совершенно не занимало — ни древние байки, ни эти люди с их могуществом, ни то, существовали они на самом деле или нет. Он думал об Элиссе Квин. У них будет всего несколько мгновений на разговоры. Может быть, мелькнула у него мысль, ее удастся выкрасть? Нет, теперь она Неприкосновенная. Это было непреодолимым препятствием даже для Инквизитора, который привык к вседозволенности.

Придется ограничиться тем, что заставить ее танцевать с ним Пляску Смерти. Это значит, что он сможет прижать ее к себе. Конечно, Элисса не сможет отказаться. Даже эта старая метла, Старейшина Айрис, не сможет ему запретить — таков обычай. Жаль только, что у него теперь нет... одной очень ценной части тела. Он представил, как прижимается к Элиссе — так, чтобы она ее почувствовала... Вот бы она напугалась! Снова увидеть ужас в ее глазах — вот чего ему хотелось до безумия.

Гот тряхнул головой, отгоняя эти мысли. Он почти забыл про лекаря. Его надо найти, схватить и призвать к ответу. Да, как можно быстрее! Окликнув Руса, Инквизитор приказал ускорить поиски.

Тем временем у главных ворот Академии появилась небольшая повозка, запряженная парой пони, рядом трусил ослик. Казалось, кучер — рослый темноволосый человек в маске кабана — хотел проехать сквозь толпу, но в последний момент остановился.

Повозка встала в тени, к тому же на улице уже стемнело. Однако что-то в облике кучера показалось Русу знакомым. Пожалуй, стоит порадовать Гота.

Торжественно прозвенел колокол, и десять героев легенды Кзаббы начали свое неспешное шествие. Одно за другим они пропевали непонятные слова никому не известного языка. А следом шел молодой человек, прекрасный и полный сил — виновник всех бедствий.

Потом зазвучали женские голоса — их созвучия незримо стройными колоннами вознеслись над площадью. Это послушницы и Старейшины Академии подхватили песнь. Ксантия почувствовала, как ее толкают в бок: песнопения разучивались на протяжении нескольких месяцев, и Старейшина Ли не понимала, почему девушка до сих пор молчит. Послушно затянув свою партию, Ксантия продолжала оглаживаться в поисках Элиссы. Но Элиссы нигде не было видно, и девушка чувствовала, что приходит в ярость. Ни лисьих масок, ни хрупких девочек, ни золотых локонов!

Обычай гласил, что в ночь Кзаббы Старейшины должны провести переключку и убедиться, что все послушницы на месте. Эта часть церемонии считалась очень важной. Девушек пересчитали, а затем окликнули каждую по имени. Да, Элисса здесь. Инквизитор улыбнулся, Ксантия разозлилась еще сильнее: она узнала голос бывшей подруги, но по-прежнему не понимала, где та прячется.

Однако в скором времени ей сильно повезло. Послушницы двинулись к воротам, чтобы покинуть стены Академии, толпа покорно расступалась перед девушками. За воротами им

предстояло встретиться с одиннадцатью героями в масках. Их голоса сольются, пение станет громче... И наконец начнется Пляска Смерти. Сначала она будет напоминать шествие. Потом люди начнут двигаться быстрее и быстрее, пока вихрь танца не охватит всех. Ксантия не сомневалась: Гот не преминет воспользоваться этим, чтобы пристроиться к Элиссе.

Незаметно пропуская вперед себя то одну, то другую послушницу, она скоро оказалась в самом хвосте процессии и теперь видела всех. Понятно, что Элисса где-то среди них. Но где? Куда она могла спрятаться? В этот миг одна из девушек споткнулась, едва не сбив с ног соседок. Неразбериха длилась лишь несколько мгновений, но Ксантия успела заметить что-то похожее на конское копыто. До сих пор ей в жизни не доводилось видеть ботинок на высоком каблуке. Миг — и странный предмет исчез под малиновым подолом.

Ксантия смолкла и начала лихорадочно озираться по сторонам. Внезапно она заметила высокую послушницу в маске упыря. Одежда висела на девушке мешком. А главное, ни у кого из девушек не было таких волос — тусклых и безжизненных, как пакля. Может быть, это просто парик? Кстати, кто мог надеть маску упыря?

— Элисса... — прошептала Ксантия, а потом заорала во всю силу легких: — Элисса!!!

Одетая упырем девушка обернулась и бросилась в толпу. Началась суматоха.

В это время Рус наконец-то пробился к Инквизитору.

— Я нашел Гинта, сударь. Вон он.

Гот поднял голову. Действительно, на козлах повозки, совсем недалеко, сидел молодой лекарь. Потом голова в маске кабана повернулась, Гинт привстал, огрел кнутом лошадей и те, то ли от боли, то ли с перепугу, рванули с места в галоп. Растерявшись, Гот глядел вслед повозке, когда кто-то закричал «Элисса!». Из-под кучи тюков, сваленных в повозке, выбралась женщина, закутанная в широкий плед. Плед упал, и взору Гота предстала маска лисы, а роскошные золотые волосы засверкали при свете жаровен и факелов.

— За ними! -заорал Инквизитор.

Он позволил Элиссе ускользнуть — вот так, просто! А с ней убегает этот лекаришка! Ярость, подстегнутая отчаянием, достигла предела. Гот первым вскочил в седло и, безжалостно нахлестывая коня, бросился в погоню.

Тор, который прятался прямо за воротами, выбежал на дорогу. Он сбросил маску лошади, которую надел вместо кабаньей, и смотрел, как инквизиторы исчезают в облаке пыли. Элисса, неуклюже ковыляя на своих каблуках, протолкалась к нему. Следом появилась Ксантия; она кричала не умолкая, и маска Добродетельной Девственницы делала ее похожей на куклу чревоушателя. Наконец, из ворот вышла Старейшина Айрис.

— Почтенный Гинт... Что здесь происходит? Элисса, Ксантия... как понимать ваше поведение?

Никто не ответил. Ксантия попыталась сорвать с Элиссы маску, но та крепко держала ее, не желая показывать лицо.

В самый разгар суматохи в голове Тора прозвучал спокойный голос Клута.

«Останови коней, и остановишь всадников».

Тор обнял Элиссу и собрал вокруг себя Цвета. Он знал, что чары быстро спадут, но Саксену осталось совсем немного до края Великого Леса. Там они с Соррелью будут в безопасности. Клут прав: нужно лишь заставить лошадей бежать медленнее.

И Тору это удалось.

Саксен дико хохотал, хотя его глаза ничего не видели. Кетая и лошадей вело заклинание Клута, и они бежали так решительно, словно сами знали дорогу.

С тех пор, как клука искалечили, Соррели редко доводилось слышать его голос. Стянув лисью маску и мельком заметив, что Саксен тоже открыл лицо, старушка с удивлением увидела, что Кетай несется размашистым галопом, едва ли не обгоняя лошадей... Да, осел скакал, дико выпучив глаза, и вид у него был такой же безумный, как у Саксена.

Соррель вцепилась в борт повозки, чтобы не вылететь из ухаба, и обернулась. Впрочем, это было лишнее: она и так слышала голоса инквизиторов. Погоня быстро приближалась. Но впереди уже показался Великий Лес, который словно тянулся к беглецам

одним из своих длинных «пальцев». Тор сказал, что им с Саксеном довольно оказаться среди деревьев — и они спасены. И предупредил, что Гот ни в коем случае не должен узнать клука.

Бывший акробат больше не держал поводья — в этом не было нужды. Лошади мчались следом за Кетам, словно одержимые, а тот, похоже, не собирался останавливаться.

— Спрячься! — Соррель хлопнула клука по затылку, заставляя пригнуться, и снова обернулась. Как вовремя! Гот был уже близко; старая травница могла поклясться, что видит, как блестят белки его глаз. Внезапно в ней проснулся задор, и она громко, с вызовом расхохоталась, в точности как Саксен.

Хитрость удалась: мерзавцы-инквизиторы все как один пустились в погоню! И тут Соррель услышала, как бранится Гот. Инквизитор обнаружил обман, и его глаза горели. Он жаждал крови. Соррель почувствовала, как слабеют колени. Ей стало не до смеха, на изрезанном морщинами лице мелькнул страх.

— Я заставлю тебя помучиться! — высокий, как у женщины, голос Инквизитора прорезал ночь. Соррель зажмурилась и приготовилась принять смерть... и вдруг почувствовала присутствие волшебства. Очень сильного.

Погоня была совсем близко. Казалось, еще немного — и всадники смогут спрыгнуть прямо в повозку. Но вот галоп сменился рысью, потом лошади пошли шагом. Напрасно инквизиторы нахлестывали их плетью, вонзали в бока шпоры... Без толку. Гот был в ужасе. Он понял, что происходит.

Соррель снова рассмеялась. Повозка въехала под сень Великого Леса. Казалось, деревья расступились, пропуская ее, а потом сомкнулись, окружая гостей миром и покоем.

Саксен выбрался из-под тюков и удивленно огляделся. Сердце Лесов приглашало в убежище еще одного из своих бесценных Паладинов.

Карембош охватило замешательство. Люди бестолково толпились перед воротами. Церемония прервалась и Главная Старейшина, похоже, не собиралась ее возобновлять: сейчас Главу Академии куда больше занимали трое у ворот.

Тор слушал ее вполуха и чувствовал только, что Элисса крепко вцепилась в его руку. Ксантия окончательно потеряла голову. Брань хлынула из неподвижных уст Добродетельной Девственницы неудержимым потоком. Сначала девушка обрушилась на Тора и Элиссу, а потом обратила свой гнев на Старейшину Айрис.

В этот миг в голове Тора зазвучал голос Клута. Наконец-то.

«Они в Лесу, им ничто не угрожает. Саксена не узнали».

У Тора словно прибавилось сил.

«А Гот?»

«Весь кипит от гнева. Его лошадь отказывается бежать и уже хромает. Счастливого продолжения. Буду ждать тебя, друг мой».

«Я скоро присоединюсь к тебе, Клут», — Тор устало обернулся. — Старейшина Айрис, нам пора уходить.

Пожилая женщина сняла маску. Она окончательно убедилась, что церемония сорвана, и с ненавистью посмотрела на него.

— Ксантия... — оскорбления и обвинения ее уже утомили. — Сделай одолжение, замолчи... Да, вероятно, вам следует уехать, почтенный Гинт. Но... мне показалось, вы сказали «нам»?

Тор все еще был окружен Цветами. Клут прав: его план дерзок. Даже сейчас молодой лекарь был не вполне уверен в успехе. Он крепче прижал к себе Элиссу. Казалось, он держит в руках тряпичную куклу.

— Элиссандра Квин находилась в ваших стенах только из-за преследований Инквизитора Гота. Здесь ей не место.

Старейшина Айрис заставила себя не выказывать раздражения.

— Для нас она послушница Элисса, почтенный. И где, по-вашему, должна находиться Неприкосновенная?

— Эта Неприкосновенная должна находиться рядом со мной. Я отвезу ее в тайное убежище, где она будет в безопасности.

Ксантия снова нарушила молчание. Сначала Элиссе показалось, что ругается, но она никогда не слышала таких слов. Нет, слышала... вернее, видела, когда читала рукописи из тайника. Тор почувствовал, как девушка напряглась, потом задрожала.

«Что случилось?» — спросил он мысленно, стараясь, чтобы голос звучал мягко.

«Она насылает на нас проклятие. Она говорит на языке, на котором написаны книги».

«Уходим», — он уже знал, что Элиссе долго не продержаться.

Кто-то в толпе закричал. Тор обернулся и увидел Гота, который бежал к нему. Инквизитор был уверен, что потерпел неудачу из-за лошадей, и теперь решил двигаться на своих двоих. На миг Тор почувствовал к нему уважение. Этот человек ставил себе цель и шел к ней вопреки всему. Коротконогий Инквизитор выглядел довольно забавно, но расстояние между ним и Тором сокращалось с угрожающей быстротой.

— Немедленно отпустите Элиссу, сударь! — приказала Старейшина Айрис. Она еще не поняла, что от нее уже ничего не зависит. Тор покачал головой.

— Простите, Старейшина.

Он собрал Цвета, сделал их ярче и сосредоточился. Последним, что он слышал, были изумленные вопли толпы.

Последним, что услышала Элисса, был голос Ксантии. Страшное заклинание, которое произносила послушница, освобождало древнее божество, злобное и мстительное. Никогда еще Элиссе не было так страшно. Она вспомнила историю Орлака... и кое-что еще; от этого последнего воспоминания кровь застыла в жилах. Тор говорил, что юноша-бог жив и вернется в Таллинон, чтобы отомстить.

Потом она почувствовала это. Где-то очень далеко нечто открыло глаза и улыбнулось, услышав слова древнего языка. Элисса похолодела. Ощущение было легким, как прикосновение перышка, но...

Несомненно, в другое время Тор тоже почувствовал бы это, но сейчас он был слишком занят. Ему надлежало в точности вспомнить запах силы Дармуда Корила и ее цвет. Взывая к одному божеству, он не заметил присутствия другого.

Сила Дармуда Корила должна была добавить мощи его собственным чарам. Тор полностью открылся богу лесов, моля его о помощи. То, что он ощутил в следующий миг, напоминало мягкий толчок гигантской волны: это Дармуд Корил откликнулся на его зов.

С ужасом и благоговением люди наблюдали, как вокруг лекаря и послушницы внезапно возник переливающийся ореол. Потом от этого многоцветного яйца к Великому Лесу протянулась радуга. Сияние набирало силу, на него уже было больно смотреть... И вдруг снова стало темно. Радуга исчезла, а вместе с ней исчезли Тор и Элисса.

Ксантия смолкла. Старейшина Айрис опустила на колени. Никогда в жизни ей не доводилось сталкиваться с такой мощью. Остальные последовали ее примеру.

Инквизитор наконец-то добежал до ворот. Он тяжело дышал, из его губ вырывались клубы пара. На миг он замер, отказываясь верить своим глазам, а потом тоже рухнул на колени, но причиной тому было не благоговение: его переполняла темная ледяная ярость.

Так он стоял и молотил кулаками по замерзшей земле — пока кровь не окропила место, где только что стояла Элисса.

Глава 23

Запретная любовь

Вокруг было очень тихо. Тор открыл глаза, и при виде погруженного во тьму Леса его охватило ликование. Он сделал это! Он смог использовать волшебство Дармуда Корила, смог призвать силу бога лесов, чтобы легко перенестись сюда.

«Добро пожаловать в убежище, Элисса».

Элисса оглянулась, увидела огромную серебристую волчицу, которая стояла

неподалеку, и удивленно приоткрыла рот.

«Здравствуй, Солиана, — тихо произнес Тор и добавил смиренно и почтительно: — Благодарю тебя».

Но волчица не удостоила юношу даже взглядом. Ее темные, с поволокой глаза неотрывно глядели на его оробевшую спутницу. Тор взял Элиссу за руку и подвел поближе.

«Любовь моя, хочу представить тебе нашего доброго друга. Это Солиана, одна из волшебных обитателей Леса, которые нас охраняют».

Наконец-то осознав, что Гот уже не может причинить ей вреда, Элисса медленно опустилась на землю, обвила руками мощную шею волчицы и расплакалась — но не от горя, а от облегчения. Ни Тор, ни Солиана не шевелились.

Но в голове девушки зазвучал мягкий, утешающий шепот. Эти слова предназначались только ей одной.

«Мы так долго тебя ждали, Элисса. И теперь готовы служить Триединству».

Элисса посмотрела в бездонные глаза волчицы. Слезы на щеках девушки еще не высохли.

«Кто это — "мы"?» — спросила она, чувствуя, как между ней и Солианой натянулась невидимая нить.

«Мы — Паладины».

Значит, Саксен ничего не выдумал, подумала Элисса. Спокойствие этого чудесного существа наполняло ее силой. Девушка снова посмотрела в глаза волчице.

«Я буду верой и правдой служить тебе», — сказала Солиана.

Тор гадал, о чем они беседуют. Правда, его занимало кое-что еще... Но Солиана, как обычно, ответила прежде, чем вопрос был задан.

«Что касается тех, кто вошел в Великий Лес перед вами... — теперь ее голос слышали оба. — С Саксеном и Соррелью все в порядке. Не беспокойтесь: Сердце Лесов защитит и исцелит их. Пожалуйста, следуйте за мной».

Они шли рядом с волчицей — Тор слева, Элисса справа. Вскоре впереди показался огромный пруд. Над гладью воды медленно поднимался пар, и даже ночной мрак не мог скрыть дивную красоту этого места.

«Возможно, вам захочется совершить омовение, — произнесла Солиана. — Вода в этом водоеме чистая и теплая. На берегу для вас приготовлена чистая одежда, под деревьями ждет угощение. Теперь я вас оставляю. Сейчас загорятся Небесные Огни; позже они приведут туда, где вы сможете отдохнуть».

Волчица направилась прочь, но вдруг обернулась и добавила:

«Наслаждайтесь друг другом».

Тор и Элисса переглянулись. Последнее замечание смутило обоих: они впервые оставались наедине. Тор понимал, сколь многое сейчас зависит от него. Долой неловкость и сомнения. Он любит Элиссу и знает, что она любит его. Это их время.

— Как насчет искупаться? — прыгая на одной ноге, он стягивал сапог. Элисса смутилась.

— Мы точно одни? — спросила она.

— Да.

Тор разулся и подошел к ней. Ботинки на каблуках делали ее выше, но не настолько, чтобы они оказались одного роста. Склонившись, он коснулся губами ее щеки.

— Могу поспорить, ты хочешь избавиться от этих копыт.

— Видеть их не желаю! — Элисса уселась на мох и вытянула ноги, наслаждаясь теплом и покоем. — Но мне казалось, сейчас зима...

— В Сердце Лесов зимы не бывает.

Он отвел взгляд и снял рубашку. Не стоит торопиться. Первая близость не принесла Элиссе ничего, кроме унижения и боли.

— Ты красивый, Тор. Красивый как бог, — нисколько не стыдясь, Элисса разглядывала его широкую сильную грудь. — Я помню, раньше ты был таким тощим...

Он рассмеялся.

— Прайм-офицер Кайрус потратил несколько лет, чтобы меня вылепить.

— Тебе его не хватает?

— Да. Я должен был потерять его, чтобы найти тебя, — Тор заметил, как на ее лице мелькнула тень обиды. — Нет, не так. Я имею в виду... Он настоящий друг, но это не могло помешать моей любви к тебе. Я должен был найти тебя или умереть, пытаясь это сделать. Но мне не хватает его советов, его простоты, его силы.

— Тор... а разве он не в Лесу? Ты можешь спросить Солиану...

— Не думаю, что она мне что-нибудь о нем расскажет. Похоже, Сердце Лесов забрало его к себе. Не думаю, что он погиб. Скорее всего, у него свое предназначение, он для чего-то избран... — Тор помрачнел. — Наверно, мы с ним уже не увидимся.

Послышался шум крыльев, и Клут опустился на землю рядом с Элиссой. Как всегда, он прибыл в нужный момент.

— Клут!

В ее голосе было столько радости, что сокол милостиво позволил ей себя погладить.

«Так-так, я должен почаще покидать твою любимую, чтобы наслаждаться таким приемом».

Тор был рад не меньше.

«Где ты так долго пропадал, разбойник? Как Саксен и Соррель?»

«О... сейчас они пируют, а потом отправятся почивать. Кажется, Саксен очень счастлив. Все время улыбается. Соррель беспокоится о вас».

Тор пересказал его слова Элиссе. Похоже, известие о Саксене порадовало ее больше всего.

— А что его так развеселило? — спросила она. «Ну... сами увидите», — уклончиво ответил сокол.

— Можно передать ему от нас весточку? — спросила Элисса.

Клут встряхнулся и принялся чистить перышки.

«Солиана что-нибудь придумает — в этом я не сомневаюсь. Но сейчас... ночь ваша, и вам не следует о них беспокоиться... хм-м...»

«Что ты хочешь сказать, птица?»

«Да так... ничего. Мне пора».

«Но ты только что прилетел, Клут!»

Сокол перебрался ему на плечо.

«А теперь должен снова улететь. Так хочет Сердце Лесов».

Эта таинственность всегда раздражала Тора — с тех самых пор, как его друг превратился в сокола. Клут почувствовал его беспокойство.

«Бояться нечего, друг мой. Это место — только для вас с Элиссой. Увидимся утром».

Элисса не могла принять участие в их беседе, по это ее совершенно не беспокоило. Она сама не заметила, как развязала пояс, и малиновое одеяние послушницы висело на ней мешком. Когда сокол вспорхнул, девушка вопросительно посмотрела на Тора.

— Похоже, мы предоставлены сами себе,- объяснил он. — Я собираюсь принять теплую ванну. А ты?

Она кивнула.

— Только заходи первым.

Тор скинул оставшуюся одежду и медленно пошел к пруду. Он кожей чувствовал пристальный взгляд Элиссы, но не оборачивался, лишь на миг задержался у края воды. Потом волна ласково коснулась его ног, и вокруг вспыхнули сотни крошечных мерцающих огоньков. Воздух наполнился тихим пением. Под эти звуки Тор вошел в воду и погрузился в ее ласкающую теплую глубину.

Элисса была очарована. Она стояла, не в силах оторвать глаз от танцующих огоньков. Они были всюду. Стоило протянуть руку — и что-то легкое, как пушинка, касалось кожи, и она слышала, как огонек приветствует ее. Она вспомнила, каким прекрасным казался Тор в

этом мерцающем сиянии. Да. Она повторила то, что пришло ей в голову в то мгновение. Прекрасен, как бог.

Над водой, на другом конце пруда, показалась мокрая голова Тора.

— Просто сказка! — крикнул он. — Чего ты ждешь?

И снова нырнул. Элисса поняла: он не хочет смущать ее своим взглядом, пока она будет раздеваться.

Элисса стянула с себя мешковатое платье, потом исподнее. Кожа сразу покрылась пупырышками, но не от холода — здесь было на удивление тепло. Нет, причина была совсем иной.

Внезапно Тор вынырнул снова, помотал головой и стряхнул с волос огненные брызги.

Он упивался видом ее наготы. Элисса больше не сдерживала себя. Тор выплыл на мелководье, встал и протянул ей руки. Она вошла в его объятия, танцующие огоньки закружились вокруг, вспыхнули ярче, и все утонуло в золотом сиянии.

Позже они лежали на мягком одеяле, вытянувшись в покрытой мхом ложбинке и обняв друг друга. Глаза Элиссы были закрыты, но она не спала. Тор провел пальцем по ее щеке, потом вниз по шее, через ключицы... Ей стало щекотно. Она улыбнулась и тихонько поцеловала его.

— Ты такая красивая, Элисса, — пробормотал Тор, когда поцелуй прервался. — Тебя так приятно касаться... Я не хочу тебя отпускать. Никогда.

— Вот и не отпускай.

Его пальцы скользили по ее груди. Элисса слегка поежилась.

— Ты не устал?

— Нет.

— И не проголодался? — она разлепила веки и посмотрела на него.

Он не ответил, но его глаза лукаво заблестели. опередив его, Элисса увернулась и со смехом откатилась в сторону.

— А я просто с голоду умираю!

Она поднялась и направилась к дереву, под которым ждало угощение. Закинув руки за голову, Тор закрыл глаза и с улыбкой стал вспоминать, как они занимались любовью. Он помнил каждый миг. Поначалу все было неуклюже, суетливо, судорожно — им не терпелось наконец-то насытиться друг другом. Но после, утолив первую жажду, они просто наслаждались, как могут наслаждаться друг другом только влюбленные. Все, что происходило начиная с той ночи в заведении Мисс Вайлет, было в сравнении с этим лишь удовлетворением похоти. Никогда больше он не пожелает ни одну женщину, кроме этой. Когда настанет рассвет, они поженятся. Он не станет больше ждать — ни дня.

Тор мысленно обратился к Клуту и услышал в ответ ворчание: сокол был недоволен, что его побеспокоили. В самом деле, время было позднее. Но Тор был слишком счастлив, чтобы следить за ходом времени. Он сообщил соколу о своих намерениях и удивился, когда Клут не высказал никаких возражений.

«Ты спросишь Солиану?» — настаивал Тор.

«Непременно. А теперь оставь меня в покое. До рассвета осталось всего два часа».

— Ты составишь мне компанию? — крикнула Элисса.

— А ты выйдешь за меня замуж?

Элисса положила сочные ягоды, которые ела, обратно на листья и вытерла губы. Потом подошла к Тору и поцеловала его в грудь.

— Это запрещено. Но... Думаю, все остальные священные законы Карембоша мы уже нарушили.

«Ты хотел поговорить со мной, Тор?»

Мягкий, бархатный голос Солианы разбудил его. Элисса все еще спала.

«Спасибо, что пришла, Солиана. Клут рассказал тебе, что мы задумали?»

— «Да, — ответила волчица, уводя Тора от спящей Элиссy — Это можно сделать. Здесь живет праведная отшельница. Она уважает наши обычаи».

Тор сел рядом с волчицей.

«Ее зовут Арабелла».

«А это далеко?»

В голове у Тора зазвучал бархатистый смех.

«Кому-кому, а тебе следовало бы знать, что в Сердце Лесов не бывает далекого и близкого. Но на этот раз вам не придется путешествовать пешком. Как только будете готовы, можете отправляться».

Солиана качнула большой головой и указала на Элиссy. Тор проследил за взглядом волчицы: девушка потягивалась в полудреме и, кажется, собиралась просыпаться. Солиана встала.

«Увидимся вечером. Тогда же ты снова встретишься со своими друзьями».

«Солиана... можно спросить? Кайрус...»

Волчица ответила не сразу.

«Могу тебя заверить: он в добром здравии и прекрасном расположении духа. Он наслаждается жизнью в Сердце Лесов».

«А мы с ним когда-нибудь встретимся?»

«Возможно».

Тор понял, что разговор окончен, но еще некоторое время смотрел вслед волчице. Однако знакомое пофыркивание заставило его обернуться.

— Кетай?!

Элисса, которая уже проснулась, тоже была рада видеть старого друга. Она горячо обняла ослика — такого Кетай не позволял никому.

— А мне никто не пожелает доброго утра? — осведомился Тор, подходя к ней и заключая ее в объятия.

— Доброе утро, — Элисса нежно поцеловала его. — Здесь так красиво... Век бы отсюда не уходила.

— Может быть, так оно и будет. Ты счастлива, Элисса? Невероятно, — прошептала она и прижалась к нему щекой.

Значит, сегодня мы исполним обещание, которое дали во время Танца Цветов. Одевайся, любовь моя. Мы отправляемся к жрице.

— Что?!

— Быстро, быстро! Твой осел ждет, а жених сгорает от нетерпения.

Элисса оделась. Платье, которое Лес подарил ей на бракосочетание, оказалось простым — но оно было для нее милей, чем малиновые одежды Неприкосновенных. Вот только жаль, что вокруг нет ни одного цветка, чтобы украсить волосы... Она уже смирилась с этим, когда сверху слетел Клут, держа в когтях небольшой венок из лесных цветов. Неужели он каким-то чудом услышал, о чем она думает?

«О, как я вижу, ваш провожатый уже прибыл, — заметил он, уронив венок к ногам девушки. — А это для новобрачной».

По дороге Элисса пересказала Тору свой разговор с Солианой. Но тот понятия не имел, о чем идет речь.

«Клут, ты что-нибудь слышал про Триединство?»

Сокол на удивление долго молчал, прежде чем ответил:

«Да».

«Отлично. Тогда расскажи мне».

«Триединство спасет Королевство от опустошения».

«И?...»

Снова молчание.

— «Триединство спасет страну от опустошения», — вслух повторил Тор и раздраженно мотнул головой. — Вечно он темнит.

— Саксен тоже, — подхватила Элисса. — Может быть, они просто больше ничего не знают?

Тор кивнул. В таком случае, Клута винить не в чем.

«Тогда еще раз расскажи мне про Паладинов», — попросил Тор, мысленно обращаясь к соколу. На этот раз Клут не стал тянуть с ответом.

«Их десять. Двое из них связаны с тобой, двое — с Элиссой. Их цель — защищать вас даже ценой собственной жизни».

«Как я понимаю, ты один из них. А кто второй?»

«Узнаешь».

Тор сообщил это Элиссе.

— Со мной явно связан Саксен, — задумчиво проговорила девушка. — Солиана — одна из десяти, но не связана ни со мной, ни с тобой. Тогда с кем? И почему их десять, если нас защищают только четверо? Где мой второй защитник? От кого нас защищают?

Эти же вопросы занимали и самого Тора. Он обратился к Клоту, почти не надеясь на четкий и ясный ответ. Но он ошибся.

«От Орлака».

Ответ настолько удивил Тора, что он споткнулся. Элисса недоуменно посмотрела на своего спутника.

— Он сказал, что нас защищают от Орлака.

У нее перехватило дыхание.

— А что еще он сказал?

— Думаю, он и так уже сказал слишком много, — сконфуженно пробормотал Тор.

«Арабелла ждет», — напомнил ему Клут.

Судя по запаху готовящейся еды, где-то неподалеку находилось человеческое жилье. И правда, вскоре Тор и Элисса увидели хижину, а перед ней — высокую женщину, немолодую, но все еще красивую. Ни легкая проседь в темных волосах, стянутых на затылке, ни ниточки морщин на худом, чуть загорелом лице не портили ее. Темные глаза пристально глядели на Тора, и ему показалось, что Арабелла знает его всю жизнь.

— Торкин Гинт и Элиссандра Квин, я ждала вас. Добро пожаловать, — женщина помахала Клоту, который уселся на самую высокую ветку, какую нашел. — Эй, ты просто чудо!

Казалось, появление столь необычных гостей ее нимало не смущало. Тор был потрясен. Солиана назвала Арабеллу «отшельницей». Ничего себе отшельница!

— Так это ты — праведница Арабелла?

— Других тут нет, — отозвалась она. — Проходите. Прошу к столу.

Трапеза оказалась легкой, но кушанья были просто восхитительны. Как и следовало ожидать, разговор сразу зашел о свадьбе.

— У нас нет колец, — виновато сказала Элисса. В нем нет нужды, девочка, — мягко ответила Арабелла. Кольцо — это знак, и не более того. Но если с ним тебе удобнее... Может быть, это тебе подойдет?

Отшельница сунула руку в потайной карман и вручила девушке маленькое колечко, сплетенное из соломки. Оно выглядело очень изящным.

— Какое чудо! — воскликнула Элисса, не скрывая своей радости.

Женщины обнялись, как старые подруги. Когда Элисса выпрямилась и повернулась к Тору, рука отшельницы скользнула вниз и коснулась ее живота. Это было случайное прикосновение, но обе тут же замерли.

— Не бойся, — успокоила Арабелла, медленно и нежно проводя ладонью по животу девушки. Однако с каждым движением лицо отшельницы становилось все более напряженным.

Казалось, весь лес застыл в ожидании. Тишину нарушил лишь Клут, который опустил Тору на плечо. Внезапно Арабелла упала на колени.

— Свершилось! Мы спасены! — воскликнула она, обращаясь к верхушкам деревьев. —

Элисса беременна!

Но это была не последняя неожиданность, которая ждала Элиссу.

Кетай вез невесту, жених с другом-соколом на плече шел рядом. Обитатели Сердца Лесов выходили встречать новобрачных. Казалось, они возникают из ничего и растворяются в воздухе вместе с тропой, которая появляется под копытами ослика и исчезает в паре шагов позади. Солнце еще не село, но под густым пологом леса уже царил полумрак, словно вечер здесь наступал раньше. В мягких сумерках загорались Небесные Огни, и их танцующий хор тоже приветствовал счастливую пару.

Вскоре Тор и Элисса увидели Солиану. Огни закружились вокруг волчицы, и Элиссе показалось, что она смотрит в запыленное зеркало. Следом за Солианой шли двое. Сердце у девушки забило от радости. Саксен и Соррель! Нет, не может быть... Спутник Соррели был слишком высок ростом.

«Приготовься, — предупредил Клут Тора. — Сейчас начнется представление».

Тор даже не успел спросить, что тот имел в виду. Он обернулся и лишь успел увидеть, как Элисса прыгнула со спины Кетая и, подобрав юбку, бежит вперед, а спутник Соррели — ей навстречу.

Невероятно, но это действительно был Саксен. Тор узнал его лишь по золотым волосам — клук носил их распущенными, как это принято у его народа. Но как он мог вырасти на целую голову? Потом Тор заметил, что руки Саксена двигаются легко и свободно, а ноги выпрямились. Но главное, в глазницах, еще недавно пустых, сияли радостью темно-лиловые глаза.

— Элисса, Элисса! — снова и снова повторял клук. Девушка бросилась ему на шею, а он обнял ее и подбросил в воздух, как делал, когда она была еще девочкой и обучалась цирковым трюкам.

Тор робко стоял в стороне. Скорее почувствовав, чем услышав, как подошла Солиана, он запустил пальцы в ее густой мех. Вскоре он смог разобраться в своих чувствах. Он был безумно рад — за Элиссу и ее верного отважного защитника. У него просто не было слов.

«Сердце Лесов помогает своим», — пояснила Солиана.

Саксен, Элисса и Соррель уже сидели под деревом. Элисса с волнением рассказывала о своей свадьбе и о том, что понесла в первую же ночь. Потом своими радостями поделился Саксен. Бог лесов Дармуд Корил призвал его к себе и исцелил.

Все это время Тор стоял в стороне, не желая мешать.

«Солиана... Арабелла — одна из десяти Паладинов?»

«Да».

Его охватило волнение.

«А Кайрус?»

«Конечно, Тор».

Похоже, его сообразительность обрадовала волчицу.

«Значит, нужно найти еще пятерых. Не бойся, Солиана, я не стану мучить тебя расспросами».

«Спасибо, друг мой. Ты сам поймешь, когда придет время, — она повернула к нему свою тяжелую великолепную голову. — Обещаю, Лисс вас не оставит».

Тор кивнул. Он доверял Солиане, доверял Лисс, доверял им всем.

«И все Паладины соберутся в Сердце Лесов?»

«Да, в конце концов так и случится. Но должно пройти какое-то время, прежде чем мы будем вместе».

Тору отчаянно хотелось спросить, что должен сделать за это время он сам. Но к ним уже направлялись Саксен, а с ним Элисса, взволнованная и счастливая. По ее щекам текли слезы. Момент был упущен. Тор удивленно разглядывал клука. Оказывается, Саксен был широкоплечим, а ростом не намного ниже его самого! В нем чувствовалась недюжинная сила и выносливость.

— Здравствуй, Тор, — звучно произнес Саксен. Кажется, он наслаждался вновь обретенным даром речи.

— Здравствуй, друг мой!

По обычаю клуков, Тор приветствовал его, соединив с ним ладони крест-накрест, и отметил, что Саксен это оценил.

Подошла Соррель. В ее выражение лица было трудно понять, но Тор не стал ломать над этим голову. Старушка всегда отличалась скрытностью. Сейчас, скорее всего, она готовится при первой же возможности сообщить все новости Меркуду. Но Тора это почти не беспокоило — впервые за долгое время. Впервые он чувствовал, что сам управляет своей жизнью. Он больше не был марионеткой в руках Меркуда.

Саксен похлопал его по спине.

— Я думал, что моя новость сегодня будет самой удивительной. Но вы с Элиссой меня перешеголяли.

Его улыбка была радостной и лукавой. Тор улыбнулся в ответ.

Пришло время праздновать.

Соррель устала. Праздник затянулся допоздна, но старушка не могла винить своих друзей за то, что они не хотят упускать случая повеселиться вволю. Во имя Света! Сколько каждому из них пришлось пережить, чтобы оказаться здесь и насладиться неомраченной радостью! Увы, она старалась казаться веселой, но разделить эту радость не могла.

Элисса понесла.

Что скажут на это Старейшины Академии?! Соррель содрогнулась. Но через миг поняла: Академия вместе со всей их прежней жизнью осталась далеко в прошлом.

Конечно, надо рассказать Меркуду. Последнее, о чем он слышал — это о побеге и о том, что им удалось укрыться в Великом Лесу. Но и только.

Все уже спали. Сердце Лесов погрузилось в тишину. Но Соррель знала, что не разбудит Меркуда. И в самом деле, он откликнулся мгновенно.

«Какие новости, любовь моя? Мне тебя так не хватало».

Соррель почувствовала, как на душе теплеет.

«Со времени нашего последнего разговора произошло столько всего удивительного. Саксен чудесным образом исцелился. Исцелился полностью, Меркуд!»

«Его исцелил Тор?»

«Нет. В первую ночь, когда мы оказались в лесу, клук куда-то исчез. Откровенно говоря, я в это время спала. Саксен утверждает, что к нему пришла огромная серебристая волчица и отвела его в некое место, где и произошло чудесное исцеление. Больше я ничего не знаю».

«А ты видела эту волчицу?»

«Конечно. Первый раз — только мельком, когда мы вошли в Лес. Поэтому я не усомнилась в его словах. Но по-настоящему с Солианой я познакомилась только сегодня вечером».

«Солиана!»- она услышала, как Меркуд смеется. Последнее время такое случалось редко.

«Что тебя так развеселило, любовь моя?»

«Просто радуюсь добрым вестям, Соррель. Вот и все».

«Ну, тогда я тебя еще обрадую. Если в двух словах... Тор с Элиссой поженились»

«Да неужели?»

«Я при этом не присутствовала, но тем не менее. Доказательство тому — травяное колечко на пальце у Элиссы».

«Хочешь сказать, по Великому Лесу толпами гуляют жрецы? — раздраженно проворчал Меркуд. — И обручают всех желающих?»

Соррель хотела ответить ему колкостью, но вовремя одернула себя.

«Нет, конечно, — терпеливо ответила она. — Только одна жрица, праведная

отшельница. Солиана про нее знает».

«Только не говори, что ее зовут Арабелла! Ведь это так!»

«Так оно и есть, — Соррель знала Меркуда давно — слишком давно, но не могла припомнить, чтобы он когда-нибудь был настолько взволнован. — Я слышала, как они называли ее Арабеллой».

Меркуд молчал, но она чувствовала, что связь не прервалась, и терпеливо ждала — пока не услышала, как тот вздохнул.

«Спасибо, любовь моя. Ты принесла мне поистине счастливую весть. Я уверен, Нанак тоже будет очень рад».

Соррель не знала, кто такой Нанак, но решила не уточнять.

«Это еще не все, Меркуд. Надеюсь, ты сидишь?»

Снова вздох, но на этот раз недовольный.

«Тор и Элисса утверждают, что эта отшельница обняла Элиссу и вдруг заволновалась и попросила разрешения ее осмотреть. Разумеется, девочка не возражала. Так вот: по мнению этой Арабеллы, Элисса беременна».

«Вот оно... — прошептал Меркуд, а потом его восторженный возглас наполнил голову Соррели: — Вот оно!»

«Что, что, Меркуд? Объясни мне».

«Триединство, женщина! То, чего мы искали. Тор, Элисса и ребенок. Трое. Они едины. Как я раньше не догадался? Это же очевидно!»

В следующий миг Соррели показалось, что на нее обрушился многоголосый бормочущий поток. Меркуд забыл прервать связь. Он что-то взвешивал, обдумывал, проверял... и все эти мысли звучали у нее в голове одновременно. Оставалось лишь снова набраться терпения и ждать, пока он немного успокоится.

«Чего ты хочешь от меня?» — спросила она, почувствовав, что старик слышит ее.

«Что говорят дети?»

«Они хотят какое-то время пожить в Сердце Лесов. Во всяком случае, так считает Тор. Отсидеться в убежище — по крайней мере, до рождения ребенка. После этого... кто знает».

«Тогда просто оставайся рядом. Следуй за ними. Я уже говорил: пока мы еще можем влиять на ход событий. Возможно, когда ребенок родится, наша задача будет выполнена, любовь моя. И мы наконец-то сможем завершить свой путь».

Странно, но Соррель почему-то обрадовалась. Она устала от бесконечных поисков.

Глава 24 Рождение

Со дня свадьбы прошло восемь месяцев.

О такой жизни можно было лишь мечтать. Беглецам довелось пережить многое — каждому свое. Ныне тишина, дарованная Лесом, и его безграничная щедрость вызывали смущение, граничащее с благоговейным трепетом. Но никто не хотел иной жизни — и прежде всего новобрачные.

Тор с Элиссой поселились в шалаше, который выстроили из ветвей и сучьев, сброшенных Лесом. Их жизнь была простой и беззаботной. Что же до Соррели, то она, похоже, жила как прежде, и ее видели редко. Она бродила по лесу, собирала травы и наслаждалась этим. Непохоже, чтобы ее что-то беспокоило. Саксен тоже соорудил себе шалаш, получив от Леса все необходимое, и все дни напролет осматривал окрестности.

Казалось, время остановилось. Один день был похож на другой, и лишь округляющийся живот Элиесы напоминал о том, что жизнь идет своим чередом. Ребенок рос. Элисса расцветала, роды обещали быть легкими.

Арабелла часто навещала новобрачных. Она подружилась с Саксеном и Клутотом, и эта дружба крепла. Странно, но трос Паладинов словно никогда не знали друг друга. Порой то у одного, то у другого из темных глубин памяти всплывала смутная мысль — и ускользала, не

оставляя ничего, кроме досады. У Тора было на этот счет свое мнение. Он считал, что в урочный час сила вернется к ним, и все, что нужно будет вспомнить, вспомнится. Остальным оставалось лишь согласиться и утешиться этим.

Великий Лес казался поистине бескрайним. Неудивительно, что Саксену потребовалось немало времени, чтобы добраться до старой повозки, на которой они победно въехали под его сень несколько месяцев назад. Тогда он прихватил с собой лишь самое необходимое — например, старый котел, в котором беглецы теперь готовили еду. Все, в чем не было особой нужды, так и осталось в повозке.

После восьми дней отсутствия Саксен вернулся с мешком, который Элисса тотчас узнала. Ребенок у нее в животе ударил ножкой, словно его рассердило имя Орлака, даже произнесенное мысленно. Но, возможно, малыш просто почувствовал беспокойство матери.

— О, Саксен! — крикнул Тор. Он расчищал место между двумя молодыми деревьями, на которые собирался повесить кусок ткани — колыбель для новорожденного. Работа оказалась нудной, и он был рад ненадолго прерваться. — Наконец-то ты вернулся! Сейчас присоединюсь к вам, глазом моргнуть не успеете.

Саксен кивнул и, покачивая мешком, подошел к Элиссе.

— Помнишь?

— Лучше бы ты их не приносил, — отозвалась она.

— Значит, тебе лучше туда не заглядывать, — Саксен пожал плечами и поставил мешок на землю.

Элисса ничего не ответила и погладила живот.

— Сильно я выросла?

— Еще бы. Подозреваю, у тебя внутри целая цирковая труппа!

Оба улыбнулись, вспоминая прошлые дни, которые казались такими далекими.

— Я так быстро устаю, — вздохнула Элисса, наливая Саксену кружку воды. — Посиди со мной немного.

— Два дня назад я встретил Соррель.

— И как она?

— О, ворчит, как обычно. Сказала, что скоро вернется — мало ли, малышу захочется увидеть мир раньше срока.

— Вот славно... Я не хотела говорить Тору, Саксен... но мне страшно.

Клук протянул ей пустую кружку.

— Чего ты боишься?

— Сама не знаю... наверно, неизвестности. Ребенок вот-вот родится, а мы живем в лесу.

— Успокойся. Во-первых, Соррель — опытная повитуха.

Во-вторых, более безопасного места не найти во всех четырех Королевствах. Помни: Сердце Лесов исцеляет своих...

Он с облегчением увидел на ее лице улыбку и улыбнулся в ответ.

— И в-третьих: ты получишь любую помощь, которая тебе понадобится.

— Я знаю.

— Что это у тебя, Саксен? — Тор, появившись из-за спины клука, кивком указал на мешок.

— Элисса просила меня сохранить это, когда мы бежали из Академии.

Тор посмотрел на свою жену, и она поморщилась.

— Книги, написанные Нанаком.

— А-а...

Он понял, что она не хочет об этом вспоминать.

— А вот и гамак для маленького Гинта, — в его голосе звучала неподдельная гордость.

— Он может понадобиться раньше, чем мы думали, — Элисса с трудом поменяла положение. — У меня с утра какие-то боли. Правда, совсем легкие.

Мужчины обеспокоенно переглянулись.

— Не бойтесь, — Элисса заставила себя засмеяться, — сейчас он не выскочит. Но, думаю, он окажется торопыжкой...

Однако к концу дня им стало не до смеха.

Солнце клонилось к закату, и боли усиливались. Элисса по поляне ходила взад и вперед — так ей было легче. Время от времени то Тор, то Саксен брал будущую мать под руку и прогуливался вместе с ней. К сумеркам Элисса уже еле держалась на ногах, хотя и продолжала ходить. Теперь ее спутники не отходили от нее ни на миг: как только один собирался отдохнуть, второй тут же оказывался рядом и предлагал руку.

Когда совсем стемнело, на поляне, к всеобщему облегчению, появилась Соррель. Для Элиссы это не было неожиданностью: едва почувствовав боль, она мысленно оповестила свою наставницу. Разумеется, старушка поспешила на зов.

Солиана, выполняя просьбу Тора, встретила ее по дороге и привела с собой Кетая, который на удивление быстро доставил повитуху на место.

Первым делом Соррель приказала Тору и Саксену удалиться, но не отходить далеко: они могли понадобиться в любой миг. Она уже поняла, что этой ночью ей придется призвать весь свой опыт родовспоможения: ребенок лежал очень неудачно. А если учесть, что у Элиссы еще не было детей... Она напоила будущую мать настойкой, которую извлекла из своей бездонной сумки; молодой женщине вскоре полегчало, и она задремала, но то и дело ворочалась и вскрикивала.

Мужчины, не находя себе места от беспокойства, топтались у края поляны. Их было необходимо чем-то занять. Это оказалось несложно: Тор получил кучу тряпья, которое надо было рвать на лоскуты, а Саксен развел костер и грел воду. Солиана тенью бродила вокруг поляны, отгоняя слишком любопытных обитателей Леса. Время от времени в ночном небе мелькала другая тень — Клут тоже был в дозоре.

Острый глаз позволял соколу видеть все, что происходило на земле. Весь день Клуту не давало покоя дурное предчувствие — вот почему он, против обыкновения, не сидел на плече у Тора, а носился над вершинами деревьев. К тому же страхи обычно заразительны, а Клуту не хотелось, чтобы Тору передалась его тревога. Конечно, все его друзья беспокоились за Элиссу и ребенка, но такого страха Клут прежде не чувствовал.

Виной этому страху был Гот. Инквизитор так и не отказался от поисков. Он снова и снова возвращался туда, где Саксен и Соррель вошли в Великий Лес.

Скорее всего, Гот надеялся, что следы повозки приведут его к тем, кто в ней ехал. Тогда он снова сможет загнать свою жертву в угол. Со дня свадьбы Тора и Элиссы Клут пристально наблюдал, как Инквизитор прочесывает лес. Он уже предпринял четыре вылазки и уходил ни с чем, кипя от ярости. Но на этот раз все было иначе. Гот вернулся с отрядом королевской стражи — похоже, Лорис дал добро на поиски. Но почему Великий Лес позволил Готу забраться так далеко? Что происходит?

До сих пор сокол с наслаждением наблюдал, как Лес морочит мерзавца Инквизитора. Тропинки, которые появлялись ниоткуда, то обрывались, то замыкались сами на себя, то выводили к водопадам и непролазным зарослям. Надо было видеть лицо Инквизитора, когда он стоял перед отвесной скалой, в которую упиралась протоптанная стежка! Казалось, деревья и кусты развлекаются, заставляя Инквизитора кружить в чаще. Но на этот раз все шло по-другому. Гот подобрался к самому Сердцу Лесов. Это было достаточным поводом для беспокойства.

Вскоре, к радости Соррели, появилась Арабелла. Теперь, когда боли становились слишком сильными, женщины вместе водили Элиссу по поляне.

Наступила полночь. Родовые схватки продолжались вот уже десятый час, а перемен все не было. По словам Соррели, роды у женщины — как лестница в три пролета. Элисса никак не могла миновать второй, чтобы начать восхождение на третий. Течение родов прекратилось, вместо того чтобы набирать силу.

— Нас ждет долгая ночь, — Соррель старалась не выдать беспокойства. Состояние ребенка внушало большие опасения. Элисса далека от того, чтобы разрешиться от бремени.

Значит, малышу придется продержаться до рассвета... если не дольше. К этому времени жизнь и матери, и ребенка будет висеть на волоске. Соррель успокаивала себя лишь тем, что волшебство Леса, возможно, придет им на помощь.

Тор уже давно расправился с тряпками и теперь стоял в тени, едва сохраняя присутствие духа. Клут скрывался где-то среди ветвей. Лучше бы сокол, как обычно, сидел у него на плече, подумал Тор. Элисса стонала, и каждый ее стон усиливал их тревогу: не нужно было быть повитухой, чтобы понять, что она теряет силы.

Чтобы немного успокоиться, Тор окликнул своего пернатого друга.

«Что нового в Лесу?»

«Тебе лучше не знать».

Клут тут же пожалел, что поспешил с ответом. Тор был весь внимание.

«Ты о чем?»

«Не обращай внимания, — сокол попытался говорить небрежно. -Тебе есть о чем беспокоиться, Тор. Поговорим об этом позже... Спроси у Соррели, как дела».

«Нет нужды, Клут. Я и сам вижу, что Элиссе не стало лучше. Так что поговорим сейчас, хочешь ты или нет».

Клут понял, что сам себя загнал в угол. Тор услышал, как сокол вздохнул.

«Гот идет по Великому Лесу. С ним отряд королевской стражи».

«И он давно здесь?».

Внутри у него словно что-то оборвалось. Нет, он не страшился Гота. Но слишком хорошо знал, какой ужас охватывает Элиссу при одном имени Инквизитора.

«Пять месяцев», — мягко ответила птица.

На этот раз Тор даже не потрудился обратиться ему мысленно.

— Что? — заорал он.

Все разом обернулись в его сторону — даже Элисса, преодолевая боль, открыла глаза. Тор махнул рукой, призывая не обращать на него внимания, и отступил дальше в тень.

«Во имя Света! О чем ты, Клут?»

«Не заставляй меня это повторять», — смущенно ответил сокол.

«Когда ты собирался сообщить мне об этом?»

«Когда ребенок родится».

«Если он вообще родится... А если родится, Гот тут же убьет его».

«Хватит, Тор! Гот не найдет твоего ребенка. Сердце Лесов защитит нас. Лес и так все время сбивал его с пути. Но кто знал, что этот мерзавец окажется таким упорным? Он одержим желанием найти вас».

«И что теперь делать?»

«Пока ничего. Просто не забывай о своей жене».

Элисса вскрикнула, и Тору стало не до разговоров. Юноша бросился к ней. Саксен, который до сих пор держался в тени, тоже покинул свое укрытие. Клук молчал, но его лицо было искажено страданием..

Из-под рубашки Элиссы текла кровь. Соррель побледнела, а обычно бесстрастная Арабелла встревоженно нахмурилась.

— Дурной знак, — проворчала Соррель. Она больше не пыталась скрывать беспокойство. Кровь означает, что смерть близка. Но Элисса и ее ребенок бесценны, их нельзя потерять.

Когда боль схлынула, Элисса приоткрыла глаза, посмотрела на Тора и попыталась улыбнуться. Потом пересохшие губы молодой женщины шевельнулись, но прежде, чем она успела прошептать «я тебя люблю», новая волна мук накрыла ее с головой. Кровь ручейками текла у нее по ногам, окропляя землю, где на коленях стоял Тор.

Слезы душили его. Это было неправильно. Элисса умирала у него на глазах. Она боролась за то, чтобы подарить этому миру ребенка, и медленно проигрывала битву.

— Я больше ничего не могу сделать, — беспомощно проговорила Соррель. — Их может спасти только чудо. Элиссе очень плохо...

Она лишь выразила вслух то, о чем и так было известно.

— Нет! — воскликнул Саксен. Он знал, что это правда, но не мог с этим смириться.

Тор взял себя в руки и быстро огляделся. Его мозг лихорадочно работал. Рядом с Саксеном стояла Солиана — никто не заметил, как она подошла. Элисса была смертельно бледна и истекала кровью. Наверно, так же умирала ее мать, даря жизнь дочери... Нет, это не должно повториться. Времени на раздумья больше не оставалось. Только действовать.

«Солиана, мы можем призвать Дармуда Корила?»

— Я здесь, — раздался звучный голос. — Дайте ее мне.

Это был приказ, который надлежало исполнить без промедления. Тор и Саксен наклонились, чтобы поднять Элиссу, но бог лесов обращался не к ним. Длинные лозы выползли из зарослей и обвили роженицу. Прутики и ветки, на которых она лежала, зашевелились, приподнимая женщину. И, наконец, величественное вековое дерево протянуло к ней свои ветви, бережно подхватило распростертое тело и передало Дармуду Корилу.

Огромный, исполненный мощи, он стоял в окружении мерцающих Небесных Огней, держа Элиссу на руках, словно младенца. Потом сияние окутало ее, и воздух наполнился тихим пением. А тем временем лоза обвивала всех, кто стоял на поляне... и они сливались с силой бога, которая текла сквозь них.

Окруженный благоговейным молчанием, Дармуд Корила творил чудо. Из уст бога лесов лилась песнь... нет, не песнь — просто басовитые звуки, которые не складывались в мелодию. Свечение набирало силу, вспыхивало в такт этому странному напеву, а деревья тянулись к Элиссе ветвями и что-то шептали.

Лишь позже каждый, кто был в ту ночь на поляне, признает, что не просто стал свидетелем чуда, но и ощутил силу Дармуда Корила. Правда, лишь Соррель поняла, насколько изменила ее эта сила, хотя еще не знала, к добру это или к худу.

Сияние было таким ярким, что даже Клут и Солиана прищурили глаза. И только Тор смотрел сквозь него, впитывая малейшие оттенки цвета, звука и запаха, чтобы запомнить облик волшебства, в котором купалась его любимая.

Сколько прошло времени? Несколько мгновений или вечность? Огни снова потускнели. Деревья выпрямились. Взгляд бога лесов был устремлен на людей, которые стояли перед ним.

Дармуд Корила поднял Элиссу чуть выше и нежно поцеловал ее в лоб, а потом передал дереву, которое приняло ее на руки-ветви и бережно опустило на прежнее место.

— Кровь остановилась, и она крепко спит, — произнес бог. — Во сне она исцелится, но не будет ничего помнить. Принимай ребенка, повитуха! Он идет!

Соррели понадобился миг, чтобы понять: бог обращается к ней. Она бросилась к Элиссе и приподняла пропитанный кровью подол.

— Воистину! — закричала она. — Я вижу ребенка!

Тор упал к ногам лесного бога.

— Как мне благодарить тебя? — пробормотал он, не смея поднять глаза.

«Ты — Тот Самый, Тор, — голос Дармуда Корила звучал у него в голове, мягкий и рокошущий, как раскаты далекого грома. — Ты спасешь нас всех. Когда-нибудь мы отблагодарим тебя. Но прежде ты многое переживешь, и среди прочего — страшную боль. Нет, я не должен выслушивать от тебя слова благодарности. Я сам должен просить у тебя прощения за то, что придется совершить Сердцу Лесов».

Тор поднял голову и посмотрел в глаза Дармуда Корила, в которых переливались цвета леса, и увидел в них бесконечное сострадание и печаль. За что Сердце Лесов просит прощения?

Он нахмурился.

«Я не понимаю».

«Ты поймешь, сын мой», — еще печальнее произнес бог. Потом Небесные Огни погасли совсем, и Дармуд Корила исчез.

— Тор! — крикнула Арабелла. — Твой ребенок почти вышел!

Тор обернулся и увидел, как Саксен сжимает праведницу в объятьях, и у обоих по щекам текут слезы. А затем тишину Сердца Лесов прорезал самый удивительный на свете звук.

Крик новорожденного.

— Мальчик, — объявила Соррель. Ее переполняли чувства, голос звенел. Стоя на коленях у ног Элиссy, она протягивала ребенка Тору.

Арабелла вручила новоиспеченному отцу мягкое полотенце. Он принял мальчика из рук Соррели и заплакал, не стыдясь.

— О, Гидион, — прошептал он. — Твоя мать будет так гордиться тобой.

Внезапно целая стайка лесных зверьков выбежала из зарослей и бросилась врассыпную.

«Их что-то напугало», — настороженно проговорила Солиана и устремилась следом.

Саксен помрачнел, и Тор понял, что скрывали от него Паладины.

Гот проник в Сердце Лесов.

— Оставайся с Элиссой и Соррелью, Тор! — скомандовал клук, и они с Арабеллой устремились туда, где только что скрылась Солиана.

«Клут! Что происходит?»

«Нечто ужасное. Ты должен доставить Элиссy и ребенка в безопасное место».

Тор не успел ни ответить, ни даже подумать.

— Еще один! — закричала Соррель.

Сначала он не понял, приписав это панике. Но когда она повторила, сомнений уже не оставалось. Потрясенный, Тор подошел поближе и замер, когда Соррель выпрямилась, держа на руках хнычущее крошечное существо. Он не находил слов.

— Сестра. Близнецы, — хрипло произнесла Соррель. Она была потрясена не меньше, чем Тор. Элисса лежала неподвижно — кажется, она лишилась чувств.

— Она умерла? — голос Тора не выражал ничего.

— Пока жива, — отозвалась Соррель, глядя куда-то в сторону — возьми свою дочь. Я должна заняться твоей женой.

Тор бережно взял девочку на руки. Ее личико было красным и сморщенным, мягкие рыжеватые волосики облепили головку. Братишка казался совершенно другим: его темные, почти черные волосы были густыми и стояли торчком. Тонкими чертами лица малышка уже сейчас напоминала мать, а мальчик казался угловатым и был гораздо смуглее.

— Гидион... — голос Тора сорвался. Он не отрываясь наблюдал за Соррелью, которая пыталась привести в чувство Элиссy. — Познакомься со своей сестрой. Ее зовут Лаурин.

«Тор, послушай меня, — настойчиво заговорил Клут. — Ты должен доставить детей в безопасное место».

«Гот близко?»

«Даже слишком близко. Наши друзья пытаются увести его. Ты должен забрать детей и бежать».

«Нет. Готу нужен я. Стоит ему меня увидеть — и он бросится за мной. Никто не отвлечет его лучше, никто и ничто. А Арабелла и Саксен ему и подавно не интересны. Если он найдет меня, то будет считать, что нашел и Элиссy».

Клут не стал спорить.

«Что ты хочешь сделать?»

«Сколько у нас времени?»

«Очень мало. Кажется, пока Саксену удалось сбить его со следа».

«Держи со мной связь. И сообщай мне обо всем, что случится».

Соррель не удивилась, когда услышала о появлении Инквизитора, и Тору показалось, что она это уже знала.

— Ты должен уходить, — сказала она.

— А моя семья?

— Слушай меня, Тор, и слушай внимательно. Я отвезу детей в безопасное место. Но ты должен дать мне время. Уводи Гота. Как можно дальше от Сердца Лесов.

— А Элисса? — прошептал Тор. Внезапно он почувствовал себя обессиленным.

— Ее я тоже спрячу, только не там, где детей. К сожалению, я не могу нести на себе всех. Помни, что сказал Дармуд Корил. Она будет жить. Она исцелится и не будет ничего помнить. Ты слушаешь, Тор? Если Гот найдет этих детей, он убьет их без жалости. Да еще и заставит их мать на это смотреть. А потом разделается с вами. На его стороне древний закон и король, который развязал ему руки. Для всего мира Элисса осталась Неприкосновенной. А эти дети, по мнению Гота и ему подобных, — мерзость и извращение.

— Зачем ты мне это говоришь, Соррель? Ты думаешь, я не знаю? — закричал он.

Старушка посмотрела ему в глаза. Ее шепот звучал чуть громче шелеста листвы.

— Никому об этом ни слова. О девочке знают только трое — мы с тобой и Клут. Остальным мы скажем, что ребенок умер. Единственный ребенок Торкина и Элиссы Гинт, — ее взгляд стал жестким, как деревянный клинок. — Даже их мать не будет знать, что оба ее ребенка живы.

Тор в ужасе смотрел на нее. Потом попытался понять смысл ее слов, и голову от виска до виска пронзила острая боль.

— Я должен предать ее? — прошептал он.

— Спасти, а не предать! — крикнула Соррель. — Спасти свою жену, своих детей, а если повезет — то и свою шкуру!

У Тора закружилась голова. Соррель была безжалостна, но в ее страшных словах была изрядная доля истины.

— Иди! — глаза старой женщины горели. — Спасай свою семью! Уводи Гота!

Ошеломленный, Тор попятился. Он уже знал, что Клут слышал все и был потрясен не меньше. Малыши снова захныкали. Соррели не было нужды читать мысли Тора. Все чувства были написаны у него на лице: потрясение, отчаяние... и, наконец, принятие.

— Как я вас найду?

— Найдешь, — она отвернулась: два крошечных живых комочка настойчиво требовали ее внимания. — Ты должен уходить, Тор, или нам всем конец. Тогда можно считать, что все, ради чего мы жили — напрасно. Но если ты сделаешь, как я посоветовала, смертей не будет. Я знаю твою силу. Я знаю, ты в состоянии уничтожить всех, кто пришел с Готом — если захочешь. Но ты не захочешь. Ты сохранишь спасение этих детей в тайне, а мы сохраним тебя и Элиссу. Пожалуйста, Тор. Позволь мне уйти с ними в безопасное место.

— Подожди, Соррель!

Тор сунул руку под рубашку, достал небольшой кожаный мешочек и вытряхнул из него три мерцающих камня.

— Возьми их. По одному для каждого из детей, третий — для тебя. Куда бы вы ни отправились, береги эти камни и держи их под рукой.

— Зачем они нужны? — Соррель недоуменно разглядывала камни. Едва она взяла их, сияние померкло, и теперь в ее ладони лежали простые каменные шарики.

— Пока я сам не понимаю, — устало ответил Тор. — Но мне кажется, они будут вас защищать. И... не знаю. Может быть, помогут мне отыскать вас.

Соррель улыбнулась, и ему показалось, что среди ночи возшло солнце. Тору даже в голову не могло прийти, что она умеет так улыбаться. Но в этот миг отчаяния эта улыбка выглядела странно.

— Я буду ждать тебя, Тор. Я сберегу твоих детей. Она встала, крепко обняла и поцеловала его.

— А теперь ты должен идти, сынок, — ее голос звучал удивительно мягко.

Тор опустился на колени рядом с женой. Элисса по-прежнему была без чувств. Он вытащил из потайного кармана небольшой камушек, поцеловал ее на прощание и прикрепил архаит ей на лоб. Если Гот все-таки найдет его любимую, это защитит ее... возможно. Потом быстро поцеловал сына и дочь — и встал. Больше говорить было не о чем. На глаза

попалась сумка с книгами Нанака. Тор схватил ее и, не оглядываясь, бросился в непроглядную тьму Сердца Лесов. Теперь вся надежда была лишь на верного сокола, который приведет его к врагам.

Оставшись наедине с новорожденными и их матерью, Соррель немедленно воззвала к Меркуду. Слишком многое изменилось вокруг, и было крайне важно сообщить ему об этом.

Ответа не последовало.

Она нахмурилась и попыталась еще раз. На этот раз пожилая женщина со страхом поняла, что дело не в отсутствии ответа — сигнал уходил в пустоту. Она попробовала в третий раз — то же самое.

Страх сменился паникой, когда деревья вдруг начали приближаться и обступили ее. Потом Соррель подняла глаза и увидела окруженного мерцанием Дармуда Корила.

— Ты будешь делать то, что я скажу, — с приказным тоном в голосе объявил он.

Два дня продолжалась эта дикая игра в кошки-мышки. Благодаря Клуту Тор несколько раз позволял Готу увидеть себя, и всякий раз Инквизитор бросался в погоню. Петляя в чаще, Тор сумел увести преследователей прочь от Сердца Лесов.

За это время Тор ни разу не видел ни Саксена, ни Арабеллу, ни Солиану. Они с Клутом снова остались вдвоем. Их по-прежнему соединяла невидимая нить мысленной связи, а это означало, что один постоянно знал, что чувствует или переживает другой. От этого настроение портилось, тем более что обоим было не до разговоров.

На третий день Тор принял отчаянное решение. Он озяб и изголодался: в Великом Лесу царила зима — лишь Сердце Лесов заботилось о том, чтобы кормить и согревать своих гостей. Поэтому Тор решил покинуть Лес, как покидают негостеприимного хозяина.

«Я возвращаюсь».

Кнут был удивлен не на шутку.

«Тор, не смей!»

«Иначе нельзя. Можешь отправляться со мной, можешь оставаться. Меня это не волнует. Я должен найти Элиссу. Она могла умереть... и я никогда об этом не узнаю».

«Она не умрет, Тор. Дармуд Корил этого не позволит».

Тор запрокинул голову и посмотрел на сокола, который сидел на ветке.

«Не позволит? — в голосе молодого лекаря послышалась злость. — Он позволил этим мясникам, которые охотятся за ней, войти сюда. Почему бы ему не помочь убить ее?»

«Прекрати! Сейчас твоими устами говорит безумие. Я отправлюсь с тобой — хотя бы для того, чтобы доказать, что ты неправ».

И он резко оборвал связь.

Тор устало встал и пошел обратно. Странно, но на этот раз путь оказался гораздо короче и занял лишь полтора дня. Однако в Сердце Лесов не стоит удивляться никаким чудесам.

Друзья вернулись на поляну в сумерках. Едва выйдя из-за деревьев Тор замер, как громом пораженный. Он был готов, что не увидит Элиссу. Но поляна выглядела так, словно никто и никогда не нарушал ее покой. Тор обернулся и посмотрел туда, где стоял их шалаш — теперь там росло дерево. Расчищенные места густо покрывал кустарник, среди которого торчали молодые деревца. А там, где Элисса подарила жизнь детям, цвели прекрасные белые цветы, каких он никогда в жизни не видел, даже в Сердце Лесов.

Тор сломался. Как подкошенный, он упал на землю, ломая белоснежные венчики, и зарыдал, оплакивая свою семью.

Тишину нарушил звук шагов. Кто-то неторопливо пробирался сквозь кусты. Клут узнал незваного гостя прежде, чем Кетай выбрался из зарослей. Тор поднял голову. Как он был рад, увидев старого любимца своей жены! Обычно ослик никому не позволял себя гладить, но сейчас, когда Тор почесал ему холку, возражать не стал. Возможно, этому вечно недовольному созданию тоже не хватало Элиссы.

Неожиданно ослик сделал несколько шагов вперед, замер и оглянулся на Тора. Молодой лекарь молчал, пытаясь собраться с мыслями. Его занимали вопросы более серьезные, чем странное поведение осла. Что теперь делать? Может быть, поискать Арабеллу? Или Саксен где-то поблизости?

Кетай закричал, словно хотел сказать ему что-то сердитое, потом снова прошел несколько шагов, обернулся и уставился на юношу.

— Что происходит, старина? — мягко спросил Тор.

«Если не ошибаюсь, Кетай хочет, чтобы ты следовал за ним», — осторожно предположил Клут.

«И куда он направляется?»

Клут прищелкнул языком.

«Давай посмотрим, — он перелетел с ветки и непринужденно уселся на спину осла. — Трогай, Кетай».

Возможно, ослик понял его, потому что решительно затрусил куда-то вперед. Тору ничего не оставалось, как следовать за ним. Вскоре Кетай вывел его из Сердца Лесов, но не там, где Тор и его крылатый спутник вошли некоторое время назад. Это был один из «пальцев» Великого Леса.

Через день лес остался позади. Ослик остановился на берегу узкой быстрой речушки. Через нее был переброшен шаткий мостик, на другом берегу Тор заметил полуразвалившийся домишко. При виде дыма, который вился над трубой, юноша понял, что продрог до костей. Здесь можно отогреться, а может быть, даже утолить голод. Вот только чем расплатиться за кров и пищу? Покопавшись в карманах, он нашел несколько монет, которые валялись там, ненужные и забытые, с того дня, как они с Элиссой покинули Илдагарт.

Воспоминание об Элиссе пронзило болью, и Тор одернул себя. Сейчас нет времени оплакивать потерю, для начала надо просто выжить. Следующий шаг должен быть хорошо продуман. Но сейчас — поесть... и выспаться.

Следующую его мысль эхом повторил Клут:

«Почему Кетай привел нас сюда?»

Из домика вышел человек. Он явно намеревался помочиться, но увидел незнакомца, стоящего у реки, и остановился.

— Я один! — крикнул Тор. — У вас не найдется места у очага для усталого путника?

Он подышал на руки, пытаясь согреть пальцы — внезапно обнаружилось, что они совсем закохенели, — потом опустил руку в карман и достал монеты.

— И чашки горячего бульона! — добавил он. — Я заплачу!

Человек ничего не ответил. Некоторое время он стоял неподвижно, не сводя с Тора глаз. Потом юноша заметил в дверях какое-то движение. В следующий миг он метнулся к мостику, не в силах поверить глазам. На крыльцо вышла Элисса. Она двигалась медленно, точно во сне. Еще миг — и безмерная радость сменилась ужасом.

Прямо у нее за спиной, поддерживая под локоть и направляя, стоял Инквизитор Гот.

Глава 25

Взятие под стражу

Она смотрела сквозь Тора, как сквозь стекло, словно не видела его перед собой.

Отвратительный голос Инквизитора вывел юношу из столбняка.

— Не делай глупостей, Гинт. Двадцать пять человек готовы утыкать тебя стрелами. А заодно и твою подстилку, и твоего безмозглого осла.

И он захихикал. Звук был очень неприятным.

— Чего ты хочешь, Гот?

— А разве ты не знаешь? Ох да, я же забыл, как надо себя вести. Капитан Херек, если вас не затрудит...

Херек, капитан королевской стражи, вышел из домика. Тор узнал его сразу.

«Не удивлюсь, если в этой лачуге засела целая армия», — заметил Клут.

«Где ты?»

Тор не сводил взгляда с Элиссy, которая послушно стояла рядом с Готом. От взгляда молодого лекаря не укрылось, как Инквизитор что-то шепнул капитану.

«Я недалеко, Тор».

«Не показывайся. Будешь моими глазами».

И дал волю Цветам — так он чувствовал себя более защищенным.

Капитан Херек подошел к воде. Он был славным человеком и честным служакой, и Кайрус ни разу не сказал о нем дурного слова. Сейчас он встал так, чтобы загораживать Тора своей широкой спиной; к тому же ветер сносил их голоса, не позволяя Готу услышать разговор.

— Я должен доставить вас в Тал, почтенный. Это приказ короля. Пожалуйста, не сопротивляйтесь... чтобы у этого куска дерьма, что стоит у меня за спиной, не было повода нагадить ни вам, ни вашей подруге.

Тор лихорадочно соображал. Если стражники сумеют защитить его и Элиссy... Да, пожалуй, в самом деле стоит вернуться в Тал — там ему представится возможность поговорить с королем. За какой-то миг у него в голове родилось несколько совершенно безумных идей. Молить о помиловании... устроить побег... Наконец он кивнул, и капитан отошел в сторону.

Из укрытий вокруг домика показались воины. Тор проклинал себя. Как он мог не почувствовать их присутствия?! Тем временем капитан Херек, возвысив голос, сообщал, что именем Его величества короля Лориса заключает младшего придворного лекаря Торкина Гинта под стражу. Однако Тор не слушал. Ему было все равно.

«Кетай куда-то направился, — сообщил Клут. — Точно, точно. Возвращается туда, откуда мы пришли».

«И его не пытаются поймать?»

«А кому он нужен».

«Книги на нем?» — с беспокойством спросил Тор.

«Конечно».

Тор осознал, что Гот ведет к нему Элиссy. Стражники, как ни в чем не бывало, готовились к отъезду. Херек напоминал кому-то, что нужно собрать лошадей, которые разбрелись по всей округе... а потом Тору осталось лишь смотреть в лицо человека, который был воплощением всего дурного, что есть на свете.

— Не желаете поприветствовать друг друга? — небрежно осведомился Гот. — Я, конечно, могу ошибаться... но мне кажется, что госпожа Квин недавно родила. Верный способ заработать смертный приговор — не так ли, почтенный Гинт? Неприкосновенная сбежала с придворным лекарем, понесла от него... Великолепно. Не могу дождаться, когда Его величество сообщит свое мнение по этому поводу.

Тор ошетинился. Цвета вокруг него вспыхнули.

«Не надо, Тор, — предупредил сокол. — Херек прав. Если ты вернешься в Тал, можно считать, что для тебя не все потеряно».

Элисса посмотрела на него, и у Тора пересохло в горле. Ее взгляд снова стал осмысленным, но в глазах уже не было того света, который он так любил.

— Где мой ребенок?

Он сглотнул. Но в минуту опасности лгать легче.

— Наш сын мертв. Умер почти сразу. Роды были очень тяжелыми.

— О, Элисса, дорогая моя, какая жалость! — медовым голосом доброй тетушки пропел Инквизитор. — Я же говорил, что мы нашли мертвого ребенка, но ты и слушать не хотела. Какое несчастье! Но тебе повезло, ты осталась жива.

Она даже не поморщилась.

— Очень жаль, что я не умерла, — она еще раз посмотрела на Тора и отвернулась.

Это были ее последние слова.

Путь в столицу занял целых шесть дней. Все это время стражники держались с Тором почти по-дружески. Они хорошо помнили, что лекарь спас жизнь Кайрусу — прайм-офицер не делал из этого секрета. Этого было достаточно, чтобы обеспечить юноше достойное обращение.

Элисса ехала впереди вместе с подручными Гота, держа спину неестественно прямо. Пару раз Инквизитор заставлял ее садиться к себе в седло, хотя жеребец быстро уставал под двойной ношей. Тору оставалось лишь наблюдать, изнывая от отчаяния и бессилия. Инквизитор мог прикасаться к ней и нашептывать на ухо всякие мерзости. Однако молодая женщина словно ничего не чувствовала. Тор ни разу не заметил, чтобы с ее губ сорвалось хотя бы слово. Ее волосы растрепались, на юбке темнели кровавые пятна — но сколько достоинства и благородства было в этом ледяном молчании!

Тор уже собирался прибегнуть к волшебству. Однако Лисс, явившись ему во сне, взяла с него клятву: ни при каких обстоятельствах, никоим образом не показывать своего дара. В самом деле, об этом даре не знали ни стражники, ни Инквизитор Гот, который считал, что в странных событиях в ночь Празднеств Кзаббы виновна именно Элисса. Знать бы только, как она это сделала...

Впрочем, лучшим объяснением была его ненависть. Инквизитор ненавидел Неприкосновенных. Что ему стоило убедить себя, что некто чрезвычайно одаренный решил помогать Элиссе? То, что это был молодой лекарь, просто не приходило ему в голову. Да, волшебный камень не помог найти виновного и это было странно. Однако на стороне Инквизиции — закон, и это главное.

А Тору снилось, что он гуляет в Сердце Лесов. Его — как всегда, незримо — сопровождала Лисс.

«Гот говорил про мертвого младенца. Что он имел в виду?» — спросил Тор.

«Просто обычная хитрость. Прости, что пришлось тебя напугать».

Тор был счастлив. Во Дворце ему предстоит разговор с королем, а эта новость упрощает задачу. В голове у него уже выстраивался замысел...

«Помнишь предупреждение Дармуда Корила, Тор? О том, что тебе придется еще многое перенести, в том числе и много боли?»

Тор со вздохом кивнул.

«Тебя ждет очень долгое путешествие, и это — только начало. Но ты должен мне доверять. Я не подведу тебя. Но ты... Ты последуешь за мной? Ты будешь делать так, как я говорю?»

«А у меня есть выбор?» — огрызнулся Тор.

«Конечно».

«И что будет, если я скажу „нет“?»

«Погибнут невинные. Погибнет Королевство. Умрет Сердце Лесов. Паладины, которые держались сотни лет, падут».

«И все только из-за меня».

Он не скрывал презрения. Ему очень хотелось, чтобы Лисс вышла из себя. Однако ее голос звучал все так же ровно.

«Все, что мы делаем — из-за тебя и ради тебя. Ты — Тот Самый».

Разговор зашел куда-то не туда, и Тор решил сменить тему.

«Дармуд Корил просил у меня прощения за то, что впустил в лес Гота?»

«Ты уже знаешь», — терпеливо ответила Лисс.

«И позволил Готу вас найти?»

«Можно сказать и так».

«Почему, Лисс? Почему Сердце Лесов встало на сторону нашего врага?»

«Сердце Лесов сделало все, чтобы защитить твоих детей. Это было верное решение. Ты обязан верить, — теперь она подчеркивала каждое слово. — Должны произойти

определенные события, чтобы Триединство добилось успеха».

Тор брезгливо поморщился.

«И когда я узнаю, что представляет собой это знаменитое Триединство?»

«В пути, Тор».

Лисс являлась ему каждую ночь — и каждую ночь говорила об одном и том же. Она была неумолима. Тор не должен использовать силу, что бы ни случилось... К тому времени, когда впереди показались деревни, окружающие столицу, Тор уже не знал, куда от нее деваться. Он устал. Он не высыпался и весь день чувствовал себя разбитым.

У въезда в город их встретил отряд стражи, который проводит арестанта во дворец. Гот позаботился, чтобы пленников провели по всей столице: он хотел насладиться торжеством. Но Тор видел на лицах горожан лишь недоумение и ужас. Придворного лекаря слишком хорошо знали. Весть о его аресте распространилась, словно лесной пожар, и взбудораженная толпа провожала Тора до самого Дворца.

В главные ворота Гот вошел с видом победителя. Король Лорис и королева Найрия в парадном облачении стояли на ступенях. Как и в день проводов, Лорис понял, что не может смотреть лекарю в глаза. Его супруга стиснула руки, длинные рукава платья скрывали их почти до кончиков пальцев... но чувства так просто не спрячешь. Тор видел, как она страдает. Что ж, этим стоит воспользоваться.

Что до Элиссы, то Найрии было достаточно лишь раз взглянуть на нее. Королева потребовала, чтобы девушку немедленно проводили к ней в покои. Направляясь в камеру, где предстояло ждать суда, Тор бросил взгляд на западное крыло. Острое зрение не подвело его. Возможно, многие смогли бы заметить, что у верхнего окна башни стоит Меркуд. Но лишь Тор разглядел, что лицо старика искажено отчаянием.

Тор не ожидая, что первой его тесную камеру посетит королева Найрия. К счастью, молодому лекарю позволили вымыться и дали чистую одежду. Небольшая милость... Королева приказала, чтобы их оставили наедине, и лишь когда все ушли, обернулась.

— Болван!

— Ваше величество, я...

— Любая женщина готова стать твоей — стоит тебе только захотеть. Так нет — ты выбрал Неприкосновенную!

Тор склонил голову. Пусть Ее величество выплеснет гнев.

— Лорис пытался запретить мне являться сюда, но я считаю своим долгом выслушать твои объяснения. Я хочу понять, почему ты отказался от успеха, славы — ради того, чтобы переспать с какой-то девчонкой... Хотя, должна признать, она хороша собой.

Тор уже открыл рот, чтобы ответить, но королева продолжала:

— Мои камеристки шепчутся, что такие пятна крови, как у нее на юбке, остаются после родов. Скажи, что это неправда, Тор. Мое сердце этого не выдержит.

— Где Меркуд, Ваше величество? — хрипло спросил Тор.

— Отвечай, ослепи тебя Свет!

В глазах Найрии блеснули слезы. Но она не давала себе расплакаться, а взгляд горел гневом.

Тор внимательно изучал ее лицо, затем кивком указал на жесткий табурет. Дождавшись, пока она усядется, расправив юбки, он начал рассказ. Он рассказал об Элиссе, своей жене и возлюбленной. О том, как они дружили в детстве, а потом выросли и поняли, что любят друг друга и хотят вечно быть вместе. О неожиданном предложении Меркуда, о том, как был вынужден спешно уехать и даже не смог сообщить об этом Элиссе. О том, как потерял ее и все годы, пока жил в столице, терзался сомнениями и раскаяниями. Рассказывая, Тор видел, как смягчается лицо королевы. Он на самом деле любил людей и свою работу, но тоска о потерянной возлюбленной не утихала, и он напрасно искал утешения в объятиях других женщин.

Найрия немало удивилась, узнав, какой странный случай вновь свел влюбленных. Но Тор продолжал. Он заговорил о другом: как Инквизитор преследовал Элиссу, как она

пересекла всю страну, а потом скрывалась в Академии... И лишь под конец Тор открыл главную причину всех бед. Когда он рассказал, как Гот обесчестил Элиссу, лицо королевы стало каменным. Найрия ненавидела Инквизитора.

Тор встал и начал мерить шагами камеру. Он поведал о чувствах, которые охватили его при встрече с любимой. Да, он понимал, к чему может привести любовь к Неприкосновенной. Но как он мог снова расстаться с Элиссой? Они не собирались быть вместе. Их бегство было вынужденным: Гот приехал в Карембош, чтобы снова издеваться над его любимой.

— И что мне оставалось делать, Ваше величество? — он развел руками.

— Может быть, обратиться к нам за помощью, Тор?

— Когда? Элисса была в ужасе. Мы спрятались в Лесу... и оказалось, что там вполне можно жить. Нас никто не беспокоил, мы жили скромно и любили друг друга.

При этом слове королева улыбнулась — очень искренне. Но это была ловушка. Как раз в тот миг, когда Тор уже начал успокаиваться, последовал удар.

— Мне сказали, что во время бегства вы прибегли к помощи сильного волшебства, Тор.

Королева пристально посмотрела ему в глаза. Она не забыла своего чудесного исцеления.

Некоторое время в камере царил молчание. Тор взвешивал все «за» и «против». Можно разбавить правду толикой лжи — а можно сказать правду, которая скроет ложь, и сделать королеву своей союзницей. Тор чувствовал, что Найрии можно доверять. В любом случае он получает все или ничего... И он рискнул.

— Ваше величество, я не стану вам лгать, — он преклонил перед ней одно колено. — Я — Чувствующий.

Он увидел, как у нее сверкнули глаза. Королева хотела что-то ответить, но Тор остановил ее. Он еще не все сказал.

— И каково бы ни было наказание, только я его заслуживаю. Я соблазнил Элиссу. С этого все и началось. Она сопротивлялась — уверен, Старейшина Айрис это подтвердит. Мы не виделись много лет, Элисса полюбила Академию и научилась чтить ее законы. Ее грех лишь в том, что она любила меня с детства, Ваше величество. Она не искала меня. Единственная причина, по которой она согласилась пойти со мной — это страх перед Инквизитором Готом.

Вот оно. Он сделал шаг. Теперь оставалось лишь рассчитывать на дружеское участие. Только это и могло спасти Элиссу.

Хрупкая ладонь королевы тихонько легла на его склоненную голову.

— Я знаю, что такое любить мужчину всем сердцем, всей душой. В отличие от Лориса, я не боюсь твоего дара, не боюсь людей, которые им наделены. Мне ли бояться? Я обязана тебе жизнью. Я почувствовала прикосновение твоего волшебства... это было прекрасно.

Королева встала.

— Я сохраню твою тайну, Тор, и выступлю в защиту твоей возлюбленной. Однако твоя судьба — в руках Его величества.

Все еще коленопреклоненный, Тор коснулся губами ее тонких пальцев.

— Большого я ничего и не прошу. Вы милосердны, моя королева.

— Есть одно условие.

— Я сделаю все, что вы скажете, если это спасет Элиссу.

— Ты не должен использовать свой дар против Королевства. Я прикажу верному человеку убить Элиссу, если ты причинишь вред Лорису или народу Таллинора. Инквизитор не в счет, — мрачно добавила она. — С ним ты можешь делать все, что придет в голову.

— Вы безжалостны, Ваше величество, — почтительно ответил Тор.

— Не забывай, что я королева. Я служу королю и своей стране. Никогда не забывай: я люблю Лориса, как ты любишь Элиссу. Я буду защищать его всеми силами — пусть даже они невелики. Ну как, мы договорились? Предупреждаю: ты не узнаешь, кому я отдам приказ. Тебе придется убить нас всех, чтобы ее спасти.

— Клянусь, — сказал Тор.

Для Найрии этого оказалось достаточно.

— А ребенок? — спросила она уже мягче.

— Он умер, Ваше величество.

Теперь ложь звучала, как правда. Он сам почти в это верил.

Найрия сжала его пальцы. Все это время Тор держал ее руку в своей.

— Может, оно и к лучшему, — проговорила королева и быстро вышла.

Время тянулось очень медленно. За стенами камеры жизнь шла своим чередом. Тор покинул столицу десять месяцев назад, но за это время тут ничего не изменилось. Смена караула, мышиная беготня пажей во дворе, пунцовые распаренные кухарки, которые ненадолго оставляют свои огромные печи, чтобы глотнуть воды у колодца... Один раз он видел Гота: исполненный важности, надменный, Инквизитор широким шагом пересекал двор. Потом искоса бросил взгляд в сторону башни и встретился глазами с пленником. Взгляд Тора стал ледяным; Инквизитор фыркнул и отвернулся.

И наконец в голове у Тора раздался голос, который он ожидал услышать с тех пор, как вернулся во дворец. Достаточно было первого прикосновения незримой нити, чтобы молодой лекарь понял: Меркуд.

Старик не тратил время на сердечные приветствия и прочие околичности.

«Мне запрещено с тобой встречаться».

«Ну, разговаривать нам никто и не запретит».

Последовала пауза.

«Соррель осталась в лесу, — сказал Тор. — С тех пор, как там появились инквизиторы, я о ней ничего не знаю».

Стараясь говорить ровно и спокойно, он рассказал обо всем, что произошло за последнее время. Меркуд страдал, но именно этого Тор и добивался. Посмотрим, старик, будешь ли ты теперь увиливать. И сможешь ли сказать, что никогда не слышал о Соррели.

«Я ничего не понимаю, — печально произнес старик. — Я уже семь дней не могу с ней связаться».

Тор посчитал. Да, прошло как раз семь дней.

«Что сказала Найрия?»

Значит, Меркуд отнюдь не пребывает в неведении. Правда, ни во что не вмешивается — против обыкновения. Но...

«Она обещала замолвить за Элиссу слово перед королем. Ты конечно, знал еще до моего отъезда, что Элисса находится в Карембоше»

Это было утверждение, а не вопрос.

«Знал. И надеялся, что вы снова встретитесь», — по тону старого лекаря было невозможно понять, что он чувствует.

«Я знаю про Орлака, Меркуд, — отрезал Тор. — Я подружился с пятью из десяти Паладинов. А теперь расскажи мне про Триединство».

«Кто тебе рассказал?!»

О да! Кажется, старик не на шутку разволновался.

«Неважно. Время — наш враг. Начинай».

Меркуд оказался не готов к такому повороту. Его планы рушились. Соррель больше не откликается. Тор заключен под стражу. Из Паладинов только Темезиус и Фгатис удерживают Орлака. Еще немного — и он вырвется на свободу... а тайна Триединства все еще не разгадана. Ничего не остается, как рассказать Тору все, что ему известно.

Он начал с начала — с самого начала, с того, что произошло много сотен лет назад. Тор сидел молча, обхватив голову руками, и слушал. О младенце, проданном молодому человеку, Чувствующему, который недавно потерял новорожденного сына и тяжело переживал эту потерю.

Глава 26

Расплата

В зал суда Тора вели шесть воинов из королевской стражи. Рядом шел Херек.

— Не вздумай только таращиться на Гота, — сквозь зубы процедил капитан. — Он и это сумеет обратить против тебя.

Инквизитора стражники очень не любили.

Двери тронного зала распахнулись. За время жизни во Дворце Тор не раз и не два заходил в это просторное помещение, но сейчас его внезапно охватил страх. Нет, так негоже. Ему предстоит предстать перед королем и многое ему объяснить. Расправив плечи, молодой лекарь вошел в зал. Пусть он просто храбрится. Пусть для воинов, которые ведут его, это очевидно. Он знал, что красноречие не изменит ему.

Однако, увидев бледные, мрачные лица, Тор впервые испугался за свою жизнь. Неужели Лисс хочет его смерти? На миг эта мысль захватила Тора. Нет, конечно, нет! Она связывает с ним большие надежды, грандиозные замыслы. Юноша огляделся. Он знал каждого, кто здесь находился, но люди то и дело отводили глаза, чтобы не встречаться с ним взглядом. Неважно. Он искал Элиссу.

Она сидела у окна, очень прямо. Ее лицо — немыслимо прекрасное, с одной стороны освещенное солнцем, с другой густо затененное, — было неподвижно и ничего не выражало. У Тора забилося сердце. Вот бы заключить ее в объятия, сказать ей, как он ее любит, как ему жаль, что все так случилось... Почти не задумываясь, он мысленно окликнул ее. Конечно, ответа не последовало. Архалит снова сиял у нее на лбу. Однако Элисса подняла глаза, и Тор понял: она что-то почувствовала. Такое выражение бывает у человека, которого легонько толкнули, чтобы привлечь внимание.

Да, в сонном взоре Элиссы что-то изменилось: она заметила Тора. Но не стоило обольщаться. Это не был прежний взгляд, полный любви — теперь в нем было лишь отчаяние. Конечно: она тоже чувствует, что в этом зале нет места надежде.

Кто-то тронул Тора за локоть: это Херек приглашал его встать перед тронном. Король и королева еще не пришли, но собравшиеся понемногу смолкали. Тор заметил пурпурную ленту. Гот. А рядом с ним его прихвостень Рус, тоже редкостный мерзавец. Следующим, кого заметил Тор, был Меркуд: Облегчающий Страдания сидел в самом темном углу, глядя куда-то в сторону. Однако юноша почти тут же ощутил, как между ними протягивается ниточка мысленной связи.

«Боишься?»

«Не боялся, пока не увидел ее», — ответил Тор.

Старик нахмурился.

«Когда этот балаган закончится, нам нужно поговорить. Что бы ни случилось, никому не рассказывай о том, что я тебе скажу».

«Опять плетешь заговор, Меркуд?»

Тор сам себе удивился. Оказывается, он еще способен шутить! Однако на душе у него скреблись кошки. В самом деле, скорее бы закончился этот балаган.

«Прошлой ночью мне приснился странный сон, Тор, — Меркуд сделал вид, что не слышал. — Мне явилась женщина».

«Ее зовут Лисс».

«Правда? — старик пожал плечами. — Не знаю. Она говорила со мной, но я ее не видел. Ты знаешь, что такое Обмен душами, Тор?»

«А такое возможно?»

«Именно поэтому нам надо поговорить».

Однако поговорить им не удалось. Запели трубы, и все, кто находился в зале, встали. Из небольшой двери позади возвышения, на котором стояли троны, появились король и королева.

Найрия поймала взгляд Тора. «Держись», — молили ее глаза.

Лорис сел и выпрямился. Было заметно, как неудобно ему на этом огромном дедовском

троне. Знать и придворные тоже заняли свои кресла. Когда стихли покашливания, шорох одежд и другие звуки, с которыми люди рассаживаются по местам, и зал погрузился в тишину, король повернулся и кивнул Готу.

Мечта Инквизитора сбывалась. До сих пор он произносил свои речи лишь перед крестьянами, в лучшем случае — перед купцами, виноделами, владельцами магазинов, гостиниц, хозяйками борделей. Но сегодня все будет по-другому. Ему будут внимать люди иной породы — этого он желал давно и страстно. О да, он сполна отблагодарит Гинта за доставленное удовольствие.

Гот долго готовился к этому спектаклю. Но разве можно было так решить, видя, как взгляд Инквизитора блуждает по украшенному росписью и позолотой потолку? Нет, этот человек еще не знает, с чего начать, и подбирает слова. Ведь ему предстоит такая неприятная работа, он так сожалеет! Но Гот обещал себе сделать все возможное, чтобы у слушателей не осталось сомнений: преступление, совершенное обвиняемым — ужасно.

— Мой король... — Гот поклонился Лорису, затем королеве. — Ваше величество...

Его движение, обращенное к Найрии, было исполнено почтения, но в голосе звучали совсем иные нотки.

— Всем известно, что мы собрались здесь по весьма печальному поводу. Нам предстоит судить одного из нас. Но прежде вы услышите историю, которая заставит вас содрогнуться. Историю о том, как не оправдывают оказанное доверие, злоупотребляют властью, которой король наделяет из лучших побуждений, о том, как молодые потакают своей похоти...

Гот взял бокал с водой и сделал глоток, предоставляя зрителям проникнуться смыслом сказанного.

— Как вам известно, более шести лет назад Торкин Гинт был допущен ко двору. Ему выпала честь стать учеником почтенного Меркуда, который занимает пост придворного лекаря, — Инквизитор кивнул старику, но тот не ответил. — Не стану отрицать, мой король, боги щедро одарили этого юношу.

Также бесспорно, что Торкин Гинт быстро освоил ремесло и показал себя искусным лекарем. Не так давно его мастерство вернуло здоровье нашей любимой королеве — большинство лекарей в этом случае обратились бы ко мне, чтобы я исполнил обязанности духовника.

Он улыбнулся, но половина его лица осталась неподвижной, и улыбка получилась весьма двусмысленной.

— Несколько лет Торкин Гинт наслаждался всеми благами, какие могут обеспечить высокое положение и доброе расположение властителей Таллинора, — Гот с удовольствием отметил, как Лорис кивнул. — Неудивительно, что именно ему было поручено представлять Их величеств на Празднествах Кзаббы. Это великая честь — хотя бы потому, что Празднества устраиваются раз в десять лет. Наша королева еще не оправилась от болезни. Почтенный Меркуд, который тоже чувствовал себя недостаточно хорошо для столь долгого путешествия, предложил, чтобы вместо него на Празднества отправился младший придворный лекарь Гинт. Не сомневаюсь, Ваше величество: его учитель неоднократно предупреждая своего ученика об ответственности, которую повлечет за собой нарушение определенных предписаний... и прежде всего — запрета на определенного рода отношения с кем-либо из послушниц и Старейшин Академии.

Гот снова глотнул воды и посмотрел на Тора.

— По моему разумению, Торкин Гинт сознательно, злобно нарушил эти запреты, поправ древний священный закон, защищающий целомудрие и неприкосновенность этих женщин. И должен понести за это наказание.

Он расправил плечи, еще больше исполнившись сознания собственной важности, и повернулся к королю. В зале стало так тихо, что можно было услышать, как за окнами хлопает крыльями какая-то крупная птица.

Король намеренно не спешил с ответом.

— А что вы скажете про женщину, о которой идет речь, почтенный Гот? — спросил он.
— О женщине по имени Элиссандра Квин? Какое наказание должна понести она?

— Она должна быть заклеимена, мой король, поскольку является Чувствующей. Боюсь, она утратила право называться Неприкосновенной — после того, как легла с мужчиной.

Гот уже видел Элиссу стоящей перед ним на коленях... и ее не спасет архалит, который сейчас сияет у нее на лбу.

— А если она легла с ним против воли, Инквизитор?

— Она провела в лесу больше восьми месяцев, Ваше величество. Несколько странно для женщины, которая похищена и отчаянно пытается сбежать.

Гот усмехнулся и обвел взглядом зал. Он ожидал дружного хохота... но засмеялся только Рус. Зато когда Меркуд встал, все взгляды обратились к нему.

— Ваше величество, моя королева... — он учтиво поклонился. — Могу ли я попросить слова?

— Конечно, почтенный,- Лорис не скрывал облегчения. — Думаю, все хотят услышать ваше мнение.

Меркуд кивнул. Гот не скрывал своего недовольства.

«Доверься мне, Тор, — мысленно проговорил старик. Со стороны казалось, что он просто молчит, дожидаясь тишины в зале. — Не давай воли своей силе. Я знаю, что делаю».

«Доверься ему, — эхом повторил Клут и загадочно добавил: — Его направляет Лисс».

— Почтенный Инквизитор уже упомянул о том, что я предупреждал младшего лекаря Гинта о запретах, действующих в Карембоше, — Меркуд задумчиво пригладил усы. — Это правда. Торкин Гинт понял все, что я сказал. И дважды подтвердил это в моем присутствии.

Королева Найрия заволновалась. Она ожидала, что Меркуд поддержит Тора, а вышло наоборот.

— Я считаю, что мой ученик, будучи умелым и опытным соблазнителем, вскружил голову этой девушке. Про его успехи у женщин давно ходят легенды. А чему удивляться? Я уверен: никто в этом зале не сможет отказать Торкину Гинту в очаровании и привлекательности. И не найдется ни одной женщины, которая не согласится, что будь ей лет на десять меньше...

Старик многозначительно смолк и слегка пожал плечами. В тишине раздалось несколько сдавленных смешков. Именно на это Меркуд и рассчитывал.

Зато Инквизитор не рассчитывал на такое. Его лицо потемнело.

— Элиссандра Квин — юная наивная девушка, незнакомая с подобными уловками. А теперь представьте, что она оказалась в обществе столичного красавца, почетного гостя Академии. Старейшины поручают этой девушке позаботиться о том, чтобы гостю не было скучно... Думаю, Торкин Гинт не станет отрицать, что соблазнил девушку. А это означает, что она — жертва, а не преступница.

Королева всплеснула руками, чтобы не заплодировать. Ах старый хитрец, как славно он все задумал! А ведь поначалу заставил ее поволноваться... Заметив, как ее супруг кивнул, Найрия воспрянула духом.

Но вот Лорис подал знак, и Херек вывел к тронам Элиссу.

Впервые королю выпал случай разглядеть ее как следует. Тогда, во дворе, он видел ее лишь мельком — грязную, растрепанную после долгого путешествия, полуоглушенную... Теперь же перед ним, гордо выпрямившись, стояла молодая женщина удивительной красоты. Ее волосы блестели, как золото, а простое бледно-зеленое платье из дорогой ткани, которое по доброте душевной пожертвовал кто-то из фрейлин, ни на ком не могло смотреться так хорошо, как на ней. У короля пересохло в горле, когда он встретился с ней взглядом. Глаза Элиссы Квин горели вызовом.

И Тор, и Найрия заметили, как Лорис переменялся в лице. Редко, очень редко ему случалось встречать женщину-неожиданность. Но, сталкиваясь с такой женщиной, король мгновенно забывал о доводах разума: его охватывала страсть.

Херек тихо откашлялся, и король понял, что слишком долго смотрит на девушку.

— Что вы можете на это сказать, сударыня? — мягко спросил он, стараясь скрыть замешательство.

Элисса подобных чувств не испытывала.

— Мне нечего сказать человеку, который, обладая подобной властью, топчет беззащитных — должна заметить, своих верных подданных. Человеку, позволяющему пытать и убивать людей лишь за то, что они обладают даром, которого лишены остальные. Что ж, делайте со мной, что хотите. Но мне кажется, в нашем Королевстве правит Инквизитор Гот, а не вы, мой король.

В зале кто-то охнул. Это пахло государственной изменой и мятежом. На миг Лорис лишился дара речи. Он был потрясен — не столько ее обвинениями, сколько смелостью, с которой она бросила их ему в лицо. Буря чувств, вызванная ее красотой, еще не утихла, но теперь король не меньше восхищался силой ее духа. О да, ради такой женщины можно пойти на все. Он не допустит, чтобы ее клеймили и отправили в ссылку, в захолустье, где она пропадет...

Он поднял руку, и в зале тут же воцарилась тишина.

— Вы рискуете, выступая с такими обвинениями.

— Мне нечего терять, Ваше величество. Если вы думаете, что я боюсь за свою жизнь, то это не так. Я потеряла любимого мужчину, потеряла ребенка и с радостью приму смерть. А если думаете, что я боюсь потерять свободу... то эта жаба с пурпурной лентой давно отняла ее у меня.

Смысл ее последних слов не уловил никто — кроме тех, кто знал, что случилось в домике на севере Королевства.

— Поясните свою мысль, сударыня.

— Мне больше нечего сказать.

Элисса поклонилась королю и королеве и, не дожидаясь разрешения, вернулась на свое место у окна.

В зале послышались шепотки. Придворные были поражены: у всех на глазах эта женщина осмелилась так разговаривать с правителем Таллинора.

Лорис потеревил бородку. Положение было не из легких. Если девушка и дальше будет говорить полупонамеками, как он сможет спасти ее от наказания?

Пока король размышлял, Тор снова услышал голос Клута.

«Саксен здесь!»

«В тюрьме?!»

Только не это. Тор отчаянно надеялся, что Саксену удастся избежать ареста.

«Нет. Херек оставил в лесу несколько человек, чтобы его найти. Думаю, он тоже хочет помочь Элиесе. Нашли они Саксена или он сам их нашел, но капитан сделает все, чтобы Готу она не досталась».

Упомянутый Гот почувствовал, что король колеблется, и снова вышел вперед. Положение Инквизитора заметно пошатнулось, и пора было вмешаться. Однако Тор его опередил.

— Ваше величество, я попытаюсь объяснить, что имела в виду Элиссандра Квин. А также — что побудило ее искать защиты в стенах Академии.

— Говори, — король устроился поудобнее и, бросив короткий взгляд на Инквизитора, покачал головой. Ответом ему была гримаса, которая могла привести непривычного человека в ужас.

— Единственный виновник всего, что произошло с этой женщиной — я. Я признаюсь в том, что соблазнил Элисандру Квин, несмотря на все предупреждения. То, что она любит меня, а я люблю ее, к делу не относится.

Если бы в зале кто-то уронил иголку, это бы услышали все.

— Она поделилась со мной своей тайной. Я знаю, она возненавидит меня за то, что эту тайну узнают другие люди, пусть даже благородного происхождения. Но, думаю, вам уже ясно, что меня нельзя считать человеком чести. Поэтому я сделаю это без колебаний. Прежде

чем стать Неприкосновенной, Элиссандра Квин была простой сельской девушкой. Да, Чувствующей, но ее дар был очень слабым. Инквизитор Гот встретил ее в Фрэггльшемском Доле, и его обуяла похоть.

Инквизитор шагнул вперед, чтобы остановить наглого юнца. Этого нельзя допустить! Однако король явно желал услышать весь рассказ и поднял руку, призывая молодого лекаря продолжать.

— Гот приказал схватить Элиссу, — продолжал Тор. — Ее увезли из города, в крестьянский дом, где Инквизитор пытал ее, а потом изнасиловал.

В тронном зале воцарился хаос. Придворные вскакивали с мест. Стража мгновенно окружила троны, готовая защитить короля и королеву.

— Неслыханно! — брызгая слюной, орал Гот. — Этот человек — государственный преступник! И вы поверите ему, а не мне, Ваше величество? Девушка отказывается говорить. Свидетелей нет. Этот негодяй пытается расположить к себе собрание, втереться вам в доверие, чтобы облегчить свою участь!

— А если свидетель есть, Ваше величество? — Тор говорил негромко, но его взгляд, обращенный на короля, был прям и тверд. — Свидетель, которому нет смысла лгать? Свидетель, который подтвердит не мои слова, а рассказ испуганной молодой женщины?

— Ну, так приведи его! — Гот взмахнул руками, точно комедиант на подмостках.

Он знал, что свидетелей не будет. Никто не может выступить против него. Рус предан ему, а от Дрелла, который схватил Элиссу, за эти годы не осталось даже костей — Рус об этом позаботился. Люди, которые подожгли цирк и увезли девушку? Они тоже недолго радовались вознаграждению, полученному из рук Инквизитора.

Тор посмотрел на Херека. Капитан усмехнулся; улыбка получилась чуть кривой, и молодому лекарю показалось, что он видит прайм-офицера Кайруса — тот точно так же приподнимал одну бровь. Похоже, ему было любопытно, откуда Тор узнал про клука. Чтобы найти бывшего циркача, королевским стражникам пришлось проявить настоящее мастерство. Но, вопреки опасениям, Саксен сразу согласился отправиться в Тал, где находилась Элисса. Почему? Капитан не понимал. Он знал только одно: этот человек жаждет крови Гота. Да, конечно, его нужно было привезти сюда. Херек кивнул.

— Свидетель, Ваше величество! — крикнул Тор, перекрывая шум.

Возгласы стихли, люди снова расселись по местам. Несомненно, слова Тора никого не оставили равнодушным. Король подал знак ввести свидетеля, капитан махнул стражникам, и те распахнули дверь.

В зал вошел человек — рослый, могучий, выющиеся золотые волосы и фиолетовые глаза указывали, что в его жилах течет кровь клуков. Элисса охнула и вскочила. Тор бросил на нее взгляд, полный мольбы: сейчас не стоило давать волю чувствам, это могло только повредить делу. На миг их глаза встретились; потом девушка вздохнула, заставляя себя успокоиться.

— Кто это, Гот? — спросил Лорис.

Но Инквизитор стоял неподвижно, уставившись на клука, и не мог произнести ни слова. Потом его рот приоткрылся, как у рыбы, выброшенной на берег, лицо начало подергиваться и пошло пятнами.

— Но я же разделался с тобой! — слова вылетали у него изо рта, словно против воли. — Я сам выколол тебе глаза. Я скормил твой язык собакам. Я приказал тебя убить... — Инквизитор уже не кричал, а визжал. — Ты мертв!

Рус побледнел, потом позеленел. Меркуд, Тор и Херек изо всех сил старались скрыть усмешки. На такой оборот они даже не надеялись: Гот сам подписал себе смертный приговор.

Словно не замечая Инквизитора, Саксен низко поклонился королю, а затем королеве, и Найрия улыбнулась. Она узнала клука.

— Ты — Саксен Фокс из цирка Зорроса, верно? — спросила она.

Лицо Саксена расплылось в широкой улыбке.

— Да, Ваше величество, — он посмотрел на Лориса. — Я пришел, чтобы свидетельствовать.

— Говори, — произнес король.

— Инквизитор Гот приказал отвезти Элиссу Квин в тайное место, где безжалостно избил и изнасиловал. Я знаю об этом, потому что нашел их в ту ночь, когда горел цирк. Я застал Инквизитора за этим мерзким делом и расправился с ним.

— Закрой свою пасть, поганый клук! — заорал Гот.

Король не удостоил его вниманием.

— А как ты оказался в окрестностях города? — спросил он, обращаясь к Саксену.

— Когда начался пожар, все бросились кто куда. А мы с этой красавицей — тогда она была еще совсем девочкой — только что «летали». Помните, в конце представления мы выбираем кого-нибудь из зрителей и... В общем, мы выбрали ее. Так вот, я спасался от огня и вдруг увидел, как какой-то человек пытается втащить ее к себе в седло, а она вырывается. Я решил, что девушку надо спасать. Но он ускакал раньше, чем я успел подбежать. У меня лошади не было, так что я не сразу их нагнал...

Саксен смолк.

— И как ты с ним расправился? — спросил король.

— Простите, государь... наверно, нельзя говорить о таких вещах в обществе благородных людей... — Саксен передернул плечами. — Я избил его до потери чувств, а потом взял нож и... сделал так, чтобы он больше никогда никого не обесчестил. Может быть, вам лучше спросить Инквизитора Гота — он сам скажет, вру я или нет.

Лорис встал. Он был вне себя от ярости. Его выставили дураком перед всем Королевством! Инквизитор — человек, которому он доверял как никому, — предал его, обманул его доверие! Тяжело переведя дух, король ткнул пальцем в сторону Элиссы.

— Подтверди это — и будешь свободна!

Девушка одернула юбку и поднялась.

— А что будет с Торкином Гинтом, Ваше величество?

— Отвечай! — рявкнул Лорис. Он уже почти ненавидел себя за то, что желает эту женщину. Но сколько в ней огня, сколько презрения к силе и власти!

Но не только он смотрел сейчас на Элиссу. Еще три пары глаз ловили ее взгляд. Саксен, Тор и Найрия безмолвно молили ее: «Спаси себя».

Эти взгляды давили на нее, как чудовищные поршни. Элисса подумала о своем ребенке, чье тельце гниет сейчас где-то в лесу. Она вспомнила о книгах Нанака и о том, как одно упоминание Орлака заставило ребенка забиться у нее в животе. У нее есть предназначение. Она для чего-то нужна — и не для того, чтобы ее убили или клеймили, как любую другую женщину-Чувствующую. Внезапно зал исчез; она видела лишь Тора и почти ощущала волны любви, которые катились к ней одна за другой. Она поняла, что ненавидит не только Гота, но и короля, который так долго поддерживал это чудовище. Пока Лорис неуязвим. Но одно ее слово — и власти Инквизитора придет конец. Так есть ли у нее выбор?

— Это правда, — отчеканила она, глядя королю в глаза.

Никто не заметил, когда за спиной у Инквизитора и его помощника появились стражники. И теперь Гот почувствовал, как их сильные руки сжали ему локти.

— Ваше величество! — крикнул он, надеясь перекрыть многоголосый шум. — За Элиссу Квин кто-то должен замолвить слово! Она все еще остается обвиняемой, она Чувствующая, обнаруженная Инквизицией. И ее поручитель должен быть человеком благородного происхождения.

Гот знал, что его участь решена. Но напоследок он еще успеет вбить колышек в сердце этому проклятому мальчишке. За Элиссу поручиться некому.

Король тоже это знал, и ему стало тошно. Изворотливая тварь... Даже загнанный в угол, он не выпустит свою добычу. Он сделал все, чтобы эту прекрасную женщину бросили в темницу, пытали, клеймили... Лорис сгорбился. Еще никогда он не чувствовал себя столь бессильным.

— Инквизитор Гот прав, — произнес он. — Древний закон гласит: за Чувствующего должен поручиться кто-то, чье положение выше, чем у инквизитора, который его уличил. В этом зале нет никого, кроме меня, кто стоит выше главы Инквизиции, а я не вправе поручиться за обвиняемую.

Подергивающееся лицо Гота искривила победная усмешка.

— Неужели? — прозвенел голос королевы. — Я поручусь за эту женщину. Я стою выше, чем это дерьмо, которое корчится у наших ног, мой король.

Кто-то заплодировал. Потом послышались одобритель-возгласы. Эта отважная девушка с самого начала завоевала сердца всех, кто сидел в зале. И теперь придворные радовались ее победе как своей собственной — еще и потому, что Элиссе поддержала королева, которую любили все.

Но Найрия еще не закончила.

— Если я не ошибаюсь, Лорис, в Древнем законе сказано еще кое-что, — невинно заметила она. — Подсудимый, будучи оправдан, имеет право выбирать наказание для того, кто облыжно обвинил его. Я не ошиблась?

Король кивнул.

— Элиссандра Квин, — торжественно произнес он, — с тебя снимаются все обвинения. Этот человек причинил тебе зло, которому не может быть прощения, и его судьба в твоих руках.

Все взгляды обратились к Элиссе. Гота уже поставили на колени и заставили склонить голову. Как бы ему хотелось снова посмотреть этой девчонке в глаза, напугать ее, подчинить, как раньше. Но сильная ладонь стражника давила Инквизитору на затылок, и Готу оставалось лишь дрожать от ярости.

— Его следует сжечь на костре, — объявила Элисса тихо и без колебаний. — Может, огонь, который так изменил этого человека в детстве, очистит его прогнившую душу.

— Да будет так, — кивнул король. — Уведите его.

— Подождите! — крикнул Гот. — А Гинт? Как он будет наказан за плотские утехи с женщиной, в изнасиловании которой меня обвиняют? Я требую, чтобы он был наказан в соответствии с древним законом, Ваше величество! Он виновен — он сам признал, и все это слышали. Он должен быть распят на кресте и забит камнями!

Вот как — у него оставался еще один козырь... Лорис все-таки угодил в ловушку. Если бы было можно, он перерезал бы Инквизитору горло прямо в этом зале. Вот уже третий десяток лет Лорис требовал исполнения отвратительного закона, который приняли его предки. И теперь, согласно этому закону, должен казнить Торкина Гинта — или он не король. Он слабый человек, никчемный трус — так решат его недруги. Хуже того: лицемер.

— Уведите его, — сухо повторил Лорис.

Гота выволокли из зала. Инквизитор вырывался и напоследок все-таки крикнул, обернувшись через плечо:

— Надеюсь увидеть тебя на кресте, Гинт!

— Не дожدهшь! — откликнулся Тор. — Тебя сожгут раньше!

Слова прозвучали смело, но он был испуган. Цвета собрались вокруг него, и казалось, что воздух гудит. Похоже, Меркуд почувствовал это, потому что голос старика зазвучал в голове у Тора:

«Вспомни женщину, которая мне приснилась, мальчик».

Но Тор думал не о Лисс. Он думал об обещании, которое взяла с него королева. Он поклялся.

Когда двери за Инквизитором и его помощником закрылись, зал снова огласили крики. Казалось, каждый спешил высказаться, не слушая других.

Лорис сидел тихо. Слишком много потрясений за один день... Королева легко коснулась его руки; он вздрогнул и обернулся. Найрия смотрела на мужа сурово и строго.

— Ты не можешь так поступить, Лорис. Прошу тебя, не делай этого.

— У меня нет выбора, Найрия.

— Ты прощаешь женщину, которую видишь впервые — и отправляешь на казнь человека, которого давно знаешь и любишь... — она почти умоляла. — Он спас мне жизнь, Лорис.

— Я подчиняюсь закону, который позволяет мне до сих пор править в Таллиноре. Гот прав. Если я поступлю иначе, значит, грош цена и мне, и этому закону, и Королевству. Мне очень жаль.

Он беспомощно посмотрел на женщину, стоящую у окна. Элисса смотрела на него, и в ее глазах не было ничего, кроме ненависти.

— Жаль?! Лорис, ты отправляешь на казнь прекрасного человека.

Теперь Найрии стало страшно. Она знала эту решимость во взгляде и желваки, гуляющие на скулах. Ее муж принял решение. И никакие слова не заставят его передумать. Королева отвернулась.

— Да помилуют боги твою душу, Лорис.

Когда король огласил смертный приговор, никто не хотел смотреть ему в глаза, кроме обвиняемого Торкина Гинта.

Глава 27 Посетители

«Вероятно, сегодня мы говорим в последний раз».

«Звучит как окончательное решение, друг мой».

«Это оно и есть, Нанак. Конечно, если мне удастся провести Обмен душами».

«Я слышал про этот ритуал,- задумчиво проговорил Нанак. — Но никогда не слышал, чтобы это кому-то удавалось».

«Я должен попытаться. Это наша последняя надежда... Как они?»

«Держатся ради тебя, Меркуд. Темезиус и Фиггис сильны, как никогда».

«А ты?»

«То, что ты сказал, смутило меня. До сих пор я пребывал в прекрасном настроении».

Меркуд вздохнул.

«Расскажи мне последние новости. Хочу немного отвлечься».

«Меня посетила Хранительница. Такая честь... я все еще дрожу».

Меркуд нахмурился. Он не понимал, почему Нанак так счастлив. А он счастлив — в этом нет сомнений. Хранительница...

«Что за Хранительница?»

«Лисс, разумеется».

За дверью послышались шаги.

«Заканчиваем, Нанак. Думаю, возможности поговорить нам с тобой уже не представится».

«Да, ты уже сказал».

«Ты должен знать, — поспешно добавил Меркуд: он уже знал, что в дверь вот-вот постучат. — Ко мне она тоже приходила».

Последовала короткая пауза.

«Значит, ты удостоился великой чести и должен подчиниться».

В дверь постучали.

— Я знаю, что ты там, старик. Открывай. Королева. Повелевает, а не просит, но голос дрожит. «Прощай, друг Нанак», — грустно сказал Меркуд и прервал связь.

Так много надо сказать, а времени осталось так мало. Он поднял свое изнуренное годами тело со стула и направился к двери. Негоже заставлять Ее величество беспокоиться.

Он открыл... и Найрия, рыдая, повисла у него на шее.

— Что нам делать, Меркуд? — прошептала она. -- Завтра Тора казнят.

Впервые за два десятка лет Меркуд держал в объятьях женщину, которую все это время любил. Благодарение всем богам, которые слышат его сейчас, и всем, которые не слышат —

за то, что дали обнять ее перед смертью.

«Что нам делать? — молча повторил он, глядя ее мягкие волосы. — Мы подчиняемся Хранительнице».

Тюремный надзиратель открыл камеру, чтобы проведать Инквизитора, и с удовлетворением отметил, что Гот сидит, скорчившись в самом темном углу. Так он сидел с тех пор, как ушли посетители. Надзиратель поставил тарелку с жидкой кашей на заплесневелый пол и подтолкнул ее ногой. Он не мог удержаться, чтобы не показать этой твари свое презрение.

Вообще-то, в проверках нужды не было, но у надзирателя возникли подозрения. Одна из посетительниц была необычайно хороша собой. Кто бы мог подумать, что такая красавица навестит этого ублюдка. Даже вуаль не могла скрыть ее красоты. Еще более странно, что девушка — по ее словам, родственница Инквизитора — привела с собой какую-то старуху.

Надзиратель почесал затылок и снова посмотрел на пленника, который мерно раскачивался из стороны в сторону. Голову Инквизитора скрывал капюшон. Казнь была назначена на завтра... а потом казнят беднягу лекаря, который сидит в другой части тюрьмы. Этих двух заключенных приказали держать подальше друг от друга. При мысли о сожжении — самой страшной казни, которую можно придумать — надзирателя передернуло.

— Вот твоя жратва, — буркнул он.

Закрывая дверь, он услышал, как сменяется караул.

— Как он там? — крикнул один из стражников.

— Все также, — громко отозвался надзиратель и пожал плечами.

Один из охранников заглянул в полуоткрытую дверь.

— Эй, Гот! Если сейчас же не съешь кашу, придется подогреть ее завтра на твоём костре.

Остальные фыркнули. Наверно, инквизитор Рус — единственный, кто не испытывает облегчения, когда огонь пожрет эту тварь. Однако вторая казнь вызывала совсем иные чувства.

— Знаешь что, — добавил солдат. — Мы сейчас принесем хлеба и поедем вместе с тобой.

Гот наконец обернулся, чтобы взглянуть на мучителей. Только это был не Гот. На стражников, скаля гнилые зубы, смотрела сумасшедшая Хегги, которая бродила по полям в окрестностях Тала и вечно выпрашивала еду.

Ошарашенный, стражник попятился и налетел на стену. Надзиратель вытолкнул его из камеры, схватил ключи и запер Хегги. Он не знал, зачем это делает — несчастная дурочка была ни в чем не виновата.

В коридоре его встретил капитан Херек.

— Что происходит? — спросил он.

Гот, капитан... — запинаясь, пробормотал надзиратель

Стражник вытянулся во фрунт, хотя выглядел так, словно получил чем-то тяжелым по голове.

— Говорите, — раздраженно бросил капитан.

— Капитан Херек, в камере сидит Хегги, — отчеканил стражник. — Гот исчез.

— Исчез? Вы что, пьянствовали на посту? — Херек подошел к надзирателю, выхватил у него ключи и открыл дверь, но тут же шагнул обратно.

— Выведите ее отсюда, — приказал он стражнику, который пришел с ним. Капитан не стал бы отрицать, что испытал нечто вроде суеверного ужаса, но ему удалось это скрыть.

— Надзирателя ко мне... Объяснить, что произошло. Несчастный тюремщик плюхнулся на ближайший табурет.

— У нас сегодня был посетитель... то есть два... Две посетительницы. Говорила только одна из них. Молодая, на лице вуаль. Но такая красавица... Она назвалась его кузиной, и я подумал, что ничего плохого не будет... хотя учтите, если даже Готу будет очень плохо, мне

плевать. Даже наоборот... Вторая женщина не произнесла ни слова, сударь. Они заглянули к нему ненадолго и ушли.

— Кто эта женщина? Ты спросил, как ее зовут?

— Она сказала...

Надзиратель мучительно наморщил лоб. Он осрамился по самое некуда и не хотел позориться еще больше, заглядывая в журнал, чтобы освежить память. Наконец, на его лице появилось нескрываемое облегчение: он вспомнил.

— Она сказала, что ее зовут Ксантия.

Глава 28

Побивание камнями

Вспоминать прошлое больше не было смысла. Тор вернулся в шум и ужас настоящего. Настоящего, в котором его казнят.

Он понял, что полуденное солнце бьет в глаза, прищурился и заморгал. Рядом стоял какой-то паренек, немногим старше его самого. Юноша шагнул вперед и коснулся руки Тора. Что-то в пристальном взгляде незнакомца заставило лекаря обернуться. Стражники быстро оттолкнули юнца, но чутким слухом Тор уловил его шепот:

— Меня зовут Саллементро, я — певец. Я — ее защитник.

У Тора радостно забилося сердце. Этот паренек явно говорит про Элиссу. Еще один из Паладинов? Тор успел кивнуть юноше, прежде чем тот исчез за стеной широких плеч.

Шум давил немилосердно. Люди рыдали, молили богов, чтобы страдания лекаря были недолгими... Тор задумался. Сможет ли он исполнить то, что обещал Меркуду и Лисс? Можно ли им вообще верить? Встреча с Саллементро давала надежду. Может быть, надо просто убедить себя, что это не конец. Просто новое начало. При этой мысли он почувствовал что-то вроде спокойствия.

Клут опустил молодому лекарю на плечо, и Тор погладил его.

«Тор...» — казалось, соколу трудно говорить даже мысленно.

«Я знаю. Мы должны верить Лисс».

Клут был в ужасе. Для него, как и для остальных, эта казнь была казнью, и ничем иным. За много лет Лисс ни разу не дала ему повода усомниться в своей мудрости. Но то, что происходило сейчас, у него на глазах... Для его верности это было непосильным испытанием. Он не знал, что будет дальше... и хотел лишь одного: сказать Тору, чтобы тот призвал Цвета и бежал. Но нет. Нельзя поддаваться страху.

Печально забил барабан. Внезапно Тор понял, что уже стоит на поспешно воздвигнутом помосте, где его ждет палач — по обычаю, он должен познакомиться с осужденным.

Палача звали Джод. Торжественно-деловитый, он пожал Тору руку, словно и в самом деле приветствовал его — так, как издревне принято в Таллиноре. Странно, но это прикосновение успокоило Тора. Миг спустя рядом уже стоял Херек. Тор почувствовал, как капитан сжимает ему локоть, и спокойствие сменилось умиротворением.

Джод оказался на удивление красноречив.

— Мне не нравится моя работа, но я мастер своего дела, — его голос был низким и хрипловатым. — Нет, я — лучший в Четырех Королевствах, скажу не хвастаясь. Капитан Херек сказал, что народ не согласен с вашей казнью, почтенный Гинт. Не мне судить о ваших грехах, зато о ваших добрых делах знает все Королевство. Поэтому я вам обещаю: ваша смерть будет быстрой и настолько безболезненной, насколько я могу это обеспечить. Я привяжу вас не бечевками, а ремнями из сыромятной кожи. И камни возьму самые тяжелые.

Приятно слышать. Когда казнят тиранов или мятежников, палач приносит камни помельче, чтобы помучить жертву и дать толпе вволю насладиться зрелищем. Тор почувствовал легкое головокружение и услышал, как капитан Херек от его имени благодарит Джода за сострадание.

Палач что-то проворчал себе под нос и вежливо показал на крест, который лежал на помосте.

— Будьте добры, — сказал он.

Тор вопросительно посмотрел на Херека. Внезапно он перестал понимать смысл происходящего.

— Ему нужно, чтобы ты лег на крест, Тор, — мягко проговорил капитан. — Он должен тебя привязать.

Тор больше не доверял собственному голосу и просто кивнул. Огромная толпа продолжала шуметь. Никто не хотел этой казни — люди пришли, чтобы отдать лекарю последний долг.

Но когда Херек помог ему лечь, Тора охватила дикая паника.

«Клут!»

«Я с Элиссой, Тор, — голос Клута звучал спокойно. Он поклялся защищать этого человека даже ценой собственной жизни, но все, что он мог сделать для него сейчас — это поделиться крохами спокойствия. — Посмотри на нее, Тор. Пожалуйста».

Последняя соломинка — но не та, что спасает утопающего, а та, что ломает хребет... Тор оттягивал этот миг сколько было возможно. Но когда Джод стал умело привязывать его запястья и лодыжки к деревянным перекрестьям, Тор решился. Он уже знал, куда нужно смотреть — оставалось только повернуть голову.

Элисса поймала его взгляд. Ее губы дрожали, но она заставила себя улыбнуться, без слов обещая вечную преданность единственному человеку, которого любила. Потом подняла руку, словно хотела его коснуться.

Этот простой знак пламенной любви вызвал настоящую бурю чувств и эмоций у людей. Площадь огласилась громкими рыданиями женщин. Мужчины неловко глядели себе под ноги.

Ее величество королева Найрия не желала видеть, как Тора привязывают к кресту. Она отвернулась и посмотрела на Меркуда. Взгляд королевы был полон тоски. Оба присутствовали на казни не по доброй воле, оба были вынуждены скрывать боль.

В это время Лорис смотрел на Элиссу и испытывал совсем иные чувства. Он не ожидал, что может так страстно желать женщину. Может быть, остановить казнь? Но... удержит ли он власть, если пойдет на попятный?

Бывший Инквизитор Гот и его новая сообщница Ксантия — переодетые, прикрывая лица, — стояли в толпе и упивались нарастающим беспокойством. Их радость омрачало лишь одно: они уже не смогут приложить руку к гибели человека, которого ненавидели — каждый по своей причине.

Найрия не ошиблась: глядя, как его ученика готовят к смерти, Меркуд в самом деле пытался скрыть чувства. Но королеве и в голову не могло придти, что на самом деле мучает старика. Ритуал, который он намеревался провести, был чрезвычайно сложен. Удастся ли он? Меркуд был не просто обеспокоен — он трепетал. Собрав все силы и стараясь не потерять ни крупинцы, он ожидал подходящего момента.

Внезапно толпа смолкла. Меркуд понял, что Тора поднимают на кресте.

Так оно и было. Двое стражников ухватились за перекладины, третий направлял основание в паз. Тор знал всех троих: последние несколько лет они чуть ли не каждый день вместе упражнялись с мечами, вместе пили эль... Казнью командовал Херек. Видно было, что никакого удовольствия он от этого не испытывает. Капитан отрывисто выкрикивал приказы, торопил подчиненных, чтобы побыстрее покончить с этим недостойным делом.

Когда крест встал, Тор почувствовал толчок. Теперь он неловко висел на руках, а внизу шевелилось море человеческих лиц. Наверно, он мог назвать всех по именам. Одним из первых он узнал Саксена, который стоял недалеко от возвышения. Потом по толпе пробежал шепот, люди начали показывать пальцами: красавец сокол, с которым молодого лекаря часто видели в городе, бесшумно приземлился на верхушку креста.

Клут угрожающе расправил крылья и огляделся. Он ничего не мог поделать с яростью, внезапно охватившей его — чувство, которое появлялось крайне редко.

«Я здесь, Тор».

«Будь осторожен, чтобы в тебя не попали камнем», — ответил Тор. Его голос дрожал.

«Я не боюсь. И ты не бойся. Мы вместе».

Тор почувствовал, как по щекам текут слезы, и не мог остановиться. Наверно, сейчас он выглядел не слишком браво, но ему было все равно.

«Только не умирай вместе со мной, Клут. Прошу тебя».

«Обещаю: я умру, только если ты умрешь на самом деле».

Херек огласил приговор. Капитан был не слишком хорошим оратором, и Готу это очень не понравилось. Неужели такое важное дело не могли доверить никому, кроме этого солдафона? Оттарабанил текст и, едва закончив, свернул пергамент!

Тор скорее почувствовал, чем услышал, как капитан обращается к нему. Не желает ли осужденный что-нибудь сказать? Толпа мгновенно смолкла. Стало так тихо, что он услышал собственное дыхание.

— Прошу прощения у всех, кто меня любил или считал другом, — он смотрел на Элиссу, потом повернулся к Лорису, и тому показалось, что темно-голубые глаза лекаря глядят прямо ему в душу: — Я прощаю вас, мой король.

Теперь тишина была наполнена благоговением. Уходил поистине достойный человек.

Не смея нарушить молчание, Джод знаками просил людей посторониться и дать ему место. Он должен был встать примерно в тридцати шагах от креста, прямо напротив Тора. В руках палача уже появилась корзина с отвратительными тяжелыми камнями.

В этот миг Тор почувствовал, как возникает мысленная связь.

«Ты готов?» — спросил Меркуд.

«Ты уверен, что у нас получится?»

«Мы попробуем. Ни у кого еще не получалось. Ты должен понять: наши души обменяются телами. Ты будешь жить в моем теле, пока мы не сможем вернуть тебя в твое собственное. А мой дух войдет в твое тело».

«Но, Меркуд... почему ты должен умереть в моем теле?»

Джод опустил корзину на землю.

«Это единственный путь. Мое время пришло. Я нашел тебя, и теперь у тебя своя дорога. Ты должен жить, а я должен умереть. Используй мое тело, чтобы добраться до Сердца Лесов. Там ты будешь в безопасности. Времени больше нет. Несмотря на все, что я сделал, мой мальчик, я люблю тебя. Соберись с силами и откройся для меня. Сейчас. Мне потребуется вся твоя мощь».

Охваченный ужасом, Тор повиновался, и Цвета закипели вокруг него, неукротимые, как пламя. На миг Меркуд замер. Он был потрясен. Есть ли предел силе, которая вдруг оказалась в его распоряжении? Но оторопь быстро прошла: это будет длиться лишь несколько мгновений, и второго случая уже не представится.

Держа в каждой руке по камню — они были похожи на грубые шары, — Джод заговорил в последний раз.

— Закрой глаза, мальчик. Я буду целить тебе в голову. Так будет быстрее, — по привычке он взвесил камень в правой руке. — Я еще ни разу в жизни не промахнулся.

Палач замахнулся. Ксантия улыбнулась, и Гот с радостью увидел, как Тор зажмурился. Но они не знали, зачем он на самом деле закрыл глаза. Именно в этот миг могучий поток силы обрушился на Меркуда и поглотил обоих — учителя и ученика. Это было самое удивительное волшебство, какое творилось в этом мире за последнюю сотню лет.

«Давай!» — громко прокричал Меркуд. Прямо на него катился могучий вал, который грозил вот-вот выйти из повиновения.

Толпа видела, как Джод со всей силы метнул камень, который попал осужденному точно в лоб. Череп тошнотворно хрустнул, кровь брызнула во все стороны. Вслед за первым полетели еще два камня: один угодил в висок, второй — в грудь, чтобы удар остановил

сердце.

Потрясенные, притихшие, люди смотрели, как медленно угасает свет в темно-голубых глазах Торкина Гинта — наверно, самых ярких на свете, — а по белой рубашке расплзается пунцовое пятно.

Сокол горестно закричал, забил могучими крыльями и поднялся в воздух, чтобы улететь прочь с этого места позора и гибели.

Где-то в глубине Великого Леса завывала серебристая волчица.

Лорис смотрел на Элиссу. Ее хрупкие плечи дрожали, по щекам градом катились слезы, а глаза не отрываясь смотрели в лицо возлюбленного, теперь изуродованное до неузнаваемости.

Король не находил себе места. Да, приговорив к смерти Торкина Гинта, он действовал в рамках закона. Более того: подчинялся его требованиям, как послушный слуга. И все же в его власти было остановить этот ужас. Он мог.

Если бы хотел.

Но в тот день, когда он, Лорис, увидел в тронном зале Элиссу, в нем проснулась ревность, с которой он ничего не мог сделать. Почему эта женщина досталась Тору? Тем более — в нарушение запретов... Следование этому извращенному ходу рассуждений приводило к необходимости точно следовать букве закона и оправдывало короля.

Теперь Лорис сожалел о своем решении, о своей зависти, своей слабости. Он ненавидел себя. Он ненавидел себя за то, что снова предал Найрию — хотя бы в мыслях, — предал Тора... и эту молодую женщину, которую был обязан защищать как король, как мужчина.

— Любовь моя...- сквозь слезы прошептала Найрия. Лорис остановил ее: он заметил, что Элисса, которая до сих пор не сводила глаз с мертвеца, висящего на кресте, отворачивается, чтобы посмотреть на него. На предателя.

Теперь на ее гордом лице было лишь презрение. Потом Элисса провела рукой по лбу, словно для того, чтобы откинуть золотистую прядь, посмотрела на королеву, вежливо кивнула ей и скрылась полутемных покоев. Стража последовала за ней.

— Она никогда мне не простит, — вырвалось у Лориса.

— Вам не нужно ее прощение, Ваше величество, если вы не совершали греха, — отчеканила Найрия и отвернулась. Ей хотелось уйти отсюда, спрятаться у себя в покоев. Однако попытка еще не закончилась.

Она увидела, как старый лекарь пытается встать с кресла, в котором сидел с тех пор, как началась казнь. Он казался оглушенным.

— Меркуд! — королева бросилась к старику.

Лекарь встал и тут же привалился к стене, словно не мог держаться на ногах. Серые глаза смотрели с какой-то странной отрешенностью. Лорис, поспешив следом, подхватил старика и уже оборачивался, чтобы позвать кого-нибудь на помощь, когда Меркуд проговорил:

— Все хорошо. Просто дайте мне немного постоять и прийти в себя.

Его голос звучал странно, хрипло. Король и королева смотрели, как он судорожно хватается ртом воздух. Потом взгляд старика прояснился. Наверно, его слишком потрясла смерть ученика, подумала Найрия. Губы лекаря дрогнули, их тронула кривая улыбка... и тут же исчезла.

— У меня еще много работы, — пробормотал Тор, заставляя губы Меркуда повиноваться.

— Подожди, я кого-нибудь позову, тебя проводят...

— Нет, Лорис! — казалось, старика полностью захватила какая-то мысль. — Тело... Я уже обо всем договорился... Я должен заняться телом.

И он оттолкнул руки короля.

— Куда ты собрался? — спросила Найрия, не собираясь его отпускать.

— Пропустите меня, Ваше величество.

Лорис давно понял, что спорить с Облегчающим Страдания бесполезно. Однажды приняв решение, он уже не отступится. Судя по его тону, так будет и сейчас.

— Ты покидаешь нас, Меркуд?

— Я не могу остаться, Лорис. Хотя бы потому, что не согласен с тем, что ты сегодня сделал. Я обещал родителям этого мальчика, что буду его защищать, воспитывать, заботиться о нем... — лекарь тяжело вздохнул. — Я не сумел. Я предал их и его.

Найрия заплакала.

— Теперь я должен похоронить его так, как он заслуживает, — Тор посмотрел на короля суровым взглядом Меркуда. Лорис смущенно отвел глаза.

— Но, Меркуд, мы можем...

— Повторяю: нет и еще раз нет. Я отвезу Торкина Гинта в особое место. Простите, что уезжаю так поспешно.

Найрия обняла лекаря. К ее удивлению, он снова пошатнулся. Он совсем ослабел.

— Пожалуйста, Меркуд... может быть, хотя бы отправить с тобой кого-нибудь из стражи?

— Благодарю вас, сударыня. Но я уже обо всем договорился.

Больше сказать было нечего. Удивленные, недоумевающие, они смотрели, как старик, который лечил королей и королев еще в незапамятные времена, неверными шагами направляется к дверям... и уходит. Уходит из их жизни.

Дверь хлопнула. Этот звук деревянным стилетом вонзился в больное сердце королевы Найрии.

Спускаться по лестнице оказалось нелегко: руки и ноги Меркуда не желали слушаться. В этот миг Тор увидел Элиссу, которая направлялась в отведенные ей покои. Ее сопровождала целая толпа придворных; ближе всех держался капитан Херек, который что-то тихо ей объяснял. Увидев лекаря, они расступились, пропуская его вперед.

Догнав Элиссу, Тор остановился и посмотрел на нее. Он знал, что смотрит на нее глазами Меркуда, что она видит перед собой измученного старика, но слова не шли у него с губ. Стражники удивленно переглядывались. Происходило что-то странное.

Элисса первой нарушила молчание.

— Это твоя вина, — в ее голосе не было ни жалости, ни сострадания.

В голове у Тора стоял туман. Даже его силы и мастерства было недостаточно, чтобы заставлять чужое тело повиноваться: это требовало еще и запредельной сосредоточенности. Но старик велел ему не задерживаться. Времени оставалось все меньше. Наверно, сейчас он даже не сможет как следует разговаривать... но как уйти, даже не попытавшись успокоить Элиссу? Главное — не сболтнуть лишнего. И без того Херек уже посматривает на него с подозрением.

Наконец Тор нашел в себе силы заговорить.

— Найди Саллементро, Элисса...

Это было так странно — произносить слова мягким голосом Меркуда.

— ...Он — один из Паладинов.

Стражники двинулись дальше, уводя Элиссу. В последний миг она обернулась, выглянула из-за их широких плеч, и Тор послал ей воздушный поцелуй.

Странно, подумал Херек, который остался с лекарем.

С вами все в порядке, сударь? — спросил он. Старик улыбнулся очень лукаво, одними уголками губ.

— Нет, Херек. Сегодня со мной явно что-то неладно. Но... спасибо за беспокойство. Телега готова?

— Да, почтенный. Все, как вы велели. Спасибо тебе. Ты славный человек, Херек.

— Мне надо кое-что вам сказать, почтенный Меркуд. Пока мы не доложили королю, но сейчас я как раз направляюсь к нему. У меня дурные вести.

— Говори.

— Вчера вечером сбежал Гот. Мои люди ищут его... и непременно найдут.

Тору вдруг показалось, будто его нагнал один из камней Джода. Что будет с Элиссой? Он закашлялся: от гнева, обиды и страха перехватило дыхание. Но их тут же смыло иное чувство — отчаяние. Его собственное, не Меркуда.

— Девушка знает? — резко спросил он.

— Пока нет, почтенный. Первым об этом должен узнать Его величество. Я говорю вам об этом только потому, что знаю о вашем участии в этом деле и о том, что вы нас сейчас покидаете.

«И больше не вернетесь», мысленно добавил он, глядя, как старый лекарь привалился к стене.

— Обещай, что будешь ее защищать, Херек. И обязательно найди Гота!

Капитан кивнул.

— Клянусь, сударь. Я выполню обе ваши просьбы.

То и дело спотыкаясь, Тор побрел дальше, пока дворцовые ворота не остались позади. Казалось, Дворец внезапно опустел, обезлюдел — исчез даже запах еды. Но Тор был рад тишине.

Он заметил телегу и то, что на ней лежало. Его собственное тело, завернутое в муслин, сквозь который уже проступила кровь. Несколько мгновений Тор разглядывал этот сверток, затем, собравшись с силами, забрался на козлы и взял поводья. Лошади, которые все это время терпеливо ждали, начали переминаться с ноги на ногу.

Над головой послышался шум, и Тор посмотрел вверх. Как и следовало ожидать, Клут был готов стать его провожатым.

«Это ты?» — как обычно, осторожный голос сокола раздавался у него в голове.

«Я с тобой, Клут».

Негромкий окрик-и лошади зашагали вперед. Началось неспешное путешествие в Великий Лес, к месту последнего упокоения Меркуда.

Глава 29

Последнее предательство

Великий Лес снова пришел на помощь. Благодаря его волшебству драгоценный груз был доставлен в Сердце Лесов меньше, чем за день.

Праведная отшельница Арабелла смотрела, как старик, который называл себя Меркудом, слезает с телеги, а затем он чуть не упал ей в ноги.

— Я здесь, как было приказано... — отшельница знала, что голосом Меркуда говорит Тор. — Его... мое тело в телеге.

— Ты быстро добрался.

— Мне сказали, что время — наш враг.

— Значит, не будем терять ни мгновенья. Помоги мне отнести твоё тело на поляну.

— Боюсь, это станет последним, что совершит Меркуд на этой земле, — устало заметил Тор.

Они сняли с телеги остывающее тело Тора и положили его на землю, затем, не произнося ни слова, сняли с него саван. При виде зияющей раны на лбу юноши, из которой все еще медленно сочилась кровь, Арабелла поморщилась. Несомненно, именно эта рана оказалась смертельной. Праведница коснулась запястья старика, чтобы успокоить его... конечно, не Меркуда, а Тора. Она даже не могла представить, насколько мерзко он себя чувствует. Еле дышит...

— Время, — напомнила женщина.

— Я знаю, — Тор взял ее руку, поцеловал и шепотом добавил: — Спасибо.

Арабелла наблюдала, как Меркуд с трудом ложится подле тела своего ученика.

— Прощай, — вот и все, что он сказал, прежде чем закрыть глаза. И во второй раз за этот день Тор убрал все барьеры и завесы, открылся и дал волю своей силе.

Летучие огоньки, мелькая, уже собирались вокруг лежащих на земле людей и склонившейся над ними женщины, тихое пение понемногу наполняло тишину леса. Дармуд Корил тоже был здесь. Мощь — безграничная, ошеломляющая, невысказанная — витала в воздухе.

Арабелла больше не смотрела на Меркуда. Теперь ее взгляд был прикован к разбитому, окровавленному лицу юноши. Вперившись в его когда-то прекрасные темно-голубые глаза, она ожидала знака. Отшельница была терпелива, но ничего не могла поделать с беспокойством. Эта затея была опасной с самого начала и сопряжена с такими трудностями, что праведница даже не смела о них думать. Сейчас наступил решающий момент. Она сжала кулаки с такой силой, что ногти впились в ладони; странно, но боль помогла успокоиться.

Внезапно она услышала звук — словно воздух вокруг нее вздохнул. Меркуд... Дело сделано. Старик до конца исполнил свой долг, он сделал все, что потребовал от него Сонм, направивший его на поиски Триединого. Праведница вновь посмотрела в его сторону... и ахнула. Там, где только что лежало тело, осталась лишь груда мятой одежды и кучка пыли, которую уже уносил ветерок.

Великий Меркуд ушел. Но Арабелла знала, что на самом деле он умер много часов назад, когда его дух вошел в тело Тора, чтобы принять за него наказание. Старик испустил последний вздох в теле другого человека.

Арабелла снова посмотрела на юношу. Потом опустила веки и стала молиться. А когда открыла глаза, ее охватила радость. В прекрасных глазах Торкина Гинта снова загоралась жизнь.

Лозы уже устремились к нему и нежно обвивали его искалеченное тело. Деревья склонились, их ветки подняли юношу и передали богу лесов. И тут же Небесные Огни засияли всеми цветами радуги.

Высоко в ветвях деревьев заплакал Клут. Торкин Гинт продолжал жить. Началась следующая часть путешествия.

О значении некоторых имен собственных

Имена некоторых персонажей и народов имеют особое значение (зачастую даже не одно), которое становится понятным лишь при переводе. Эти значения весьма любопытным образом перекликаются, образуя дополнительный, символический пласт повествования.

Айрис (Iris) - имя Старейшины можно перевести как «ирис» — цветок с прямым стеблем и листьями, похожими на лезвия меча, который растет на болотах и словно возносится над топью (сравнить с названием деревни, в которой родилась и выросла Элисса — «Пустошная топь»). А также «радуга» (Тор называет энергию, с помощью которой творит волшебство, «Цветами»), «радужная оболочка глаза» («беречь как зеницу ока»).

Брокен (Broken) — «сломанный», «разбитый», «сокрушенный», «неровный», «бугристый», «бессвязный» — именно таким был Клут, прежде чем Сердце Лесов дало ему новую плоть. Имя героя (Cloot) — шотландское слово, означающее «раздвоенное копыто» — также, безусловно, отражает его внешность, а не нрав.

Гот (Goth) — «варвар», «изверг», что в точности соответствует характеру Инквизитора.

Кит Кайрус (Kyt Kyrus) . «Кит» — сокращенное от «Кристофер», то есть «Христофор». Происхождение этого имени весьма любопытно. Будучи человеком огромной силы Христофор (до крещения Офферус) решил служить самому могущественному господину на земле, но отчаялся в поисках. Однажды ему довелось переносить через глубокую реку странников, среди которых был младенец Христос. По мере того как он нес мальчика, тот становился все тяжелее. Когда Офферус стал жаловаться, мальчик сказал: «Ты несешь Меня, а Я несу на своих плечах все тяготы мира». Святого Христофора изображают с пальмовым посохом в руке, который покрывается листьями каждый раз, когда святой втыкает его в землю.

Клеффинго (Cleffingo) — можно перевести как «услышал звук камертона — и вперед» (Clef-in'-go; in по созвучию заменяет «and»).

Клук (Kloek) — голландское слово, означающее «крепкий, сильный, прочный, смелый, храбрый».

Локки (Locky) . По словам Фионы Макинтош, происходит не от имени скандинавского бога огня (это просто совпадение, на мой взгляд — очень удачное), а от шотландского «La-chlan».

Лэм Квин (Lam Qyn) . Имя отца Элиссы означает «совершить побег из тюрьмы», «уехать из гостиницы, не заплатив по счету», а также «бить кулаками», «пороть».

Меркуд (Merkhud) — включает слово «hud» — «оболочка, скорлупа»: намек на могучие силы, которые скрывает скромная внешность лекаря, а также на то, что в финале повести тело Меркуда становится временнымместилищем для души Тора.

Петир (Petir) . Имя-прозвище, происходящее от слова «pet» — любимчик, товарищ по играм.

Соррель (Sorrel) — «кислица», скромное, неприхотливое растение, которое растет почти без солнечного света, а также «гнедая лошадь»: возможно, в молодости Соррель была рыжей.

Торкин Гинт (Torkin Gynt) : «Тог» — пик. По утверждению автора, герой обязан своим именем Перу Гюнту, и его фамилия пишется точно так же, как фамилия героя пьесы Ибсена (Peer Gynt). Интересно, что в переводе с валлийского оно означает «прежний, былой».

Херек (Herek) . От «here» — «здесь», «в настоящий момент». Человек, который живет «здесь и сейчас», верный и исполнительный, но приземленный.

Что касается названия городов и деревень, то значение некоторых из них чрезвычайно важно, поскольку раскрывает смысл происходящего. Перевод на русский язык помогает избежать ненужных ассоциаций, которые вызывает звучание английских названий. Во всех остальных случаях английские названия сохранены.

Бекинсейл (Beckynsayle) . В этом названии ключевым является первый слог «Beck», который означает «манить; делать знаки рукой; подманивать птицу». Несомненно, его можно соотнести с выражением «to be at somebody's beck and call» — «быть всецело в чьем-либо распоряжении». Меркуду достаточно было поманить Тора — и он отправляется за ним, не подозревая, что попадет в ловушку.

Бревне, Хобб, Сэддлуорт. «Brewis»- «мясной бульон» или «кусочки хлеба в подливке». «Hobb» — от «hob», полка в камине для подогревания пищи; ступица колеса; полоз саней. «Saddleworth»- «добро, которое помещается в седельной сумке» (сравнить с пословицей «все свое ношу с собой»). Типичные названия ничем не выдающихся захолустных деревенок. У нас они назывались бы «Похлебкино», «Ступицы», «Сума».

Голдстоун (Goldstone) . Английское название авантюрина — красивого камня, который издревле считался волшебным: его отполированная поверхность играет золотыми и красноватыми искорками (другое его название — златоискр). Образ золотых искр и капель заставляет вспомнить сцены волшебства в Сердце Лесов.

Гладкий Луг (Flat Meadows) и Пустошная Топь (Malce Marsh). Эти названия олицетворяют жизнь, которую вели Тор и Элисса до встречи с Меркудом — скучную, сонную и однообразную. Тору, всеобщему любимцу, жилось привольно; что же касается его возлюбленной, она даже не пыталась вырваться из «болота», пока Соррель не объяснила ей, что ее отец вполне может позаботиться о себе.

Мятный Дол («Minstead Green», дословно — «Долина, где растет мята»). Перевод названия позволяет избежать слишком явных ассоциаций с реально существующей английской деревней Минстед (описанной Артуром Конан Дойлом в романе «Белый отряд»), и в то же время передает очарование, которым овеяно это место для Тора и Элиссы.

Твиффордская Переправа (Twyfford cross). «Twyfford» — видоизмененное

«twifold» («twofold»). Это означает «двойной», «состоящий из двух частей», «соединяющий два предмета», «свитый из двух нитей» Действительно, в этом месте заканчивается прежняя жизнь Тора и начинается другая. Другое значение слова — «колеблющийся, нерешительный», это можно сказать о жителях деревни, которые не осмелились вступить за девушку-Чувствующую, а также «фальшивый, лицемерный».

Хаттен (Hatten) — «город людей в шляпах», богатый и процветающий, где люди знают себе цену. А доктор может позволить себе такое чудо техники, как монокль!

Что касается остальных географических названий, то они, по словам Фионы Макинтош, звучат «ужасно по-английски» и служат для создания определенного колорита, а потому в переводе не нуждаются.

Татьяна Серебряная Фиона Макинтош

Родилась в 1960 г. в Брайтоне, но в детстве несколько лет провела в лагере золотодобытчиков Бибиани в Гане, куда уехал работать ее отец. Училась в Брайтоне. После школы работала в маленькой пиар-компании на Оксфорд-стрит в Лондоне. В 1980 году отправилась на отпуск в Сидней... и влюбилась в Австралию, которая вскоре стала ее домом. Ныне Фиона и ее муж Йен живут в Аделаиде со своими десятилетними сыновьями-близнецами Уиллом и Джеком, издают журнал «Travelnews Australia», посвященный туризму. Летом 2000 года, во время путешествия в Тасманию, Фиона Макинтош познакомилась с известным писателем Брайсом Кортни и, вдохновленная его поддержкой, начала работу над своей первой книгой — «Предательство».

Фиона — большая поклонница жанра фэнтези, среди ее любимых авторов Робин Хобб, Гай Гэвриэл Кей и Сара Дуглас. Сейчас писательница работает уже над третьей трилогией — «Першерон». Первая часть, «Одалиска», увидела свет в октябре 2005 года и сейчас занимает верхнюю строчку книжного хит-парада Австралии.

Предыдущие трилогии:

Триединство (Trinity):

1. Предательство (Betrayal, 2001)
2. Отмщение (Revenge, 2002)
3. Судьба (Destiny, 2002).

Оживление (Quickening):

1. Дар Миррен (Mytren's Gift, декабрь 2003)
2. Кровь и память (Blood and Memory, 2004)
3. Мост душ (Bridge of Souls, 2004).

События, описанные в этих шести книгах, разворачиваются, по сути, в одном мире. Фиона Макинтош не говорит об этом напрямую, но в тексте второй трилогии неоднократно встречаются намеки и указания, позволяющие сделать такой вывод. А первая встреча главных героев «Дара Миррен» происходит на свадьбе Лаурин, дочери Тора.